

Аннотация

Пер Валё (1926-1975) и Май Шеваль (р.1935) – известные шведские писатели. Большой популярностью во многих странах мира пользуется их многотомная серия детективных романов, в центре которых социальный и психологический анализ шведского общества шестидесятых годов. Русский читатель знаком с рядом романов из этой серии.

В настоящий сборник включены менее известные романы – "Розанн" (1965) и "Смеющийся полицейский" (1968), который был удостоен в Америке премии имени Эдгара По как лучший детективный роман года.

Главные герои обоих детективов – комиссар Мартин Бек, его помощник Леннарт Колльберг и их коллеги - с успехом расследуют сложнейшие загадочные преступления.

РОЗАНИ

I

Труп вытащили восьмого июля около трех часов дня. Он достаточно хорошо сохранился и наверняка пролежал в воде недолго.

То, что его вообще обнаружили, было чистой случайностью. То, что его нашли относительно быстро, оказалось весьма удачным и, конечно же, должно было помочь полиции при расследовании.

Пятнадцатиметровую разницу в уровнях между озерами Веттерн и Бурен компенсируют пять шлюзов. Внизу, перед воротами первого шлюза, имеется волнолом, своеобразный мол, защищающий камеру от ударов волн, которые поднимает восточный ветер на озере Бурен. Когда в тот год весной возобновилось судоходство по каналу, дно между первым шлюзом и волноломом начало заносить илом. Судам с трудом удавалось маневрировать, а винты поднимали со дна густые желто-серые тучи ила и грязи. Стало ясно, что придется что-нибудь предпринимать, и уже в мае управление канала потребовало у администрации водных путей землечерпалку. Письмо путешествовало от одного беспомощного чиновника к другому, пока наконец кто-то не переслал его в управление морского судоходства. В управлении морского судоходства решили, что эту работу должна провести одна из землечерпалок администрации водных путей, а администрация водных путей придерживалась мнения, что землечерпалки находятся в

ведении управления морского судоходства. В конце концов кто-то в отчаянии решил поручить все это дело дирекции порта в Норчёпинге, которая вернула письмо управлению морского судоходства, откуда его мгновенно переслали дальше в администрацию водных путей. Все кончилось тем, что кто-то поднял телефонную трубку и набрал номер одного инженера, специалиста по землечерпалкам. Коллеги за глаза называли его Грязнуля. Он как раз знал, что из пяти имеющихся землечерпалок только одна по габаритам сможет пройти через шлюзы, и что эта землечерпалка сейчас находится в рыбном порту Граварны. Утром пятого июля это плавучее средство прибыло в Буренсхульт, где немедленно стало объектом пристального наблюдения местной детворы и одного вьетнамского туриста.

Через час на палубе появился кто-то из управления канала и отдал экипажу необходимые распоряжения, что заняло некоторое время. Следующим днем была суббота, землечерпалку пришвартовали у волнолома, а экипаж разъехался на уик-энд по домам. Состав экипажа был обычным для этого типа землечерпалок: механик, он же рулевой и капитан в одном лице; экскаваторщик и помощник. Двое последних жили в Гётеборге и уехали домой вечерним поездом из Муталы, механик был из Накки, за ним на автомобиле приехала жена. В понедельник в семь утра все уже были на палубе и через час начали работу. Около одиннадцати трюм наполнился и землечерпалка выдвинулась на глубокое место, чтобы освободиться от груза. На обратном пути пришлось пропустить белый экскурсионный пароход, проплывающий по озеру Бурен в западном направлении. У поручней толпились иностран-

ные туристы и с энтузиазмом махали мужчинам на землечерпалке, сохраняющим каменные выражения на лицах. Пароход с туристами медленно поднимался по шлюзам к Мутале и озеру Веттерн, и к полудню вымпел на его мачте исчез за воротами последней камеры. Примерно в половине второго землечерпалка продолжила чистку дна.

Была прекрасная погода, тепло, время от времени дул нежный ветерок, по небу плыли белые летние облачка. На берегах канала и на волноломе собралось много народу. Большая часть загорала, кое-кто ловил рыбу, несколько человек глазели на землечерпалку. Ковш как раз набрал очередную порцию ила со дна озера Бурен и медленно выныривал из воды. Экскаваторщик автоматическими движениями двигал рычаги, механик пил кофе в каюте, а помощник стоял, опершись локтем о грязный поручень, и сплевывал в воду. Ковш медленно поднимался.

Когда он показался над поверхностью воды, какой-то мужчина на берегу встал и сделал несколько шагов к землечерпалке. Мужчина размахивал руками и что-то кричал. Помощник прислушался, но толком ничего не понял.

— В ковше кто-то есть! Остановитесь! Человек в ковше!

Помощник растерянно уставился на кричащего мужчину, потом посмотрел на ковш, который уже находился над трюмом и вот-вот должен был вывалить свое содержимое. Из ковша хлестала серо-грязная вода. В последнюю секунду экскаваторщик остановил его над трюмом. Наконец помощник заметил то, что еще раньше увидел мужчина на берегу. Между зубьями ковша торчала белая рука.

Прошло десять минут, каждая из которых была длинной и прозрачной, как стекло. Началось замешательство, на берегу кто-то снова и снова кричал:

– Ни к чему не прикасайтесь, ничего не трогайте до приезда полиции...

Механик вышел из каюты и приблизился к ковшу, потом вернулся в кабину и уселся за рычаги экскаваторщика. Он отвел стрелу и открыл ковш. Помощник и какой-то рыболов подхватили труп.

Это была женщина, она лежала на спине на расстеленной клеенке у самого края волнолома, а вокруг стояла испуганная толпа и смотрела на нее. В толпе были и дети, им не следовало бы это видеть, однако никто не решался их прогнать. Всех присутствующих объединяло нечто общее: они уже никогда не смогут забыть, как выглядела эта женщина.

Помощник экскаваторщика вылил на нее три ведра воды. Позже, когда полицейское расследование зайдет почти в тупик, многие будут вспоминать его за это недобрыми словами.

Женщина была голая, без всяких украшений. На груди и животе кожа более светлая: наверное, загорала в бикини. У нее был широкий таз и сильные бедра. Груды маленькие, чуть обвисшие, с большими темными сосками. От талии к бедру тянулся розоватый шрам, других шрамов и родимых пятен на гладкой коже не было. Руки и ноги маленькие, ногти не покрашены. Лицо опухло, трудно было представить себе, как она выглядела в действительности. Брови темные и густые, рот казался большим. Волосы черные, не очень длинные, облепили голову. Одна прядь обвилась вокруг шеи.

Мутала – типичный шведский городок средней величины. Он находится в Эстергётланде на северо-восточном берегу озера Веттерн и насчитывает 27.000 жителей. Самый высокий полицейский чин в городе – советник полиции, он же занимает должность общественного обвинителя. У него в подчинении имеется один комиссар полиции, возглавляющий службу охраны общественного порядка и уголовный розыск. Коллектив городской полиции, кроме них, состоит из старшего криминального ассистента двенадцатого класса, шести детективов и одной женщины. Один из детективов обучен фотоделу, а если возникает необходимость в проведении медицинского обследования, полиция, как правило, привлекает кого-нибудь из городских врачей.

Через час после объявления тревоги бóльшая часть местной полиции уже находилась на волноломе в Буренсхульте, недалеко от портового маяка. Вокруг трупы столпилось много народу, и команда землечерпалки уже не видела, что происходило дальше. Она оставалась на борту, а землечерпалка была пришвартована кормой к волнолому.

За полицейским оцеплением у пристани собралась огромная толпа, по крайней мере раз в десять больше, чем на волноломе. На противоположном берегу канала стояло несколько автомобилей, среди них четыре полицейских и одна санитарная машина с красным крестом на задних дверях. На подножке сидели двое мужчин в белых халатах и курили. Казалось, они единственные, кого совершенно не интересуется толпа у маяка.

На краю волнолома врач уже укладывал сумку и одновременно разговаривал с комиссаром, невысоким седоватым мужчиной по фамилии Ларссон.

– Ну, пока что я могу сказать не очень много.

– Нам оставить ее лежать здесь?

– Об этом мне следовало бы скорее спросить у вас, – ответил врач.

– Вряд ли преступление совершено именно здесь.

– Хорошо, в таком случае пусть ее отвезут в морг. Я вам позвоню.

Врач закрыл сумку и ушел.

– Ольберг, – сказал комиссар, – проследи, чтобы перекрыли весь округ.

– Да, конечно.

Стоящий у маяка советник полиции не проронил ни слова. Он не имел привычки вмешиваться в расследование, пока оно еще находилось на начальной стадии. Однако по пути в город он сказал комиссару:

– Ужасные синяки.

– Гм.

– Будешь меня регулярно информировать.

Ларссон не сделал попытки даже кивнуть.

– Поручаешь расследование Ольбергу?

– Ольберг хороший работник.

– Да, да, конечно.

Разговор закончился.

Они приехали, вышли из машины и разошлись по своим кабинетам.

Советник полиции позвонил окружному начальнику в Линчёпинге.

– Я подожду, пока мы будем знать больше, – сказал окружной начальник.

У комиссара состоялся краткий разговор с Ольбергом.

– Прежде всего нужно выяснить, кто она такая.

– Да, – сказал Ольберг.

Он пошел в кабинет, позвонил пожарным и попросил дать ему двух аквалангистов. Потом прочел дело о краже со взломом в припортовом квартале. Ну, тут скоро все выяснится. Ольберг встал и пошел в дежурную комнату.

– Есть заявление о том, что кто-либо пропал без вести?

– Нет.

– А в розыске никто не числится?

– Никого, похожего на нее, нет.

Ольберг вернулся в кабинет и принялся ждать.

Через пятнадцать минут зазвонил телефон.

– Придется произвести вскрытие, – сказал врач.

– Ее задушили?

– Думаю, что да.

– Изнасиловали?

– Вероятно.

Врач немного помолчал, потом добавил:

– Ну так как?

Ольберг грыз ноготь на указательном пальце. Он думал об отпуске, который должен был начаться в пятницу, и еще о том, в какой восторг от всего этого придет его жена.

Врач неправильно истолковал его молчание.

– Вас это удивляет?

– Нет, – сказал Ольберг.

Он положил трубку и зашел за Ларссоном. Вместе они отправились к советнику полиции.

Через десять минут советник полиции обратился в окружное управление с официальной просьбой о проведении судебно-медицинской экспертизы. Управление связалось с государственным институтом судебной медицины. Прозектором оказался семидесятилетний профессор. Он приехал ночным поездом из Стокгольма, прекрасно выспался и был в отличном настроении. Вскрытие профессор проводил восемь часов, практически без перерывов.

Закончив работу, он дал предварительное заключение: «Смерть наступила в результате удушения. Половые органы серьезно повреждены. Сильное внутреннее кровоотечение».

На письменном столе Ольберга начали понемногу накапливаться разные документы, связанные с расследованием этого дела. Все можно было выразить одной фразой: на дне канала возле шлюзов в Буренсхульте обнаружен труп женщины.

Ни в городе, ни в соседних полицейских округах не было зарегистрировано заявлений, что кто-то пропал без вести. Никто, соответствующий описанию мертвой женщины, в розыске не значился.

III

Было четверть шестого утра, шел дождь. Мартин Бек долго и тщательно чистил зубы, чтобы избавиться от свинцового привкуса во рту, и ему показалось, что это удается.

Потом он застегнул воротничок рубашки, повязал галстук и удрученно посмотрел на свое лицо в зеркало. Пожал

плечами и вышел в холл, а оттуда направился в комнату, где бросил страстный взгляд на модель учебного парусника, которую, пожалуй, даже чересчур долго собирал накануне вечером, и вошел в кухню.

Он ходил по квартире тихо, словно крадучись, отчасти по старой привычке, отчасти – чтобы не разбудить детей.

Уселся за кухонный стол.

– Газет еще нет?

– Почтальон никогда не приходит раньше шести, – ответила жена.

На дворе уже рассвело, однако небо было затянуто тучами, и в кухне царил полумрак. Жена не включила свет. Она говорила, что экономит.

Он открыл было рот, но так ничего и не сказал – разгорелась бы ссора, а для этого был неподходящий момент, ограничившись тем, что тихонько барабанил пальцами по столу и глядел на пустую чашку с орнаментом из синих розочек. На краю чашка была надколота, вниз тянулась рыжая трещина. Эта чашка провела с ними почти всю их супружескую жизнь. Больше десяти лет. Жена редко что-нибудь разбивает, и уж вовсе нет ничего, что нельзя было бы склеить. Самое удивительное, что дети тоже пошли в нее.

Неужели такие вещи передаются по наследству? Жена сняла с плиты кофейник и налила кофе.

– Может, тебе хочется поесть?

Он перестал барабанить по столу, пил осторожно, маленькими глоточками. Сгорбившись, с подавленным видом сидел за столом.

– Тебе следовало бы немного поесть, – сказала она.

– Ты ведь знаешь, что утром я не могу есть.

– Но ты должен поесть, – продолжила она. – Особенно, если учесть, какой у тебя желудок.

Он нащупал кончиками пальцев на своем лице несколько пропущенных волосков, которые не удалось сбрить; они были короткие и острые. Молча пил кофе.

– Я могла бы сделать хотя бы бутерброды, – сказала она.

Через пять минут он тихо поставил чашку, поднял глаза и посмотрел на свою жену.

На ней была нейлоновая ночная рубашка, а сверху – коричневый махровый халат. Она сидела, опершись локтями на стол и подперев ладонями подбородок. Его жена была блондинкой, со светлой кожей и круглыми, немного вытаращенными глазами. Брови она обычно красила, но за лето они выцвели и теперь были такими же светлыми, как и волосы. Она была старше его на пару лет, и, несмотря на то, что в последнее время начала полнеть, кожа у нее на шее уже увяла.

Еще до того, как двенадцать лет назад у них родилась дочь, она ушла из мастерской какого-то архитектора, а потом у нее уже не появлялось желания снова устроиться на работу. Когда сын пошел в школу, Мартин Бек предложил ей найти работу на неполный день, однако она считала, что это невыгодно. Кроме того, ей нравился комфорт, и существование просто в качестве домохозяйки вполне ее устраивало.

Мартин Бек встал и задвинул под стол синюю табуретку. Он по-прежнему все делал бесшумно. Подошел к окну, за которым моросил дождь.

За автостоянкой под травянистым склоном тянулась автострада, блестящая и пустынная. В высотных домах на холме за станцией метро кое-где светились окна. В низком сером небе кружилось несколько чаек, кроме них нигде не было ни души.

— Куда ты едешь? — спросила она.

— В Муталу.

— Надолго?

— Не знаю.

— Из-за той девушки?

— Да.

— Как ты думаешь, это займет много времени?

— Я знаю об этом столько же, сколько и ты. Не больше того, что было в газетах.

— А почему ты должен ехать поездом?

— Все уехали вчера. Я сначала вообще не должен был этим заниматься.

— Естественно, они обращаются с тобой как всегда. Он глубоко вздохнул и посмотрел в окно. Казалось, дождь понемногу прекращается.

— Где ты будешь жить?

— В городской гостинице.

— А кто будет работать с тобой?

— Колльберг и Меландер. Я уже сказал тебе, что они уехали вчера.

— На автомобиле?

— Да.

— А тебе придется трястись во втором классе?

— Да.

Стоя к ней спиной, он слышал, как она встает и опо-

ласкивает чашку с синими розочками и надколотым краем.

– Мне нужно на этой неделе заплатить за электричество и занятия ребенка верховой ездой в манеже.

– Может, тебе хватит денег?

– Ты прекрасно знаешь, что я не могу снимать с книжки.

– Да, я забыл.

Он вынул из кармана бумажник и открыл его.

Вытащил банкнот в сто крон, посмотрел на него, сунул обратно и вернул бумажник в карман.

– Я ужасно не люблю снимать деньги с книжки, – вздохнула она, – стоит только снять один раз и это будет началом конца.

Он снова вытащил сотенную, сложил ее, повернулся и положил на кухонный стол.

– Я упаковала тебе чемодан, – сказала она.

– Спасибо.

– И помни о своем горле. Погода в это время года коварная, особенно по ночам.

– Да.

– А этот отвратительный пистолет ты, конечно, потащишь с собой?

«Нет... да, сегодня как и всегда», – подумал Мартин Бек.

– Чему ты улыбаешься? – спросила она.

– Да так, ничему.

Он пошел в комнату, открыл ящик секретера и взял пистолет. Сунул его во внутренний карман на крышке чемодана и закрыл чемодан.

Это был обыкновенный девятимиллиметровый брау-

нинг модели 07, которые изготавливают по лицензии на оружейном заводе в Хускварне. Оружие не из лучших. Кроме того, стреляет Бек очень плохо.

Он вышел в прихожую и надел непромокаемый плащ. Молча стоял с черной шляпой в руке.

– Ты не попрощаешься с Рольфом и малышкой?

– Называть двенадцатилетнюю девушку малышкой смешно.

– Мне так нравится.

– Зачем их будить... Они ведь знают, что я уезжаю.

Он надел шляпу.

– Ну пока. Я позвоню.

– Пока. Следи за собой.

Он ждал на платформе поезд и думал о том, что нет ничего страшного, что ему придется уезжать из дому, хотя он и не успел доделать паруса на модели учебного парусника.

Мартин Бек не был начальником отдела расследования убийств, и даже во сне никогда не представлял себе, что когда-нибудь может им стать. Более того, иногда он серьезно сомневался, удастся ли ему вообще дотянуть до комиссара полиции, хотя помешать ему в этом могла лишь собственная смерть или тяжелый служебный проступок. Он был старшим криминальным ассистентом и уже восемь лет работал в отделе расследования убийств. Многие считали его самым способным следователем во всей Швеции.

Половину всей своей жизни Мартин Бек прослужил в полиции. В возрасте двадцати одного года он начал службу в полицейском участке округа Якоб в центре Стокгольма. Прослужив шесть лет патрульным в разных полицейских

округах Стокгольма, выдержал экзамен в полицейскую школу. Он был одним из лучших учеников и по окончании курса стал криминальным ассистентом. Тогда ему было двадцать восемь лет.

Годом раньше у него умер отец. Чтобы иметь возможность помогать матери, Мартин Бек съехал с комнаты в округе Клара в центре города и вернулся в квартиру своих родителей в Сёдермальме, откуда до центра было намного дальше. В то лето он познакомился со своей женой. Она вместе с подругой снимала домик на одном из островков в морском заливе недалеко от Стокгольма, а он в один прекрасный день случайно причалил там на своей байдарке. Она ему очень понравилась, и осенью, когда они уже ждали ребенка, в ратуше состоялась свадьба и Бек переехал в ее квартиру на острове Кунгсхольмен.

Когда дочке исполнился годик, от веселой, живой девушки, в которую он влюбился, уже почти ничего не осталось, и их супружеская жизнь понемногу стала серой и будничной.

Мартин Бек сидел на диванчике из зеленой кожи, которой обтянуты сиденья в поездах стокгольмского метро, и смотрел в залитое дождем окно, тупо и неприязненно размышлял о своей супружеской жизни, но когда понял, что начинает себя жалеть, тут же вытащил из кармана газету и попытался сосредоточиться на передовице.

Он выглядел уставшим, серый утренний свет отбрасывал на его загорелое лицо мертвенную тень. У него было худое лицо, высокий лоб и могучий подбородок. Губы под коротким прямым носом длинные и узкие, от их уголков тянулись две глубокие морщины, а при улыбке были видны

белые здоровые зубы. Темные прямые волосы зачесаны гладко назад, они еще не начали седеть. Голубые глаза смотрели открыто и спокойно. Он был худощав, не очень высок и слегка сутулился. Некоторым женщинам он очень нравился, но большинству его внешность казалась самой рядовой. Одевался он не броско, а скорее даже чересчур скромно.

Воздух в вагоне был неподвижный и затхлый; Беку казалось, что его желудок как бы плавает в воде, – в метро это случалось с ним достаточно часто. Когда поезд подъехал к станции, откуда надо было подниматься на Главный вокзал, Бек уже стоял в дверях с чемоданом в руке. Он не любил ездить в метро, но к автомобилям чувствовал еще большее отвращение и, когда у него была хорошая тихая комната в центре города, ему совсем не нужно было пользоваться этим видом транспорта.

Скорый поезд в Гётеборг отъезжал с Главного вокзала в половине восьмого. Мартин Бек специально пролистал всю газету, но об убийстве не нашел ни слова. Он вернулся к рубрике «Культура» и начал читать статью об антропософе Рудольфе Штейнере¹, но еще в городе уснул над ней. Проснулся он вовремя и успел пересест в Халльсберге. Свинцовый привкус во рту появился снова, Бек выпил три стакана воды, но избавиться от него так и не смог.

В Муталу он приехал в половине одиннадцатого, дождь уже прекратился. Бек был здесь впервые; в вокзальном киоске он купил пачку сигарет «Флорида», местную газету и поинтересовался, как пройти к городской гостинице.

¹ Штейнер Р. (1861–1925) – основатель антропософии – учения о путях освобождения скрытых духовных сил человека (здесь и далее – прим. пер.).

Гостиница находилась на главной городской площади, в нескольких кварталах от вокзала. Короткая прогулка немного взбодрила Бека. В гостинице он вымыл руки и выпил бутылку минеральной воды, которую купил у швейцара. Несколько минут стоял у окна и разглядывал площадь со статуей, изображающей, как ему казалось, очевидно, Балтазара фон Платена². Потом он направился в полицейский участок. Плащ надевать не стал, потому что участок находился на противоположной стороне улицы.

У входа он назвал свое имя дежурному, и тот направил его в кабинет на первом этаже. На двери висела табличка с надписью «Ольберг».

Мужчина, сидящий за письменным столом, был широкоплечий, коренастый, уже начавший лысеть. Синий пиджак он повесил на спинку стула и пил кофе из бумажного стаканчика. На краю полной окурков пепельницы медленно догорала сигарета.

У Мартина Бека была привычка проскальзывать в дверь незаметно, что многим действовало на нервы. Некоторые коллеги утверждали, что он обладает умением оказываться в комнате одновременно со стуком снаружи в закрытую дверь.

Мужчина за письменным столом тоже казался несколько ошеломленным, он поставил бумажный стаканчик на стол и поднялся.

– Меня зовут Ольберг.

Он вел себя выжидательно. Мартин Бек видел это и

² *Балтазар фон Платен* (1766–1829) – шведский граф, создатель крупнейшего в Швеции Гёта-канала. Похоронен недалеко от г. Мутала на берегу Гёта-канала. Сооружен памятник в г. Мутала.

знал, почему он так поступает. Бек – специалист из Стокгольма, а мужчина за столом провинциальный полицейский, который не знает, как себя дальше вести. Последующие две минуты могут оказаться решающими для их дальнейшего сотрудничества.

– Не возражаешь, если мы будем на ты? Как тебя зовут по имени? – спросил Мартин Бек.

– Гуннар.

– Чем занимаются Колльберг и Меландер?

– Не имею понятия. Вернее, не помню.

– Они, наверное, выглядели так, словно собирались разделаться с этим делом в два счета?

Ольберг пригладил редющие волосы, потом криво ухмыльнулся и сел во вращающееся кресло.

– Примерно так, – кивнул он. Мартин Бек уселся напротив, вынул сигареты и положил их перед собой на стол.

– Ты выглядишь уставшим, – сказал он.

– У меня накрывается отпуск.

Ольберг опорожнил бумажный стаканчик, смял его и бросил под стол, ухитрившись при этом попасть в корзину.

На письменном столе был ужасный беспорядок. Мартин Бек вспомнил свой собственный стол в полицейском участке округа Кристинеберг. Тот выглядел совершенно по-другому.

– Ну, – сказал Бек, – есть какие-нибудь новости?

– Абсолютно никаких, – ответил Ольберг. – Прошла уже неделя, а нам по-прежнему не известно ничего, кроме того, что сказали врачи.

По старой привычке он перешел на официальный тон.

– Смерть наступила в результате удушения. Имеются признаки грубого изнасилования. Преступник очень жестокий. Возможно, сексуальный маньяк.

Мартин Бек рассмеялся и встретил недоумевающий взгляд Ольберга.

– Ты сказал: «Смерть наступила...» Я тоже иногда так выражаюсь. Что ни говори, а нам все-таки приходится писать слишком много официальных служебных документов.

– Это плохо. – Ольберг вздохнул и почесал голову. – Мы выловили ее восемь дней назад, – сказал он, уставившись в стол, – и до сих пор не продвинулись ни на сантиметр. Не знаем, кто она такая, у нас нет ни одного подозреваемого и нам не известно, где это произошло. Мы не нашли ничего, что бы имело к ней хотя бы какое-нибудь отношение, абсолютно ничего.

IV

– Смерть наступила в результате удушения, – повторил Мартин Бек.

Он сидел за столом и рассматривал фотографии, которые Ольберг выгреб из кучи бумаг. На фотографиях были изображены шлюз, труп на клеенке и на столе в морге.

Мартин Бек положил фотографию, которую держал в руке, перед Ольбергом и сказал:

– Нужно обрезать и немного подретушировать это фото, здесь она выглядит получше. Потом придется обойти один дом за другим. Если она местная, должен же кто-нибудь ее узнать. Сколько человек ты можешь для этого выделить?

– Максимум троих, – сказал Ольберг. – Нас тут слишком мало. Трое в отпуске, а один в больнице со сломанной ногой. Кроме советника полиции, Ларссона и меня, в полицейском участке восемь человек.

Он посчитал на пальцах.

– Да, в том числе одна женщина. К тому же кто-то должен заниматься и текущими делами.

– В худшем случае нам придется тоже подключиться. Это займет кучу времени. Кстати, а как тут у вас обстоят дела с разными извращенцами, маньяками?

Ольберг задумчиво постукивал по зубам карандашом. Потом он выдвинул ящик письменного стола и достал оттуда лист бумаги.

– Одного мы допросили. Его задержали позавчера в Линчёпинге, но у него есть алиби на всю неделю. Это донесение от Блумгрена, он занимался всеми лечебницами.

Бумагу Ольберг положил в зеленую папку.

Минуту они сидели молча. У Мартина Бека начал побаливать желудок, он вспомнил вечные разговоры жены о регулярном питании. Вот уже почти двадцать четыре часа, как он ничего не ел.

Воздух в кабинете был тяжелым, почти осязаемым. Ольберг встал и открыл окно. Где-то рядом работало радио, и они слышали сигналы точного времени.

– Час дня, – сказал Ольберг. – Если хочешь есть, я могу попросить, чтобы нам что-нибудь принесли. Лично я голоден, как волк.

Мартин Бек кивнул, и Ольберг поднял трубку. Через минуту раздался стук в дверь, вошла девушка в синем халатике и красном фартуке и принесла поднос с едой.

Мартин Бек съел бутерброд с ветчиной и выпил несколько чашек кофе.

– Как, по твоему мнению, она туда попала? – спросил он.

– Не знаю. Днем у шлюзов всегда много народу, вряд ли это могло произойти среди бела дня. Возможно, ее бросили в воду с берега или волнолома, а завихрения от пароводных винтов утащили ее дальше от берега. Ее могли сбросить в воду и с судна.

– Какие суда проплывают через эти шлюзы? Небольшие грузовые суда и частные яхты?

– Яхты тоже, но их немного. В основном грузовые. Пароходы. Ну и, естественно, экскурсионные пароходики «Диана», «Юнона» и «Вильгельм Там»³.

– Может, поедem к шлюзам? – предложил Мартин Бек.

Ольберг встал, взял отобранную Беком фотографию и сказал:

– Поедем. По дороге я отдам это фото в лабораторию.

Было уже почти три часа, когда они вернулись из Буренсхульты. В шлюзах было оживленное движение, и Мартин Бек предпочел остаться на берегу, чтобы, среди отдыхающих и рыбаков, наблюдать за судами.

Он поговорил с экипажем землечерпалки, побывал на самом конце волнолома и долго разглядывал шлюз. По озеру Бурен шла галсами яхта с маленьким парусом, и Бек сразу с тоской вспомнил свою байдарку, которую продал несколько лет назад. На обратном пути в город он молча

³ Там Вильгельм (1839–1911) – шведский инженер и промышленник, директор военного завода в г. Хускварна; широко вводил передовую технологию и новые методы организации труда рабочих.

сидел в автомобиле и вспоминал, как в доброе старое время летом уезжал из Стокгольма в морской залив и плавал между островами.

У Ольберга на столе уже лежало восемь свежих копий из фотолаборатории. Фотограф отретушировал снимок, и лицо девушки выглядело так, словно она живая. Ольберг просмотрел фотоснимки, четыре копии положил в зеленую папку и кивнул.

— Хорошо, я дам их ребятам, и они сразу смогут этим заняться.

Когда он через минуту вернулся, Мартин Бек стоял у стола и поглаживал пальцем кончик носа.

— Мне нужно позвонить, — сказал он.

— Можешь зайти в кабинет в конце коридора.

Этот кабинет был больше, чем у Ольберга, с двумя окнами. Здесь стояли два письменных стола, пять стульев, два металлических ящика и маленький столик со старой, выдавшей виды пишущей машинкой.

Мартин Бек сел за один из столов, положил перед собой сигареты и спички, открыл зеленую папку и стал просматривать документы. Ему не удалось выудить из них больше того, что он уже знал из разговора с Ольбергом.

Через полтора часа у него кончились сигареты. За это время он позвонил в несколько мест без всякого результата и поговорил с советником полиции и комиссаром Ларссоном; оба выглядели уставшими и подавленными. В тот момент, когда он сминал в руке пустую коробку из-под сигарет, позвонил Колльберг.

Через десять минут они встретились в гостинице.

— Ну и задал ты нам работенку. Хочешь кофе?

– Нет, спасибо. Чем ты занимался с утра?

– Побывал в редакции местной газеты и поговорил с одним редактором в Буренсберге. Он был убежден, что держит в руках сенсацию. Дело в том, что в Буренсберге десять дней назад должна была приступить к работе на новом месте одна девушка из Линчёпинга, однако она так и не появилась. Похоже, накануне она выехала из Линчёпинга и с тех пор как в воду канула. Однако никого эти не встревожило, так как известно, что она особа ненадежная. Тот газетчик знаком с ее шефом и решил провести собственное расследование, однако ему не пришло в голову поинтересоваться, как, собственно, выглядит эта девушка. Я поинтересовался; естественно, это не она. Это толстая блондинка, она еще не объявилась. Так и потратил целый день.

Он вытянул ноги, оперся на спинку стула и принялся ковыряться зубочисткой во рту.

– А чем мне заниматься теперь?

– Ольберг отправил своих людей поговорить с местными жителями, будет неплохо, если ты им поможешь. Когда появится Меландер, мы все обсудим с господином советником и Ларссоном. Зайди к Ольбергу, он скажет, что ты должен делать.

Колльберг допил кофе и встал.

– Ты тоже идешь? – спросил он.

– Нет, не сейчас. Скажи Ольбергу, что он найдет меня в гостинице, если что-нибудь понадобится.

В гостиничном номере Мартин Бек снял пиджак, разулся, развязал галстук и уселся на постель.

Погода улучшилась, на небе были редкие белые облачка. Комнату освещало послеполуденное солнце.

Мартин Бек встал, приоткрыл окно и задернул тонкие занавески, затем прилег на постель, засунул ладони под голову.

Думал он о девушке, лежавшей в иле озера Бурен.

Он закрыл глаза и увидел ее перед собой такой, какой она была на фотографии. Голая, узкие плечи и черные волосы, обвившиеся вокруг шеи.

Кто она, о чем думала, как жила? С кем встречалась?

Она была молодая и – в этом он был уверен – красивая. Наверняка она кому-то нравилась. Кто-то был близок с ней, а теперь думает о том, что с ней что-то случилось. Должны ведь быть у нее друзья, коллеги, родственники, возможно, братья или сестры. Никто, тем более молодая, красивая женщина, не может быть настолько одинокой, что ее отсутствие останется совершенно незамеченным и не встревожит ни одного человека.

Мартин Бек долго думал над тем, почему ее никто не разыскивал. Ему было жаль эту девушку, потому что никто не заметил ее исчезновения, и он не понимал почему. Возможно, она сказала, что куда-то уезжает? В этом случае может пройти много времени, прежде чем люди задумаются, не случилось ли с ней что-нибудь. Все дело в том, когда это произойдет.

V

Была половина двенадцатого дня, Мартин Бек находился в Мутале третьей сутки. С самого раннего утра он уже работал, хотя, насколько он мог судить, все это было ни к чему. Сейчас Мартин Бек сидел за маленьким письменным

столом и перелистывал записную книжку. Несколько раз он протягивал руку к телефону: ему казалось, что надо бы позвонить домой, но каждый раз это как-то не получалось.

Не получалось вообще ничего.

Он взял шляпу, запер дверь и медленно спустился вниз по лестнице. Диванчики в холле гостиницы полностью оккупировали газетчики, на полу лежали две сумки с кинокамерами и два перевязанных ремнями штатива. У входа, стоя под стенкой, курил один из фотографов. Фотограф был молод, сигарета торчала у него изо рта, он поднял фотоаппарат к глазам и глядел в видоискатель.

Проходя мимо газетчиков, Мартин Бек опустил шляпу на лоб, ссутулился еще больше чем обычно и ускорил шаг. Сделал он это чисто автоматически, однако было здесь и что-то театральное. Один из журналистов спросил с неожиданно кислым видом:

– Послушайте, так сегодня вечером состоится ужин с отделом расследования убийств или нет?

Мартин Бек что-то пробормотал, сам не зная что, и направился к выходу. Еще не успев открыть дверь, он услышал слабый щелчок: фотографу все-таки удалось сделать снимок.

Он вышел из гостиницы и почти побежал по тротуару, но как только исчез из поля зрения журналистов, в нерешительности остановился и простоял секунд десять. Бросил окурки в водослив у тротуара, пожал плечами и направился к такси. Откинувшись на заднем сиденье, тер правым указательным пальцем кончик носа и украдкой поглядывал в сторону гостиницы. Из-под полей шляпы он видел газетчика, который в холле обратился к нему с во-

просом. Теперь этот репортер стоял у входа и смотрел на такси. Продолжалось это не больше минуты, потом он тоже пожал плечами и вернулся в гостиницу.

Пресса и сотрудники отдела расследования убийств частенько жили под одной крышей, и когда полиции везло и расследование быстро заканчивалось, устраивали, как правило, общий ужин, во время которого в основном пили пиво. Со временем это стало своеобразной традицией. Мартину Беку она не слишком была по душе, однако большинство его коллег придерживались иного мнения.

Хотя двухдневное пребывание в Мутале ничего не дало, однако в городе Бек уже кое-как ориентировался; по крайней мере, знал названия улиц. Престгатан, Дроттнинггатан, Остермальм, Буренсгатан, и вот он уже на месте. Попросил водителя остановиться у моста, расплатился и вышел из машины. Подошел к перилам моста, облокотился на них и посмотрел вниз на канал с крутыми зелеными берегами, похожими на лестницы. Внезапно он вспомнил, что забыл попросить шофера написать в квитанции, откуда и куда тот его вез. Если вписать самому, могут возникнуть неприятности с бухгалтерией. Лучше всего впечатать на пишущей машинке, это обычно вызывает доверие.

Он все еще размышлял над этим, идя по тропинке на северном берегу канала к расположенному ниже озеру Бурен.

Утром несколько раз шел дождь, воздух был свежим и чистым. Мартин Бек остановился на крутом склоне, сделал глубокий вдох и почувствовал влажный аромат луговых цветов и мокрой травы. Этот запах напомнил ему детство,

когда сигаретный дым, вонь выхлопов и аллергическая слизистая еще не лишили его обоняния. О своем детстве он вспомнил как об очень далеком прошлом.

Мартин Бек миновал все пять шлюзов и пошел дальше вдоль пристани. Между волноломом и первой шлюзовой камерой собралось несколько небольших судов, а на озере Бурен плавала пара яхт. Метрах в пятидесяти от конца мола громыхала и пыхтела землечерпалка. Над ней, как дозорные, большими кругами лениво летали несколько чаек. Видно было, как они вытягивают головы то в одну, то в другую сторону, напряженно ожидая, что поднимет со дна ковш. Бдительность и наблюдательные способности чаек были достойны удивления, так же как их терпение и оптимизм. Они напоминают Колльберга и Меландера, подумал Мартин Бек. Дойдя до конца волнолома, он остановился. Так, значит, она лежала здесь. По крайней мере, здесь положили обезображенное тело на клеенку, практически на всеобщее обозрение. Через несколько часов двое санитаров с носилками увезли ее, а еще через некоторое время один пожилой господин, специалист по таким делам, разрезал тело и копался в нем, а потом зашил для приличия; наконец все кончилось в холодильнике морга. Сам Мартин Бек мертвого тела не видел. Что ж, спасибо хотя бы за это.

Он вдруг осознал, что стоит, заложив руки за спину, и покачивается с пятки на носок и обратно. Это была его старая привычка, приобретенная еще в давние времена патрульной службы, ужасная привычка, от которой он никак не мог избавиться. Он стоял и смотрел себе под ноги на серый волнолом, с которого дождь давно смыл меловые линии, нанесенные в первые минуты расследования. Оче-

видно, он стоял долго, потому что вокруг произошли кое-какие изменения. Появилось и быстро приближалось белое экскурсионное судно. Когда оно проходило мимо землечерпалки, с палубы на нее уставились несколько объективов. Механик, в свою очередь, вышел из рубки и сфотографировал судно. Мартин Бек провожал судно взглядом и заметил несколько отталкивающих подробностей. У суденышка были красивые гладкие линии, но мачту обрезами, а вместо высокой, прямой трубы поставили какую-то странную жестянку, напоминающую шляпу. Внутри судна, где должна была ритмично работать почтенная паровая машина, урчало нечто, по всей вероятности, представляющее из себя обычный дизель. На палубе толпились туристы, почти все пожилые или среднего возраста, и почти у всех на головах были соломенные шляпы с цветными ленточками.

Теплоход назывался «Юнона». Бек вспомнил, что ему рассказывал Ольберг при их первой встрече.

На волноломе и по берегам канала постепенно собралось много людей. Некоторые ловили рыбу, другие загорали, но большинство наблюдало за теплоходом. Впервые за несколько часов у Мартина Бека появилась потребность что-то сказать.

— Он всегда проплывает здесь в это время?

— Ага, когда идет из Стокгольма. Сейчас у нас... Да, половина первого. Тот, что идет в противоположном направлении, проплывет позже, после четырех. Они встречаются в Вадстене, там же и причаливают.

— Так много народу, я имею в виду здесь, на берегу.

— Они приходят посмотреть на судно.

– И их всегда так много?

– Как правило.

Мужчина, с которым разговаривал Бек, вынул изо рта трубку и сплюнул в воду.

– Развлечение все-таки, – обронил он. – Стоять и глядеть на туристов.

Возвращаясь вдоль канала, Мартин Бек еще раз прошел мимо маленького экскурсионного теплохода. Он мирно покачивался в третьей шлюзовой камере. Часть туристов сошла на берег, одни фотографировали судно, другие сгрудились вокруг киоска на берегу, покупали вымпелы, открытки и пластмассовые сувениры, наверняка изготовленные в Гонконге.

Мартин Бек не стал убеждать себя в том, что у него мало времени, и привычное уважение к государственному бюджету заставило его вернуться в город автобусом.

Журналистов в холле гостиницы уже не было. У портье никаких сообщений для Бека не оказалось. Он поднялся к себе в номер и сел за стол у окна с видом на площадь. Собственно, следовало бы сходить в полицию, но он уже был там дважды этим утром.

Через полчаса он позвонил Ольбергу.

– Это ты? Хорошо, что ты позвонил. Приехал окружной начальник.

– Ну и что?

– В шесть он хочет устроить пресс-конференцию. Сильно озабочен.

– В самом деле?

– Он хочет, чтобы ты там тоже присутствовал.

– Хорошо, я приду.

– Ты приведешь Колльберга? Я не успел ему сказать.
– Где Меландер?
– Отправился с моими ребятами проверить одно заявление, которое мы получили.
– Что-то серьезное?
– Не очень.
– А все-таки...
– Нет. Окружной начальник побаивается журналистов. Извини, у меня тут звонит второй телефон.
– Хорошо, до встречи.

Мартин Бек угрюмо докурил сигарету. Потом посмотрел на часы и вышел в коридор. Остановился у третьей двери, постучал и по привычке беззвучно и быстро скользнул внутрь.

Колльберг лежал на постели и читал вечерний выпуск газеты. Он был в носках, без пиджака и с расстегнутым воротничком рубашки. Служебный пистолет валялся на ночном столике, завернутый в галстук.

– Да, сегодня мы уже скатились на двенадцатую страницу, – рассмеялся он. – Нелегко им, бедняжкам.

– Кому?

– Репортерам. «Мрачной тайной покрыто дьявольское убийство молодой женщины в Мутале. Не только местная полиция, но и опытные столичные детективы из отдела расследования убийств бродят в крошечной тьме». Не понимаю, кому все это нужно.

Колльберг был толстый, выглядел беззаботным и дружелюбным, что уже привело многих к роковым ошибкам.

– «Сначала создалось впечатление, что речь идет о рядовом преступлении, однако потом оказалось, что все не

так просто. Отдел расследования убийств слишком скуп информирован, однако известно, что он разрабатывает несколько версий. Голая красавица в озере Бурен...» Да идите вы знаете куда...

Он быстро дочитал статью и бросил газету на пол.

— О Господи, красавица. Обыкновенная девушка с ногами в форме буквы Х, большим задом и маленькой грудью.

Мартин Бек поднял газету и рассеянно ее перелистывал.

— Что ты делал после обеда?

— А ты как думаешь? Ходил по домам. Допросил пятнадцать человек и чуть не свихнулся. Каждый говорит что-то другое, никто ничего толком не видит. Один начинает рассказывать, что видел в доме одноглазую кошку, другому мерещатся сразу три трупа и бомба с часовым механизмом. Никто ничего не знает.

Мартин Бек ничего не сказал. Колльберг вздохнул.

— Неплохо было бы иметь для такого дела бланки, — заявил он. — Мы бы могли сэкономить восемьдесят процентов времени.

— Гм.

Мартин Бек рылся в карманах.

— Я некурящий, как тебе известно, — ехидно ухмыльнулся Колльберг.

— Через полчаса окружной начальник собирает пресс-конференцию. Хочет, чтобы мы тоже присутствовали.

— О Господи, ну и цирк предстоит! — Он показал на газету и сказал:

– А что, если мы сами начнем задавать вопросы газетчикам? Тут вот один уже четыре дня утверждает, что утром преступника арестуют. А девушка выглядит попеременно то как Анита Экберг, то как Софи Лорен.

Он сел на постель, застегнул воротничок рубашки и начал обуваться.

Мартин Бек подошел к окну.

– Сейчас пойдет дождь.

– Я бы не сказал, что меня это удивит. – Колльберг зевнул.

– Ты устал?

– Я спал сегодня два часа. Лунной ночью пришлось прогуливаться в лесочке и искать того типа, который сбежал из психиатрической больницы.

– Ага, понятно.

– Ну вот. И только после того, как мы пробродили там почти семь часов, нам решили сообщить, что наши дорогие коллеги из округа Клара задержали его позавчера вечером в Стокгольме у самого королевского дворца.

Колльберг надел пиджак и положил пистолет в карман. Он быстро взглянул на Мартина Бека и покачал головой.

– Ты тоже сегодня какой-то грустный. Что-то случилось?

– Ничего особенного.

– В таком случае, вперед. Вся пресса мира ждет нас.

В кабинете, где должна была проходить пресс-конференция, уже собралось около двадцати репортеров. Кроме них, здесь присутствовали окружной начальник, советник полиции и Ларссон, а также телеоператор с двумя софитами. Ольберг отсутствовал. Окружной

начальник сидел за столом и задумчиво рылся в каких-то папках. Остальные большей частью стояли. Стульев не хватало. Все одновременно разговаривали. Комната была маловата, воздух ухудшался с каждой минутой. Мартин Бек ненавидел давку и пристроился у стенки так, чтобы оказаться не среди тех, кто станет задавать вопросы, но и не с теми, кто должен будет на эти вопросы отвечать.

Прошло несколько минут, окружной начальник повернулся к советнику полиции и что-то ему сказал. Советник в свою очередь повернулся к Ларссону и произнес прекрасным суфлерским шепотом, который перекрыл шум всех разговоров в комнате:

– Черт возьми, где Ольберг?

Ларссон поднял телефонную трубку, и через сорок секунд примчался Ольберг. Глаза у него были красные, он вспотел и еще в дверях воевал с пиджаком, не успев в спешке его надеть.

Окружной начальник встал и слегка постучал по столу авторучкой. Это был долговязый красавчик, одетый с легкой претензией на элегантность.

– Господа, мне очень приятно, что на нашу импровизированную пресс-конференцию прибыло так много представителей прессы, а также других средств массовой информации, радио и телевидения.

Он слегка поклонился телеоператору, наверняка единственному из всех, кого он узнал.

– С удовлетворением могу заявить, что об этом трагическом и... я бы сказал, деликатном событии вы писали в соответствующем духе. К сожалению, имеются и исключения – погоня за сенсациями, ненужные домыслы, в то время как речь идет о таком... деликатном деле, как...

Колльберг зевнул во весь рот и даже не попытался прикрыться рукой.

– Все вы понимаете, что эта информация – надеюсь, мне не придется в дальнейшем это подчеркивать, – в высшей степени деликатная и...

С противоположной стороны переполненного кабинета Ольберг глядел на Мартина Бека голубыми глазами, полными меланхолии и понимания.

– ...и именно поэтому... вопросы должны быть особо... деликатными.

Окружной начальник все говорил и говорил. Мартин Бек заглядывал через плечо репортеру, сидящему перед ним, и видел, как у того в блокноте вырастает огромная разукрашенная звезда. Телеоператор вяло висел на своем штативе.

– ...а мы не будем и не хотим скрывать, что будем благодарны за любую помощь в расследовании этого... деликатного дела. Если быть кратким, мы хотим, чтобы нам подал руку помощи наш великий детектив – общественность, как выражаемся мы в полиции.

Колльберг зевал. Ольберг, казалось, вот-вот придет в отчаяние.

Мартин Бек принялся рассматривать присутствующих. Трех журналистов он знал, это были пожилые люди из Стокгольма; через минуту он узнал еще несколько человек. Большинство журналистов были людьми молодыми.

– Господа, результаты всего расследования вплоть до настоящей минуты полностью в вашем распоряжении, – заключил наконец окружной начальник и сел.

Больше ему, очевидно, сказать было нечего. На во-

просы сначала отвечал Ларссон. Бóльшую часть вопросов задавали три молодых репортера, все время перебивая отвечающего и друг друга. Мартин Бек обратил внимание, что большинство журналистов сидит молча и вообще не делает никаких записей. Он подумал, что их отношение к людям, проводящим расследование, основано на понимании и сочувствии. Фотографы зевали. В комнате из-за табачного дыма уже почти ничего не было видно.

Вопрос: Почему до сих пор не было ни одной пресс-конференции?

Ответ: Сотрудники, ведущие расследование, очень перегружены. Кроме того, публикация некоторых подробностей могла бы затруднить расследование.

Вопрос: Будет ли кто-либо арестован в ближайшее время?

Ответ: Не исключено, однако на данной стадии, к сожалению, мы не можем сказать ничего определенного.

Вопрос: Имеется ли у вас какая-нибудь версия?

Ответ: Мы можем сказать лишь то, что расследование идет точно по плану.

(После этой ошеломляющей серии полуправды комиссар уставился на окружного начальника, однако тот сосредоточенно изучал свои отполированные ногти.)

Вопрос: Некоторых из моих коллег подвергли критике. Полиция полагает, что эти коллеги умышленно или неумышленно исказили факты?

(Этот вопрос задал репортер с буйным воображением, чьи статьи произвели столь глубокое впечатление на Колльберга.)

Ответ: К сожалению, да.

Вопрос: Не произошло ли это потому, что полиция оставила нас, журналистов, без какой-либо достоверной информации? Причем сделала это нарочно, чтобы эту информацию мы добывали сами?

Ответ: Гм, гм.

(Некоторые менее болтливые репортеры начали уже проявлять признаки отвращения к происходящему.)

Вопрос: Вы идентифицировали жертву?

(Комиссар Ларссон быстро взглянул на Ольберга и предоставил право ответа ему. Потом сел и демонстративно вынул из кармана сигару.)

Ответ: Нет.

Вопрос: Можно ли предположить, что она из Муталы или окрестностей?

Ответ: Нет, вряд ли.

Вопрос: Почему?

Ответ: Потому, что в этом случае мы бы наверняка смогли установить ее личность.

Вопрос: Только ли по этой причине вы полагаете, что она приезжая?

(Ольберг тупо уставился на комиссара, тот целиком был поглощен своей сигарой.)

Ответ: Да.

Вопрос: Дал ли какие-либо результаты осмотр дна озера и волнолома?

Ответ: Мы обнаружили целый ряд предметов.

Вопрос: Имеют ли эти предметы связь с преступлением?

Ответ: На это трудно ответить.

Вопрос: Сколько лет было жертве?

Ответ: Двадцать пять-тридцать.

Вопрос: Можете ли вы уточнить, сколько времени она уже была мертва, когда ее обнаружили?

Ответ: На это тоже нелегко ответить. От трех до пяти дней.

Вопрос: Вы предоставили для публикации в газетах словесный портрет. Нельзя ли получить более точный словесный портрет, более определенный?

Ответ: Он у нас имеется, пожалуйста. У нас также есть отретушированная фотография лица. Мы будем вам обязаны, если вы сможете ее опубликовать.

(Ольберг взял со стола листы бумаги и начал их раздавать. Воздух в помещении был тяжелый и влажный.)

Вопрос: На теле были какие-нибудь особые приметы?

Ответ: Насколько нам известно, нет.

Вопрос: Вы в этом уверены?

Ответ: Совершенно точно, на теле особых примет не было.

Вопрос: Обследование зубов дало что-нибудь?

Ответ: Зубы были здоровые.

(Наступила неловкая пауза. Мартин Бек заметил, что сидящий впереди него репортер пытается улучшить свою звезду.)

Вопрос: Что дал опрос жителей?

Ответ: Материалы в данный момент находятся в стадии обработки.

Вопрос: Можно ли предположить, что труп бросили в воду где-то в другом месте и к волнолому его принесло течением?

Ответ: Вряд ли.

Вопрос: Можно ли в таком случае сказать, что полиции предстоит расследовать идеальное преступление?

На этот вопрос ответил окружной начальник:

– Любое преступление вначале кажется идеальным.

На этом пресс-конференция закончилась. Когда Мартин Бек выходил из комнаты, его догнал один из пожилых репортеров, взял за рукав и спросил:

– Вы в самом деле ничего не знаете?

Мартин Бек покачал головой. В кабинете Ольберга двое сотрудников обрабатывали материалы опроса жителей.

Кольберг подошел к столу, несколько секунд глядел на протоколы опроса, потом пожал плечами.

Пришел Ольберг. Он снял пиджак и повесил его на спинку стула, потом повернулся к Мартину Беку и сказал:

– Начальник хочет с тобой поговорить. Он еще в кабинете.

Окружной начальник и советник полиции сидели за столом.

– Бек, – сказал начальник, – насколько я понимаю, в вашем пребывании здесь уже нет особой необходимости. У нас просто нет для вас работы.

– Да, вы правы.

– Кроме того, полагаю, теперь не имеет смысла проводить расследование именно здесь.

– Возможно.

– В общем, если быть кратким, я не буду вас здесь больше задерживать, тем более, что вы наверняка нужны где-нибудь в другом месте.

– Я того же мнения, – присоединился к нему советник полиции.

– Я тоже, – сказал Мартин Бек. Они обменялись рукопожатиями.

В кабинете Ольберга по-прежнему было тихо. Мартин Бек не стал нарушать эту тишину. Через несколько минут вошел Меландер. Он повесил шляпу на вешалку и с важным видом кивнул присутствующим. Потом подошел к столу, придвинул пишущую машинку Ольберга, зарядил в нее лист бумаги и отпечатал несколько строчек. Подписался и вложил лист в один из скоросшивателей на полке.

– Есть что-нибудь? – спросил Ольберг.

– Нет, – ответил Меландер.

С момента своего появления он сохранял абсолютную невозмутимость.

– Завтра едем домой, – сказал Мартин Бек.

– Прекрасно, – прокомментировал Колльберг и зевнул.

Мартин Бек шагнул к двери, остановился и посмотрел на сидящего за письменным столом Ольберга.

– Пойдешь с нами в гостиницу? – спросил он. Ольберг вскинул голову и уставился в потолок. Потом встал и начал медленно надевать пиджак. С Меландером они попрощались в холле.

– Я уже поужинал. Спокойной ночи.

Меландер был человеком воздержанным. Кроме того, он экономил на еде и питался преимущественно сосисками и лимонадом.

Трое оставшихся расположились в ресторане.

– Мне один джин с тоником, – заказал Колльберг. – Английским!

Двое других заказали бифштекс, пиво и ржаной хлеб. Колльберг дождался своего джина с тоником и выпил его в

три глотка. Мартин Бек вынул из кармана новое описание убитой и прочел его.

– Ну, так я пойду лягу, – сказал Колльберг.

– Ты не мог бы кое-что сделать для меня?

– С удовольствием, – ответил Колльберг.

– Я хочу попросить, чтобы ты сделал еще одно описание, лично для меня. Неофициальное. Описание не трупа, а человека. Подробное. Как если бы оно было прижизненным. Можешь не торопиться. Мне это не к спеху.

Колльберг помолчал минуту.

– Я понял, что тебе нужно, – наконец сказал он. – Кстати, Ольберг сегодня соврал прессе. У нее есть родимое пятно, на внутренней стороне левого бедра. Коричневое. Немного похоже на поросенка.

– Мы его не заметили, – сказал Ольберг.

– А я заметил, – кивнул Колльберг.

Перед тем как уйти, он сказал:

– Не огорчайся. Человек не может замечать все. Впрочем, я больше уже этим не занимаюсь. Забудь, что ты меня видел. Я был всего лишь призраком. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – сказал Ольберг.

Они ели и пили молча. Только позднее Ольберг поставил бокал и сказал:

– Ты положишь это дело под сукно? Так все и оставишь?

– Нет, – ответил Мартин Бек.

– Я тоже, – сказал Ольберг. – Ни за что.

Через полчаса они разошлись.

Придя к себе в номер, Мартин Бек обнаружил под дверью сложенный лист бумаги, развернул его и узнал

аккуратный, разборчивый почерк Колльберга. Колльберга он знал хорошо, поэтому совершенно не удивился.

Он разделся, принял холодный душ и надел пижаму. Потом выставил ботинки за дверь, брюки положил под матрац, погасил верхний свет, зажег лампочку на ночном столике и лег.

Колльберг писал:

«О даме, которая тебя интересует, можно сказать следующее:

1. Рост 167 см, глаза голубые, волосы темно-каштановые. Зубы здоровые, на теле нет никаких послеоперационных шрамов или других особых примет, кроме родимого пятна на внутренней стороне левого бедра в четырех-пяти сантиметрах от промежности. Пятно коричневое, размером с десять крон, по форме напоминает поросенка. Возраст (по мнению прозектора, которое мне удалось вытащить из него по телефону) двадцать семь — двадцать восемь лет. Весила она пятьдесят шесть килограммов.

2. Телосложение такое: узкие плечи, относительно стройная талия, широкий таз и хорошо развитые ягодицы. Размеры приблизительно 82–58–94. Бедра сильные и длинные. Ноги: мускулистые икры, довольно сильные лодыжки, но не толстые. Стопы недеформированные, пальцы длинные, прямые. Мозоли отсутствуют, кожа на пятках затвердевшая, как если бы она ходила босиком, в босоножках, резиновых тапочках и т.д. Ноги очень волосатые. Постановка ног неправильная. При ходьбе наверняка сдвигала колени и выворачивала ступни наружу. Можно сказать, что она была привлекательной. Наверняка

не толстая. Руки сильные. Кисти маленькие, пальцы длинные. Размер обуви 37.

3. Тело загоревшее. Видно, что загорала в открытом купальнике и в темных очках. На ногах носила босоножки.

4. Шея довольно короткая. Крупные черты лица. Большой рот, толстые губы. Брови густые, темные, прямые; ресницы более светлые, короткие. Нос прямой и короткий, достаточно широкий. На лице никаких следов косметики. Ногти на руках и ногах твердые, коротко обрезанные. Следы лака на ногтях отсутствуют.

5. В протоколе вскрытия (который ты, впрочем, уже читал) обращает на себя внимание следующее: она не рожала и аборт не делала. Убийство не сопровождалось обычным изнасилованием (следов спермы не обнаружено). Ела она за три-пять часов до смерти: мясо, картофель, клубника, молоко. Болезней или органических изменений не обнаружено. Некурящая.

Разбуди меня в шесть. Спокойной ночи».

Мартин Бек дважды прочел составленное Колльбергом описание, сложил лист бумаги и положил его на ночной столик. Погасил лампу и повернулся к стенке.

Уснул он, когда начало светать.

VI

Из Муталы они выехали рано утром, но горячий воздух уже дрожал над асфальтом. Шоссе перед ними было прямым и пустынным. Колльберг с Меландером сидели впереди, Мартин Бек устроился сзади у открытого окна и подставил лицо ветру. Перед отъездом он выпил кофе, и теперь неважно себя чувствовал.

Колльберг ведет машину скверно, рывками, подумал Картин Бек, но, по крайней мере, медленно. Меландер, сжимая в зубах трубку, без всякого выражения глядел в окно.

Минут сорок пять они проехали молча, наконец Колльберг кивнул влево, где между деревьев появилось озеро.

— Это озеро Роксен, — объявил он. — Три озера в центральной Швеции — Бурен, Роксен и Глан. Клянусь, это единственное, что я запомнил из того, что мне вбивали в голову в школе.

Остальные ничего не сказали.

В Линчёпинге они остановились у закусочной. Мартин Бек еще не хотел есть и остался в машине, а его коллеги пошли перекусить.

Завтрак поднял настроение Меландеру, и остаток пути они с Колльбергом болтали о том о сем. Мартин Бек молчал. У него не было желания разговаривать.

Когда они приехали в Стокгольм, он сразу отправился домой. Его жена сидела на балконе и загорала. Она была в одних трусиках от купальника. Услышав, что открывается входная дверь, она взяла с балконных перил бюстгальтер и встала.

— Привет, — сказала она. — Как съездил?

— Отвратительно. Где дети?

— Они поехали к воде. На велосипеде. Ты выглядишь бледным. Конечно, питался нерегулярно. Я приготовлю тебе завтрак.

— Я устал, — сказал Мартин Бек, — и не хочу завтракать.

— Но это будет быстро. Посиди пока, а я...

– Я ведь говорю, что не хочу завтракать. Пойду немного посплю. Разбуди меня через час.

Была четверть одиннадцатого.

Он пошел в спальню и закрыл за собой дверь.

Когда она разбудила его, ему показалось, что он спал несколько минут.

Было без четверти час.

– Я ведь сказал: через час.

– Ты выглядел таким уставшим. Тебе звонит старший комиссар Хаммар.

– Черт его побери.

Через час он уже сидел в кабинете шефа.

– Удалось что-нибудь выяснить?

– Нет. Мы не знаем абсолютно ничего... не знаем, кто она, не знаем, где ее убили, а тем более, кто ее убил. Знаем лишь, когда и как, но это все.

Хаммар положил руки на стол и, наморщив лоб, изучал свои ногти. Он был старше Мартина Бека на пятнадцать лет, уже немного располнел, у него были густые седые волосы и косматые брови. Это был хороший шеф, спокойный, иногда даже флегматичный; они всегда друг с другом ладили.

Комиссар Хаммар сцепил пальцы рук и посмотрел Мартина Бека.

– Поддерживай контакт с Муталой. Наверняка ты прав, у девушки отпуск, все думают, что она где-то путешествует, может быть, даже за границей. Возможно, пройдет не меньше двух недель, пока кого-то не начнет беспокоить ее отсутствие, если предположить, что у нее трехнедельный отпуск. Но рапорт я бы попросил тебя представить как можно скорее.

– Сегодня же ты его получишь.

Мартин Бек пошел к себе в кабинет, снял чехол с пишущей машинки, несколько минут полистал копии, подученные от Ольберга, и принялся печатать.

В половине шестого зазвонил телефон.

– Ты придешь домой к ужину?

– Вероятнее всего, нет.

– Неужели в мире больше нет других полицейских, кроме тебя? – начала его жена. – Почему всё должен делать только ты? Твой шеф разве не знает, что у тебя есть семья? Дети уже спрашивают, где ты.

– Ну, хорошо, может, мне удастся прийти в половине седьмого.

Через полтора часа рапорт был готов.

– Отправляйся домой и постарайся хотя бы немного выспаться, – сказал Хаммар. – Ты выглядишь уставшим.

Мартин Бек устал. Домой он приехал на такси, поел и сразу лег.

Уснул он мгновенно.

В половине второго ночи его разбудил телефон.

– Ты спал? Сожалею, что я тебя разбудил. Я только хотел тебе сказать, что уже все выяснилось. Он сам сознался.

– Кто?

– Хольм, сосед. Ее парень. Он совершенно потрясен. Ревность. Удивительная история, что скажешь?

– Чей сосед? О ком ты, собственно, говоришь?

– Как о ком? О женщине, которая жила на верхнем этаже. Я хотел тебе сказать, что теперь ты можешь спать спокойно и не ломать себе над этим голову... О Боже, я же все перепутал!

– Я слушаю.

– О черт! Да ведь ты этим не занимался. Это дело вел Стенстрём. Ради Бога, извини. До завтра.

– Хорошо, что ты мне позвонил, – сказал Мартин Бек.

Он снова лег, но уснуть не мог. Лежал на спине, смотрел в потолок и слушал, как его жена тихонько похрапывает. У него было чувство опустошенности и отчаяния.

Когда в спальню начало светить солнце, он повернулся на бок и подумал: «Завтра позвоню Ольбергу».

Утром он позвонил Ольбергу, потом звонил четыре-пять раз в неделю в течение месяца, однако им уже не о чем было говорить. Кто была та девушка, оставалось загадкой. Газеты уже перестали писать об этом преступлении, а Хаммар больше не интересовался, как идет расследование. Среди лиц, находящихся в розыске, по-прежнему не значилось никого похожего по описанию на нее. Иногда казалось, что она вообще никогда не существовала. Наверняка о ней забыли все, кроме Ольберга и Мартина Бека.

В начале августа Мартин Бек взял неделю отпуска и поехал с семьей на островок в заливе недалеко от Стокгольма. Вернувшись, занялся накопившимися текущими делами. Чувствовал он себя вялым и плохо спал.

Однажды ночью в конце августа он лежал в постели и смотрел в потолок. Поздно вечером ему позвонил Ольберг. Звонил из городской гостиницы, и по голосу казалось, что он был немного пьян. Они пару минут поговорили об убийстве, и, прежде чем повесить трубку, Ольберг сказал:

– Кто бы он ни был и где бы он ни был, мы должны его найти.

Мартин Бек встал и побрел босиком в гостиную. Он зажег настольную лампу и посмотрел на модель учебного парусника. Нужно было еще установить такелаж.

Он сел за письменный стол и вытащил папку из нижнего ящика. В ней лежало описание девушки, составленное Колльбергом, и фотоснимок, который сделал полицейский фотограф в Мутале, почти два месяца назад. Он знал описание почти наизусть, но снова медленно и внимательно прочел его. Потом разложил на столе фотографии и долго на них смотрел.

Закрыв папку и погасив свет, он сказал себе:

— Кто бы он ни был и кто бы она ни была, я должен это сделать.

VII

— Интерпол, черт бы его побрал, — сказал Колльберг.

Мартин Бек ничего не ответил. Колльберг заглядывал ему через плечо.

— Эти идиоты к тому же еще пишут по-французски?

— Это тулузская полиция. Они кого-то ищут.

— Французская полиция, — сказал Колльберг. — Несколько лет назад я послал им через Интерпол заявление о розыске. Речь шла об одной соплячке из Юрсхольма. Три месяца они отмалчивались, а потом вдруг пришло длинное письмо от парижской полиции. Я, конечно, ни слова не понял и отдал его переводить, а на следующий день читаю в газете, что ее нашел один шведский турист. Нашел, еще чего. Она просто торчала в том знаменитом на весь мир ресторане, где высиживают все те шведские соплячки, которые занимаются этими делами бесплатно...

– «Le Dome».

– Точно. Так вот, сидит там эта девица с одним арабом, с которым она спит, причем торчит там каждый день уже полгода. Ну вот, а днем мне приносят перевод и я узнаю, что во Франции ее не могут найти вот уже три месяца и в настоящее время ее наверняка там нет. Да если и есть, то только мертвая. При «нормальном» исчезновении у них все выясняется максимум за две недели, в данном же случае, к сожалению, вероятнее всего произошло преступление.

Мартин Бек сложил письмо, взял его за уголок и опустил в один из ящиков.

– Что они пишут?

– Ах эти, из Тулузы? Испанская полиция нашла ее на прошлой неделе на Мальорке.

– И для этого им нужны такие печати и длинные письма?

– Да, – сказал Мартин Бек.

– Кроме того, твоя девушка наверняка шведка. Как мы с самого начала и думали. И все-таки странно...

– То, что никого не волнует ее исчезновение, откуда бы она ни была. Иногда я о ней думаю.

Колльберг постепенно сменил тон.

– Меня это выматывает, – заявил он. – Ужасно выматывает. Сколько раз ты уже узнал, что это не она?

– Если считать эту, двадцать семь раз.

– А будет еще больше.

– Конечно.

– Жаль ее, но ты не должен уделять этому так много времени.

– Да.

Хорошие советы наверняка легче давать, чем их выполнять, подумал Мартин Бек. Он встал и подошел к окну.

– Ну, а я лучше займусь своим убийцей, – вздохнул Колльберг. – Сидит, ухмыляется и обжирается. Это дело тоже любопытное. Сперва напивается, потом убивает жену и детей обухом, пытается поджечь дом и зарезать себя, а для полноты картины является в полицию, хнычет и жалуется на еду. Сегодня отправлю его к психиатру. И все-таки жизнь прекрасна, – добавил он и захлопнул за собой дверь.

Газон перед управлением полиции округа Кристинеберг начал понемногу желтеть. Небо было серым, ветер гнал по нему клочья дождевых туч. В оконное стекло хлестал ливень, с деревьев уже опали почти все листья. Было двадцать девятое сентября, решительно и неотвратно наступала осень. Мартин Бек с отвращением посмотрел на свою наполовину выкуренную сигарету, подумав о своих слишком нежных бронхах и ужасном первом насморке холодного полугодия, которое вот-вот начнется.

– Бедняжка, кто же ты? – сказал он про себя. Он слишком хорошо знал, что надежда убывает с каждым днем. Может быть, им вообще не удастся выяснить, кто она, тем более найти виновного. Только он один может это сделать. У женщины, лежащей на клеенке на ярко освещенном солнцем волноломе, было по крайней мере лицо, а теперь у нее есть только безымянная могила. Убийцу он представлял себе как бы в тумане, без контуров и только ясно видел его руки, которые умеют душить.

Мартин Бек встряхнулся. Не забывай, что у тебя имеются три самых главных достоинства полицейского. Ты

упрям, логичен и очень спокоен. Тебя нельзя вывести из равновесия, а к преступлению, которое ты расследуешь, у тебя отношение только профессиональное, каким бы это преступление ни было. Такие слова, как отвратительный, ужасный, дьявольский, относятся к лексикону газетчиков, ты не должен их употреблять. Убийцы вполне нормальные люди, только еще более несчастные и неуравновешенные.

Ольберга он не видел с того вечера, когда они сидели вдвоем в гостинице, но разговаривал с ним часто – последний раз ровно неделю назад – и еще помнил последнюю фразу:

– Отпуск... нет, пока не закончим это дело. Я уже сделал все, что мог, но буду продолжать, даже если мне придется вычерпать все озеро Бурен.

Ольберг слишком упрямый, подумал Мартин Бек.

– Черт возьми, – тихо пробормотал он и ударил себя кулаком по лбу.

Он вернулся к столу, сел, повернул кресло на четверть оборота и тупо уставился на лист бумаги в пишущей машинке, пытаясь вспомнить, что же собирался печатать в тот момент, когда явился Колльберг с сообщением из Франции.

Через шесть часов, без двух минут пять, он стоял в плаще и шляпе и со страхом думал о переполненном метро по дороге домой. Дождь все еще шел, и ему показалось, что он уже вдыхает тяжелый запах влажной одежды и его сжимает плотная масса чужих тел, усиливая в нем чувство, похожее на страх одиночества.

Без одной минуты пять пришел Стенстрём. Он ввалился ввнутрь, как обычно, без стука. Это было неприятно, но

переносимо по сравнению с Меландером, который долбил в дверь, как дятел, или Колльбергом, который колотил в дверь так, что можно было оглохнуть.

– Есть сообщение для отдела розыска пропавших девушек. Пора бы уже послать благодарственное письмо в американское посольство. В конце концов, это твой единственный корреспондент.

Он посмотрел на розовый обрывок телетайпной ленты.

– Линкольн в Небраске. Откуда было предыдущее сообщение?

– Из Астории в штате Нью-Йорк.

– Это те, которые прислали подробное описание на трех страницах и забыли добавить, что речь идет о негритянке?

– Да, – кивнул Мартин Бек.

Стенстрём подал ему ленту и сказал:

– Тут есть телефон какого-то человека в посольстве, думаю, ты должен ему позвонить.

Радуюсь, что появился предлог оттянуть мучения в метро, Мартин Бек вернулся к столу, но было поздно. У сотрудников посольства рабочий день уже закончился.

На следующий день, в среду, погода была еще хуже, чем накануне. С утренней почтой пришло запоздалое объявление о розыске двадцатипятилетней домработницы из никому не известного городка Ренг, очевидно, где-то на юге, в Сcone. Она не вернулась из отпуска.

До обеда одну копию описания Колльберга и отретушированные фотоснимки отослали советнику полиции в Веллинге, другую копию и фотографии отправили по адресу: Детектив-лейтенант Элмер Б. Кафка, Отдел расследования убийств, Линкольн, Небраска, США.

После обеда Мартин Бек почувствовал, что у него начинают опухать миндалины. Когда он пришел вечером домой, ему уже было больно глотать.

– Завтра уголовной полиции придется обойтись без тебя, я займусь тобой, – заявила его жена.

Он открыл рот, чтобы ей ответить, однако посмотрел на детей и промолчал.

С безошибочным инстинктом она начала укреплять свою победу.

– У тебя совершенно заложен нос... ты дышишь, как рыба, выброшенная на берег.

Бек коротко поблагодарил за ужин и занялся своими такелажными проблемами, работой, которая всегда его успокаивала. Он работал не торопясь и систематически, в голову не приходили никакие посторонние мысли. До него доносился звук телевизора из соседней комнаты, но Бек совершенно не обращал на него внимания. Через некоторое время в дверях появилась дочь, вид у нее был кислый, а на подбородке размазалась жевательная резинка.

– Тебе кто-то звонит. И как назло как раз посреди Перри Мейсона⁴.

Черт, надо будет переставить телефон куда-нибудь в другое место.

Черт, надо будет немного заняться воспитанием своих детей.

Черт, а что вообще можно сказать двенадцатилетней девочке, которой нравятся «Битлз» и у которой уже заметны груди?

⁴ *Адвокат Перри Мейсон* – главный герой детективных романов Э.С. Гарднера, многие из которых экранизированы.

Он побрел в гостиную с таким видом, словно просил прощения за то, что вообще родился, и там глупо уставился на мужественное лицо великого защитника закона и правосудия, которое занимало весь экран, потом вынес телефон как можно дальше, в прихожую.

Добрый вечер, – поздоровался Ольберг. – Послушай, мне, кажется, пришла в голову одна идея.

– Я слушаю.

– Помнишь, мы с тобой говорили об экскурсионных судах? Ну, тех, что летом проплывают здесь в половине первого дня и в четыре часа?

– Да.

– Я пытался на прошлой неделе опросить экипажи всех грузовых судов и частных яхт, но для этого у нас не хватает возможностей. А час назад один наш парень из патрульной службы сказал мне, что как-то летом он видел, как какой-то экскурсионный пароход проплывал мимо могилы Платена в западном направлении примерно после полуночи. Когда это было, он забыл, и вспомнил об этом только сейчас, когда я начал всех расспрашивать. Он несколько раз дежурил ночью в тех местах. Мне кажется это маловероятным, но он клянется, что не ошибается. Через день он уехал в отпуск и совершенно забыл об этом.

– Он узнал пароход?

– Нет, но ты послушай. Я звонил в Гётеборг и разговаривал кое с кем из судовой компании. Один из них сказал мне, что это может быть правдой, судно называлось «Диана», он дал мне адрес капитана.

Наступила пауза. Слышно было, как Ольберг чиркает спичкой.

– С капитаном я уже поговорил. Он сказал, что помнит эту историю даже слишком хорошо, хотя предпочел бы о ней забыть. Вначале им пришлось ждать почти три часа в Хевринге из-за тумана, потом у них лопнул какой-то паропровод в моторе...

– В машине.

– Не понял.

– В машине, а не в моторе.

– Ага. Так вот, им пришлось торчать восемь часов в Сёдерчёпинге, пока его не исправили. Это значит, что у них было около двенадцати часов опоздания, и по озеру Бурен они проходили уже после полуночи. Они не причаливали ни в Мутале, ни в Вадстене, а пошли прямо в Гётеборг.

– Когда это произошло? Какого числа?

– Капитан говорит, что это был второй рейс после дня Святого Яна, другими словами, это произошло в ночь с четвертого на пятое.

Последующие десять секунд оба молчали. Потом Ольберг продолжил:

– Четыре дня, прежде чем мы ее нашли. Я еще раз позвонил в судовую компанию и проверил, совпадает ли время. Они спросили, что меня интересует, и я попросил проверить, все ли туристы доехали до Гётеборга в целости и сохранности. А что, спросили они, разве кто-то туда не доехал? Пришлось мне сказать, что я не знаю. Они наверняка решили, что у меня с головой не в порядке.

С минуту опять было тихо.

– Как ты думаешь, это может иметь какое-нибудь значение? – наконец спросил Ольберг.

– Не знаю, – ответил Мартин Бек. – Возможно. В любом случае ты поработал прекрасно.

– Если все туристы добрались до Гётеборга в полном порядке, нам это ничего не дает.

В его голосе звучала удивительная смесь разочарования и скромного триумфа.

– Мы должны все это подробно проверить, – добавил Ольберг.

– Естественно.

– Ну, спокойной ночи.

– Спокойной ночи. Я тебе позвоню.

Мартин Бек пару минут сидел, положив руку на телефон, потом наморщил лоб и, как лунатик, пошел обратно через гостиную. Тихо закрыл за собой дверь, сел перед моделью парусника, протянул к нему руку, но тут же ее опустил.

Так же сидел он и часом позже, когда пришла жена и отправила его в постель.

VIII

– Не стану утверждать, что ты выглядишь слишком здоровым, – сказал Колльберг.

Мартин Бек чувствовал себя как угодно, но только не здоровым. У него был насморк, горло и уши болели, в бронхах хрипело. Простуда развивалась точно по плану, и сейчас наступила самая неприятная стадия. Несмотря на это, он решил упорно сопротивляться простуде и удрать от домашней битвы, а поэтому провести весь день в кабинете. Во-первых, он не избежал бы утомительной заботы о себе, если бы остался лежать дома. Когда у его жены начали подрастать дети, она со всей имеющейся у нее энергией

вжилась в роль домашней медсестры, и его регулярная простуда была для нее событием, с которым могли сравниться день рождения или большие праздники.

Кроме того, по какой-то загадочной причине ему было тягостно оставаться дома.

— Зачем ты явился, если тебе плохо?

— Я в полном порядке.

— Перестань слишком переживать из-за этой истории. Можно подумать, у нас это первое дело, когда расследование зашло в тупик. И к тому же не последнее, причем тебе это известно не хуже меня. От этого мы не станем ни лучше, ни хуже. Просто твой жизненный идеал — быть первоклассным полицейским.

— Я вовсе не переживаю.

— Не думай над этим столько, потому что можешь создать угрозу своим моральным устоям.

— Как это?

— Точно... дай только человеку время, так он способен додуматься до такого, что просто страх берет. Задумчивость — мать безысходности, — пояснил Колльберг и ушел.

Это был безрадостный и пустой день, полный чихания, сморкания и будничной работы. Дважды Бек звонил в Муталу, главным образом, чтобы подбодрить Ольберга, который при дневном свете сообразил, что его открытие не будет ничего стоить, если не удастся каким-то образом связать его с трупом у шлюзовой камеры.

— Человек склонен несколько переоценивать события, когда надирается, как свинья, а потом оказывается, что все это ни к чему. — Ольберг говорил это всхлипывая, кающимся тоном. Он был готов заплакать.

Исчезнувшая девушка из Ренга до сих пор не нашлась. Бека это не интересовало, потому что рост девушки составлял 155 см, у нее были крашенные волосы и прическа а ля Бриджит Бардо.

В пять часов он сел в такси и поехал домой, но вышел у станции метро и остаток пути прошел пешком, чтобы избежать изнуряющего разговора о деньгах, который, несомненно, ожидал бы его, если бы жена увидела, что он приехал домой на такси.

Есть он ничего не мог, но вылил в себя чашку отвара ромашки. Для того, чтобы ко всему прочему еще и желудок разболелся, подумал Мартин Бек. Он прилег и сразу уснул.

Утром ему было немного лучше, он со стоицизмом выпил чашку кипятка с медом и съел один сухарик. Спор о состоянии его здоровья и несоразмерных требованиях государственного аппарата к своим сотрудникам затянулся, и когда он наконец добрался до управления округа Кристинеберг, было уже четверть одиннадцатого.

На его письменном столе лежала телеграмма.

Через минуту Мартин Бек впервые за восемь лет службы вошел в кабинет своего шефа без стука, несмотря на то, что над дверью горел красный свет.

Вездесущий Колльберг полусидел на краю стола и изучал план какой-то квартиры. Хаммар, как всегда, сидел в своем кресле, подперев подбородок рукой. Оба недовольно уставились на вошедшего.

— Я получил телеграмму от Кафки.

— Веселенькое начало трудового дня, — сказал Колльберг.

— Но у него такая фамилия. Это полицейский из Лин-

кольна, города в Америке. Он опознал ту девушку из Муталы.

– Он что, сумел сообщить обо всем в телеграмме? – спросил Хаммар.

– По-моему, да.

Он положил телеграмму на стол. Все трое прочли текст на английском языке:

СОВЕРШЕННО ТОЧНО. ЭТО НАША ДЕВУШКА. РОЗАННА МАКГРОУ, 27. БИБЛИОТЕКАРЬ. ОБМЕН ДАЛЬНЕЙШЕЙ ИНФОРМАЦИЕЙ НЕОБХОДИМ КАК МОЖНО БЫСТРЕЕ.

КАФКА, ОТДЕЛ РАССЛЕДОВАНИЯ УБИЙСТВ

– Розанна Макгроу, – сказал Хаммар. – Библиотекарь. Этого мы не ожидали.

– А у меня была версия, – сказал Колльберг, – что она из Мьёльбю. Кстати, где он находится, этот Линкольн?

– В Небраске, где-то в центральной части США, – ответил Мартин Бек. – Во всяком случае, мне так кажется.

Хаммар еще раз прочел телеграмму.

– Что ж, займемся этим делом снова. По крайней мере, уже что-то есть. Но как, черт возьми, она попала в Муталу?

Он вернул телеграмму Мартину Беку.

Дополнительная информация придет по почте, а эта мало о чем нам говорит.

– Она говорит нам об очень многом, – сказал Колльберг. – Мы ведь тоже кое на что способны.

– Да, – спокойно подтвердил Хаммар, – но нам с тобой вначале нужно закончить это дело.

Мартин Бек вернулся к себе в кабинет, сел за стол и начал растирать лоб кончиками пальцев. Чувство триумфа,

охватившее его, незаметно исчезло. Три месяца ему потребовалось для того, чтобы узнать то, что в девяноста девяти случаях из ста без всяких усилий становится известным с самого начала.

Посольство и начальство подождут. Он придвинул телефон и набрал номер в Мутале.

– Слушаю, – сказал Ольберг.

– Мы выяснили ее личность.

– Это точно?

– Похоже на то.

Ольберг ничего не сказал.

– Это американка. Из какого-то города Линкольн в штате Небраска. Хочешь записать?

– Да, пожалуйста.

– Ее звали Розанна Макгроу. Диктую по буквам: РУ-ДОЛЬФ-ОЛАФ-СИГУРД-ЭРИК-АДАМ-НОРБЕРТ-НОРБЕРТ-АДАМ, следующее слово – большое МАРТИН- СЕ-СИЛ – большое ГУСТАВ-РУДОЛЬФ-АДАМ- ВИЛЬ-ГЕЛЬМ. Записал⁵?

– Да, вроде.

– Ей было двадцать семь, она работала библиотекарем. Пока что мне больше ничего не известно.

– Как тебе удалось это узнать?

– Обычная ежедневная работа. Ее наконец-то начали разыскивать. Не через Интерпол, а через посольство.

– Пароход! – воскликнул Ольберг.

– Что?

– Пароход! Если здесь оказалась американская ту-

⁵ Мартин Бек диктует имя и фамилию в английской транскрипции: Roseanna McGraw.

ристка, она должна была приплыть на пароходе. Возможно, не обязательно на том, моем пароходе, но наверняка на каком-то пароходе. Такие туристки у нас бывают.

– Мы не знаем, была ли она здесь в качестве туристки.

– Да, ты прав. Я сразу же этим займусь. Если она здесь кого-нибудь знала или жила в городе, я выясню это за двадцать четыре часа.

– Хорошо. Я позвоню тебе, как только узнаю что-то новое.

Мартин Бек закончил разговор тем, что чихнул в ухо Ольбергу. Он собрался попросить прощения, но на другом конце уже было тихо.

Несмотря на то, что голова болела по-прежнему и в ушах шумело, ему уже давно не было так хорошо, как сейчас. Он чувствовал себя как бегун за секунду до старта. Его волновало лишь то, что убийца стартовал раньше и получал фору в три месяца, а сам он не знал, в каком направлении бежать.

Где-то в глубине его мозга полицейского за этими мыслями о вероятных шансах и неизвестных величинах уже начал складываться план действий на ближайшие двое суток. Он знал, что теперь результаты наверняка будут, был уверен в этом так же, как в том, что в песочных часах пересыпается песок.

Три месяца он думал только об этом, о той минуте, когда наконец-то сможет начать расследование. До этой минуты он словно в крошечной тьме барахтался в болоте и вот теперь почувствовал под ногами первую надежную кочку. А следующая должна быть недалеко.

Он не рассчитывал на какие-либо быстрые результаты.

Если бы Ольберг выяснил, что женщина из Линкольна работала в Мутале или жила у знакомых в городе, или еще где-то там ее видели, это удивило бы его больше, чем если бы убийца вошел к нему в кабинет и сам во всем сознался.

С другой стороны, он ждал многого от дополнительной информации из Америки, хотя понимал, что нужно набраться терпения. Он думал о всех тех разнообразных сведениях, которые должен будет постепенно получить от детектива из Америки, а также об Ольберге, который с таким упрямством придерживается почти бессмысленной версии, что женщина путешествовала на каком-то пароходе. Логичнее всего, конечно же, предположить, что труп кто-то привез к воде на автомобиле. Люди относятся к автомобилю как к новому божеству, которое способно выполнять любую работу, даже тайную перевозку трупов.

Бек начал думать о детективе-лейтенанте Кафке, о том, как он выглядит, и о том, похож ли полицейский участок, где он работает, на те, что всегда показывают по телевизору. Думал о том, который час нынче в Линкольне, и о том, где жила эта женщина, о том, что ее квартира закрыта, там тихо и на мебель надеты белые чехлы, а воздух, возможно, тяжелый, спертый, полный мелкой, неподвижной пыли.

Он вдруг понял, как мало знает о географии Северной Америки: совсем не знает, где находится Линкольн, а название Небраска ему говорило не больше, чем многие другие названия.

После обеда он зашел в библиотеку и посмотрел на карту мира. Линкольн он нашел быстро, город действительно находился в центре США и, вероятно, был довольно

большой, но Мартин Бек не смог найти ни одной книги со статистическими данными о городах Северной Америки. С помощью карманного календарика он рассчитал разницу во времени и у него получилось, что она составляет семь часов. Сейчас была половина третьего, у линкольнского полицейского, стало быть, половина восьмого утра; мистер Кафка, вероятно, еще лежит в постели и читает утреннюю газету.

Стоя у настенной карты, он ткнул пальцем в черный кружок размером с булавочную головку в юго-восточном углу штата Небраска, почти на сотом градусе западной долготы от гринвичского меридиана и прошептал:

– Розанна Макгроу.

Он повторил это имя еще несколько раз, чтобы все время его помнить.

Когда он вернулся к себе в кабинет, Колльберг сидел на стуле и соединял скрепки в одну бесконечную цепочку.

Они не успели обменяться ни словом, как зазвонил телефон. Это была телефонистка.

– Центральная сообщает, что через полчаса с вами будут разговаривать из Соединенных Штатов. Вы будете на месте?

Оказывается, детектив-лейтенант Кафка сейчас не лежит в постели и не читает газету. Еще один преждевременный вывод.

– Из самой Америки, черт возьми, – сказал Колльберг.

Их соединили через сорок пять минут. Сначала раздавался лишь невнятный гул и шум, было слышно, как одновременно говорят сразу несколько телефонисток, и неожиданно пробился голос, удивительно громкий и четкий.

– Говорит Кафка. Это вы, мистер Бек?

– Да.

– Вы получили мою телеграмму?

– Да, спасибо.

– Вы все в ней поняли?

– Вы уверены, что это именно та женщина?

– У тебя произношение, как у настоящего американца, – подпустил шпильку Колльберг, слушая, как Мартин Бек говорит по-английски.

– Да, сэр, это Розанна, можете не сомневаться. Я установил ее личность меньше чем за час – благодаря вашему блестящему описанию. Я даже проверил это дважды. Дал описание ее подруге и бывшему парню Розанны, с которым она встречалась в Омахе. Они оба абсолютно уверены. Кстати, я послал вам по почте фотографии и кое-какие документы.

– Когда она уехала из дома?

– В начале мая. Хотела провести два месяца в Европе. Это было ее первое путешествие за границу. Насколько мне известно, она путешествовала одна.

– Вам известно что-нибудь о ее планах?

– Почти ничего. Об этом у нас не знает никто, но я могу дать вам одну зацепку. Она прислала своей подруге почтовую открытку из Норвегии, где написала, что собирается провести одну неделю в Швеции, а затем поедет в Копенгаген.

– В открытке было еще что-нибудь?

– Да, она что-то упоминала о путешествии на шведском пароходе. Какой-то круиз по озерам через всю страну или что-то вроде этого, точнее сказать нельзя.

Мартин Бек задержал дыхание.

– Мистер Бек, вы меня слушаете?

– Да.

Связь начала резко ухудшаться.

– Я понял, что она убита, – кричал Кафка. – Вы взяли преступника?

– Пока еще нет.

– Я вас не слышу.

– Надеюсь, вскоре мы его найдем, но пока еще нет, – сказал Мартин Бек.

– Вы застрелили его?

– Что?.. Нет, нет, не застрелили...

– О'кей, я вас слышу, вы застрелили этого подонка, – кричал человек с противоположного берега Атлантики. – Отлично. Я сообщу об этом в наши газеты.

– Вы меня не поняли, – в отчаянии простонал Мартин Бек.

Слабым шепотом донеслись до него сквозь шум эфира последние слова Кафки:

– О'кей, я вас прекрасно понял. Ваше имя я обязательно сообщу в газеты тоже. Я вам позвоню. Всего хорошего, Мартин.

Мартин Бек положил трубку. Весь разговор он провел стоя. На лбу у него выступил пот. Мартин Бек застонал.

– Слушай, чего это ты так раскричался? – спросил Колльберг. – Ты что, думаешь, это мегафон и тебя отсюда слышно в Небраске?

– В конце разговора была очень плохая связь. Он думает, что я застрелил убийцу. Собирается сообщить об этом в газеты.

– Сенсация! Завтра ты станешь там героем дня. После завтра тебя изберут почетным гражданином, а к Рождеству пришлют ключ от города. Позолоченный. Гангстеру Мартину, мстителю из панельной многоэтажки. Ребята умрут со смеху.

Мартин Бек сморкался и вытирал лоб.

– Ну, так что же он еще сказал, этот твой шериф? Или он только хвалил тебя, восхищался, какой ты молодец?

– Скорее, он хвалил тебя за описание. Сказал, что оно блестящее.

– Он уверен, что это именно она?

– Да, он проверил это у ее подруги и какого-то молодого человека, с которым она была обручена или что-то в этом роде.

– Ну что же дальше?

– Она уехала из дому в начале мая. В Европе должна была провести два месяца. За границу поехала впервые. Путешествовала одна. Из Норвегии прислала открытку подруге, писала, что побудет примерно неделю в Швеции, а потом поедет в Копенгаген. Сказал, что высылает нам ее фото и какие-то материалы.

– Всё?

Мартин Бек подошел к окну и посмотрел во двор. Он грыз ноготь.

– В открытке она также написала, что собирается совершить экскурсионную поездку на пароходе по шведским озерам.

Он повернулся и посмотрел на своего коллегу. Колльберг уже не улыбался, а насмешливый огонек в его глазах погас. Через минуту он очень медленно сказал:

– Так значит, она приехала на пароходе. Наш общий приятель из Муталы оказался прав.

– Похоже на то, – сказал Мартин Бек.

IX

Выйдя в Шлюссене⁶ из станции метро на свежий воздух, Мартин Бек сделал глубокий вдох. Он, как всегда, плохо себя чувствовал после поездки в переполненном вагоне.

Воздух был чистый, небо ясное, с моря дул свежий ветерок. Мартин Бек перешел на противоположную сторону улицы и купил пачку сигарет. По пути к старому порту он остановился, закурил сигарету и облокотился на перила. У городской набережной стоял на якоре крейсер под английским флагом. Название он с такого расстояния прочесть не смог, но догадывался, что это «Девония». Стая чаек с криком дралась из-за каких-то кухонных объедков в воде. Он немного постоял, глядя на корабль, и пошел дальше по набережной.

На штабеле досок сидело несколько мужчин. Вид у них был хмурый. Один попытался дрожащими пальцами вставить сигарету в деревянный мундштук, но ему это не удалось, на помощь пришел сосед, у которого руки тряслись не так сильно. Мартин Бек посмотрел на часы. Без пяти девять. Ребятам нужно опохмелиться, подумал он, иначе они не ждали бы с таким нетерпением открытия магазина, чтобы принять свою порцию.

⁶ Район Стокгольма.

Он прошел мимо судна «Бора-2», которое загружалось у причала, и остановился на тротуаре напротив управления судовой компании. По улице двигалась бесконечная вереница автомобилей, так что перейти на противоположную сторону ему удалось только через несколько секунд.

Списка пассажиров, находившихся на пароходе «Диана» третьего июля, в управлении судовой компании не было. Очевидно, он в Гётеборге, его пришлют сюда как можно скорее. Список судовой команды и обслуживающего персонала он все же получил. Уходя, взял несколько туристических брошюр, которые читал по дороге в управление округа Кристинеберг.

На диванчике для посетителей уже сидел Меландер.

– Мое почтение, – поздоровался Мартин Бек.

– Доброе утро, – сказал Меландер.

– Ну и вонь от этой твоей трубки. Рад тебя видеть, хотя ты и отравил весь воздух. У тебя какое-нибудь дело?

– Если куришь трубку, меньше вероятность заболеть раком. Кстати, я слышал, что твои любимые сигареты «Флорида» в этом отношении самые опасные из всех. А здесь я нахожусь по службе.

– Проверь в агентстве «Американ Экспресс» почту, чеки, квитанции телефонных переговоров, в общем, все, что они тебе дадут, ты лучше меня знаешь, что нужно делать.

– Это точно. Как звали ту даму? Мартин Бек написал на листочке бумаги «Розанна Макгроу» и подвинул листок по столу к Меландеру.

– Похоже на воронье карканье, – заявил Меландер. – А как, собственно, это надо произносить по-английски? Гру?

После его ухода Мартин Бек открыл окно. Воздух был холодный, ветер раскачивал вершины деревьев и гнал по земле опавшие листья. Через минуту он закрыл окно, повесил пиджак на спинку стула и сел.

Придвинув к себе телефон, набрал номер центрального управления паспортов и виз. Если она проживала в гостинице, ее должны были там зарегистрировать. Ее должны были зарегистрировать в любом случае. Ему пришлось долго ждать, прежде чем там подняли трубку, а потом еще десять минут, пока вернется сотрудница. Карточку она нашла. Розанна Макгроу проживала в гостинице на Брункебергсторг с тридцатого июня по второе июля.

– Пришлите мне фотокопию, – распорядился Мартин Бек.

Не кладя трубку, он нажал на рычажок телефона, в трубке звякнуло и связь прервалась. Потом вызвал такси и надел пиджак. Положил в карман отретушированное фото Розанны Макгроу и вышел из кабинета. Через десять минут он приехал на Брункебергсторг, расплатился и вошел через стеклянную дверь в вестибюль гостиницы.

У стойки толпились шесть джентльменов. На лацканах у них были таблички с фамилиями, говорили они, перебивая друг друга. Вид у портье был несчастный, он с извинениями разводил руками. Спор, казалось, затягивается, и Мартин Бек уселся в кресло.

Он дождался, пока портье не удалось убедить неизвестно в чем джентльменов и вся группа исчезла в лифте, затем встал и подошел к стойке.

Портье со стоическим спокойствием перелистывал книгу гостей, пока не нашел имя, в самом низу соответ-

ствующей страницы. Он развернул книгу, чтобы Мартину Беку было удобнее смотреть. Она сделала запись красивым, четким почерком. Место рождения: ДЕНВЕР, КОЛОРАДО, США. Местожительство: ЛИНКОЛЬН, НЕБРАСКА. Откуда прибыли: НЕБРАСКА, США.

Мартин Бек просмотрел список всех гостей, которые зарегистрировались тридцатого июня. Выше Розанны Макгроу были имена восьми американцев. Все, кроме двух первых, указали, что прибыли из разных городов США. Первым в списке было имя Филлис, фамилия оказалась неразборчивой. Она указала, что приехала из Нордкапа, Швеция. Второй гость указал в соответствующей графе: Нордкап, Норвегия.

– Это была какая-то экскурсия? – спросил Мартин Бек.

– Секундочку, – сказал портье и задумался. – Нет, не помню, хотя это вполне возможно. Время от времени у нас останавливаются американские туристические группы. Они приезжают поездом из Нарвика.

Мартин Бек показал ему фото, но портье отрицательно покачал головой.

– К сожалению, у нас так много гостей...

Ее никто не опознал, но, тем не менее, визит в гостиницу был полезным. По крайней мере, теперь он знает, где она проживала, видел ее имя в книге гостей, а также видел ее номер. Второго июля она уехала из гостиницы.

– А потом? Куда она поехала потом? – спрашивал он себя.

У него ломило в висках, першило в горле. Интересно, подумал он, какая у меня сейчас температура?

Она могла поехать на экскурсионный пароход, могла

отправиться туда еще тем же вечером, до отплытия парохода из Стокгольма. В брошюрке, взятой им в судовой компании, он прочел, что последнюю ночь перед отплытием можно провести на судне. В нем крепла уверенность, что она была на «Диане», хотя пока что это ничем не подтверждалось.

Куда запропастился Меландер, подумал он и потянулся к телефону, но в тот момент, когда он уже собирался набрать номер, раздался короткий размеренный стук в дверь.

Меландер остановился на пороге.

– Ничего, – сказал он. – Ни в «Американ Экспресс», ни в других агентствах. Она никуда не обращалась. Если ты не имеешь ничего против, я пойду поем.

Не услышав возражений, Меландер исчез.

Мартин Бек позвонил в Муталу, но Ольберга не было в кабинете.

Голова с каждой минутой болела все сильнее. Он искал порошки от головной боли, встал и пошел попросить что-нибудь у Колльберга. В дверях на него напал приступ сухого кашля, и он долго не мог выдавить из себя ни слова.

Колльберг наклонил голову в сторону и окинул его заботливым взглядом.

– Ты кашляешь хуже, чем восемнадцать дам с камелиями. Иди ко мне, господин доктор тебя посмотрит.

Он посмотрел на Бека сквозь филателистическую лупу.

– Если не будешь выполнять советы господина доктора, долго не протянешь. Тебе нужно немедленно лечь. А перед этим выпей несколько добрых стаканчиков грога. Лучше всего три. Грог – единственное, что тебе поможет. Ты сладко уснешь и проснешься свеженьким, как рыбка.

– Я не люблю ром, – сказал Мартин Бек.

– Ну так приготовь грог из коньяка. А насчет Кафки не волнуйся. Если он позвонит, я о нем позабочусь. Английским я владею почти в совершенстве.

– Он наверняка не позвонит. У тебя есть что-нибудь от головной боли?

– Нет, но я могу предложить тебе шоколадную конфетку с ромом.

Мартин Бек вернулся к себе в кабинет. Воздух в помещении был плотный и неподвижный, но он не хотел напускать холод и предпочел не проветривать.

Когда через полчаса он позвонил Ольбергу, тот еще не вернулся. Он положил перед собой список экипажа «Дианы». Здесь было восемнадцать фамилий и адресов, рассеянных по всей стране. Шестеро из Стокгольма, у двоих адреса отсутствовали. Двое из Муталы.

В половине четвертого он решил воспользоваться советами Колльберга. Убрал документы со стола, надел плащ и шляпу.

По пути домой он зашел в аптеку и купил пачку порошков от головной боли, дома в кладовке нашел остаток коньяка, вылил его в бульонную чашку и отнес в спальню. Когда через минуту пришла жена с электрокамином, он уже спал.

Проснулся он рано, но остался лежать почти до восьми. Потом встал и оделся. Ему было намного лучше, от головной боли не осталось и следа.

Ровно в девять он открыл дверь своего кабинета. На письменном столе лежал конверт с красной наклейкой «ЭКСПРЕСС». Не раздеваясь, он раскрыл конверт.

Внутри был список пассажиров.

Её фамилию он увидел сразу.

Макгроу Р., мисс, США: одноместная каюта А7.

Х

– Я знал, что прав, – заявил Ольберг. – Мне что-то подсказывало это. Сколько пассажиров там было?

– Судя по списку, шестьдесят восемь, – сказал Мартин Бек и написал это число шариковой авторучкой на листе бумаги, который лежал перед ним.

– Адреса есть?

– Нет, только страны. Надо будет проделать огромную работу, чтобы всех их разыскать. Естественно, некоторых можно сразу исключить. Например, детей и старушек. Кроме того, мы должны допросить экипаж и обслуживающий персонал. Это еще восемнадцать человек, но у этих, по крайней мере, есть адреса.

– Ты говорил, что, по словам Кафки, она путешествовала одна. А ты сам как думаешь?

– Ничто не свидетельствует о том, что это не так. В каюте она была одна. Судя по плану судна, каюта находится на корме, между палубами.

– Признаюсь, мне это мало о чем говорит, – ответил Ольберг. – Я вижу эти пароходы каждое лето несколько раз в неделю, но фактически не знаю, как они, собственно, устроены. Я ни разу в жизни не был ни на одном из них. Но выглядят все три одинаково.

– Они, естественно, не совсем одинаковые. Думаю, что «Диану» нужно будет осмотреть. Я выясню, где она сейчас находится, – сказал Мартин Бек.

Он сообщил Ольбергу о своем визите в гостиницу, дал адреса рулевого и механика, которые жили в Мутале, и пообещал позвонить, как только узнает, где находится «Диана».

И только после разговора с Ольбергом он, взяв список пассажиров, отправился к шефу.

Хаммар поздравил его с первым результатом и выразил пожелание, чтобы как можно скорее он поехал осмотреть судно. Колльберг и Меландер тем временем займутся списком пассажиров.

Меландер не пришел в восторг, узнав, что ему придется добывать адреса шестидесяти семи неизвестных людей со всего мира. Он сидел в кабинете Мартина Бека, держал в руке копию списка и подсчитывал:

– Пятнадцать шведов, в том числе пять Андерсонов, три Юхансона и три Петерсена. Это выглядит многообещающе. Двадцать один американец. Теперь уже без «один». Двенадцать немцев, четыре датчанина, четыре англичанина, один шотландец, два француза, два южноафриканца (тут придется бить в тамтамы), пять голландцев и два турка.

Он вытряхнул трубку в корзинку для мусора и сунул бумагу в карман.

– Турки. На Гёта-канале, – пробормотал он и исчез за дверью. Мартин Бек позвонил в судовую компанию. «Диана» зимовала в Бохусе, на реке Гёта-Эльв, примерно в двадцати километрах от Гётеборга. Они пришлют туда кого-нибудь из гётеборгского управления, чтобы ему показали судно.

Он позвонил Ольбергу и сказал ему, что приедет в Муталу дневным поездом.

Выехать договорились на следующий день в семь, чтобы быть в Бохусе около десяти.

На этот раз Мартин Бек возвращался домой не в час пик, и вагон метро был полупустым.

Его жена уже начала понимать, каким тяжелым камнем лежит у него на сердце это дело, и протестовала не так решительно, как раньше, когда он сказал, что должен уехать. Чемодан она собрала в гробовой тишине, но Мартин Бек делал вид, будто вовсе не замечает ее раздражения. Он рассеянно поцеловал ее в щеку и ушел из дому почти за час до отправления поезда.

– Я не хотел заказывать тебе номер в гостинице, – сказал Ольберг, который ждал его на вокзале с машиной. – У нас дома хорошая кушетка, ты на ней прекрасно выступишься.

Вечером они долго разговаривали и потому, когда утром зазвонил будильник, совершенно не выспались. Ольберг позвонил в Гётеборг, в технический отдел криминальной полиции, и им пообещали прислать в Бохус двух человек. Они спустились к автомобилю.

Было холодное, серое утро; они успели проехать всего несколько метров, как начался морозящий дождь.

– Ты допросил рулевого и механика? – спросил Мартин Бек, когда они уже выехали за город.

– Только механика, – ответил Ольберг. – Ужасный тип, из него нужно было вытягивать каждое слово. С пассажирами он совершенно не общался. Ничего, что могло бы иметь отношение к убийству, не видел и не слышал. Кроме того, именно в том рейсе у него было полно работы, потому что что-то случилось с мотором... то есть с машиной, из-

вини. Он начал злиться сразу, едва лишь я упомянул о том рейсе. Однако сказал, что у него было два помощника, и, насколько ему известно, сейчас они на каком-то грузовом судне, которое плавает в немецкие и английские порты. Они перешли туда сразу же после последнего рейса «Дианы» в конце лета.

— Гм, — пробормотал Мартин Бек, — их мы быстро найдем. Надо справиться в судовых компаниях.

Дождь все усиливался, и когда они доехали до Бохуса, переднее стекло заливал сплошной водяной поток. Из-за сильного дождя они не могли как следует рассмотреть город, но он смахивал на обычную провинциальную дыру с несколькими заводиками и домами вдоль реки. Им удалось съехать к воде, но пришлось тащиться почти шагом, прежде чем, наконец, показались суда, которые производили впечатление брошенных и пугающих. Лишь подъехав поближе, почти вплотную, удалось прочесть названия, написанные большими черными буквами под капитанским мостиком.

Они остались сидеть в машине, надеясь увидеть кого-нибудь из судовой компании. Нигде не было ни души, но невдалеке стоял какой-то автомобиль. Подъехав к нему, они увидели, что за рулем сидит мужчина и смотрит в том направлении, откуда они приехали.

Мужчина за рулем что-то кричал, открыв окошко. Сквозь шум дождя они услышали свои имена. Мартин Бек кивнул и приоткрыл окно.

Мужчина представился и предложил, не обращая внимания на дождь, сразу же отправиться на судно.

Это был маленький, толстенький человечек, и когда он

впереди них семенил к «Диане», казалось, словно он перекатывается. С заметными трудностями ему удалось перелезть через ограждение и укрыться под капитанским мостиком, где он ждал Мартина Бека и Ольберга, лезущих за ним через перила.

Мужчина открыл дверь по правому борту и все оказались в каком-то гардеробе. В противоположной стене была точно такая же дверь, ведущая на прогулочную палубу, а между дверями висело большое зеркало. Прямо перед зеркалом находился крутой трап вниз на нижнюю палубу. Они сошли вниз, а потом еще ниже по второму трапу. Там были четыре большие каюты и салон с плюшевыми диванами у стен. Мужчина продемонстрировал им, как можно отделить друг от друга диваны с помощью занавесок.

– Когда у нас есть пассажиры без кают – мы называем их палубными, – обычно они спят здесь, – объяснил он.

Они вернулись по трапу на палубу, где находились каюты для пассажиров и экипажа, туалеты и ванны. Столовая располагалась в межпалубном пространстве. Там было шесть круглых столов, у каждого стола по шесть стульев, у задней стенки буфетная стойка и маленькая подсобка с лифтом на кухню, расположенную ниже. С другой стороны гардероба была читальня и библиотека с большими окнами и видом на носовую часть.

Когда они вышли на прогулочную палубу и перебрались на корму, дождь уже почти кончился. Справа были три двери, первая – в подсобку, две другие – в каюты. С кормы крутой трап вел на самую верхнюю палубу и капитанский мостик. У трапа была каюта Розанны Макгроу.

Дверь каюты выходила прямо на корму. Мужчина от-

крыл ее; Мартин Бек с Ольбергом вошли внутрь. Каюта была крошечная, наверняка не больше чем три метра на полтора, без иллюминатора. Спинку койки можно было поднять и использовать в качестве дополнительной, верхней койки. Кроме койки, в каюте был еще туалетный столик со столешницей из красного дерева над умывальником. Над столиком на стене висело зеркало с полочкой для туалетных принадлежностей. Пол был покрыт жестким ковром, прибитым гвоздиками, под койкой – пространство для чемоданов. В ногах постели оставалось свободное место, а над ним на стене имелось несколько крючков.

Три человека помещались в каюте с трудом. Мужчина из судовой компании быстро это сообразил. Он вышел наружу, уселся на ящик со спасательными поясами и грустно уставился на свои грязные ботинки, висящие высоко над полом.

Мартин Бек и Ольберг осматривали малюсенькую каюту. Они вовсе не надеялись обнаружить там следы Розанны, так как знали, что с тех пор как она здесь жила, каюту убирали бесчисленное количество раз. Ольберг осторожно прилег на койку и заметил, что просторной эту постель для взрослого человека не назовешь.

Дверь в каюту они оставили открытой настежь, вышли наружу и сели на ящик со спасательными поясами рядом с мужчиной из судовой компании.

Несколько минут они сидели молча и смотрели на каюту. На берегу появился большой черный автомобиль. Это приехали специалисты из Гётеборга. Они принесли огромный чемодан и сразу принялись за работу.

Ольберг толкнул Мартина Бека в бок, кивнул в сторону

трапа, и они вскарабкались на верхнюю палубу. Там были две спасательных шлюпки по обе стороны трубы, несколько ящиков с шезлонгами и одеялами; если не считать их, палуба была пустой. На следующей палубе находились две каюты для пассажиров, один склад и, сразу за рулевой рубкой, каюта капитана.

Под трапом Мартин Бек остановился и достал план кают, полученный от судовой компании. С планом в руках они еще раз обошли все судно. Когда они вернулись на корму в межпалубное пространство, мужчина по-прежнему сидел на ящике и меланхолично наблюдал, как два специалиста из Гётеборга ползают по каюте на коленках и вытаскивают гвоздики из коврика.

Было два часа дня, когда большой черный полицейский автомобиль, выбрасывая из-под колес фонтаны грязи, исчез в направлении гётеборгского шоссе. Техники увезли из каюты все, что можно было оттуда вынести, но этого было не так уж и много. Результаты исследования будут готовы быстро.

Мартин Бек и Ольберг поблагодарили мужчину из судовой компании, который с чрезмерным энтузиазмом жал им руки, наверняка счастливый, что наконец-то может исчезнуть.

Когда его автомобиль скрылся за ближайшим поворотом, Ольберг сказал:

– Я устал и голоден, как волк. Давай поедem в Гётеборг и заночуем там, что скажешь?

Через полчаса они уже сняли два одноместных номера в гостинице на Постгатан, отдохнули часок и пошли ужинать.

За ужином Мартин Бек рассказывал о парусниках, Ольберг – о поездке на Фарерские острова.

Ни один, ни другой ни словом не обмолвились о Розанне Макгроу.

XI

Из Гётеборга в Муталу нужно ехать на восток по шоссе № 40 через Бурое и Ульрисехамн до Йёнчёпинга, там свернуть на шоссе Е3 и ехать по нему на север до Эдесхёга, затем по шоссе № 50 вокруг озера Токерн и Вадстены, вот и все. Это примерно двести километров, и Ольбергу понадобилось чуть больше трех часов, чтобы преодолеть такое расстояние.

Они выехали в половине шестого; едва начинало светать, и по чистым сверкающим улицам ползли мочные машины, шли почтальоны с газетами, там-сям встречались одиночные полицейские. Автомобиль проглотил довольно большой кусок прямого, не радующего глаз шоссе, когда они нарушили тишину, царящую в машине. Проехав Хиндос, Ольберг откашлялся и сказал:

– Ты думаешь, это в самом деле произошло там? В той крошечной каютке?

– Где же еще это могло случиться?

– Но... там ведь рядом кто-то жил... не более чем в полуметре от них, прямо за стенкой, в соседней каюте?

– За переборкой.

– Что?

– За переборкой, а не за стенкой.

– Грмм, – произнес Ольберг.

Через семь километров Мартин Бек сказал:

– Возможно, именно поэтому.

– Гм. В том случае, если она не кричала.

– Именно.

– Но как он мог помешать ей кричать? Ведь он должен был... Ведь это должно было длиться очень долго.

Мартин Бек ничего не сказал. Оба мысленно представляли себе крошечную каюту со спартанской обстановкой. Ни один, ни другой не могли приказать воображению, чтобы оно не работало, и обоих охватывало чувство беспомощного, засасывающего отвращения. Оба порылись в карманах и молча выкурили по сигарете.

Мартин Бек глядел на озеро Осунден и думал о Стене Стуре⁷, о том, как он упал и лежал здесь на носилках, как над ним свистел ветер, снег засыпал ему раны, а он изрекал бессмертные афоризмы о смерти. Бледный, как мел, и слабый от потери крови.

Когда они въехали в Ульрисехамн, Мартин Бек сказал:

– Раны и ушибы она могла терпеть, если уже была мертва или без сознания. Результаты вскрытия ничего не говорят о том, что так не могло быть. Скорее, напротив.

Ольберг кивнул. Больше они об этом не говорили, но оба знали, что лишь благодаря этой версии им дышится чуть полегче.

В Йёнчёпинге они остановились у закусочной самообслуживания, чтобы выпить кофе. Мартину Беку от кофе стало, как всегда, плохо, но одновременно у него появилось чувство, что кофе немного поставил его на ноги.

⁷ *Стен Стуре Младший* (1492–1520) – регент Швеции, погиб в сражении с войсками датского короля Кристиана I.

В Гренне Ольберг сказал то, о чем они думали уже целый час:

– Все равно мы по-прежнему ее не знаем.

– Нет, – кивнул Мартин Бек, глядя на покрытый туманом, но все же красивый остров Висингсё на озере Веттерн.

– Мы не знаем, какой она была. Я хочу сказать... – Он замолчал.

– Я знаю, о чем ты думаешь.

– Разве я не прав? Как она жила, как себя вела, какая была в отношениях с другими людьми... именно это.

– Да.

Ольберг прав, именно так оно и было.

У женщины, лежавшей на расстеленной клеенке, появились имя, адрес и профессия. Но больше пока ничего.

– Как ты думаешь, ребята из Гётеборга что-нибудь обнаружат?

– Будем надеяться.

Ольберг бросил на него быстрый взгляд. Нет, это не просто фраза. Единственный разумный результат, которого они могли ждать от технической группы, состоял в том, что не будет опровергнута их версия, а именно, что каюта А7 является местом, где совершилось преступление. С тех пор, когда на борту парохода была женщина из Линкольна, «Диана» выполнила двадцать четыре рейса по Гёта-каналу. Это означает, что почти столько же раз там проводили генеральную уборку, что постельное белье, полотенца и другие вещи, которые были в каюте, многократно прошли через прачечную и безнадежно перемешались с вещами из других кают. Это также означало, что в каюте после Розанны Макгроу проживали примерно тридцать-сорок человек. Все они, естественно, оставили там следы.

– Скоро придут показания свидетелей, – добавил Колльберг.

– Да.

Восемьдесят пять человек, из которых один, возможно, преступник, а остальные вероятные свидетели, и каждый из них маленький кирпичик в огромной головоломке. Восемьдесят пять человек с четырех сторон света. Один только поиск всех этих людей – сизифов труд. Он даже не решался подумать о том, как сделать так, чтобы все были допрошены и при этом не дать завалить себя следственным материалом.

– И Розанна Макгроу, – вслух подумал Ольберг.

– Да, – ответил Мартин Бек и добавил через минуту: – Насколько я понимаю, у нас есть единственная надежда.

– Тот парень в Америке?

– Да.

– Как его зовут?

– Кафка.

– Странное имя. Он на что-нибудь способен?

Мартин Бек вспомнил гротескный телефонный разговор несколько дней назад и впервые за этот пасмурный день улыбнулся.

– Трудно сказать, – ответил он.

На полпути между Вадстеной и Муталой Мартин Бек сказал, как бы размышляя вслух:

– Багаж. Одежда. Туалетные принадлежности, зубная щетка. Сувениры, которые она купила. Деньги. Дорожные чеки.

Ольберг сжал руль и не сводил яростного взгляда с огромного трейлера, за которым они ехали уже четырнадцать километров.

– Я прочешу канал, – сказал он. – В первую очередь, между Буренсхультом и пристанью. Потом с другой стороны. Шлюзовые камеры мы уже осмотрели, но...

– Озеро Веттерн?

– Вот именно. А там шансов у нас нет. Если, конечно, эта чертова землечерпалка не похоронила все на дне озера Бурен. Мне иногда снится эта кошмарная машина, проснусь ночью, сажусь на постели и начинаю ругаться. Жена уже думает, что я рехнулся. Бедняжка, – сказал он и затормозил у полицейского участка.

Мартин Бек посмотрел на него со смешанным чувством зависти, недоверия и уважения, которое исчезло так же быстро, как и появилось.

Десятью минутами позже Ольберг сидел за своим письменным столом и разговаривал по телефону с Гётеборгом. Посреди разговора в кабинет вошел Ларссон, пожал им руки и с любопытством поднял брови. Ольберг положил трубку.

– Несколько пятен крови на матрасе и ковре. Всего четырнадцать. Они как раз делают анализ.

Не будь там этих нескольких капель крови, им пришлось бы считать свою версию о каюте А7 опровергнутой. Комиссар не заметил их облегчения. Длина волны, на которой они обменивались мыслями, была для него чужой. Он снова приподнял брови и сказал:

– И это все?

– Есть еще какие-то старые отпечатки пальцев, – ответил Ольберг. – Больше ничего. Там слишком хорошо убивают.

– К нам едет окружной начальник, – сказал Ларссон.

– Добро пожаловать, – хмуро произнес Ольберг.

– Ну да, только этого нам здесь не хватало, – с угрожающим видом сказал Ларссон.

Мартин Бек уехал в 17.20 через Мьёльбю. Поездка заняла у него четыре с половиной часа, и все это время он работал над письмом в Америку. Когда он приехал в Стокгольм, текст уже был готов. Собственно, текстом он был не очень доволен, но подумал, что все равно лучше не придумает. Для экономии времени он взял такси и подъехал к ближайшему полицейскому участку. Попросил предоставить ему свободный кабинет для допросов и там начисто напечатал письмо на пишущей машинке. Перечитывая письмо, он слышал, как где-то рядом ругаются пьяные, а какой-то полицейский говорит им:

– Спокойно, ребята, только спокойно.

Впервые за долгие годы он вспомнил времена, когда служил патрульным и ощутил, какое отвращение у него вызывала регулярная субботняя криминальная хроника.

В четверть одиннадцатого он стоял у главпочтамта на Вазагатан. Крышка ящика для писем металлически звякнула.

Бредя под мелким дождем, он прошел мимо гостиницы «Континенталь» и нового огромного универмага. Спускаясь эскалатором на станцию метро, он снова подумал о Кафке – он подумал о том, сможет ли человек, которого он совсем не знает, действительно понять, что же, собственно, ему нужно.

Мартин Бек устал и заснул уже после второй остановки в полной уверенности, что свою не проспит, потому что выходить ему нужно было на конечной.

Через десять дней рано утром ответ из Америки лежал на столе Мартина Бека. Он увидел письмо сразу, еще не успев закрыть за собой дверь. Вешая плащ на крючок, он увидел в зеркале у двери свое лицо. Оно было бледным и пепельным, с темными кругами под глазами, но уже не от гриппа, а от хронического недосыпания. Мартин Бек нетерпеливо разорвал большой коричневый конверт и вынул оттуда два протокола допросов, напечатанное на машинке письмо и листок бумаги с биографическими данными. Он с любопытством пролистал бумаги, но подавил в себе желание сразу же на них наброситься. Вместо этого он отнес их в секретариат и попросил сразу же перевести и напечатать в трех экземплярах. Выйдя из секретариата, Бек поднялся этажом выше, открыл дверь и оказался у Колльберга и Меландера. Они сидели каждый за своим столом, спиной друг к другу, и работали.

— Вы что, переставили столы?

— Это было единственным решением, чтобы мы могли выдерживать друг друга.

Так же как и Мартин Бек, Колльберг казался бледным, глаза у него были красные. Сфинкс Меландер выглядел как обычно.

Перед Колльбергом лежала желтая копия какого-то заявления. Он несколько секунд поводил по строчкам пальцем и сказал:

— Как заявляет фру Лиза-Лотта Йенсен, возраст шестьдесят один год, датской полиции в Вайле, это была сказочная экскурсия; шведский стол тоже был сказочный,

один день и всю ночь шел дождь, пароход немного опоздал, а фру Йенсен немного страдала от морской болезни в ту ночь, когда шел дождь. Они как раз плыли по какому-то большому озеру; это была вторая ночь рейса. Путешествие было просто сказочным, а все пассажиры – бесконечно милыми людьми. Эту милую девушку на фотографии она не помнит. Наверняка не сидела с ней за одним столом, но капитан был исключительно милым, а муж говорит, что еда была великолепная и давали ее столько, что невозможно было все съесть, и они даже не смогли всего перепробовать. Погода была сказочная, конечно, когда не шел дождь. Они даже не подозревали, что Швеция такая красивая страна. О Господи, – прокомментировал Колльберг, – я тоже об этом не подозревал. Большую часть времени они играли в бридж с теми милейшими супругами из Южной Африки, мистером и миссис Хойт из Дурбана. Разве только постели показались им несколько маловаты, а на второй вечер они нашли в одной из постелей огромного волосатого паука и ее мужу пришлось приложить немало усилий, чтобы прогнать его из каюты.

Датчане просто прелесть. Ничего не видели, не слышали, ничего особенного не заметили. В заключение следователь сержант Тофт из Вайле сообщает, что из допроса этой игривой парочки, вероятно, не удастся извлечь ничего, что могло бы пролить хоть какой-нибудь свет на это дело. Его логика просто убийственна.

– Так, момент, момент, – бормотал Меландер.

– Да здравствует наш братский северный народ! – воскликнул Колльберг и потянулся за дыроколом.

Мартин Бек стоял у противоположного края стола и

рылся в бумагах. Он что-то чуть слышно бормотал. После десятидневной работы им удалось найти две трети лиц, пребывавших тогда на борту «Дианы». С помощью самых разных способов они связались с сорока из них и в двадцати трех случаях получили протоколы подробных допросов. Однако результат был мизерный. Из всех до сих пор допрошенных свидетелей о Розанне Макгроу никто ничего не помнил, разве что где-то видели ее мельком на пароходе.

Меландер вынул трубку изо рта и сказал:

– Карл-Оке Эрикссон, член команды. Его вы уже нашли?

Колльберг заглянул в один из своих блокнотов.

– Кочегар. Нет, не нашли, но кое-что о нем знаем. Три недели назад он обратился в управление морского пароходства в Гётеборге и нанялся на финское грузовое судно.

– Гм, – сказал Меландер. – А ему уже исполнилось двадцать два года?

– Да. А что должно означать это «гм»?

– Его имя мне кое о чем напоминает. Тебе бы тоже следовало его помнить. Но тогда он называл себя немного иначе.

– Если оно тебе о чем-то напоминает, значит, ты наверняка прав, – сдался Колльберг. – У этого чудовища память, как у циркового слона, – обратился он к Мартину Беку. – Впечатление такое, словно сидишь в кабинете вместе с арифмометром.

– Я знаю.

– Который курит самый вонючий табак в мире, – добавил Колльберг.

– погоди немного, сейчас начну, – заверил его Меландер.

– Не сомневаюсь. Господи, ну и устал же я, – сказал Колльберг.

– Ты мало спишь, – упрекнул его Меландер.

– Это точно.

– Тебе нужно как следует выспаться. Я сплю каждую ночь восемь часов. Засыпаю, как только касаюсь головой подушки.

– И что на это говорит твоя жена?

– Ничего. Она засыпает еще быстрее, иногда мы даже не успеваем выключить свет.

– Счастливчики. О себе этого сказать не могу.

– Почему?

– Не знаю. Просто не могу уснуть.

– И что же ты делаешь?

– Лежу на спине и размышляю о том, что ты за фрукт.

Колльберг углубился в почту. Меландер вытряхнул трубку и уставился в потолок. Мартин Бек знал его и понял, что в данный момент он начал пополнять новыми подробностями свою бесценную картотеку памяти, которая находилась у него в голове и в которой он накапливал все, что видел, читал или слышал в жизни.

Через полчаса после обеда девушка из секретариата принесла готовый перевод.

Мартин Бек снял пиджак, закрыл дверь и принялся за чтение.

Сначала письмо. Кафка писал:

«Дорогой Мартин,

Мне кажется, я знаю, о чем ты думаешь. Протоколы двух допросов, которые я высылаю, являются дословной

записью с магнитофонной ленты. Я ничего в них не изменил и ничего не сократил. Если тебе понадобится, я смогу найти и других людей, которые ее знали, но думаю, что эти двое знали ее лучше всех. Надеюсь, вы схватите того подонка, который это сделал. Когда поймаешь этого мерзавца, не забудь приложить ему на память и от меня. Высылаю тебе также биографические данные, которые мне удалось наскрести, и краткий комментарий к протоколам допросов.

Искренне твой Элмер»

Мартин Бек отложил в сторону письмо и придвинул к себе протоколы. На первом было написано:

«Допрос Эдгара М. Малвени в прокуратуре г. Омаха, штат Небраска, 11 октября 1964 года. Следователь: детектив-лейтенант Кафка. Присутствует при допросе: сержант Ромни».

«Кафка: Вы Эдгар Монкур Малвени, вам тридцать три года, проживаете в Омахе на Двенадцатой Ист-стрит, по образованию инженер, уже год работаете заместителем заведующего отделом в «Нортен Электрикал Корпорейшн» в Омахе. Верно?

Малвени: Да, верно.

К.: Вы допрашиваетесь не под присягой, и ваши ответы не будут регистрироваться гражданским нотариусом. Некоторые вопросы, которые я стану вам задавать, будут касаться интимных подробностей вашей частной жизни и могут оказаться для вас неприятными. Вас допрашивают для того, чтобы получить необходимую информацию, и ничто из того, что вы скажете, не будет опубликовано или

использовано против вас. Я не могу заставить вас отвечать, но хотел бы сказать следующее: если вы ответите на все вопросы правдиво и как можно подробнее, это может в значительной степени помочь найти и арестовать лицо или лиц, виновных в убийстве Розанны Макгроу.

М.: Я сделаю все, что будет в моих силах.

К.: Одиннадцать месяцев назад вы еще проживали в Линкольне. Вы там и работали?

М.: Да, я работал инженером в городском управлении, в отделе городского освещения.

К.: Где вы проживали?

М.: В меблированных номерах на Гриноук-стрит, восемьдесят три. Мы жили вдвоем с одним коллегой, оба были холосты.

К.: Когда вы познакомились с Розанной Макгроу?

М.: Почти два года назад.

К.: Другими словами, осенью шестьдесят второго года.

М.: Да, в ноябре.

К.: При каких обстоятельствах вы познакомились?

М.: Мы познакомились на вечеринке у одного моего коллеги. Джонни Матсона.

К.: Значит, в компании?

М.: Да.

К.: Этот Матсон встречался с Розанной Макгроу?

М.: Вряд ли. Он устраивал что-то вроде вечеров открытых дверей, там собиралось много народу, одни входили, другие выходили. Джонни был знаком с ней поверхностно, по библиотеке, где она работала. Он приглашал много самых разных людей. Бог знает, где он их находил.

К.: Как получилось, что вы познакомились с Розанной Макгроу?

М.: Не знаю – просто мы там встретились.

К.: Вы шли на вечеринку с намерением познакомиться там с какой-нибудь женщиной?

(Молчание.)

К.: Вы можете ответить на мой вопрос?

М.: Я пытаюсь вспомнить, как это было. Да, возможно, потому что тогда у меня не было постоянной подруги. Но, скорее всего, я пошел туда лишь потому, что мне нечего было делать.

К.: И что же там произошло?

М.: Я уже говорил, что мы с Розанной познакомились чисто случайно. Немного поболтали, потом танцевали.

К.: Сколько раз?

М.: Два первых танца, вечеринка еще не была в разгаре.

К.: Так, значит, вы познакомились в самом начале?

М.: Да, именно так и было.

К.: А потом?

М.: Потом я предложил, чтобы мы ушли.

К.: После того, как вы два раза потанцевали?

М.: Точнее говоря, когда мы танцевали второй раз.

К.: А почему вы ей это предложили?

М.: Я действительно должен отвечать на такие вопросы?

К.: В противном случае весь наш разговор станет бессмысленным.

М.: Ну, хорошо. Я заметил во время танца, что она возбуждена.

К.: Возбуждена? В каком смысле? Вы имеете в виду – сексуально возбуждена?

М.: Да, что-то вроде этого.

К.: Как вы это определили?

М.: Этого я не могу (молчание) точно объяснить. Но было очень заметно. Если судить по тому, как она себя вела. Точнее сказать не могу.

К.: А вы сами? Вы тоже испытывали сексуальное возбуждение?

М.: Да.

К.: И что же вам ответила мисс Макгроу?

М.: Она сказала: «Хорошо, идем».

К.: Вот так просто?

М.: Да.

К.: Вы что-нибудь пили?

М.: Максимум один martini.

К.: А мисс Макгроу?

М.: Розанна никогда не пила.

К.: Так, значит, вы вместе ушли с вечеринки. Что было дальше?

М.: Я был без машины, поэтому мы взяли такси и поехали к ней домой. На Вторую Саут-стрит, номер сто шестнадцать. Она до сих пор там живет, я хотел сказать, жила.

К.: И вот так просто она разрешила вам подняться к ней?

М.: Ну, мы сказали друг другу несколько глупостей, сами знаете, как обычно говорят. Я не помню точно, о чем мы разговаривали. И так было видно, что она скучает.

К.: Происходило ли что-нибудь в такси?

М.: Мы целовались.

К.: Она сопротивлялась?

М.: Не особенно. Я же говорю, мы целовались.
(Молчание.)

К.: Кто расплатился с шофером?

М.: Розанна. Я не успел ей помешать.

К.: Что было потом?

М.: Ну, потом мы пошли к ней в квартиру. Там было красиво. Помню, меня это удивило. У нее было много книг.

К.: Что вы делали потом?

М.: Ну...

К.: Вы вступили друг с другом в половые сношения?

М.: Да.

К.: Когда?

М.: Почти сразу.

К.: Вы можете попытаться описать, как это происходило?

М.: Простите, не понимаю, зачем это нужно. Вы что же, проводите частное исследование для профессора Кинси⁸?

К.: Мне очень жаль, но я вынужден вам напомнить то, о чем говорил в самом начале нашей беседы. Это может иметь определенное значение. (Молчание.) Вы не можете вспомнить?

М.: О Господи, конечно же могу! Еще как! (Молчание.) У меня такое чувство, словно я предаю человека, который мне ничего плохого не сделал и которого к тому же уже нет в живых.

⁸ *Кинси Альфред Чарлз* (1894–1956) – сексолог, провел исследование сексуального поведения мужчин и женщин, основанное на 18.500 интервью. Директор института сексуальных исследований.

К.: Я очень хорошо понимаю ваши чувства. И если так настаиваю, то лишь потому, что нам необходима ваша помощь.

М.: Ну, ладно, спрашивайте.

К.: Вы вошли в квартиру. Что было дальше?

М.: Она разулась.

К.: Дальше.

М.: Мы целовались.

К.: Дальше.

М.: Она пошла в спальню.

К.: А вы?

М.: Я пошел с ней. Вы хотите услышать подробности?

К.: Да.

М.: Она разделась и легла.

К.: Легла на постель?

М.: Нет, в постель и прикрылась.

К.: Она полностью разделась?

М.: Да.

К.: Создалось ли у вас впечатление, что она стесняется?

М.: Вовсе нет.

К.: Она погасила свет?

М.: Нет.

К.: А вы? Что делали вы?

М.: Ну, а как по-вашему?

К.: Вы вступили друг с другом в половую связь?

М.: Черт возьми, а чем же мы еще занимались? Щелкали орешки? Извините, но...

К.: Вы долго там оставались?

М.: Точно не помню, примерно до одного-двух часов ночи. Потом пошел домой.

К.: В тот раз вы впервые увидели мисс Макгроу?

М.: Да, впервые.

К.: Что вы о ней думали, когда оттуда уходили? И на следующий день? (Молчание.)

М.: Я думал... сначала я думал, что она обычная шлюха, хотя она не производила такого впечатления. Позже решил, что она нимфоманка. И то и другое было неправдой. Теперь... теперь, когда ее уже нет в живых, я понимаю, было чистейшим безумием, что нечто подобное могло прийти мне в голову. (Молчание.)

К.: Послушайте. Я хотел бы вас заверить, что мне так же неловко задавать вам такие вопросы, как и вам на них отвечать. Я бы никогда не позволил себе ничего подобного, если бы при этом не преследовал определенной цели. И, к сожалению, это только начало.

М.: Не злитесь, что я только что вышел из себя. Я просто не привык к такой обстановке. Я сам себе кажусь сумасшедшим, сидящим в этой стеклянной клетке и рассказывающим о Розанне такие вещи, каких никогда никому не рассказывал, и при этом снаружи бегают полицейские, крутится магнитофон, а в углу сидит сержант и не сводит с меня взгляда. К сожалению, я недостаточно циничен, особенно, когда речь идет о...

К.: Джек, пожалуйста, опусти шторы на этой стеклянной стене. И подожди снаружи.

(Молчание.)

Ромни: До свидания.

М.: Пожалуйста, извините меня.

К.: Вам не за что извиняться. Так что же произошло между вами и мисс Макгроу? После вашей первой встречи?

М.: Через два дня я позвонил ей. На этот раз ей не хотелось со мной встречаться, она прямо мне об этом сказала, но если у меня возникнет желание, я должен ей позвонить. Когда я позвонил вторично, примерно через неделю, она сказала, чтобы я пришел.

К.: И вы...

М.: Да, я пришел. Так мы начали встречаться. Иногда раз в неделю, иногда два раза. Мы всегда встречались в квартире Розанны. Часто в субботу, в таких случаях, я оставался у нее и на воскресенье, когда ни мне, ни ей ничего было делать.

К.: Как долго продолжалась ваша связь?

М.: Восемь месяцев.

К.: Почему она закончилась?

М.: Потому что я в нее влюбился.

К.: Сожалею, но я вас совершенно не понимаю.

М.: Все очень просто. По правде говоря, я уже давно был в нее влюблен. Она мне очень нравилась. Но мы никогда не говорили о любви, и я не хотел ей в этом признаться.

К.: Почему же?

М.: Потому, что не хотел ее потерять. А когда однажды я сказал ей об этом... ну, все сразу было кончено.

К.: Как это произошло?

М.: Вы должны понять, что Розанна была самой рациональной женщиной из всех, кого я когда-либо знал. Я нравился ей, а главное, она с удовольствием со мной спала. Но жить со мной она не хотела и никогда этого не скрывала. Мы оба очень хорошо знали, почему встречаемся друг с другом.

К.: Как она отреагировала, когда вы сказали, что любите ее?

М.: Ей это не понравилось, потом она сказала: «Сегодня напоследок побудем вместе, завтра уйдешь и все. Мы больше не будем встречаться».

К.: И вы согласились без всякого сопротивления?

М.: Да. Если бы вы знали ее так же хорошо, как я, то поняли бы, что ничего другого не остается делать.

К.: Когда это было?

М.: Третьего июля прошлого года.

К.: И всякие контакты между вами прекратились?

М.: Да.

К.: У нее были какие-нибудь мужчины, кроме вас, в тот период, когда вы встречались?

М.: И да, и нет.

К.: Другими словами, у вас создалось впечатление, что иногда у нее что-то было и с другими?

М.: Дело не в том, какое у меня создалось впечатление. Я это знал. В марте я был в четырехнедельной технической школе в Филадельфии. Еще до моего отъезда она сказала, что мне не следует рассчитывать на то, что она сможет... может так долго сохранять мне верность. Вернувшись, я спросил ее об этом. Она ответила, что сделала это один раз – через три недели.

К.: Она вступила в интимную связь с другим?

М.: Да. Это отвратительное выражение. А я оказался таким болваном, что спросил, кто это был.

К.: Что же она вам ответила?

М.: Что это не мое дело. Что ж, возможно, это и правда, с её точки зрения.

К.: В течение этих восьми месяцев у вас были регулярные интим... вы регулярно спали вместе, если я вас правильно понял?

М.: Да.

К.: А в те вечера, когда вы не встречались, чем она занималась?

М.: Сидела одна. Ей очень нравилось быть одной. Она читала невероятное количество книг. Кроме того, по вечерам она работала. Все время что-то писала, не знаю что. Никогда мне об этом не рассказывала. У Розанны был ужасно самостоятельный характер. Кроме того, у нас не было никаких общих увлечений. Разве что одно. Но нам было хорошо вдвоем. Правда.

К.: Откуда у вас такая уверенность, что она сидела одна, если вас там не было?

М.: Я... иногда меня охватывала ревность и несколько раз, когда она не хотела меня видеть, я шел к ней и ходил возле ее дома. Два раза я стоял там с той минуты, когда она пришла домой, и до тех пор, когда она утром ушла.

К.: Вы давали ей деньги?

М.: Никогда.

К.: Почему?

М.: Ей не нужны были мои деньги, она сказала это в самом начале. Когда мы иногда куда-нибудь ходили вдвоем, она всегда за себя платила.

К.: Что она делала потом, когда вы перестали встречаться?

М.: Не знаю. Я больше никогда ее не видел. Вскоре я нашел другое место и переехал в Омаху.

К.: Какой у нее, по-вашему, был характер?

М.: Я уже сказал, она была очень самостоятельная. Порядочная. И очень естественная – во всех отношениях. Например, никогда не пользовалась косметикой и не носила драгоценностей. Она производила впечатление спокойной, терпеливой, но однажды сказала, что не хочет видеть меня слишком часто, потому что знает, что я начну действовать ей на нервы. Вроде бы у нее это так со всеми, но она не хочет, чтобы так произошло между нами.

(Молчание.)

К.: Теперь я задам вам несколько вопросов весьма интимного характера.

М.: Спрашивайте. Теперь уже я готов отвечать на все вопросы.

К.: Имеете ли вы приблизительное представление о том, сколько раз вы были вместе?

М.: Да. Сорок восемь.

К.: Вы это знаете настолько точно?

М.: Да. Могу вам даже сказать почему. Каждый раз, когда мы были вместе, я ставил красный кружок в рабочем календаре. Прежде чем его выбросить, я их сосчитал.

К.: Как вы считаете, ее сексуальное поведение было нормальным?

М.: Она была очень сладострастная.

К.: У вас было достаточно опыта, чтобы судить об этом?

М.: Мне был тридцать один год, когда я с ней познакомился. У меня уже имелся кое-какой опыт.

К.: Она испытывала оргазм во время полового акта?

М.: Да, каждый раз.

К.: Вы совершали половые акты несколько раз подряд?

М.: Нет. Никогда. В этом не было необходимости.

К.: Вы пользовались противозачаточными средствами?

М.: У Розанны были какие-то таблетки. Она каждый раз принимала одну.

К.: У вас была привычка обсуждать сексуальные проблемы?

М.: Никогда. Мы знали все, что нам нужно было знать.

К.: Она вам рассказывала о своем предыдущем опыте?

М.: Никогда.

К.: А вы?

М.: Только один раз. Мне показалось, что это ее абсолютно не интересует и больше я на эту тему не говорил.

К.: А о чем вы вообще разговаривали?

М.: О чем угодно. Большею частью о самых обыкновенных вещах.

К.: С кем она встречалась кроме вас?

М.: Ни с кем. У нее была подруга, коллега по библиотеке, но в нерабочее время они виделись очень редко. Я уже говорил, что Розанна была самым настоящим затворником.

К.: Но на ту вечеринку, где вы познакомились, она пошла.

М.: Да, чтобы найти там кого-нибудь, с кем бы она могла переспать. Она до этого... у нее долго никого не было.

К.: Как долго?

М.: Больше шести недель.

К.: Откуда вы об этом знаете?

М.: Она мне сказала.

К.: Ее было трудно успокаивать?

М.: Для меня – нет.

К.: Она была капризная?

М.: Она требовала лишь то, что требует любая нормальная женщина. Чтобы мужчина отдавал ей себя всего без остатка. Надеюсь, вы меня понимаете.

К.: У нее были какие-нибудь странные привычки?

М.: Вы имеете в виду в постели?

К.: Да.

М.: А закон Гаррисона в Небраске действует?

К.: Нет, насчет этого здесь вы можете не опасаться.

М.: Ну, ладно, уже все равно. У нее была одна довольно странная привычка. Она царапалась.

К.: Когда?

М.: Почти непрерывно. Но в основном во время оргазма.

К.: Как?

М.: Как?

К.: Да, как именно она царапалась?

М.: Ну, двумя руками и всеми пальцами. Как когтями. По спине, по бокам и даже по затылку. У меня после этого до сих пор шрамы. Я уже от них не избавлюсь.

К.: В своей сексуальной игре она использовала много вариаций?

М.: Ну и выражения у вас. Нет – она лежала каждый раз совершенно одинаково. На спине, под ягодицы подкладывала подушку, ноги широко разводила в стороны и высоко поднимала. Она была абсолютно естественной, рациональной и реалистичной в этом так же, как и во всем остальном. Ей хотелось делать это основательно и каждый

раз как можно дольше, без отклонений и выдумок, тем единственным способом, который для нее являлся естественным.

К.: Да, понимаю.

М.: Трудно было бы теперь не понять.

(Молчание.)

К.: И еще одно. Из того, что вы мне рассказали, следует, что в течение всего того времени, когда вы встречались, первым вступали с ней в контакт именно вы. Вы ей звонили, и она отвечала, приходить вам или же ей не хочется, и вы должны позвонить в другой раз. Приходить вам или нет, каждый раз решала она?

М.: Да, именно так и было.

К.: Случалось ли иногда, чтобы она позвонила сама и попросила вас прийти?

М.: Да, четыре или пять раз.

(Молчание.)

К.: Вам без нее было тяжело?

М.: Да.

К.: Вы были весьма искренни и очень нам помогли. Благодарю вас.

М.: Надеюсь, вы понимаете, что этот разговор должен остаться между нами. На Рождество я познакомился с одной девушкой и в феврале женился на ней.

К.: Само собой. Я ведь сказал об этом в самом начале.

М.: Хорошо, можете теперь уже выключить этот магнитофон.

К.: Да».

Мартин Бек отодвинул в сторону листы протокола и задумчиво вытер платком пот со лба и ладоней. Прежде

чем снова приняться за чтение, он пошел в туалет, ополоснул лицо и выпил стакан воды.

XIII

Второй протокол был намного короче первого. Кроме того, тон у него был совершенно иной.

«Допрос Мэри Джейн Питерсон в полицейском управлении Линкольна, Небраска, 10 октября 1964 года. Допрос проводит: детектив-лейтенант Кафка. Присутствует: сержант Ромни».

«Ромни: Это Мэри Джейн Питерсон. Не замужем, возраст двадцать восемь лет, адрес: Вторая Саут-стрит, шестьдесят два. Работает в городской библиотеке Линкольна.

Кафка: Пожалуйста, присаживайтесь, мисс Питерсон.

Питерсон: Спасибо. Что вам от меня нужно?

К.: Несколько вопросов.

П.: О Розанне Макгроу?

К.: Да.

П.: Все, что знала, я уже сказала. Я получила от нее открытку. Это все. Вы что, притащили меня сюда в рабочее время, чтобы еще раз это услышать?

К.: Вы дружили с мисс Макгроу?

П.: Да.

К.: Вы жили вместе до того, как мисс Макгроу нашла себе квартиру?

П.: Да. Год и два месяца. Она приехала из Денвера, ей негде было жить, и я сказала, что она может пожить у меня.

К.: Расходы на ведение домашнего хозяйства вы делили поровну?

П.: Естественно.

К.: Когда она переехала от вас?

П.: Примерно два года назад, весной шестьдесят второго.

К.: Вы продолжали с ней видеться?

П.: Мы виделись ежедневно в библиотеке.

К.: Вы проводили вместе вечера?

П.: Не очень часто. У нас было много работы.

К.: Какой, по вашему мнению, был характер у мисс Макгроу?

П.: «De mortuis nil nisi bene».

К.: Джек, ты можешь продолжить? Я вернусь через минуту.

Р.: Лейтенант Кафка спросил, какой, по вашему мнению, характер у мисс Макгроу.

П.: Я услышала и ответила: «De mortuis nil nisi bene». Это по латыни и означает: «О мертвых ничего, кроме хорошего».

Р.: Вопрос звучал следующим образом: какой у нее был характер?

П.: Об этом можете спросить кого-нибудь другого. Я уже могу идти?

Р.: Можете попытаться и увидите, что получится.

П.: Вы дерзкий хам. Вам об этом еще никто не говорил?

Р.: Если бы я был на вашем месте – упаси меня Господь от этого, – то воздержался бы от таких слов.

П.: С чего бы это?

Р.: Потому что мне это могло бы не понравиться.

П.: Ха-ха-ха.

Р.: Какой был характер у мисс Макгроу?

П.: Спросите об этом кого-нибудь другого, тупица.

К.: О'кей, Джек. Мисс Питерсон!

П.: Да, что еще?

К.: Почему вы перестали жить вместе с мисс Макгроу?

П.: Нам там было тесно. Кроме того, не понимаю, какое вам до этого дело?

К.: Но вы ведь были хорошими подругами, разве не так?

П.: Да, сами знаете.

К.: Вот передо мной лежит донесение, составленное в третьем полицейском округе 8 апреля 1962 года. Ночью, без десяти час, жильцы дома номер шестьдесят два по Второй Саут-стрит сообщили, что из квартиры на четвертом этаже доносятся крики, звуки ссоры и громкий шум. Когда через десять минут приехал патруль, полицейские Флинн и Ричардсон, жильцы данной квартиры отказались открыть дверь, в связи с чем патруль потребовал, чтобы домовладелец обеспечил им доступ в квартиру, открыв дверь своим универсальным ключом. В квартире находились вы и мисс Макгроу. Мисс Макгроу была в халате, а вы – в туфлях на высоких каблуках и том, что Флинн назвал белым вечерним платьем. У мисс Макгроу шла кровь из раны на лбу. В квартире царил беспорядок. Ни одна, ни другая не захотела сообщить, что произошло, и после того, как было восстановлено спокойствие, – как говорится в этом донесении – патруль покинул вашу квартиру.

П.: Зачем вам понадобилось вспоминать эту старую историю?

К.: На следующий день мисс Макгроу переехала в гостиницу, а еще через неделю нашла себе квартиру на той же улице, в нескольких кварталах дальше.

П.: Повторяю: зачем вам понадобилось вспоминать эту старую скандальную историю? Вряд ли она теперь может мне каким-то образом навредить.

К.: Я просто пытаюсь вас убедить, что на наши вопросы нужно отвечать. Кроме того, самое разумное – всегда говорить правду.

П.: Ну, ладно, как вам угодно. Я выгнала ее. Ну и что? Это была моя квартира.

К.: А почему вы ее выгнали?

П.: Какое теперь это имеет значение? Кого может интересовать ссора трехлетней давности между двумя друзьями?

К.: Нас интересует все, что имеет отношение к Розанне Макгроу. Как вам известно из газет, пока что о ней написано не очень много.

П.: Вы хотите сказать, что можете всю эту историю опубликовать в газете?

К.: Ведь это не секретный документ.

П.: В таком случае не понимаю, как газетчики еще все не раскопали?

К.: Возможно, частично потому, что сержант Ромни оказался там раньше, чем репортеры. Когда он отправит этот документ обратно в городской архив, любой желающий сможет там ознакомиться с донесением.

П.: А если он не отправит?

К.: В этом случае дело будет обстоять несколько иначе.

П.: А этот протокол тоже не секретный документ?

К.: Секретный.

П.: Это точно?

К.: Да.

П.: Ладно. Что вас интересует? Только побыстрее, чтобы я успела уйти до того, как на меня нападет истерика.

К.: Почему вы заставили мисс Макгроу переехать?

П.: Потому, что она выставила меня на посмешище.

К.: Каким образом?

П.: Розанна была шлюхой. Она была самой настоящей проституткой. Я ей так и сказала.

К.: И что же она ответила?

П.: Послушайте, лейтенант, на такие вульгарные, грубые слова Розанна ничего не ответила, она была выше этого. Она просто лежала голая в постели, как обычно, и читала какое-то философское сочинение. А меня окинула непонимающим и высокомерным взглядом.

К.: Она была темпераментная?

П.: Вовсе нет.

К.: Что же послужило причиной столь резкого решения?

П.: Попробуйте сами догадаться. В конце концов, на это у вас должно хватить воображения.

К.: Какой-нибудь мужчина?

П.: Один бедняга, с которым ей внезапно захотелось переспать. А я в это время ждала его в ресторане в тридцати милях оттуда. Он не понял, как мы договорились, — тоже был тупицей — и решил, что должен прийти ко мне домой. Когда он явился, я уже ушла. Розанна же была дома. Она все время сидела дома. Ну, а потом случилось то, что

случилось. Слава Богу, этот болван исчез до того, как я вернулась. Потому что в противном случае я бы сейчас клеила пакеты в тюрьме, в Сиу-сити.

К.: Откуда вы узнали, что за время вашего отсутствия что-то произошло?

П.: Она мне сказала. Розанна всегда говорила правду. «Зачем же ты это сделала?» – спросила я. «Моя милая Мэри Джейн, мне захотелось». Кроме того, ей нельзя было отказать в логике. «Вот видишь, моя милая Мэри Джейн, он тебя недостоин».

К.: Вы по-прежнему утверждаете, что были подругами с мисс Макгроу?

П.: Как ни странно, были. Если Розанна вообще имела какого-нибудь друга, то им была я. Когда она переехала, стало лучше: мы не должны были теперь смотреть друг на друга с утра до вечера. Когда она приехала после окончания университета, то уже была сиротой. Незадолго до этого в Денвере умерли ее родители, почти в один и тот же день. Сестер и братьев или родственников у нее не было, я уж не говорю о друзьях. Кроме того, у нее не было ни цента в карманах. Возникли какие-то осложнения с наследством, и прошло несколько лет, прежде чем она получила деньги. Это произошло вскоре после того, как она нашла себе новую квартиру.

К.: Какой у нее был характер?

П.: Мне кажется, у нее был какой-то комплекс самостоятельности; из-за него с ней происходили невероятные вещи. Ею владела навязчивая идея, что она не должна хорошо одеваться. Считала достоинством ходить как пугало. В лучшем случае носила вытертые джинсы и бесформен-

ные свитера. Ей стоило больших усилий надевать платье, когда она шла на работу. У нее была куча странных замашек. Бюстгальтер она почти никогда не надевала, хотя он ей был нужен больше, чем многим другим. Не ходила в туфлях. Всегда говорила, что вообще не переносит одежды. По выходным могла ходить целый день голая. Ночной рубашки или пижамы для нее словно не существовало. Меня это ужасно нервировало.

К.: Она была неаккуратная?

П.: К своей внешности она относилась так, словно делала кому-то назло. Будто бы и не слыхала, что существует косметика, парикмахер или колготки. Но в других делах доходила до педантизма, особенно если речь шла о книгах.

К.: Какие у нее были интересы?

П.: Много читала. И много писала, только не спрашивайте меня что, потому что я этого не знаю. Летом проводила целые часы на природе. Утверждала, что ужасно любит гулять. Кто хочет, может это проверить. Ну и, конечно, мужчины. Других интересов у нее не было.

К.: Мисс Макгроу была привлекательной женщиной?

П.: Ни в малейшей степени. Неужели вы не поняли этого из того, что я рассказывала? Конечно, если вообще меня слушали. Но по мужчинам она сходила с ума, хотя при этом ставила их гораздо ниже женщин.

К.: У нее был постоянный приятель?

П.: После того, как она от меня переехала, она некоторое время встречалась с каким-то мужчиной, который работал в отделе городского освещения. Примерно полгода, пару раз я их видела. Одному Богу известно, сколько раз она ему изменила, наверняка раз сто.

К.: Когда вы жили вместе, она часто приводила домой мужчин?

П.: Да.

К.: Как вы понимаете слово «часто»?

П.: А что под ним подразумеваете вы?

К.: Это случилось несколько раз в неделю?

П.: Ну уж нет, этого она себе позволить не могла.

К.: Как часто это случилось? Отвечайте.

П.: Я прощаю вам этот ваш тон.

К.: Я разговариваю таким тоном, какой считаю нужным. Она часто приводила с собой домой мужчин?

П.: Раза два в месяц.

К.: И каждый раз это был кто-то другой?

П.: Не знаю. Каждый раз я не видела. Только иногда. Она почти всегда сидела дома и приводила мужчин, когда я уходила на танцы или еще куда-нибудь.

К.: Мисс Макгроу никогда не ходила с вами?

П.: Никогда. Я даже не знаю, умела ли она вообще танцевать.

К.: Вы можете назвать имена некоторых мужчин, с которыми она встречалась?

П.: Ну, например, один немецкий студент, мы познакомились с ним в библиотеке. Я их познакомила. Помню, его звали Милденбергер. Ули Милденбергер. Она приводила его домой раза три-четыре.

К.: За какой период времени?

П.: За месяц, может быть, за пять недель. Но он звонил ей ежедневно, так что они встречались еще где-то. Он жил здесь, в Линкольне, несколько лет, но в этом году весной вернулся в Европу.

К.: Как он выглядел?

П.: Эффектно. Высокий, широкоплечий блондин.

К.: Вы с этим Милденбергером тоже находились в интимной связи?

П.: Послушайте, какое вам до этого дело?

К.: Сколько мужчин, по вашему мнению, она привела домой за то время, что вы жили вместе?

П.: Ну... примерно шесть-семь.

К.: Мисс Макгроу привлекали мужчины какого-то определенного типа?

П.: В этом отношении она была совершенно нормальной. Достаточно, чтобы мужчина был не совсем уродом и порядочным человеком.

К.: Что вам известно о ее поездке?

П.: Только то, что она давно ее планировала. Хотела отправиться в Европу на пароходе, путешествовать там около месяца и посмотреть как можно больше. Потом она хотела остаться там еще на один месяц и где-нибудь просто пожить. В Париже, Риме или в каком-нибудь другом месте. А почему вы меня об этом спрашиваете? Ведь их полиция застрелила того убийцу, разве не так?

К.: К сожалению, это была неточная информация. Недоразумение.

П.: Ну, так я могу идти? В отличие от некоторых, у меня работы хватает.

К.: Как вы отреагировали, когда узнали, что случилось с мисс Макгроу?

П.: Я была потрясена, но должна сказать, что меня это не очень удивило.

К.: Отчего же?

П.: И вы еще спрашиваете? При таком образе жизни?

К.: Благодарю вас, мисс Питерсон. Это все.

П.: Вы не забыли, что обещали мне?

К.: Я вам ничего не обещал. Джек, можешь выключить магнитофон».

Мартин Бек откинулся на стуле, поднес левую руку ко рту и принялся грызть ноготь на указательном пальце.

Потом он взял последний лист бандероли из Линкольна и рассеянно прочел комментарий Кафки.

«Розанна Беатриса Макгроу, родилась 18.05.1937 в Денвере, Колорадо. Отец – фермер, ферма в двадцати милях от Денвера. Образование: школа в Денвере, потом три года в Колорадском университете. Родители умерли осенью 1960 года. Наследство в сумме около 20.000 долларов было выплачено в июле 1962 года. Мисс Макгроу умерла, не оставив завещания, и, насколько известно, наследников у нее нет.

Что касается степени надежности свидетелей, то, по моему мнению, Мэри Джейн Питерсон умышленно искажала некоторые факты и не упомянула о таких подробностях, которые, в ее глазах, могли бы неблагоприятно отразиться на ее репутации. Если же говорить о показаниях Малвени, то у меня была возможность проверить кое-какие пункты. Информация о том, что в период с ноября 1962 года по июль 1963 года у Р. М. был только один мужчина, подтвердилась. Это следует из дневника, который я нашел в ее квартире. Было это 22 марта, его инициалы У. М. (Ули Милденбергер?). Своих знакомых она всегда записывала именно так: дата и инициалы. В показаниях Малвени я не обнаружил неточностей или лжи.

Свидетели. Малвени, рост 185 см, крепкого телосложения, глаза синие, волосы темно-русые. Производит впечатление открытого и немного наивного. Мэри Джейн Питерсон – та еще штучка. Одета очень элегантно. Стройная, с великолепной фигурой. В нашей картотеке ни он, ни она не числятся, если не считать того смешного дела о нарушении тишины в доме в 1962 году.

Кафка».

Мартин Бек надел пиджак и снял с предохранителя дверной замок. Потом вернулся к столу. Разложил перед собой бумаги Кафки и остался неподвижно сидеть на стуле, положив локти на стол и обхватив голову руками.

XIV

Мартин Бек поднял голову от протоколов допросов, когда в кабинет без стука ворвался Меландер. На него это было непохоже.

– Карл-Оке Эриксон-Стольт, – воскликнул Меландер, – помнишь его?

Мартин Бек на секундочку задумался.

– Ты имеешь в виду кочегара с «Дианы»? Это его так звали?

– Сейчас его зовут Эриксон. А два с половиной года назад его звали Эриксон-Стольт. Ему дали год за растление несовершеннолетней, девушке ещё не было тринадцати. Ну, вспомнил? Такой волосатый нахал, отвратительный тип.

– Погоди, кажется, вспоминаю. Ты уверен, что это он?

– Я проверил в главном управлении регистрации моряков. Это он, на все сто процентов.

– Я уже точно не помню, что в тот раз произошло. Он жил в Сундбюберге?

– В Хагалунде, у мамочки. Это произошло, когда мать была на работе. Сам он не работал. Пригласил к себе в квартиру дочь домовладельца. Ей еще не было тринадцати, а позднее оказалось, что у нее к тому же замедленное умственное развитие. Заставил ее пить алкоголь, думаю, смешал коньяк с соком. Когда она опьянела, пытался ее растлить.

– А ее родители об этом заявили, так?

– Да, и я этим занимался. На допросе он пытался оправдываться, утверждал, что думал, будто девушка уже взрослая и она сама хотела. В лучшем случае, она выглядела лет на одиннадцать, и для своего возраста была совершеннейшим ребенком. Мы отправили ее на обследование, и доктор сказал, что шок может оставить следы; чем все это для нее закончилось, не знаю. Эриксон получил год принудительных работ.

Мартин Бек похолодел внутри при мысли, что этот человек был на борту вместе с Розанной.

– Где он теперь?

– На одном финском грузовом судне, под названием «Калайоки». Я выясню, где оно сейчас находится.

Как только за Меландером закрылась дверь, Мартин Бек поднял телефонную трубку и позвонил в Муталу.

– Надо на него поглядеть, – заявил Ольберг. – Позвони мне, как только узнаешь что-нибудь в судовой компании. Я приведу его даже в том случае, если мне лично придется за ним плыть. Второй кочегар тоже на каком-то судне, но я быстро его найду. Кроме того, надо будет еще раз побесе-

довать с механиком. Он уже не плавает, а работает в «Электролюксе».

Разговор закончился. Мартин Бек сидел, сложив руки на коленях, и раздумывал над тем, что нужно предпринять дальше. Наконец он вскочил и быстро поднялся по лестнице на верхний этаж.

Когда он вошел, Меландер как раз клал телефонную трубку. Колльберга в кабинете не было.

– Это судно, «Калайоки», сейчас идет из Хольмсунда. Послезавтра ночью будет в Сёдерхамне. Судовая компания подтвердила, что Эриксон находится на судне.

Мартин Бек вернулся в свой кабинет и снова позвонил в Муталу.

– Я возьму с собой еще одного человека и заеду за ним, – сказал Ольберг. – Позвоню тебе, как только мы вернемся.

Несколько секунд было тихо. Потом Ольберг сказал:

– Думаешь, это он?

– Не знаю. Это может быть обыкновенная случайность. Я видел его только один раз, причем было это больше двух лет назад – до того, как его осудили. Гнусный субъект.

Остаток рабочего дня Мартин Бек провел в кабинете. Он чувствовал, что совершенно не способен чем-либо заниматься, но, несмотря на это, ему удалось немного разобраться с текущими делами, накопившимися у него на столе. Он непрерывно думал о финском судне, идущем в Сёдерхамн. И о Розанне Макгроу.

Придя домой, он попробовал работать над своей моделью, но уже через минуту остался сидеть неподвижно, положив локти на стол и сцепив руки. Ему хотелось до-

ждать утреннего звонка Ольберга, но спать он все же пошел; спал он беспокойно и около пяти уже был на ногах.

Когда сквозь щель в двери с шуршанием упала утренняя газета, он уже успел побриться и одеться. Мартин Бек добрался до спортивной страницы, когда позвонил Ольберг.

– Ну, так мы его взяли. Строит из себя героя и не хочет говорить ни слова. Не могу утверждать, что он мне чересчур понравился. Да, я разговаривал с начальником. Он сказал, что, если возникнет необходимость, я могу спросить тебя, не будешь ли ты столь любезен приехать и провести допрос. Думаю, такая необходимость есть.

Мартин Бек посмотрел на часы. Расписание поездов он знал уже почти наизусть.

– Хорошо, я еще успею на поезд в половине восьмого. До свидания.

Таксисту он велел ехать через Кристинеберг, а в кабине взял с собой в дорогу папку с протоколами допросов и личными данными. За пять минут до отправления поезда он уже сидел в купе.

Карл-Оке Эриксон-Стольт родился в стокгольмском районе Катарина двадцать восемь лет назад. Отец умер, когда ему было шесть лет, а через год они с матерью переехали в Хагалунд. Сестер и братьев у него не было. Мать работала швеей-надомницей для фабрики пошива одежды. Воспитанием сына-школьника не занималась. Учителя о нем отзывались так: поведение посредственное, хулиган, неуправляем. Окончив школу, работал в самых разных местах, чаще всего посыльным и грузчиком. Когда ему исполнилось восемнадцать, ушел юнгой в море, потом

работал кочегаром. Начальству о нем сказать нечего. Через год снова переехал к матери и жил у нее на иждивении, но в следующем году государство взяло его на свое обеспечение. В апреле прошлого года его выпустили из лонгхольменской тюрьмы.

Мартин Бек проштудировал протоколы допросов еще вчера, но сейчас снова внимательно их прочел. В папке также находилось заключение судебного психиатра. Заключение было заумным и, в основном, изобиловало словами: неуравновешенность, заторможенность, угнетенность. Кроме того, Эриксон-Стольт имел психопатические наклонности и высокоразвитую сексуальность: комбинация этих двух элементов могла стать причиной ненормальных поступков.

С вокзала Мартин Бек сразу отправился в полицейское управление и без десяти одиннадцать постучал в дверь кабинета Ольберга. У Ольберга сидел старший комиссар Ларссон, оба выглядели уставшими, измученными и, очевидно, почувствовали облегчение от того, что теперь могут передать это дело кому-то другому. Им не удалось вытянуть из Эриксона ни единого слова, кроме вялых ругательств.

Ольберг прочел личные данные. Когда он закрыл папку, Мартин Бек сказал:

– Второго кочегара ты нашел?

– И да, и нет. Он на немецком судне, которое сейчас находится в Голландии. Сегодня утром я звонил в Амстердам и беседовал с каким-то комиссаром, который немного знает немецкий. Ты бы только послушал, на каком немецком я с ним объяснялся. Если я правильно понял, у

них в Гааге есть человек, который немного знает датский и кое-как сможет его допросить. Конечно, если они меня поняли. Рассчитываю, что завтра утром они дадут о себе знать.

Ольберг позвонил и попросил принести кофе. Выпив кофе, Мартин Бек встал и сказал:

– Ну, так я бы хотел сразу им заняться. Куда вы нас посадите?

– Можешь занять соседний кабинет. Там есть магнитофон и прочие необходимые вещи.

Эриксон выглядел примерно таким, каким его помнил Мартин Бек. Ростом сантиметров сто восемьдесят, худой, одни руки и ноги. Вытянутое лицо, синие глаза у самой переносицы, над ними длинные ресницы и прямые, густые брови. Длинный, прямой нос, маленький рот с узкими губами, выступающий вперед подбородок. Черные волосы сзади свисают через воротник, впереди надо лбом могучий кок. Длинные бакенбарды и узенькие черные усики, которых, если Мартин Бек не ошибался, раньше не было. Выглядел он вялым, голову втянул в плечи и сутулился. На нем были обтрепанные джинсы, синий шерстяной свитер, черная кожаная куртка и черные туфли с острыми носами.

– Присаживайтесь, – сказал Мартин Бек и кивнул в направлении стула у противоположного края стола. – Сигарету?

Эриксон взял сигарету, закурил и сел. Передвинул сигарету в угол рта, откинулся на стуле и перебросил правую ногу через левую. Пальцы засунул за пояс и, покачивая ногой, уставился на стенку над головой Мартина Бека.

Мартин Бек с минуту наблюдал за ним, потом включил

магнитофон, стоящий рядом на низком столике, и начал читать вслух документ из скоросшивателя.

– Эриксон, Карл-Оке, родился двадцать третьего одиннадцатого тысяча девятьсот сорок первого. Моряк, последнее место работы – финский грузовой пароход «Калайоки». Адрес: Хагалунд, Сольна. Правильно?

Эриксон едва заметно кивнул.

– Я спросил: правильно? Данные верны? Отвечайте: да или нет.

Э.: Ну, да.

Б.: Когда вы нанялись на «Калайоки»?

Э.: Примерно четыре недели назад.

Б.: Что вы делали до этого?

Э.: Ничего особенного.

Б.: Где вы это делали?

Э.: Что?

Б.: Где вы жили, когда нанялись на финское судно?

Э.: У одного приятеля в Гётеборге.

Б.: Долго?

Э.: Пару дней. Максимум неделю.

Б.: А до этого?

Э.: У мамы.

Б.: Вы работали в то время?

Э.: Нет, я был болен.

Б.: Что с вами было?

Э.: Просто был болен. Вялость, температура.

Б.: Где вы работали до того, как заболели?

Э.: На одном судне.

Б.: Как оно называлось?

Э.: «Диана».

Б.: В чем заключались ваши обязанности на борту «Дианы»?

Э.: Я был там кочегаром.

Б.: Вы долго работали на «Диане»?

Э.: Все лето.

Б.: С?..

Э.: С первого июля до середины сентября. Этот пароход плавает только летом. С глупыми туристами. Скучища. Я бы оттуда сбежал, но приятель хотел остаться, да и деньги нам были нужны.

После этой тирады Эриксон еще больше откинулся на стуле, очевидно, до смерти измученный.

Б.: А кто он такой, ваш приятель? Что он делал на «Диане»?

Э.: Тоже был кочегаром. Нас было трое в машинном отделении: приятель, я и механик.

Б.: Вы были знакомы с другими членами команды?

Эриксон подался вперед и смял сигарету в пепельнице.

Э.: Послушайте, что это за перекрестный допрос? – небрежно обронил он и снова откинулся. – Я ничего не сделал. Человек находит приличное место, все в полном порядке, как вдруг приходит пара легавых...

Б.: Будете отвечать только на мои вопросы. Вы были знакомы с другими членами экипажа?

Э.: Сначала нет. Я знал только своего приятеля. Но потом кое с кем познакомился. Был там один парень что надо, работал на верхней палубе.

Б.: А с какими-нибудь девушками во время рейса вы знакомились?

Э.: Там была только одна, которая годилась для этого дела, но она спала с поваром. Все остальные были старухи.

Б.: А среди пассажиров?

Э.: Их мы не видели. Я вообще ни одной женщины там не видел.

Б.: В машинном отделении вас было трое. Вы работали посменно?

Э.: Да.

Б.: Не припоминаете, на пароходе летом происходило что-нибудь необычное?

Э.: Нет, а что там могло произойти?

Б.: Может быть, один из рейсов был не таким, как все? Возможно, у вас в машинном отделении были какие-то неполадки?

Э.: Ну да, правда. Лопнул паропровод. Пришлось причалить в Сёдерчёпинге и ремонтировать. Это заняло чертовски много времени. Но я не виноват.

Б.: Вы можете вспомнить, когда это случилось?

Э.: Если не ошибаюсь, где-то за Стегеборгом.

Б.: Я имею в виду, в какой день.

Э.: Бог его знает. Послушайте, что вам, собственно, нужно? Что это за болтовня? Может, вы считаете, я виноват в том, что у нас произошла авария? Ну так в тот день я не работал, лежал себе в постели и спал.

Б.: Но когда отправлялись из Сёдерчёпинга, вы ведь уже заступили на вахту, так?

Э.: Ну да, и до этого тоже. Нам пришлось пахать, как волам, всем троим, чтобы эта старая посуда могла плыть дальше. Мы всю ночь ее ремонтировали, а мне пришлось работать еще и на следующий день. Механику и мне.

Б.: Когда у вас был выходной?

Э.: На следующий день вечером, после того как мы отплыли из Сёдерчёпинга.

Б.: Что вы делали, когда у вас был выходной?

Эриксон устремил на Мартина Бека ничего не выражающий взгляд и молчал.

Б.: Что вы делали после того, как закончили в тот день работу?

Э.: Ничего.

Б.: Но ведь что-то вы должны были делать. Что же именно?

И снова пустой, наглый взгляд.

Б.: Где находился пароход, когда у вас был выходной?

Э.: Не имею понятия. Где-то на озере Роксен.

Б.: Что вы делали после работы?

Э.: Ничего, я ведь уже сказал.

Б.: Но ведь что-то вы должны были делать? Вы находились в чьем-то обществе?

Эриксон пригладил сальные волосы на затылке. Вид у него был такой, словно он умирает от скуки.

Б.: Подумайте. Что вы делали?

Э.: О Господи, да что все это значит? Неужели вы думаете, что на таком дурацком пароходе можно что-то делать? Играть в футбол, что ли? Да ведь мы же были посреди озера. Да на этой посудине не оставалось ничего делать, кроме как жрать и спать.

Б.: В тот день вы были не один?

Э.: Ага, с Бриджит Бардо. Черт возьми, откуда мне знать, был я один или нет? Как я могу это помнить через столько месяцев?

Б.: Ну, хорошо, начнем сначала. Когда летом вы работали на пароходе «Диана», познакомились ли вы с каким-нибудь пассажиром или пассажирами?

Э.: Ни с какими пассажирами я не разговаривал. Кстати, команда не имеет права вступать в контакт с пассажирами. Но дело не в этом, мне просто не хотелось. Банда спесивых туристов. Чихать я на них хотел.

Б.: Как зовут вашего приятеля, который работал с вами на «Диане»?

Э.: А зачем вам? В чем, собственно, дело? Мы ведь ничего не сделали.

Б.: Как его зовут?

Э.: Роффе.

Б.: Имя и фамилия?

Э.: Роффе Шёберг.

Б.: Где он сейчас?

Э.: На каком-то немецком судне. А где оно, не знаю. По мне, так оно может быть хоть в Куала-Лумпуре.

Мартин Бек сдался. Он выключил магнитофон и встал. Эриксон медленно, с трудом начал подниматься со стула.

– Сидеть! – гаркнул на него Мартин Бек. – Будете сидеть до тех пор, пока я не разрешу вам встать.

Он позвонил Ольбергу, и через пять секунд тот появился в дверях.

– Встаньте! – сказал Мартин Бек и вышел из кабинета.

Когда Ольберг вернулся к себе, Мартин Бек сидел за столом. Он посмотрел на Ольберга и пожал плечами.

– Пойду поем, – сказал он. – Потом сделаю еще одну попытку.

XV

На следующий день в половине девятого утра Мартин Бек распорядился привести Эриксона в третий раз. Допрос

длился два часа, и результат был таким же ничтожным, как после двух попыток накануне.

Когда Эриксон вышел из кабинета, подгоняемый молоденьким полицейским, Мартин Бек переключил магнитофон на воспроизведение и позвал Ольберга. Запись они прослушали молча, лишь иногда Мартин Бек нарушал молчание краткими междометиями.

Спустя несколько часов они снова сидели в кабинете Ольберга.

– Это не он, – сказал Мартин Бек. – Я в этом почти уверен. Во-первых, он не настолько ловок, чтобы притворяться. Он просто-напросто не понимает, что нам нужно. Думаю, что он нас не обманывает.

– Возможно, ты окажешься прав, – сказал Ольберг.

– И во-вторых, кое-что мне подсказывает так называемый здравый смысл и есть то, в чем я убежден. Мы ведь уже немного знаем о Розанне, так?

Ольберг кивнул.

– Так вот, я не могу себе представить, что она по собственной воле согласилась иметь что-то с Карл-Оке Эриксоном.

– Да, ты прав. Ей это нравилось, но далеко не с каждым. Но кто сказал, что она сделала это по своей воле?

– Я говорю. Так должно было произойти. Просто она там с кем-то познакомилась и ей захотелось с ним переспать, а когда потом она поняла, что сделала ошибку, было уже поздно. Но это был не Карл-Оке Эриксон.

– Так-то оно так, но ведь все могло быть иначе, – задиристо возразил Ольберг.

– Но как? В той маленькой каютке? Думаешь, кто-то

туда ворвался и бросился на нее? Она бы сопротивлялась, кричала от страха, кто-нибудь должен был ее услышать.

– Он мог угрожать ей. Ножом или пистолетом.

Мартин Бек посмотрел на Ольберга и кивнул, затем быстро встал и подошел к окну. Ольберг не сводил с него взгляда.

– Что будем делать с ним? – спросил Ольберг. – Долго держать его здесь я не могу.

– Поговорю с ним еще раз. Думаю, он действительно не знает, почему находится здесь. Но теперь он об этом узнает.

Ольберг встал, надел пиджак и вышел.

Мартин Бек несколько минут сидел в задумчивости, потом позвонил, чтобы к нему привели Эриксона, взял папку и перебрался в соседний кабинет.

– О Господи, так что же все это значит? – начал Эриксон. – Я ничего не сделал. Вы не имеете права меня здесь держать, если я ничего не сделал. Черт бы...

– Молчите, покуда я не разрешу вам говорить. Будете отвечать на мои вопросы и больше ничего, – оборвал его Мартин Бек.

Он взял отретушированное фото Розанны Макгроу и показал его Эриксону.

– Вы знаете эту женщину?

– Нет, – заявил Эриксон. – А что это за кошечка?

– Хорошенько посмотрите на фотографию, прежде чем ответить. Вы когда-нибудь видели эту женщину?

– Нет.

– Вы в этом абсолютно уверены?

Эриксон облокотился на спинку стула и теребил указательным пальцем верхнюю губу.

- Да. Никогда в жизни ее не видел.
- Розанна Макгроу. Вам говорит что-нибудь это имя?
- Ну и имя. Наверное, какая-то актрисочка, а?
- Вы слышали когда-нибудь имя Розанна Макгроу?
- Нет.

– Ну так я вам кое-что расскажу. Женщину на этой фотографии зовут Розанна Макгроу. Она была американкой и путешествовала на борту парохода «Диана» рейсом третьего июля текущего года из Стокгольма. В этом рейсе у «Дианы» был почти целый день опоздания, сначала из-за тумана к югу от Окселёсунда, а потом из-за поломки в машине. Когда пароход «Диана» почти с десятичасовым опозданием пришел в Гётеборг, Розанны Макгроу на борту не было. В ночь с четвертого на пятое июля она была убита, а через три дня ее тело обнаружили у причала вблизи бу-ренсхультских шлюзов.

Эриксон внезапно выпрямился на стуле, словно его ударили. Он судорожно сжимал спинку стула, левый угол рта у него дергался.

– Так вот почему? Вы думаете, что я... – Он зажал ладони между колен и подался вперед так, что его подбородок оказался почти на столе. Мартин Бек видел, что у него побелел кончик носа.

– Я никого не убивал! Я никогда в жизни ее не видел! Клянусь!

Мартин Бек ничего не говорил. Он не сводил взгляда с лица сидящего перед ним мужчины и видел, как у того в тупых, выпученных глазах растут неуверенность и ужас.

Когда он заговорил, его голос звучал сухо и бесцветно.

– Где вы были и что делали вечером четвертого июля и в ночь с четвертого на пятое июля?

– Я был в своей каюте. Клянусь! Лежал и спал! Я ничего не сделал! Эту девушку я никогда в жизни не видел. Не видел!

Голос его сбился на фальцет, он безвольно откинулся на спинку стула, взметнул правую руку к губам и принялся грызть сустав указательного пальца, не сводя при этом глаз с фотографии перед собой. Он сдвинул брови, в его голосе было напряжение и истерика.

– Вы хотите меня подловить. Думаете, я не способен сообразить? Этой девушкой вы хотите меня запутать. Вы говорили с Роффе, и он вам сказал, что это сделал я, вот свинья. Выдал меня, свинья. Но это сделал он, а я не виноват. Правда. Я ничего не сделал. Роффе вам сказал, что это был я? Он это сказал?

Мартин Бек по-прежнему упрямо смотрел ему в лицо.

– Дьявол, это он сорвал замок и обчистил ту кассу.

Он подался вперед и начал говорить торопливо и сбивчиво. Слова лились из него водопадом.

– Он заставил меня пойти с ним. Он это и раньше делал. Он все придумал сам, он и только он. Я не хотел. Я сказал ему об этом. Это подсудное дело, сказал я, не пойду. Но он заставил меня, гнида. А теперь донес, свинья...

– Ну, хорошо, – сказал Мартин Бек. – Роффе донес. Теперь я хочу услышать об этом от тебя.

Спустя час он уже прослушивал запись вместе с Ларссоном и Ольбергом. Это было прекрасное описание кражи со взломом, которую Карл-Оке Эрикссон и Роффе Шёберг совершили в одной автомастерской в Гётеборге несколько недель назад.

Когда Ларссон пошел звонить в гётеборгскую полицию, Ольберг сказал:

— По крайней мере, какое-то время будем знать, где он находится. — Он молча барабанил пальцами по столу. — Итак, остается допросить всего лишь пятьдесят человек, — сказал он. — Конечно, если придерживаться версии, что преступника нужно искать среди пассажиров.

— Некоторых можно сразу исключить. Над этим сейчас работают Колльберг с Меландером. Они буквально завалены материалами. Меландер объявляет себя сторонником метода исключения и подозревает всех, включая маленьких детей и древних старушек.

Мартин Бек замолчал и посмотрел на Ольберга, который сидел перед ним понутив голову и изучал собственные ногти. Он выглядел таким же удрученным, каким был Мартин Бек, когда понял, что допрос Эриксона ничего не даст.

— Ты разочарован? — спросил он.

— Честно говоря, да. Я уже было подумал, что мы в конце пути, а оказалось, что до финиша по-прежнему далеко.

— На один шагжок вперед мы все же продвинулись. Благодаря Кафке.

Зазвонил телефон, Ольберг взял трубку. Он долго прижимал ее к уху и ничего не говорил. Потом вдруг закричал:

— Ja, ja, ich bin hier. Ahlberg hier⁹. Амстердам, — сказал он Мартину Беку; тот деликатно вышел и тихонько прикрыл за собой дверь.

Он мыл руки и приговаривал: «An, auf, ausser, hinter, in,

⁹ Да, Ольберг слушает (нем.).

neben, uber, unter, vor, zwischen¹⁰». Это вызывало у него воспоминания о сладковатом воздухе в классе много лет назад, о круглом столе с зеленой скатертью и старой учительнице с потрепанной немецкой грамматикой в пухлых руках. Когда он вернулся, Ольберг как раз закончил разговор.

– Неприятное дело, – объявил он. – Шёберга нет на судне. Он нанялся в Гётеборге, но на судно не явился. Сообщим в Гётеборг, пусть они им займутся.

В поезде Мартин Бек уснул. Проснулся он только тогда, когда поезд остановился на Главном вокзале, но окончательно пришел в себя дома в Багармуссене, улегшись в постель.

XVI

Без десяти пять Меландер затюкал в дверь. Он стучал пять секунд, потом в дверях появилось его вытянутое, узкое, меланхоличное лицо со словами:

– Ну, так я пойду домой. Можно?

Вопрос был совершенно лишним, тем не менее эта процедура повторялась ежедневно. Впрочем, ему ни разу не пришлось в голову доложить утром, что он пришел.

– Ты ведь знаешь, что можно, – сказал Мартин Бек. – До свидания. – И через мгновение добавил: – Спасибо.

Мартин Бек сидел за столом и слушал, как постепенно затихает рабочий день. Сначала умолкли телефоны, потом пишущие машинки, понемногу исчезали голоса и звуки шагов в коридорах.

¹⁰ Немецкие предлоги.

В половине шестого он позвонил домой.

– Нам подождать с ужином?

– Нет, нет, ешьте.

– Ты придешь позже?

– Не знаю, наверное.

– Ты уже целую вечность не видел детей.

Несомненно, с тех пор как он их видел и слышал, прошло не больше девяти часов и она знает это так же хорошо, как он.

– Мартин?

– Да?

– У тебя грустный голос. Какие-то неприятности?

– Нет, нет. Просто много работы.

– И больше ничего?

– Нет.

Она была такой, как всегда. Несколько банальных фраз, и разговор закончен. Он рассеянно сидел с трубкой в руке и слышал, как она положила свою. Щелчок, абсолютная тишина, словно она внезапно оказалась в тысяче миль от него. Уже много лет они толком не разговаривали.

Он наморщил лоб, тяжело вздохнул и окинул взглядом бумаги на столе. Каждая из них рассказывала ему что-нибудь о Розанне Макгроу, о последних днях ее жизни. В этом он был уверен, хотя они вообще ничего не говорили.

Бессмысленно было перечитывать их еще раз, но именно это он сейчас сделает. Через минуту этим займется.

Мартин Бек протянул руку за сигаретой, но пачка была пуста. Он бросил ее в корзину для бумаг и порылся в карманах в поисках другой. Последние недели он курил вдвое больше чем обычно. Очевидно, все запасы уже кончились,

потому что в кармане он нашел единственный предмет и сразу не смог вспомнить, что это такое.

Этим посторонним предметом была открытка, которую он купил в Мутале, в табачной лавке. На ней был вид на буренсхультские шлюзы сверху. На заднем плане виднелось озеро и волнолом, а прямо перед объективом двое мужчин открывали ворота шлюза пароходу, переходящему в верхний шлюз. Вероятно, это была старая фотография, потому что пароход, изображенный на ней, уже не существовал. Он назывался «Астрейя» и наверняка давно был принесен в жертву пилам и автогену, превратившись в лом.

Безусловно, специалист по фотографическим открыткам фирмы «Алмквистер и Кестер» посетил Муталу летом. Мартин Бек внезапно вспомнил свежий, кисловатый аромат цветов и запах влажной травы.

Он выдвинул ящик и взял лупу, похожую на совок, с батарейками в рукоятке. Нажал кнопку, и открытку осветила лампочка в два с половиной ватта. Фотография была качественная, он четко различил капитана на мостике в кормовой части палубы и нескольких пассажиров, стоящих у борта. В передней части судна громоздилась куча товара – еще один штрих, свидетельствующий, что фотография сделана давно.

Он как раз передвинул поле зрения на полсантиметра вправо, когда Колльберг бухнул кулаком в дверь и ввалился неожиданно, как гром на рождество.

– Ага, испугался?

– До смерти, – сказал Мартин Бек и почувствовал, что сердце у него никак не хочет войти в нормальный ритм.

– Ты еще не ушел?

– Конечно, ушел. Сижу на втором этаже в Багармуссене и ем сосиску.

– Кстати, известно ли тебе, как ребята из полиции нравов называют эту вещь? – спросил Колльберг и показал на лупу с ручкой.

– Нет.

– Детектор невинности Мария-Луиза.

– Гм.

– А почему бы и нет? Точно так же ее можно назвать лопаточкой для тортов «Юхан» или еще как угодно. Слышал последние новости торговли?

– Нет.

– При покупке машинки для подсчета банкнот «Маркус» вы получите дополнительно апельсиновое пирожное «Аякс».

– Так купи ее, черт возьми.

– Для того, чтобы сосчитать те десять крон, которые у меня остались? Кстати, когда у нас будет зарплата?

– Наверное, завтра. По крайней мере, надеюсь.

Колльберг бухнулся в кресло для посетителей.

– А лошадка все едет и едет, – вздохнул он.

– И никуда не доедет, – закончил Мартин Бек. Они немного посидели молча. Фразами они обменялись чисто автоматически, при этом ни один, ни другой даже не пытались делать вид, что их это развлекает. Наконец Колльберг сказал:

– Так значит, тот негодяй, которого ты ездил допрашивать, здесь ни при чем?

– Это был не он.

– У тебя есть доказательства?

– Нет.

– Стало быть, интуиция?

– Да.

– Мне этого достаточно. В конце концов есть же какая-то разница между растлением пьяной двенадцатилетней девочки и убийством на сексуальной почве взрослой женщины.

– Есть.

– Кроме того, Эриксон никогда бы не смог ей понравиться. Конечно, если я правильно понял Кафку.

– Да, – подтвердил Мартин Бек, – она не стала бы с ним этим заниматься.

– А тот, в Мутале? Разочарован?

– Ольберг? Да, немножко. Но он упрямый. Кстати, что сказал Меландер?

– Ничего. Я этого психа знаю еще с тех пор, когда мы были в оперативной службе, и за все это время его провало лишь однажды, когда ввели карточки на табак.

Колльберг достал блокнот в черном переплете и глубокомысленно пролистал его.

– Когда ты уехал, я прочел все материалы еще раз и решил сделать такое маленькое резюме.

– Да...

– Я, например, задал себе вопрос, который завтра нам наверняка задаст Хаммар: что, собственно, нам известно?

– И что же ты ответил?

– Секундочку. Будет лучше, если ответишь ты. Что мы знаем о Розанне Макгроу?

– Многое – благодаря Кафке.

– Верно. Я бы даже решился сказать, что мы знаем о ней все. Далее: что нам известно об убийстве?

– Мы знаем, когда было совершено преступление. Более или менее знаем, где и как это произошло.

– Мы действительно знаем, где это произошло?

Мартин Бек забарабанил пальцами по столу, потом сказал:

– Да. На экскурсионном пароходе «Диана» в каюте номер А7.

– Группа крови действительно совпадает, но для ареста этого недостаточно.

– Нет, но мы это знаем, – уверенно сказал Мартин Бек.

– Хорошо. Предположим, мы это знаем. Когда же это произошло?

– Вечером четвертого июля. Когда стемнело. В любом случае, после ужина, а он закончился в восемь часов. Примерно между девятью и двенадцатью.

– Как? Ну, об этом мы можем судить по результатам вскрытия. Можем также исходить из того, что она разделась сама. Добровольно. Либо, возможно, под угрозой насилия, но это не слишком правдоподобно.

– Нет.

– И наконец: что мы знаем о преступнике?

Через двадцать секунд Колльберг ответил сам:

– То, что он садист и сексуальный маньяк.

– То, что он мужчина, – добавил Мартин Бек.

– Да, почти наверняка. И то, что он сильный. Розанна Макгроу вовсе не была карликом. Мы знаем, что он был на «Диане».

– Да, если, конечно, исходить из того, что все наши предположения верны.

– И что он должен относиться к одной из двух категорий: пассажир или кто-то из команды.

– Мы это точно знаем?

В кабинете стало тихо. Мартин Бек кончиками пальцев перебирал волосы. Наконец он сказал:

– В противном случае это было бы невозможно.

– В самом деле невозможно?

– Нет.

– Ну, хорошо, скажем, мы это знаем. С другой стороны, мы не имеем ни малейшего понятия о том, как он выглядит и где живет. У нас нет отпечатков пальцев, нет вообще ничего, что могло бы иметь отношение к этому убийству. Нам неизвестно, был ли он знаком с Розанной Макгроу раньше, и, естественно, неизвестно, откуда он приехал, что с ним случилось потом и где он находится в настоящий момент. – Все это Колльберг уже говорил серьезным тоном. – Мы знаем чертовски мало, Мартин, – продолжал он. – Разве мы можем быть уверены на сто процентов, что Розанна Макгроу не доехала в полном порядке до Гётеборга? Тебе не приходило в голову, что так могло быть? Что кто-то убил ее позже, тот, кто знал, откуда она приехала, и кто потом отвез труп обратно в Муталу и бросил его в озеро?

– Я тоже об этом думал. Но это бессмысленно, так не бывает.

– Покуда у нас не будет купонов на питание за весь рейс, мы должны учитывать и такую теоретическую возможность. Даже если это противоречит здравому смыслу. И даже если бы нам удалось доказать, что до Гётеборга она действительно не доехала, остается все же еще одна возможность, а именно: в Буренсхульте она сошла на берег, когда пароход стоял в шлюзовой камере, и на нее напал какой-то сумасшедший, который прятался в кустах.

– В таком случае мы там наверняка что-нибудь обнаружили бы.

– Наверняка, наверняка, не знаю. В этом деле столько материалов, что можно рехнуться. Черт возьми, ну как эта женщина могла исчезнуть посреди рейса и никто ничего не заметил? Даже горничная или официантка в столовой?

– Тот, кто ее убил, наверняка был на пароходе. Он убрал каюту, и там все выглядело нормально. В конце концов, речь шла только об одной ночи.

– А куда исчезло покрывало? А одеяло? Да ведь все это должно было быть залито кровью. Не мог же он, черт побери, там стирать. А если все бросил в воду, то где взял чистое постельное белье?

– Много крови там не было, по крайней мере, так утверждал прозектор. А если убийца ориентировался на судне, он мог очень легко принести со склада чистое белье.

– Ты считаешь, что пассажир может настолько хорошо ориентироваться на пароходе? И что при этом никто ничего не заметил?

– Это неудивительно. Ты когда-нибудь был на таком пароходе ночью?

– Нет.

– Все спят. Абсолютно тихо и пусто, нигде ни души. Практически все не заперто. Когда пароход проплывал по озеру Веттерн между полуночью и рассветом, на борту бодрствовали лишь три человека, причем они несли вахту – двое в рулевой рубке и один в машинном отделении.

– Но ведь должен же был кто-нибудь заметить, что в Гётеборге она не сошла на берег!

– После прибытия можно не соблюдать никаких фор-

мальностей. Пароход еще только приближается к порту, а пассажиры уже собирают свой багаж и толпятся у выхода, и, как только судно причалит, стремглав бегут на берег. Не забывай, что пароход опоздал, так что все спешили. Кроме того, они причалили, когда еще было темно.

Мартин Бек договорил и молча глядел в стену.

— Больше всего меня поражает то, что пассажиры и соседней каюте ничего не заметили.

— Ну, это я могу тебе объяснить. Я узнал об этом меньше двух часов назад. В каюте А3 находилась какая-то супружеская пара из Голландии. Им обоим за семьдесят и оба они глухие, как пни.

Колльберг полистал блокнот и взъерошил волосы.

— Наша так называемая версия того, как произошло преступление, основана главным образом на логических предположениях и психологических заключениях. С убедительными доказательствами дело обстоит хуже. Пока придется придерживаться этой версии, какой бы она ни была, потому что другой у нас нет. А сейчас давай посмотрим, что у нас получается со статистикой, не возражаешь?

Мартин Бек откинулся на стуле и скрестил руки на груди.

— Давай, — кивнул он.

— У нас имеются фамилии восьмидесяти шести человек, которые находились на пароходе. Шестьдесят восемь пассажиров и восемнадцать членов команды. Далее, нам удалось выяснить местожительство или разными способами вступить в контакт со всеми, кроме одиннадцати человек. Но даже у этих одиннадцати нам известна национальность,

пол, а у троих и возраст. Воспользуемся теперь методом исключения: во-первых, исключим Розанну Макгроу. Остается восемьдесят пять. Далее, все женщины, восемь из команды и тридцать семь пассажиров. Остается сорок, в том числе четыре ребенка до десяти лет и семь стариков за семьдесят. Остается двадцать девять. Далее, капитан и член команды, стоящий в ту ночь у руля. Они несли вахту с двадцати ноль-ноль до полуночи и имеют алиби. Трудно предположить, что у них было время прогуляться по пароходу и от нечего делать совершить убийство. Если же говорить о персонале машинного отделения, то такой уверенности нет. Ну, в любом случае имеем минус два. Остается двадцать семь мужчин в возрасте от четырнадцати до шестидесяти восьми лет. Двенадцать шведов, в том числе семь членов команды, пять американцев, три немца, один датчанин, один южноафриканец, один француз, один англичанин, один шотландец, один турок и один голландец.

География просто ужасает. Один из американцев живет в Орегоне, другой – в Техасе, англичанин из Нассау на Багамских островах, южноафриканец живет в Дурбане, а турок – в Анкаре. Тот, кто будет их допрашивать, получит истинное наслаждение. Адреса четырех из этих двадцати семи пока установить не удалось: одного датчанина и трех шведов. Нам также не удалось выяснить, был ли кто-либо из пассажиров на пароходе не в первый раз, хотя Меландер проштудировал списки пассажиров за последние двадцать пять лет. По моему личному мнению, никто из них не был там повторно.

В одноместных каютах жили только четверо, остальные

были более или менее на виду у тех, с кем делили каюту. Никто из них не знал судно настолько хорошо, чтобы это проделать. Теперь у нас остается восемь членов команды, рулевой, те два кочегара, повар и один матрос. Механика мы исключили: он относится к старшей возрастной группе. По моему мнению, никто из них этого не делал. В команде друг о друге все хорошо знают, кроме того, по-видимому, их возможности сблизиться с пассажирами весьма ограничены.

Значит, по моей версии, никто не убивал Розанну Макгроу. А это, конечно, не так. Мои версии всегда никуда не годятся. Сплошные неприятности от того, что человек слишком много думает. — Колльберг немного помолчал и добавил: — Если, конечно, этот отвратительный Эриксон... просто счастье, что тебе удалось его хотя бы на чем-то взять. Эй, да ты вообще-то слушаешь меня? Ты понял, что я тебе здесь излагал?

— Понял, — с отсутствующим видом ответил Мартин Бек. — Да, ты ведь знаешь.

Это была правда. Он действительно слушал. Но последние десять минут голос Колльберга удалялся от него все дальше и дальше. В голове у него промелькнули две совершенно разные мысли. Одна из них ассоциировалась с чем-то давно слышанным, она тут же упала на самое дно его памяти, где лежали забытые или не до конца обдуманные мысли. Другая мысль... Это была совершенно конкретная идея нового и, как ему показалось, реального плана дальнейших действий.

— Она должна была познакомиться с кем-нибудь на пароходе, — пробормотал он, как бы про себя.

– Если, конечно, это не было самоубийство, – произнес Колльберг со слабой претензией на иронию.

– С кем-нибудь, кто вообще не собирался ее убивать, по крайней мере, не с самого начала, и у кого вовсе не было поэтому необходимости прятаться...

– Конечно, мы ведь так и думали, но к чему это нам, если...

У Мартина Бека стояла перед глазами картинка яркого солнечного июльского дня в Мутале. Отталкивающая «Юнона», подплывающая к причалу у шлюзов.

Он выпрямил спину, взял в руки старую открытку и посмотрел на нее.

– Леннарт, – сказал он, – сколько фотоаппаратов щелкало там тогда, как ты думаешь? Не меньше двадцати пяти, а скорее всего, тридцать или сорок. В каждой шлюзовой камере кто-нибудь сходил на берег и фотографировал паром и оставшихся пассажиров. Теперь эти фотографии уже находятся в двадцати-тридцати семейных альбомах. Самые разнообразные фотографии, первые, сделанные на набережной в Стокгольме перед отплытием, последние, вероятно, в Гётеборге. Ну, пусть примерно двадцать человек сделали за те три дня по тридцать снимков. Если мы угадали, получается по одной пленке на человека. Кроме того, там, наверняка, некоторые снимали кинофильмы. Леннарт, должно быть около шестисот фотографий... понимаешь! Шестьсот фотоснимков, а возможно, и тысяча.

– Да, – не сразу ответил Колльберг. – Я понял.

– Нам предстоит кошмарная работа, – сказал Мартин Бек.

– Хуже того, что мы делали до сих пор, быть не может, – заявил Колльберг.

– Возможно, это идея глупая. Может, я ошибаюсь и это совершеннейшая чушь.

В подобную игру они уже играли много раз. Мартин Бек сомневался и нуждался в чьей-либо поддержке. Он наперед знал, что услышит в ответ, а также знал, что Колльбергу известно, что он это знает. И все же ритуал каждый раз неуклонно соблюдался.

– Нам это обязательно что-нибудь даст, – упрямо твердил Колльберг. Подумал и добавил: – Кроме того, скоро мы станем частично безработными, так как уже установили всех, кроме нескольких человек, и с большинством вступили в контакт.

Убеждать Колльберг умел. В этом деле он был специалистом.

– Который час? – спросил Мартин Бек.

– Десять минут восьмого.

– Кто-нибудь из них живет поблизости?

Колльберг углубился в свой блокнот.

– Ближе чем ты думаешь, – заявил он. – На Нормеларстранд, какой-то полковник в отставке с супругой.

– Кто у них был? Ты?

– Нет, Меландер. Сказал, достойные люди.

– И больше ничего?

– Нет.

Асфальт был влажный, блестящий и скользкий. Колльберг со злостью выругался, когда задние колеса занесло при круговом движении по Линдхагенсплан. Через три минуты они уже приехали.

Им открыла супруга полковника.

— Аксель, два господина из полиции, — крикнула она в направлении комнаты.

— Пусть войдут, — прогремел господин полковник. — Или ты думаешь, я выйду к ним в коридор?

Мартин Бек стряхнул дождевые капли со шляпы и проскользнул внутрь. Колльберг с показной тщательностью вытирал подошвы на коврике.

— Прекрасная погода для маневров, — загрохотал полковник. — Надеюсь, вы извините, если я не буду вставать.

На столике перед ним лежали костяшки домино, стояли пузатенький коньячный бокал и бутылка «Реми Мартен». В двух метрах дальше светился экран телевизора, по комнате разносились оглушительные звуки какого-то эпизода многосерийного телефильма о повседневной жизни семейства Джетсонов, который и при нормальном звуке нелегко было вынести.

— Погода для маневров, ха-ха! Коньяк, господа? Лучшее лекарство.

— Я за рулем, — похоронным голосом произнес Колльберг, не сводя глаз с бутылки.

Прошло секунд десять, прежде чем в Мартине Беке победило чувство солидарности. Он вышел из оцепенения и отрицательно покачал головой.

— Говори ты, — пробормотал он Колльбергу.

— Ну? — зарычал полковник.

Мартин Бек ухитрился выдать из себя улыбку и сделал оправдательный жест. Попытка вступить в разговор вывела бы из строя его голосовые связки минимум на неделю, в этом он не сомневался. Беседа продолжалась.

– Фотографии? Нет, мы уже не фотографируем. Я плохо вижу, а Аксель каждый раз забывает перевести кадр. Тот воспитанный юноша, который был здесь две недели назад, тоже нас об этом спрашивал. Очень милый молодой человек.

Мартин Бек и Колльберг быстро обменялись взглядами, причем не только потому, что удивились как супруга полковника описала Меландера.

– Просто удивительно, – гремел полковник. – Майор Йенш... ах, да, вы ведь не знаете, кто такой майор Йенш. Во время рейса мы сидели с ним и с его супругой за одним столом. Он офицер-интендант, прекрасный человек. Мы одного возраста, но неудачный конец восточной кампании испортил ему карьеру. Сами знаете, во время войны у них от продовольственных запасов буквально полки ломались, но после войны им, беднягам, пришлось трудно. Ну, конечно, Йеншу было не так уж и плохо, ведь он служил в интендантстве, а такие люди во время восстановления экономики на вес золота. Он стал управляющим продовольственной фирмы в Оснабрюке, если мне не изменяет память. Так что нам было о чем поговорить – столько общего, время пролетало просто незаметно. Майор Йенш во время войны много повидал. Да, много. Девять месяцев или одиннадцать он был офицером связи в Голубой дивизии. Голубая дивизия – знаете? Испанские элитные войска, которые Франко послал против большевиков. Должен ска-

зять, что мы здесь у нас привыкли смотреть на итальянцев, испанцев, греков... гм, смотреть немного свысока, но должен сказать, ребята из Голубой дивизии свое дело знали...

Мартин Бек повернулся и с отчаянием уставился на экран телевизора, где в этот момент показывали репортаж как минимум месячной давности об уборке сахарной свеклы в Сконе. Внимание супруги полковника тоже было приковано к экрану, казалось, эта достойная женщина за-была обо всем, что происходит вокруг.

– Да, конечно, – прокричал Колльберг. Потом он глубоко вздохнул и продолжил с удивительной силой и целенаправленностью:

– Господин полковник, вы только что упомянули о фотографировании. Просто удивительно...

Примерно минуту длилась уборка сахарной свеклы в Сконе. Она прекрасно успокаивала нервы.

– Простите? Ах, да, я хотел сказать: просто удивительно, но майор Йенш был настоящим гением в области фотографии. Хотя видит и слышит ненамного лучше нас. Он фотографировал с утра до вечера, а пару дней назад прислал нам бандероль с фотографиями, сделанными во время путешествия. Очень любезно с его стороны, наверняка ему пришлось заплатить несколько марок. Красивые фотографии. Такие же прекрасные, как и воспоминания, да.

Мартин Бек встал и приглушил звук телевизора. Он сделал это рефлекторно, для самозащиты, и сразу даже не сообразил, что делает. Фру полковник с недоумением посмотрела на него.

– Простите? Ах, да, естественно. Котик, принеси, по-

жалуйста, фотографии, которые мы получили из Германии. Я хочу показать их господам.

Мартин Бек хмуро наблюдал, как женщина по имени Котик с трудом поднимается из кресла у телевизора.

Фотографии были цветные, размерами 12х12. Они лежали в пакете, всего штук пятнадцать. Полковник сидел на диване и придерживал их большим и указательным пальцами левой руки. Мартин Бек и Колльберг заглядывали ему через плечо, каждый со своей стороны.

– Вот это мы, вот это фрау Йенш, это моя жена... а это я. Это снимок капитанского мостика. Видите, я разговариваю с капитаном. А это... к сожалению, глаза никуда не годятся... будь добра, подай мне лупу.

Полковник долго и тщательно протирал лупу, прежде чем продолжить.

– Ага, верно, это майор Йенш, это я с женой... этот снимок, наверное, делала фрау Йенш, поэтому он немного не в фокусе. Это снова мы, но с другой точки, если не ошибаюсь. Ага... момент... вот дама, с которой я разговариваю, ее звали фрау Либенайнер, тоже немка. Она сидела с нами за столом, очень симпатичная и достойная дама, но, к сожалению, уже в возрасте. У нее погиб муж под Эль-Аламейном.

Мартин Бек прищурился и увидел пожилую толстую женщину в цветастом платье и розовой шляпе. Она стояла выпрямившись и высоко вскинув голову у одной из спасательных шлюпок, с чашечкой кофе в одной руке и с куском торта в другой.

Просмотр продолжался. Сюжеты были несколько однообразные. У Мартина Бека начала болеть поясница. Как

выглядит фрау Йенш из Оснабрюка он уже знал до мельчайших подробностей.

На столешнице из красного дерева перед полковником лежала последняя фотография. Это был один из тех снимков, наличие которых предсказывал Мартин Бек: «Диана» с кормы у Риддархольменской набережной в Стокгольме, на заднем плане контролеры и два такси, которые, очевидно, только что остановились у трапа.

Снимок, вероятно, сделали в последние минуты перед отплытием, потому что на палубе уже было много народу. На корме у первой спасательной шлюпки позировала фрау майорша Йенш из Оснабрюка. Прямо под ней стояла Розанна Макгроу. Она наклонилась вперед, облокотилась на поручни и слегка расставила ноги. На ней было широкое желтое платье на бретельках, босоножки и темные очки. Мартин Бек подался вперед и попытался различить, кто стоит рядом с ней. Одновременно он услышал, как Колльберг тихонько присвистнул.

– Да, да, да, – невозмутимо продолжал господин полковник. – Это пароход на острове Риддархольмен, это башня ратуши, ну да. А на верхней палубе Хильдегард Йенш. Тогда мы еще не были знакомы. Ах, да, просто удивительно, вот эта девушка несколько раз сидела за нашим столом. Думаю, она была из Голландии или Англии. Потом ее пересадили за другой стол, чтобы нам, старикам, было просторнее.

Могучий указательный палец с белыми волосками, кажущимися огромными под лупой, остановился на женщине в босоножках и мешковидном желтом платье.

Мартин Бек набрал воздуха в легкие и хотел что-то сказать, но Колльберг опередил его.

– Простите? – сказал полковник. – Уверен ли я в этом? Конечно, уверен. Она четыре-пять раз сидела за нашим столом. Насколько я помню, она ни разу не произнесла ни слова.

– Но...

– Да, ваш коллега уже показывал мне какие-то фотографии, но, понимаете, я не запомнил ее лица. Скорее, платье. Честно говоря, я запомнил даже не платье, да.

Он повернулся к Мартину Беку и больно ткнул его могучим указательным пальцем в грудь.

– Скорее, декольте, – сказал он громоподобным шепотом.

XVIII

Было четверть двенадцатого, когда они снова сидели в управлении, в Кристинеберге. Ветер усилился, струи дождя били прямо по оконным стеклам.

Перед Мартином Беком лежало двадцать фотографий. Девятнадцать он отодвинул в сторону и теперь уже, наверное, в пятнадцатый раз рассматривал при свете лупы Розанну Макгроу. Она выглядела точно так, как он всегда ее себе представлял. Она выглядела живой и здоровой, ленивой и беззаботной, смотрела вверх, очевидно, на шпиль риддархольменской кирхи. Ей оставалось жить тридцать шесть часов. Слева от нее была открыта дверь в каюту А7, но о том, что было внутри, фотография ничего не говорила.

– Ты понимаешь, что нам сегодня повезло? – сказал Колльбсрг. – Впервые за все время, пока мы занимаемся этим делом. Раньше или позже человеку всегда должно везти. Правда, на этот раз повезло немного поздновато.

– И все-таки нам не повезло.

– Потому что ее сунули за стол к двум глухим дедам и трем полуслепым старухам? Это не невезение, это закон подлости. А я иду спать. Отвезу тебя домой. Или, может, ты предпочитаешь общественный транспорт?

– Прежде всего мы должны послать телеграмму Кафке. Письма можно оставить до утра.

Через полчаса они уже были готовы. Колльберг вел машину сквозь сильный дождь быстро, рывками, но Мартин Бек не реагировал, хотя обычно ему становилось плохо в автомобиле. За всю дорогу они и словом не обмолвились, только перед входом у дома в Багармуссене Колльберг встрепенулся и заметил:

– Ну вот, сейчас ляжем и будем об этом думать. Спокойной ночи.

В квартире было темно и тихо, но, проходя мимо комнаты дочери, Мартин Бек услышал приглушенный звук ночного радиоконцерта поп-музыки. Наверное, лежит с приемником под подушкой. Сам он в этом возрасте читал романы обо всем, что имело какое-то отношение к морю и кораблям, и подсвечивал себе под одеялом карманным фонариком.

На кухонном столе был хлеб, масло и сыр. Он намазал маслом горбушку и поискал в холодильнике пиво. Пива не было. Свой скромный ужин он съел стоя у кухонного стола и запил половинкой стакана молока.

После ужина он перебрался в спальню и очень осторожно лег. Жена наполовину проснулась и попыталась что-то сказать. Он тихо лежал на спине, задержав дыхание, и, дождавшись пока она снова начала мерно посапывать, расслабился, закрыл глаза, стал думать.

Розанна Макгроу была уже на первых стокгольмских снимках. Кроме нее, на фотографиях можно было опознать еще пять человек: два офицера в отставке, их жены и вдова Либенайнер. Можно наверняка рассчитывать, что им пришлют двадцать пять-тридцать серий фотоснимков, многие из них будут большего размера, чем те, которые он только что видел. Нужно будет просмотреть все негативы и попросить каждого фотографа указать всех, кого на фотоснимках он знает. Они должны это сделать, и в результате смогут составить картографию последнего путешествия Розанны Макгроу. И увидят ее перед собой, как в кино.

Многое будет зависеть от Кафки, от того, что ему удастся выжать из пяти семей, разбросанных по всей Северной Америке. Ведь американцы прямо-таки помешаны на фотографировании. Кроме того, если с Розанной вступал в контакт еще кто-нибудь, кроме убийцы, то, вероятнее всего, это был ее соотечественник. Возможно, не совсем бессмысленно искать убийцу среди ее соотечественников? Возможно, однажды он будет стоять с телефонной трубкой в руке и сквозь шум эфира расслышит голос Кафки: «О'кей, я застрелил подонка».

С этой мыслью Мартин Бек уснул; так быстро и легко он давно не засыпал.

Дождь шел и на следующий день. Последние пожелтевшие листья грустно прилипали к стенам и окнам. Ночные мысли Мартина Бека словно каким-то образом долетели до Кафки, и из Америки пришла лаконичная телеграмма-молния: «Пришлите максимум материалов».

Еще через два дня Меландер, который никогда и ничего не забывал, вынул изо рта трубку и спокойно сообщил:

– Ули Милденбергер находится в Гейдельберге. Он был там все лето. Хочешь допросить его?

Мартин Бек задумался.

– Нет.

Правда, хотел добавить: «Займись им сам, ведь у нас есть его адрес», – но в последний момент передумал, пожал плечами и спустился к себе в кабинет.

Теперь ему все чаще и чаще нечего было делать. Расследование вступило в такую фазу, когда шло, как говорится, само собой и охватывало весь мир, как сюжет какого-то старинного дамского романа. От Ольберга в Мутале ниточка тянулась прямо к нему в полицейское управление в Кристинеберге, а потом веером расходилось во множество точек на карте мира, от Нордкапа на севере до Дурбана на юге и Анкары на востоке. Самая важная связующая нить вела в кабинет Кафки в Линкольне, находящийся на западе на расстоянии почти десять тысяч километров. Оттуда она разветвлялась в несколько городов на американском континенте.

Можно ли было, располагая таким огромным аппаратом, не выследить и не схватить убийцу? Логичным ответом на этот вопрос было: «К сожалению, да». У Мартина Бека остались горькие воспоминания от расследования другого убийства на сексуальной почве. Совершенно оно было в подвале одного дома в пригороде Стокгольма, труп нашли почти сразу же, не прошло и часа, как полиция приехала на место преступления. Убийцу видели несколько человек, все подробно его описали. Убийца оставил после себя следы, окурки сигарет, спички, даже кое-что потерял. Кроме того, судя по тому, как он поступил с

жертвой, он являлся сексуальным маньяком. И, несмотря на это, поймать его не смогли. Оптимизм постепенно уступил место беспомощности, все следы вели в никуда. Спустя семь лет преступник совершил попытку изнасилования в другой стране и был задержан на месте преступления. Во время следствия он внезапно сломался и признался в старом убийстве в подвале.

Для Мартина Бека это преступление и его расследование спустя много лет осталось лишь едва заметной пометкой на полях, но для одного из его старших коллег оно стало роковым. Он слишком хорошо помнил, как этот человек месяц за месяцем и год за годом, когда это дело уже было закрыто и положено под сукно как неразрешимое, до глубокой ночи просиживал в своем кабинете и в пятисотый или тысячный раз снова и снова перечитывал протоколы всех допросов и свидетельские показания. Сколько раз он натывался на этого человека в самых неожиданных местах, в его выходные дни и отпуск, человека, который непрерывно и, не зная усталости, вел погоню за новыми доказательствами в деле, ставшем трагедией его жизни. Потом он от всего этого неожиданно заболел, ушел на инвалидную пенсию, но тем не менее не сдавался. Наконец для него пришел час освобождения, когда другой человек, который никогда раньше не задерживался и которого никто в этом преступлении не подозревал, неожиданно расплакался и признался следователю в совершении убийства семилетней давности. Объяснились все те случайности и упущения, из-за которых полиция сразу не смогла напасть на след убийцы. Иногда Мартин Бек спрашивал себя, принесла ли эта запоздалая развязка облегчение и спокойствие тому старому полицейскому.

Мартина Бека тоже могло ожидать такое. К тому же женщина в подвале относилась, как принято говорить, к антиобщественным элементам, а Розанна Макгроу была совсем другой. Он часто думал об этом в ожидании, когда что-нибудь начнет происходить.

В Мутале у Ольберга было полно работы, он вызывал раздражение у городских властей тем, что упорно настаивал, чтобы водолазы и аквалангисты обследовали каждый квадратный сантиметр русла канала и каждый доступный сантиметр дна озера. С Мартином Бекон он связывался теперь изредка, но каждую минуту ждал телефонного звонка.

По прошествии недели пришла очередная телеграмма от Кафки. Текст был непонятный и удивительный: «Скоро вы сможете отдохнуть».

Мартин Бек позвонил Ольбергу:

— Он пишет, что скоро это дело расследует.

— Наверное, хочет немного поднять нам настроение, — сказал Ольберг.

Колльберг придерживался иного мнения.

— У него точно с головой не в порядке. Он страдает распространенной болезнью под названием интуиция.

Меландер не сказал ни слова.

В течение десяти дней они получили пятьдесят фотоснимков, и втрое больше негативов находилось в работе. Многие снимки были плохого качества, а Розанну Макгроу они нашли только на двух. Оба были сделаны на риддархольменской набережной в Стокгольме. Розанна по-прежнему стояла одна на кормовой палубе А, в двух метрах от своей каюты. На одном снимке она наклонилась

и чесала подъем ноги, но это было все. Кроме того, они идентифицировали еще двадцать три пассажира, а всего уже двадцать восемь человек.

Меландер внимательно посмотрел снимки и передал их Колльбергу, который пытался расположить их по времени съемки. Мартин Бек часами молча изучал всю эту гору фотографий, но ничего не говорил. На следующий день пришло еще несколько десятков снимков, но Розанны Макгроу ни на одном из них не было.

Зато пришло, наконец, письмо от турецкой полиции. Оно лежало у Мартина Бека на столе утром тринадцатого дня – по их новому летосчислению, – но лишь через два дня посольству удалось перевести его на английский язык. Вопреки ожиданиям, это письмо помогло продвинуться на шаг вперед, и впервые за долгое время их паруса наполнились слабым ветерком.

Один из пассажиров, двадцатидвухлетний студент-медик Гюнеш Фратт подтвердил, что женщину на фотографии знает, но ему неизвестно, как ее зовут и из какой она страны. В результате «усиленного допроса», который проводил большой полицейский начальник с очень длинной фамилией, состоящей в основном из букв и, ö и z, студент в конце концов признался, что нашел ее привлекательной и в первый же день путешествия дважды пытался «вступить с ней в устный контакт» с помощью английского языка, однако безуспешно. Другими словами, женщина вообще ничего ему не ответила. Он припоминает, что позже видел ее в обществе какого-то мужчины и пришел к выводу, что она замужем и лишь случайно и по недомыслию (?) раньше появлялась на палубе в одиночестве.

Относительно внешности того мужчины свидетель помнит лишь, что «роста он был скорее всего выше среднего». В конце путешествия свидетель эту женщину больше не видел. Дядюшка Гюнеша Фратта, которого полицейский со сложной фамилией допросил «чисто информативно», подтвердил, что в течение всего рейса следовал за своим племянником и не оставлял его одного больше чем на десять минут.

Посольство дополнило письмо собственным комментарием, что оба пассажира из богатой семьи, пользующейся всеобщим уважением.

Мартина Бека это письмо как бы подстегнуло. Словно он знал, что рано или поздно такое сообщение получит. Что ж, еще один шаг вперед. Он набрал номер в Мутале, размышляя, что такое «усиленный допрос» по-турецки.

Этажом выше Колльберг воспринял это сообщение с олимпийским спокойствием.

– Турки? Конечно, обратил внимание. Они есть на многих фотографиях.

Он покопался в своих бумагах.

– Фото номер 23, 38, 102, 109...

– Достаточно.

Мартин Бек порылся в фотоснимках и нашел тот, на котором двое мужчин были изображены четко, крупным планом. С минуту он глядел на седоватые усы дядюшки, потом перевел взгляд на Гюнеша Фратта, маленького, но элегантного, с узкими черными усиками и правильными чертами лица. Выглядел он не худшим образом.

К сожалению, у Розанны Макгроу, очевидно, было другое мнение.

Шел уже пятнадцатый день работы по новому плану, и они уверенно установили личности сорока одного пассажира, изображенных на одной и более фотографиях. Кроме того, коллекция увеличилась еще на два снимка женщины из Линкольна, сделанных вблизи Сёдертелье. На одном, который был не в фокусе, Розанна Макгроу повернулась спиной к фотографу, на другом она была снята в профиль у борта; на заднем плане виднелся железнодорожный мост. На три часа ближе к смерти. Розанна Макгроу сняла темные очки и щурилась на солнышко. Ветер трепал ее темные волосы, рот она приоткрыла, словно как раз собиралась что-то сказать или зевнула. Мартин Бек долго изучал ее сквозь лупу. Наконец он сказал:

– Кто делал этот снимок?

– Одна датчанка, – ответил Меландер, – Вибекке Амдал из Копенгагена. Она путешествовала одна и жила в одно-местной каюте.

– Собери о ней побольше информации.

Через полчаса произошел взрыв бомбы.

– Телеграмма-молния из США, – монотонным голосом сказала телеграфистка. – Прочсть ее вам? – Она прочла текст по-английски. – Нужно перевести?

– Будьте так любезны.

– «Вчера вечером напал на золотое дно. Десять кассет с восьмимиллиметровой цветной киноплёнкой и сто пятьдесят фотографий. Много изображений Розанны Макгроу. Похоже на то, что она там с каким-то неизвестным мужчиной. «Пан-Американ» гарантирует доставку в Стокгольм в четверг. Подпись: Кафка».

Мартин Бек опустился на стул. Он вытирал лоб и смотрел на настольный календарь.

Среда, 25 ноября 1964 года.

За окнами лил дождь, ледяной и колючий. Скоро выпадет снег.

XIX

Кинопленки просматривали в лаборатории, напротив товарной станции. В просмотрном зале было мало места, и даже в такой момент Мартину Беку стоило больших усилий преодолеть свое отвращение к тесноте.

Здесь присутствовали шеф, окружной начальник из Линчёпинга, советник полиции, Ларссон и Ольберг, которые приехали из Муталы на машине. Кроме них были Колльберг, Стенстрём и Меландер.

Даже Хаммар, который за свою жизнь видел преступников больше, чем все остальные вместе взятые, был в напряжении, он молчал и терпеливо ждал.

Свет погас. Проекционный аппарат застрекотал.

— Ох-хо-хо.

Колльбергу, как обычно, было трудно сидеть молча хотя бы минуту.

Смотр королевской гвардии. Густав-Адольфторг. Справа мост к королевскому дворцу. Камера запечатлели фасад стокгольмской оперы.

— Отвратительный стиль, — подал голос Колльберг. — Похож на ампир.

— Тс-с-с, — приложил палец к губам начальник.

Поднятый со дна на поверхность королевский фрегат «Ваза» в окружении фонтанных струй. Красивые шведские девушки с высокими прическами, в дождевиках на ступеньках перед концертным залом. Современные высотные

дома на Хёторгет. Лапландец, позирующий туристам перед своим лапландским чумом в «Скансене¹¹». Замок Грипсхольм и народные танцы на переднем плане. Пожилая американка с фиолетовыми губами, в очках, украшенных искусственным жемчугом. Рейсен, причал, корма судна «Свеа Ярл», юргорденский паром, большая частная яхта, входящая в порт, моторные лодки.

– Что это за яхта? – спросил окружной начальник.

– Из Бразилии, фирма «Мур-Маккормик», – мгновенно ответил Мартин Бек. – Приплывает сюда каждое лето.

Мыс Вальдемара, женщина с фиолетовыми губами, Данвикская лечебница.

– Что это за здание? – спросил окружной начальник.

– Дом престарелых, – ответил Колльберг. – Хайле Селассие¹² приказал выстрелить перед ним в знак приветствия, когда был здесь до войны. Подумал, что это королевский дворец.

Чайка, ловко покачивающаяся на волнах, спортивный комплекс в Фарсте, очередь перед голубым автобусом с прозрачной крышей, рыбаки с длинными удочками, бросающие в сторону кинокамеры хмурые взгляды.

– Как зовут этого фотографа? – спросил окружной начальник.

– Уилфред С. Беллами младший, он из Кламат-Фоллс в штате Орегон, – ответил Мартин Бек.

– Не знаю такого, – объявил окружной начальник.

Брункебергсторг, переэкспонировано.

¹¹ Национальный этнографический парк-музей в Стокгольме.

¹² Император Эфиопии.

– Внимание! – предупредил окружной начальник.

«Диана» у Риддархольменской набережной. Сбоку и сзади. Розанна Макгроу в хорошо знакомой позе, с устремленным вверх взглядом.

– Это она, – объявил окружной начальник.

– О Господи, – пробормотал Колльберг.

Женщина с фиолетовыми губами слева, ослепительная улыбка, сплошные зубы. Темновато, виден только вымпел частной судовой компании и башня ратуши. Панорама набережной. Белые точки. Мигание. Красно-коричневые тени. Темнота.

Зажегся свет, открылась дверь, и появился мужчина в белом халате.

– Одну секундочку, прошу прощения. Небольшая неисправность в кинопроекторе.

Ольберг повернулся и посмотрел на Мартина Бека.

– Проектор взорвался, а вся пленка сгорела ясным пламенем, – сказал старший криминальный ассистент Леннарт Колльберг, очевидно, умеющий читать чужие мысли.

В этот момент свет снова погас.

– Так, ребята, а теперь смотрите в оба, – сказал окружной начальник.

Столовая, спины туристов. Западный мост через залив озера Меларен, капитанский мостик. Пенный бурун позади парохода, шведский флаг. Длинный эпизод: миссис Беллами, закрыв глаза, загорает в шезлонге.

– Смотрите на задний план, – сказал окружной начальник.

Мартин Бек узнал на заднем плане несколько человек. Розанны Макгроу среди них не было.

Шлюзы в Сёдертелье, шоссейный мост, железнодорожный мост. Мачта, снятая снизу вверх, выпел судовой компании на фоне голубого неба. Моторная лодка с грузом металлических бочек, машущий матрос. Та же моторная лодка сзади; в правом углу морщинистый профиль миссис Беллами.

Вид на Окселёсунд с моря, шпиль модернистской кирхи на фоне неба, металлургический завод с дымящимися трубами, пароход в порту. Изображение медленно то опускалось, то поднималось, когда пароход мягко покачивался, и было окрашено в зеленоватый цвет.

– Погода ухудшилась, – заметил окружной начальник.

Часть палубы, нос пустой, если не считать одной спины в блестящем клеенчатом плаще. Вымпел города Гётеборга, промокший и обвисший на носовом флагштоке. Съёмка рулевого, он спускается в межпалубное пространство и старается держать поднос в горизонтальном положении. Весь кадр светло-серый.

– Где это они теперь? – спросил окружной начальник

– Недалеко от Хевринги, – сказал Мартин Бек, – примерно через пять-шесть часов. Остановились из-за тумана.

Корма, средняя палуба, пустые шезлонги, серо, влажно. Нигде ни души.

Камера повернула вправо и тут же быстро вернулась обратно. Розанна Макгроу на трапе палубы А, все еще в босоножках, но поверх платья наброшен прозрачный плащ с капюшоном. Возле спасательной шлюпки, смотрит прямо в объектив, взгляд равнодушный, лицо спокойное, исчезает в правом углу кадра. Быстрая смена плана. Розанна Макгроу на корме, облокотилась на поручни, перенесла вес тела на правую ногу, на носок, чешет левую лодыжку.

Меньше двадцати четырех часов до смерти. Мартин Бек затаил дыхание. Никто ничего не говорил. Женщина из Линкольна исчезла, экран заполнился белыми точками. Пленка кончилась.

Туман растаял. Искусственная фиолетовая улыбка. Пожилая пара в шезлонгах с пледами на ногах. Облачно, дождя нет.

– Кто это? – спросил окружной начальник.

– Двое американцев, – сказал Колльберг. – Их фамилия Андерсон.

Пароход в шлюзовой камере. Съемка носа с капитанского мостика, много спин. Буфера между бортом парохода и стенкой шлюза, вид сверху. Длинные сгнившие щепки в черной воде. Один из членов команды на берегу, наклонился, держится за рычаг, который открывает и закрывает ворота шлюзовой камеры. Снова нос, открываются ворота камеры. Морщинистый двойной подбородок миссис Беллами снизу вверх, на фоне капитанского мостика и названия парохода.

Еще одна съемка с капитанского мостика. Следующая шлюзовая камера. Толпа пассажиров на носу. Новый кадр: мужчина в панамке что-то говорит.

– Корнфилд, американец, путешествовал один, – обронил Колльберг.

Мартин Бек подумал, заметил ли Розанну Макгроу на предыдущем кадре кто-либо, кроме него. Она стояла, как обычно, облокотившись о поручень на правом борту, но на этот раз на ней были джинсы и темный свитер.

Съемка шлюзов продолжалась, но она больше не появилась.

– Где это могло быть? – поинтересовался окружной начальник.

– Карлсборг, – ответил Ольберг. – Но не тот, что на озере Всттерн, есть еще один Карлсборг, недалеко от Сёдерчёпинга. Из Сёдерчёпинга они отплыли в три четверти десятого. Значит, время этой съемки – около одиннадцати.

Следующий шлюз, следующий кадр: носовая палуба. На этот раз она была там. Черный свитер. Вокруг нее стояло много людей. Она повернулась лицом к объективу и, судя по всему, смеялась. Внезапный конец съемки. Бурун за кормой. Очень долго: миссис Беллами и супруги Андерсон. Перед кинокамерой на какую-то долю секунды промелькнул воинственный полковник с Нормеларстранд.

У Мартина Бека вспотел затылок. Еще десять часов жизни. Она смеялась?

Короткая съемка носовой палубы, три-четыре человека. Пароход посреди какого-то озера. Белые точки. Конец пленки.

Окружной начальник заерзал:

– Это озеро Роксен?

– Асплунген, – отрезал Ольберг.

Разводной мост. Здания на берегу. Люди с берега смотрят и машут.

– Норсхольм, – сказал Ольберг. – Теперь четверть четвертого.

Объектив упрямо смотрел на берег и только на берег. По тропинке вдоль канала шла девочка лет семи-восьми. Голубое летнее платьице, косички и деревянные башмаки. Кто-то с парохода бросил на тропинку монетку. Девочка

подняла ее и смущенно поклонилась. Монетки посыпались дождем, девочка их собирала. Она пробежала несколько шагов вперед, чтобы пароход не уплыл от нее. Женская рука с блестящим полудолларом в двух толстых пальцах с красными ногтями. Камера отъехала немного назад. Миссис Беллами с экзальтированным выражением лица бросает монетку. Девочка на берегу с ладошкой, полной монет, смущенный, недоумевающий взгляд голубых глаз.

Мартин Бек этого не видел. Он услышал, как Ольберг шумно задышал, а Колльберг выпрямился в кресле.

Позади благотворительной дамы из Кламат-Фоллс в штате Орегон прошла слева направо Розанна Макгроу. Она была не одна. Слева от нее шел еще кто-то. Мужчина в кепочке. Он был на голову выше нее, и на десятую долю секунды на светлом фоне мелькнул его профиль.

Это заметили все.

– Остановите пленку! – закричал окружной начальник.

– Нет, нет, – запротестовал Ольберг.

Кинокамера никак не возвращалась на пароход. На берегу медленно уплывали декоративные зеленые луга. Трава, листья, заросли камыша, колышущиеся в вихре пароходного винта, и, наконец, летний пейзаж сменился белыми точками.

Мартин Бек вытирал платком затылок.

Картинка, которая сейчас появилась на экране, была новой и неожиданной. Перед ними был канал, они смотрели на него сверху. Вода и аллея деревьев по обоим берегам выглядели живописно и мягко искривлялись в объективе. По левой стороне тянулась тропинка и подходила группа людей, а в левом верхнем углу кадра за живой изгородью паслось несколько лошадей.

Ольберг опередил окружного начальника.

– Это к западу от озера Роксен. Пароход прошел через шлюзы в Берге, кинолюбитель обогнал его и остановился на мосту в Люнге. Это последний шлюз перед озером Бурен. Сейчас около семи вечера.

Вдали появился белый нос с вымпелом Гётеборга. Люди на тропинке приближались.

– Ну, Господи, – выдохнул Ольберг.

Лишь Мартин Бек знал почему. Кинооператор мог заниматься совсем другим. Он мог пойти с экскурсоводом, который воспользовался остановкой в шлюзе, чтобы показать туристам монастырскую кирху во Врете.

Пароход уже был виден целиком, он лениво покачивался под снежно-белым облачком пара, от которого отражался быстро убывающий вечерний свет.

Но на пароход в маленьком просмотровом зале никто не обращал внимания. Растянувшаяся по тропинке группа пассажиров уже приблизилась настолько, что можно было различать детали. Мартин Бек узнал Гюнеша Фратта, двадцатидвухлетнего медика из Анкары. Он шел впереди всех, размахивал руками и что-то рассказывал человеку, шедшему рядом с ним.

Потом Мартин Бек увидел ее.

Метрах в пятнадцати позади большой группы были видны еще две фигуры. Одной из них была Розанна Макгроу, по-прежнему в светлых джинсах и черном свитере. Рядом с ней широко шагал мужчина в кепочке.

Они были еще далеко.

Лишь бы только эта съемка продолжалась, подумал Мартин Бек.

Они приближались. Камера продолжала снимать.

Можно ли уже опознать лицо?

Он видел, как высокий мужчина берет ее за руку, словно хочет помочь ей перепрыгнуть через лужу на тропинке.

Он видел, как они останавливаются и смотрят на пароход, который как раз проплывает мимо и бросает на них тень. Потом они исчезли. Однако мистер Беллами из Клатмат-Фоллс был упрямее, чем кто-либо другой и продолжал съемку в том же направлении. Парохода уже не было. Розанна Макгроу снова появилась на тропинке. Она остановилась, вскинула голову и протянула левую руку тому неизвестному, которого все еще не было видно, но который вот-вот должен был появиться. Сейчас.

Смена плана привела всех в шоковое состояние. Крупно: рычаг, управляющий воротами шлюза, на заднем плане ноги зрителей. Мартину Беку показалось, что он видит светлые джинсы, босоножки и рядом пару мужских туфель.

Картинка исчезла. На экране замелькали полосы. Несколько человек в помещении облегченно вздохнули. Мартин Бек сжал платок в руке.

Однако это было еще не все. Экран заполнило слегка переэкспонированное лицо с фиолетовыми губами, в очках, покрытых жемчугом, и исчезло справа. На левой стороне палубы «А» появилась официантка в светлой блузке и ударила в гонг. Вслед за ней из столовой вышла Розанна Макгроу, она прищурилась, посмотрела на небо, засмеялась и повернулась к кому-то, кого не было видно. Мелькнул лишь рукав из толстого твида и часть плеча. Потом

снова появились белые точки, после чего картинка исчезла в бездонной серой глубине.

Она смеялась. В этом он был уверен. Четвертого июля в семь часов вечера. Десять минут назад она ужина: бифштекс, молодой картофель, клубника со сливками, а в это время за столом один шведский полковник и один немецкий майор громко обменивались мнениями о Сталинградской битве.

Экран снова засветился. Еще шлюзы. Голубое небо с плывущими по нему облаками. Капитан с рукой на машинном телеграфе.

– Шёторп, – сказал Ольберг. – Полдень следующих суток. Сейчас будет озеро Венерн.

Мартин Бек помнил все. Час назад кончился дождь. Розанна Макгроу была мертва. Уже двенадцать часов ее тело лежало, погребенное в иле у буренсхультского мола, голое и истерзанное.

На палубе экскурсионного парохода люди прогуливались, сидели в шезлонгах, разговаривали, смеялись и шутили от солнышка. Морщинистая дама из высшего общества Кламат-Фоллс бросала в объектив фиолетовые улыбки.

Огромное водное зеркало. Озеро Венерн. Люди, слоняющиеся по судну. Отталкивающий юнец, знакомый по допросу в Мутале, высыпает в озеро мешок с золой и шлаком. Лицо у него черное, перемазанное, он бросает на камеру кислые взгляды.

Женщины в черном свитере, джинсах и босоножках нигде нет.

Высокого мужчины в твидовом пиджаке и кепочке тоже не видно.

Они просматривали пленку за пленкой. Венерсборг в вечернем солнце. «Диана», пришвартованная у берега. Видно, как на берег сходит матрос. Трольхеттан.

– На носу стоит мопед, – заметил Ольберг.

Пароход, причаливший в Гётеборге у набережной в ярком утреннем солнце, у кормы трехмачтовика «Викинг». Нос, люди, сходящие по трапу на берег. Мопеда на носу уже нет.

Мигание. Конец. Свет в зале.

Секунд пятнадцать было тихо, потом старший комиссар Хаммар встал и перевел взгляд с окружного начальника на советника полиции, а с советника на Ларссона.

– Так, господа, пойдем обедать. За наш счет.

Ничего не выражающим взглядом он посмотрел на остальных и сказал.

– Думаю, еще на какое-то время вы здесь останетесь:

Стенстрём тоже ушел. Он сейчас занимался каким-то другим делом.

Кольберг с любопытством посмотрел на Меландера.

– Нет, никогда его не видел.

Ольберг провел правой рукой по лицу.

– Палубный пассажир без каюты, – вздохнул он, повернувшись и посмотрел на Мартина Бека.

– Помнишь того человека, который водил нас по судну в Бохусе? И ту занавеску, которую можно задернуть, если палубный пассажир без каюты хочет спать на диванчике?

Мартин Бек кивнул.

– Мопеда сначала там не было. Впервые я увидел его в шлюзе за Сёдерчёпингом, – сказал Меландер.

Он вынул трубку и щелкнул по ней пальцем.

— Тот, в кепочке, там уже появился, — добавил он. — На одном из кадров, на заднем плане.

Просмотрев пленку еще раз, они убедились, что он был прав.

XX

На дворе падал первый зимний снег. За окном кружились гигантские влажные снежинки, они падали на стекло, мгновенно таяли и стекали вниз. В желобах шумела вода, по карнизу стучали тяжелые капли.

Несмотря на дневное время, в кабинете было так темно, что Мартину Беку пришлось включить настольную лампу. Она бросала приятный, мягкий свет на письменный стол и открытую папку, лежащую на столешнице.

Мартин Бек смял последнюю сигарету, поднял пепельницу и сдул со стола пепел.

Он проголодался и жалел, что не пошел в столовую вместе с Колльбергом и Меландером.

С тех пор, как они смотрели пленки Кафки, прошло десять дней, но они по-прежнему чего-то ждали. Как уже было раньше при расследования этого дела, самый свежий след затерялся в джунглях вопросов, сомнений и неуверенности. Допросами теперь занимался исключительно Ольберг, а его коллеги энергично набросились на свою работу, но результат был ничтожным. Единственный результат заключался в том, что ничто не опровергало их версию, будто бы кто-то сел на пароход в Меме, Сёдерчёпинге или Норсхольме и ехал до самого Гётеборга. Ничто не противоречило тому, что этим пассажиром был мужчина нормального телосложения и ростом выше среднего,

одетый в серый твидовый пиджак, серые габардиновые брюки, коричневые туфли и кепку. А также, что у него был синий мопед марки «Монарк».

Рулевой, который дал самые важные показания, припоминал, что продавал билет человеку, похожему на мужчину с киноплёнки. Но он не помнил, когда это было, и даже не был уверен, что это произошло в нынешнем году. Возможно, даже в прошлом сезоне. Тем не менее он смутно помнил, что у того мужчины, если, конечно, вообще речь идет о мужчине, который им нужен, был с собой мопед, а кроме того, возможно, еще удочки и прочие снасти, из чего следует, что он ехал на рыбалку.

Допрашивал его лично Ольберг и старался выжать все, что можно. Протокол этого допроса лежал в папке перед Мартином Беком.

Ольберг: Вы часто берете по пути палубных пассажиров?

Свидетель: Раньше это было чаще, но и теперь желающих находятся.

О.: Где они обычно садятся?

С.: Везде, где пароход причаливает или проходит шлюзы.

О.: На каком отрезке они садятся чаще всего?

С.: Они могут сесть где угодно. С нами часто ездят пешие туристы или велосипедисты из Муталы или Вадстены, которые хотят перебраться через озеро Веттерн.

О.: И все же..?

С.: Ну, как вам сказать? Раньше мы брали туристов от Стокгольма до Окселёсунда и от Линчёпинга до Венерсборга. Но теперь уже этого не делаем.

О.: Почему?

С.: Нет мест. Пассажиры в каютах заплатили, к тому же приличную сумму. Так что они не захотят тесниться ради кучи мамаш с ревущими детьми, термосами и пакетами снеди.

О.: Имелась ли какая-нибудь причина, по которой пассажир не мог сесть в Сёдерчёпинге?

С.: Никакой. Сесть он мог где угодно. Например, возле какого-нибудь шлюза. Всего их шестьдесят пять. Кроме того, пароход каждую минуту где-то пристает.

О.: Сколько палубных пассажиров вы обычно берете?

С.: За один раз? Сейчас не больше десяти. А в основном два-три.

О.: Что это за люди? Только шведы?

С.: Куда там, часто бывают и иностранцы. Это может быть кто угодно, но в основном люди, которым нравится плавать на пароходе и они даже выискивают нас в расписании.

О.: А в список пассажиров их не вносят?

С.: Нет.

О.: Палубные пассажиры имеют возможность питаться на пароходе?

С.: Конечно, они могут питаться, как и все остальные, если захотят. Обычно после двух смен в столовой устраивают еще одну. Еда там тоже есть, согласно меню.

О.: Ранее вы сказали, что эту женщину из фильма не помните, а теперь говорите, что у вас такое чувство, словно мужчину узнаете. На пароходе нет для этой цели специального служащего, так что забота о пассажирах входит в ваши обязанности, так?

С.: Я компостирую билеты, когда они садятся, здороваюсь и больше с ними дела не имею. Я на этом пароходе не для того, чтобы каждую минуту развлекать туристов. Для этого есть другие.

О.: Вам не кажется странным, что вы не узнаете этих людей? Ведь вы провели вместе с ними три дня и три ночи.

С.: Для меня все пассажиры на одно лицо. Кроме того, каждое лето я вижу их две тысячи. Стало быть, двадцать тысяч за десять лет. А во время работы я на мостике. Нас двое, так что несем вахту по двенадцать часов.

О.: Но ведь этот рейс был не совсем обычным. Тогда произошли события, которые при нормальных обстоятельствах у вас не происходят.

С.: Я стоял двенадцать часов на мостике. Кроме того, со мной была жена.

О.: В списке пассажиров ее нет.

С.: Нет, а зачем? Члены команды имеют право брать с собой родственников.

О.: Значит, данные о том, что во время этого рейса на пароходе было восемьдесят шесть человек, недостоверны. А если прибавить сюда палубных пассажиров и родственников, то их могло быть и все сто, так?

С.: Да.

О.: Гм, а тот мужчина с мопедом где сошел?

С.: Послушайте, да как же я могу это точно знать? Я вообще его не видел, так откуда мне знать, где он сошел? Многие пассажиры спешили на поезд или самолет и сошли сразу же в три часа ночи, когда мы пришли в Гётеборг. Остальные спали и сошли на берег до полудня.

О.: Где села на судно ваша жена?

С.: В Мутале. Мы ведь здесь живем.

О.: В Мутале? Поздно ночью?

С.: Нет, пятью днями раньше, когда мы возвращались в Стокгольм. А сошла, когда мы возвращались вторично, восьмого июля в шестнадцать ноль-ноль. Понятно?

О.: О чем вы думаете, когда вспоминаете, что случилось во время этого рейса?

С.: Я не верю, что так могло произойти.

О.: Почему?

С.: Ведь кто-то должен был заметить. Извините, но человек на таком суденышке, тридцать метров на пять. А каюта, как мышеловка.

О.: Вступали ли вы в какой-нибудь контакт, кроме чисто служебного, с кем-либо из пассажиров?

С.: Ага. Со своей женой.

Мартин Бек вынул из кармана три фотографии. Две были отпечатаны с кадров кинофильма, третья представляла собой увеличенный любительский снимок из бандероли Кафки. На них запечатлелся высокий мужчина в твидовом пиджаке и кепочке; они были очень плохого качества.

Сотни полицейских в Стокгольме, Гётеборге, Сёдерчёпинге и Линчёпинге уже имели при себе экземпляры этих трех фотографий. Кроме того, фотографии находились в кабинетах всех окружных начальников и в большинстве полицейских участков от Каресуандо на севере до Смюге на южном полуострове Сконе. И во многих городах за границей.

Они действительно были очень плохие, но тот, кто был знаком с мужчиной, сразу же опознал бы его. Возможно.

На последнем совещании Хаммар заявил:

– Мне кажется, он похож на Меландера.

Кроме того, он сказал:

– Это уже не имеет ничего общего с полицейским следованием, а скорее смахивает на конкурс для любителей загадочных картинок. Что-нибудь говорит о том, он швед?

– Мопед.

– Мы ведь не знаем даже, принадлежал ли мопед ему.

– Нет.

– И это все.

– Да.

Мартин Бек положил фотографии в карман. Он снова взял протокол допроса, который проводил Ольберг, быстро скользнул по нему взглядом и нашел то, что искал.

С.: Конечно, они могут питаться как и все остальные, если захотят. Обычно после двух смен в столовой устраивают еще одну...

Он порылся в бумагах и нашел список экипажей экскурсионных судов за последние пять лет. Прочел список, взял карандаш и поставил крестик возле одной из фамилий. Там было написано:

«Изаксон Гёта, официантка, адрес: Полхемсгатан, 7, Стокгольм. С 15 сентября 1964 года работает в ресторане «СХТ». «Диана» 1959–1961, «Юнона» 1962, «Диана» 1963, «Юнона» 1964».

Рядом с фамилией не было никакой пометки, говорящей о том, что Колльберг или Меландер ее допросили.

Все номера службы вызова такси были заняты, он надел шляпу и плащ, поднял воротник и по размокшему снегу направился к станции метро.

Метрдотель в ресторане «СХТ» был хмур и замкнут, но подвел его к одному из столиков, которые обслуживала фрекен Гёта, рядом с кухонными дверями. Мартин Бек сел на стул под стенкой и взял меню. Изучив его, он принялся рассматривать зал.

Большинство столиков были заняты; почти ни одной женщины. За несколькими столиками сидели одинокие мужчины в возрасте за пятьдесят. По тому, как они доверительно разговаривали с официантками, чувствовалось, что это постоянные посетители.

Мартин Бек наблюдал, как официантки носят на кухню и обратно. Он пытался угадать, кто из них фрекен Гёта, и прошло почти двадцать минут до того, как он об этом узнал.

У нее было круглое милое лицо, большие редкие зубы и короткие, растрепанные волосы, цвет которых Мартин Бек определил как льняной.

Он заказал хлеб, мясо по-морскому и пиво, ел медленно и ждал, когда закончится полуденный час пик. Когда он доел и выпил два кофе, у фрекен Гёты ушли последние посетители и она подошла к его столу.

Он объяснил, зачем пришел, и показал ей фотографию. Она взглянула на нее и сняла с себя прилегающий белый жакетик.

– Да, – сказала она, – я хорошо его помню. Не знаю, кто он, но на пароходе он ездил часто. По крайней мере, на «Юноне» и «Диане».

Мартин Бек снова показал ей фото.

– Вы в этом уверены? – спросил он. – Снимок очень нерезкий. Может быть, это не он?

– Нет, нет, это точно он. Он всегда был так одет. Я помню этот пиджак и кепку.

– Вспомните, может быть, вы видели его прошлым летом? Вы ведь тогда работали на «Юноне»?

– Секундочку, мне нужно подумать. Честно говоря, не помню. Там всегда много народу. Но летом прошлого года, я, помнится, пару раз его видела. Тогда я плавала на «Диане» и моя коллега, вторая официантка, была с ним знакома. Помню, они разговаривали. Мне кажется, у него не было каюты и он всегда проезжал только часть пути. Он был палубным пассажиром, припоминая, приходил в столовую во вторую или третью смену, но нерегулярно. Может, я ошибаюсь, однако мне кажется, что он ездил до Гётеборга.

– А где живет ваша подруга?

– Я бы не сказала «подруга», просто мы вместе работали. Где она живет, не знаю, но помню, что после окончания сезона она всегда уезжала в Векшё.

Фрекен Гёта перенесла вес тела на другую ногу, скрестила руки на животе и устремила сосредоточенный взгляд в потолок.

– Да, точно. Векшё. Наверное, она там живет.

– Как вы думаете, она хорошо знала этого мужчину?

– Нет, я действительно этого не знаю. Но думаю, что он ей немножко нравился. Наверное, она с ним встречалась, когда отдыхала после работы, хотя экипажу запрещено вступать в контакт с пассажирами. Выглядел он неплохо. В нем было что-то притягивающее...

– Вы можете описать, как он выглядел? Я имею в виду волосы, глаза, рост, возраст и так далее.

– Ну, думаю, он был довольно высокий. Выше вас. Ни худой, ни толстый, среднего телосложения, очень широкие плечи. Глаза, кажется, голубые. Светлые волосы, немного светлее, чем у меня. Впрочем, он все время ходил в кепке, так что волосы я как следует не могла рассмотреть. Зубы у него были красивые, это я точно помню. Глаза круглые, кажется, немного навывкате. Но вообще-то он был очень красивый. А возраст – примерно сорок-пятьдесят.

Мартин Бек задал ей еще несколько вопросов, но ничего дополнительного не узнал. Вернувшись в кабинет, он снова просмотрел список и быстро нашел нужное имя. Адреса не было, упоминалось только, что она работала на «Диане» с 1960 по 1963 годы.

Он быстро нашел ее в телефонном справочнике Векшё, а когда набрал номер, пришлось долго ждать. Она согласилась его принять, но, как ему показалось, сделала это крайне неохотно.

Мартин Бек отправился ночным поездом и приехал в Векшё в половине седьмого. Еще не рассвело, туман в воздухе, сырость. Он ходил по улицам и смотрел, как просыпается город. Без четверти восемь вернулся на вокзал. Галоши надеть он забыл и чувствовал, как влага проникает сквозь тонкие подошвы. Купил в киоске газету и прочел ее в зале ожидания, положив ноги на радиатор. Потом вышел на улицу, и после коротких поисков ему повезло найти кафе, которое уже было открыто; он пил кофе и ждал.

В десять часов встал, расплатился и через четыре минуты уже стоял перед дверью ее квартиры. «Фрекен Ларссон» гласила металлическая табличка, над ней была

визитная карточка, на которой красивым почерком было написано «Сив Свенсон».

Дверь открыла могучая женщина в голубом халате.

– Могу ли я поговорить с фрекен Ларссон? – спросил Мартин Бек.

Женщина захихикала и исчезла, через минуту где-то в квартире раздался ее голос:

– Карин, тебя спрашивает какой-то господин.

Ответа он не слышал, но могучая женщина вернулась и попросила его пройти. После чего снова исчезла.

Он стоял в темной прихожей, держа шляпу в руке. Прошла вечность, прежде чем где-то раздвинулась дверь и чей-то голос пригласил его пройти дальше.

– Я не думала, что вы придете так быстро, – сказала женщина, которая ждала его там.

Черные волосы она кое-как зачесала наверх. Лицо у нее было узким и маленьким для ее комплекции. Черты лица правильные и красивые, но кожа серая, блеклая; она еще не успела накраситься. Глаза карие и чуть раскосые, под глазами остатки грима. Зеленое платье из джерси обтягивало грудь и широкие бедра.

– Я заканчиваю работу поздно ночью и привыкла утром спать, – недовольно сказала она.

– Прошу прощения, – поклонился Мартин Бек. – Я пришел, потому что хочу попросить вас помочь нам в одном деле, которое связано с вашей работой на пароходе «Диана». В этом году вы тоже работали на «Диане»?

– Нет, в этом году я работала на пароходе, который ходил в Ленинград.

Она стояла в центре комнаты и выжидательно смотрела

на Мартина Бека. Он сел в цветастое кресло, дал ей фотографии. Она взяла их в руки и просмотрела. На какую-то долю секунды выражение ее лица чуть заметно изменилось, но когда она возвратила ему фотографии, оно снова было упрямым и недовольным.

— Ну?..

— Вы знаете этого человека?

— Нет, — ответила она без малейшего колебания. Перешла на противоположную сторону комнаты и взяла сигарету из стеклянной коробочки на столике у окна. Закурила, уселась в кресло напротив Мартина Бека.

— Нет, никогда его не видела. А почему вы спрашиваете?

Она говорила спокойно. Мартин Бек с минуту смотрел на нее, потом сказал:

— Мне известно, что вы с ним знакомы. Летом прошлого года вы встречались с ним на «Диане».

— Нет, я никогда его не видела. А теперь уходите. Мне нужно выспаться.

— Почему вы лжете?

— Что это вы себе позволяете! Врываетесь в квартиру и еще хамите! Я уже сказала: уходите.

— Фрекен Ларссон, почему вы не хотите признаться, что знакомы с ним? Мне известно, что вы говорите неправду. Если вы сейчас не ответите, то потом у вас могут быть большие неприятности.

— Я его не знаю.

— Будет лучше, если вы скажете правду, потому что я могу доказать, что с этим человеком вы были несколько раз вместе. У меня есть свидетели. Я хочу знать, кто этот

мужчина, и вы можете мне это сказать. Будьте, благоразумны.

– Это какая-то ошибка. Вас явно ввели в заблуждение. Я не знаю, кто это. Убирайтесь и оставьте меня в покое!

В течение всего этого разговора Мартин Бек упрямо не отводил взгляд от сидящей перед ним женщины, Она примостилась на самом краешке кресла и непрерывно постукивала кончиком указательного пальца по сигарете, хотя с нее нечего было стряхивать. Лицо у нее напряглось, он видел, как едва заметно подрагивает нижняя челюсть.

Она боялась.

Он продолжал сидеть в цветастом кресле и пытался призвать ее к благоразумию. Но теперь она уже вообще ничего не говорила, только напряженно сидела на краю кресла и скалывала оранжевый лак с ногтей. Наконец она встала и начала ходить по комнате. Вскоре поднялся Мартин Бек, он взял шляпу и попрощался. Она не ответила и повернулась к нему напряженно застывшей спиной.

– Я еще позвоню, – сказал он.

Уходя, он положил на столик свою визитную карточку.

Когда он приехал в Стокгольм, был уже вечер. Он сразу спустился в метро и поехал домой.

Утром он позвонил Гёте Изаксон. Она сегодня работает днем, так что он может придти, когда захочет. Через час он уже сидел в ее квартирке на Кунгсхольме недалеко от полицейского управления. В микроскопической кухоньке она сварила кофе, принесла его в комнату и села напротив. Мартин Бек вздохнул:

– Я был в Векшё и беседовал с вашей коллегой. Она утверждала, что не знает его. У меня создалось впечатле-

ние, что она боится. Как вы думаете, почему она не хочет признаться, что знакома с ним?

— Не имею понятия. Я вообще о ней знаю очень мало. Она была не слишком разговорчивой. Мы работали вместе три сезона, но она о себе почти ничего не рассказала.

— Не помните, она говорила о мужчинах, когда вы вместе работали?

— Только об одном. Говорила, что на пароходе познакомилась с каким-то красивым мужчиной. По-моему, это было во второй наш совместный сезон.

Она наклонила голову в сторону и подсчитала в уме.

— Да. Это было летом шестьдесят первого года.

— Она часто о нем говорила?

— Иногда упоминала. Мне показалось, что они иногда встречаются. Либо он ездил с нами несколько раз, либо встречался с ней в Стокгольме или Гётеборге. Может, он был обычным пассажиром, а может, ездил ради нее, не знаю.

— А вы никогда его не видели?

— Нет. Я даже никогда об этом не вспоминала, пока вы не пришли и не стали меня расспрашивать. Это мог быть именно тот мужчина с фотографии, хотя сначала я думала, что она познакомилась с ним двумя годами позже. Но больше она ничего о нем не рассказывала.

— А что она говорила о нем в первое лето? В шестьдесят первом году?

— Ну, так, ничего особенного, кроме того, что он очень красивый. Насколько я помню, говорила, что он прекрасный человек, воспитанный, порядочный и что-то в таком роде. Можно подумать, обыкновенный мужчина для нее

недостаточно хорош. А потом она перестала о нем говорить. Думаю, все просто само собой кончилось, или между ними что-то произошло, потому что в то лето какое-то время она была ужасно подавленной.

– А на следующий год летом вы тоже работали вместе?

– Нет, я перешла на «Юнону», а она осталась на «Диане». Мы пару раз виделись в Вадстене. Да, думаю, это было там. Суда там встречаются, но мы с ней никогда не разговаривали. Хотите еще кофе?

Мартин Бек чувствовал, что его желудок начинает протестовать, но не решился отказаться.

– А почему вы о ней расспрашиваете? Она что-то сделала?

– Нет-нет, – быстро заверил ее Мартин Бек, – она ничего не сделала, но нам нужно найти того человека с фотографии. Не помните, летом прошлого года она говорила или делала что-нибудь такое, что могло бы иметь какое-то отношение к нему?

– Нет, ничего такого я не помню. Мы жили в одной каюте, но иногда ночью она отсутствовала. Наверное, встречалась с каким-то мужчиной, но я не из тех, кто сует нос в чужие дела. Знаю только, что она не была слишком счастливой. Понимаете, если бы она в кого-то влюбилась, то должна была бы быть счастливой, ведь так? А она скорее была печальной и все время нервничала. Если не ошибаюсь, работу она бросила за месяц до конца сезона. Однажды утром просто исчезла, и мне пришлось работать за двоих, пока не удалось найти замену. Вроде бы ее отвезли в больницу, но никто не знал, что, собственно, с ней случилось. На судно в тот год она уже не вернулась. И с тех пор я ее не видела.

Она кормила Мартина Бека печеньем и болтала о работе, коллегах и пассажирах, которые остались у нее в памяти. Ему пришлось сидеть еще целый час, прежде чем удалось вырваться.

Погода улучшилась. На улицах было почти сухо, с безоблачного неба светило солнышко. От кофе Мартину Беку стало плохо, поэтому он отправился в управление округа Кристенеберг пешком. Шел вдоль залива по Нормеларстранд и думал о том, что же, собственно, узнал от двух официанток.

Из Карин Ларссон он вообще ничего не вытянул, но тем не менее визит в Векшё убедил его в том, что мужчину она знает, но боится это сказать.

От Гёты Изаксон он узнал следующее:

Карин Ларссон летом 1961 года познакомилась на борту «Дианы» с каким-то мужчиной. Очевидно, это был палубный пассажир, который в течение лета ездил на этом пароходе, вероятно, несколько раз.

Двумя годами позже, летом 1963 года, познакомилась с каким-то мужчиной, очевидно, палубным пассажиром, который иногда там ездил. По мнению Гёты Изаксон, этот мужчина мог быть тем, кто изображен на фотографии.

В то лето она нервничала и была в плохом настроении; бросила работу за месяц до окончания сезона; другими словами, в начале августа была в больнице.

Почему она там была, он не знал. Не знал он также, в какой больнице она лежала и как долго. Однако у него была возможность это узнать – нужно просто спросить у нее об этом.

Едва войдя в кабинет, он набрал номер в Векшё, но

никто не подошел к телефону. Наверное, спит или поменялась на утреннюю смену. Днем он звонил еще несколько раз, вечером тоже.

Когда он звонил в седьмой раз, на следующий день после обеда, ответил чей-то голос, вероятно, принадлежащий могучей женщине в халате:

– Ее нет. Она уехала.

– Когда?

– Позавчера вечером. А кто это звонит?

– Я ее близкий друг. Куда она уехала?

– Она не сказала. Но я слышала, как она звонит в справочную и спрашивает, когда отправляется ближайший поезд до Гётеборга.

– А больше вы ничего не слышали?

– Она говорила, что хочет наняться на какое-нибудь судно.

– А когда она решила уехать?

– Ну, очень быстро. Позавчера утром у нее тут был какой-то мужчина, а потом она сразу решила уехать. Очень разнервничалась.

– А на каком судне она собралась работать, не знаете?

– Нет, этого я не слышала.

– Не знаете, она долго будет отсутствовать?

– Об этом она ничего не говорила. Передать от вас привет, если она даст о себе знать?

– Нет, спасибо.

Значит, она удрала куда глаза глядят. Ему стало ясно, что она уже находится на каком-то судне и плывет туда, где он не сможет ее достать. А то, о чем Мартин Бек раньше только догадывался, теперь он знал совершенно точно.

Она кого-то или чего-то смертельно боялась, и он должен выяснить, почему.

XXI

В картотеке больницы города Векшё, судя по всему, был порядок.

– Карин Ларссон, да, верно, лежала у нас в гинекологическом отделении с девятого восьмого до первого десятого прошлого года. В связи с чем? Об этом вам следует поговорить с заведующим.

Заведующий гинекологическим отделением сказал:

– Уже не помню. Я посмотрю историю болезни и позвоню вам.

Мартин Бек ждал, смотрел на фото и перечитывал описание мужчины, которое составил после беседы с Гёттой Изаксон. Оно было довольно куцее, но намного лучше, чем пару часов назад.

Рост: примерно 186 см. Телосложение: нормальное. Цвет волос: светлый. Глаза: вероятнее всего, голубые (зеленые, серые), круглые, немного навывкате. Зубы: белые, здоровые.

Звонок раздался только через час. Заведующий отделением нашел нужную историю болезни.

– Да, я так и думал. Она пришла по собственной инициативе девятого августа. Помню, я уже собрался идти домой, когда мне сказали, чтобы я ее осмотрел. Ее сразу же отправили на обследование, потому что у нее было сильное кровотечение. Оно, очевидно, уже продолжалось какое-то время, потому что она потеряла много крови и очень

ослабела. Однако не до такой степени, чтобы это угрожало ее жизни. Когда я спросил у нее, что произошло, она отказалась ответить. Такие вещи у нас в отделении случаются довольно часто, пациентки не хотят говорить, отчего началось кровотечение. Приходится самим догадываться, что случилось, но в конце концов рано или поздно мы об этом узнаем. Однако эта пациентка вначале ничего не сказала, а позже лгала. Вам прочитать историю болезни или изложить своими вашими, попроще?

– Спасибо, лучше просто расскажите, – сказал Мартин Бек. – В латыни я всегда был слаб.

– Я тоже, но это так, между нами, – сказал доктор.

Он был южанином и говорил спокойно, понятно и методично.

– Как я уже сказал, у нее было сильное кровотечение и боли, поэтому мы сделали ей укол. Кровотечение было из матки и рваных ран во влагалище. На шейке матки и задней стенке влагалища имелись раны, нанесенные, по-видимому, каким-то острым твердым предметом. В мышечной ткани вокруг входа во влагалище были глубокие царапины, по которым можно судить, что предмет был большим. Внутренние ранения довольно часто встречаются у женщин, которые попадают в руки к неловкому или жестокому мужчине, или у тех женщин, которые пытаются самостоятельно сделать аборт, но должен вам сказать, что ничего подобного я еще не видел. Думаю, совершенно исключено, что она это сделала сама.

– А что она говорила? Что сделала это сама?

– Когда в конце концов она заговорила, то сказала именно так. Я уговаривал ее сказать нам, как такое могло

произойти, но она лишь повторяла, что сделала это сама. Я ей не верил, и она знала, что не верю, но даже не попыталась придумать что-нибудь более убедительное, лишь повторяла одно и то же вранье: я сделала это сама, – словно заело граммофонную пластинку. Странно то, что беременной она не была. Матка у нее была повреждена, но если бы она и была беременна, то лишь на столь ранней стадии, что просто не могла об этом знать.

– А как, по-вашему, это могло произойти?

– Это, должно быть, сделал ей какой-то сексуальный маньяк. Возможно, это прозвучит бессмысленно, но мне показалось, что она хочет от кого-то спрятаться. Я за нее немного опасался, поэтому мы оставили ее до первого октября, хотя спокойно могли выписать и раньше. Кроме того, я не терял надежды узнать от нее правду. Но она твердо стояла на своем, и в конце концов пришлось отпустить ее домой. Ничего другого мне не оставалось делать. Я все же сообщил об этом нескольким моим знакомым в полиции, думаю, они пытались что-то выяснить, но безрезультатно.

Мартин Бек молчал.

– Точно я не могу вам сказать, как это могло произойти, – продолжал доктор. – Но наверняка это был какой-то предмет, хотя трудно сказать, что именно. Вероятнее всего, какая-то бутылка. С ней что-нибудь училось?

– Нет, я только хотел поговорить с ней.

– Это будет нелегко.

– Да, нелегко, – сказал Мартин Бек. – Спасибо за помощь.

Он положил в карман карандаш, которым не сделал ни одной пометки.

Мартин Бек кончиками пальцев растирал лоб и смотрел на фотографию мужчины в кепке.

Он думал о женщине из Векшё, которую страх заставил скрывать правду настолько упрямо, что в конце концов она просто удрала от дальнейших вопросов. Он смотрел на фотографию, тихонько бормотал: «Почему?» и знал, что на этот вопрос имеется лишь один ответ.

Зазвонил телефон. Это был заведующий отделением.

– Я забыл упомянуть кое о чем, что могло бы вас интересовать. Эта пациентка уже была у нас раньше, в конце декабря шестьдесят второго года. Я забыл об этом, потому что в то время был в отпуске и к тому же она лежала в другом отделении. Я только прочел историю болезни. В прошлый раз у нее были сломаны два пальца на левой руке, указательный и средний, сломаны в первом суставе у самой ладони. В тот раз она тоже не хотела сказать, как это произошло. Ее спросили, может быть, она упала с лестницы, и она подтвердила, но мой коллега, у которого она лежала, сказал, что такое вряд ли возможно. Перелом у нее действительно был такой, как при падении на руку, но кроме этого не было никаких ушибов или синяков, ничего. Лечили ее как обычно, нашили гипс и так далее, кости срослись нормально.

Мартин Бек поблагодарил, положил трубку, тут же снял ее и набрал номер ресторана «СХТ». Он слышал грохот рассыпавшихся столовых приборов и шум в кухне, кто-то кричал, казалось, прямо в трубку: «Бифштекс, три раза!». Продолжалось это несколько минут, потом трубку взяла Гёта Изаксон.

– У нас тут ужасная спешка, – сказала она. – Где мы

были, когда она заболела? Конечно, помню, это было в Гётеборге. Когда мы отплывали утром, ее не было, а замена подросла только в Тёребуде.

— Где вы жили в Гётеборге?

— Я обычно спала в приюте Армии спасения, а куда ходила она, не знаю. Наверное, оставалась на судне или ночевала в гостинице, не знаю. К сожалению, мне нужно бежать, посетители ждут.

Мартин Бек позвонил в Муталу; Ольберг выслушал его молча.

— Это значит, что она уехала из Гётеборга и отправилась прямо в Векшё, в больницу, — сказал он наконец. — Нужно выяснить, где она провела ночь с восьмого на девятое августа. Именно в ту ночь это и случилось.

— Она очень ослабела, — сказал Мартин Бек. — Странно, что в таком состоянии она поехала в Векшё.

— Тот, кто это ей сделал, мог быть из Гётеборга — в таком случае всё, по-видимому, произошло у него дома. — Он немного помолчал и сказал:

— Если он сделает это еще раз, мы его схватим. Нам просто не повезло, что она не захотела сказать, как его зовут, потому что ей прекрасно известно, кто он.

— Она боялась, — сказал Мартин Бек. — Она перепугалась до смерти.

— Думаешь, уже слишком поздно и мы до нее не доберемся?

— Конечно, — сказал Мартин Бек. — Когда она удидала, то знала, что делает. Теперь она уже много лет здесь не появится. Причем мы знаем, почему она это сделала.

— Почему же?

— Потому что речь шла о ее жизни, — сказал Мартин Бек.

На улицах и крышах лежит толстый слой размокшего снега, а с больших золотистых рождественских звезд, развешенных над Регерингсгатан в Стокгольме, капает вода. Звезды развешены здесь уже несколько недель, хотя до рождества остается еще почти месяц.

На тротуаре множество спешащих людей, а по проезжей части плотным потоком несется городской транспорт. Каждую минуту какой-нибудь автомобиль прибавляет газу и втискивается на свободное место в веренице машин, выбрасывая из-под колес грязную слякоть.

Патрульный полицейский Лундберг наверняка единственный, кто никуда не спешит. Заложив руки за спину, он медленно шагает по Регерингсгатан мимо рождественских витрин. Тающий на крышах снег тяжелыми каплями стучит по его форменной фуражке, а ботинки шлепают по снежной слякоти. Возле универмага «НК» он сворачивает на Смоландсгатан, где меньше автомобилей и нет такой толкучки. Медленно спускается с горы, чтобы не поскользнуться, останавливается и стряхивает с фуражки капли воды перед зданием, где когда-то находился полицейский участок округа Якоб. Лундберг молод, на службе он еще новичок, поэтому не может помнить старый полицейский участок, который уже много лет закрыт, а его район теперь относится к полицейскому участку округа Клара.

Патрульный Лундберг служит в участке округа Клара, и на Смоландсгатан он по служебным делам. На углу Норландсгатан есть кондитерская. Он входит туда. У него есть приказ взять у одной из продавщиц, которая обслуживает

несколько столиков, конверт с неизвестным ему содержанием. Он ждет ее, облокотившись на стойку со сладостями, и глаза его блуждают вокруг.

Сейчас десять часов утра и кондитерская почти пуста.

За столиком прямо напротив него сидит мужчина с чашечкой кофе. Лундбергу мужчина кажется знакомым, и он начинает рыться в памяти. Мужчина сует руку в карман за деньгами и рассеянным взглядом скользит по патрульному.

Лундберг чувствует, как у него на затылке шевелятся волосы.

Мужчина с Гёта-канала!

Лундберг почти уверен, что это он. Много раз в полицейском участке патрульный подробно изучал его фото и хорошо его запомнил. В азарте он чуть не забывает о конверте, который продавщица подает как раз в тот момент, когда мужчина встает и кладет на столик несколько монеток. Он с непокрытой головой и без плаща, а когда он идет к двери, Лундберг отмечает, что рост, телосложение и цвет волос соответствуют описанию.

Через застекленную дверь Лундберг видит, как мужчина поворачивает направо. Быстро прощается с продавщицей и бежит за ним. В двух шагах впереди него мужчина входит в дом, и Лундберг успевает заметить, как за ним закрывается дверь, ведущая в широкий подъезд. На двери табличка: «И. А. ЭРИКСОН, ПЕРЕВОЗКА МЕБЕЛИ, КОНТОРА». Верхняя часть двери застеклена. Лундберг осторожно входит в подъезд. Проходя мимо двери, он пытается заглянуть внутрь, но ему удастся выяснить лишь, что в правом углу за дверью имеется еще одна стеклянная

перегородка. Во дворе стоят два грузовика, а на дверцах у них написано белыми буквами «ЭРИКСОН. ПЕРЕВОЗКА МЕБЕЛИ».

Он снова проходит мимо двери в контору. На этот раз еще медленнее, вытягивает шею и изо всех сил пытается заглянуть внутрь. За стеклянными перегородками имеются еще две или три комнатки, двери которых выходят в коридор. На ближайшей двери, которая ведет в самый маленький кабинет, он замечает надпись «КАССА». На следующей двери написано «ДИСПЕТЧЕР Ф. БЕНГТССОН».

Высокий мужчина стоит у стола и разговаривает по телефону. Он повернулся спиной к Лундбергу и смотрит в наполовину выкрашенное белой краской окно, выходящее на улицу. Пиджак он снял и надел черный рабочий халат, одну руку держит в кармане. В последнюю дверь в конце коридора входит мужчина в синем комбинезоне и шапочке. В руке он держит какие-то бумаги. Открывая дверь в диспетчерскую, он бросает взгляд в сторону входной двери, и Лундберг спокойно, медленно снова выходит на улицу.

Он только что успешно закончил свою первую слежку.

— В таком случае, я идиот, — заявил Колльберг. — Нужно постучать по дереву.

— В двенадцать часов у него обед, — сказал Мартин Бек, — так что если поторопишься, вполне успеешь. Замечательный парень этот Лундберг, если, конечно, он прав. Надеюсь на это. Если все будет нормально, позвони днем, Стенстрём тебя сменит.

— Думаю, до конца дня меня хватит. Пусть подменит меня вечером.

Без четверти двенадцать Колльберг был на месте. Он сел у окна в маленьком ресторанчике напротив здания транспортного агентства. На столике перед ним стояли кофе и маленькая красная вазочка с чуть увядшим тюльпаном, еловой веткой и пыльной фигуркой из пластмассы. Он медленно пил кофе и наблюдал за подъездом на противоположной стороне. Прикинул, что пять окон слева от входа принадлежат фирме по перевозкам, но за ними ничего не видно, потому что они наполовину выкрашены снизу белой краской.

Когда из ворот выехал грузовик с названием фирмы на дверцах, Колльберг взглянул на часы. Без трех двенадцать. Через две минуты открылась дверь конторы и вышел высокий мужчина в темно-сером плаще и черной шляпе. Колльберг положил на стол деньги, встал, надел шляпу и при этом непрерывно наблюдал за мужчиной, который тем временем сошел с тротуара, пересек улицу и проходил мимо ресторана. Когда Колльберг вышел на улицу, мужчина как раз поворачивал на Норландсгатан. Колльберг направился за ним. В двадцати метрах за углом был ресторан самообслуживания. Мужчина вошел туда.

У стойки была очередь, и мужчина терпеливо ждал. Подойдя к стойке, он взял поднос, поставил на него бутылочку молока, хлеб и масло, у окошка что-то заказал, расплатился и уселся за свободный столик спиной к Колльбергу.

Когда кассирша выкрикнула: «Жареная форель!», он встал и взял тарелку с едой. Ел он медленно и сосредоточенно, смотрел прямо перед собой только тогда, когда подносил к губам стакан с молоком. Колльберг взял себе

кофе и сел так, чтобы видеть лицо мужчины. Он все сильнее и сильнее убеждался в том, что перед ним действительно мужчина с киноплёнок Кафки.

Мужчина не брал себе кофе и не стал курить. Окончив есть, он лишь тщательно вытер губы, надел плащ, шляпу и вышел. Колльберг следовал за ним до Рёрстрандгатан, там он перешел на противоположную сторону улицы и направился к Королевскому саду. Мужчина шел довольно быстро, и Колльберг, идя за ним по аллеям сада, держался метрах в двадцати позади. У Молин-фонтана мужчина свернул вправо, обошел фонтан, наполовину наполненный грязно-серым полурастаявшим снегом, и продолжил путь по аллее. Колльберг шагал за ним мимо кафе «Бланш», мимо универмага на противоположной стороне улицы, вниз по Рёрстрандгатан до Смоландсгатан, где мужчина пересек улицу и исчез в подъезде.

Ну и ну, подумал Колльберг, ничего себе приключение.

Он посмотрел на часы. Обед и прогулка длились ровно сорок пять минут.

Днем ничего особенного не происходило. Вернулся пустой грузовик, в ворота входили и выходили люди, уехал пикап и вскоре вернулся, уехали два грузовика, а когда один из них возвратился, он едва не столкнулся с пикапом, который как раз выезжал из ворот.

Без пяти минут пять из ворот вышел шофер одного из грузовиков с какой-то толстой седовласой женщиной. Через пять минут ушел другой шофер; третий с машиной еще не вернулся. Сразу вслед за ним появились еще трое мужчин и быстро перешли улицу. Они ввалились в ресторан, громко заказали три пива и молча принялись медленно пить его.

В пять минут шестого появился долговязый. Он вынул из кармана связку ключей и запер дверь. Положил ключи в карман, подергал дверь, чтобы убедиться в том, что она закрыта, и зашагал по тротуару.

Одеваясь, Колльберг услышал, как один из трех любителей пива говорит:

– А Фольке идет домой.

Другой добавил:

– И чего он так бежит домой, не пойму, словно его кто-то заставляет. Не знает своего счастья. Вы бы только послушали мою старуху, когда я вчера пришел домой... такой скандал устроила, и все из-за того, что человек после работы выпил пару бокалов пива. Черт возьми, имеет же право человек...

Что он говорил дальше, Колльберг не слышал. Так, значит, долговязого зовут Фольке Бенгтссон, и в настоящий момент Колльберг потерял его из виду, но тут же обнаружил на Норландсгатан. Он продирался сквозь толпу в направлении Рёрстрандгатан, где стал дожидаться автобуса на остановке напротив универмага «НК».

Когда Колльберг подоспел туда, между ним и Бенгтссоном оказалось в очереди четыре человека. Он надеялся, что автобус придет не переполненный, и они оба сядут. Бенгтссон непрерывно смотрел прямо перед собой. Кажется, он рассматривает рождественскую витрину универмага. Когда пришел автобус, он быстро вскочил на подножку, а Колльбергу лишь с большими усилиями удалось протиснуться в дверь, которая тут же зашипела и захлопнулась.

На Санкт-Эриксплан мужчина сошел. Машины ехали

сплошным потоком, он дождался зеленого света и пересек площадь. На Рёрстрандгатан он вошел в универсам.

Потом он направился дальше по Рёрстрандгатан, свернул на Беркгатан, сразу же пересек ее и вошел в дом. Через минуту к дому подошел Колльберг и прочитал список жильцов. В доме было две лестницы, одна выходила во двор, другая на улицу. Колльберг поздравил себя с удачей, выяснив, что Бенгтссон живет на третьем этаже, а вход в парадное с улицы.

Он укрылся напротив, в подъезде дома и смотрел на третий этаж. На четырех окнах были видны белые тюлевые гардины с кистями и множество цветочных вазончиков. Благодаря любителям пива в ресторане, Колльберг знал, что Бенгтссон старый холостяк, и посчитал маловероятным, что это окна его квартиры. Он сосредоточился на оставшихся двух окнах. Одно было приоткрыто. Пока он за ним наблюдал, засветилось второе окно, очевидно, кухонное. Виден был потолок и верхняя часть стен, выкрашенных белой краской. Он несколько раз заметил, что за окном кто-то двигается, но видно было недостаточно четко, чтобы утверждать, что это в самом деле Бенгтссон.

Через двадцать минут свет в кухне погас и зажегся в соседнем окне, через несколько секунд в окне появился Бенгтссон. Он открыл окно настежь и выглянул наружу. Потом закрыл окно на крючок, опустил штору. Она была желтая и прозрачная. Колльберг видел, как силуэт Бенгтссона исчезает где-то в глубине комнаты. Гардин у него, очевидно, не было, потому что по обе стороны шторы пробивались довольно широкие полосы света. Колльберг позвонил Стенстрёму.

– Он дома. Если до девяти я тебе не позвоню, придешь меня сменить.

В восемь минут десятого прибыл Стенстрём. Это произошло после того, как в восемь часов погас свет и через минуту в щелях по обе стороны шторы появился слабый холодный голубоватый ответ.

У Стенстрёма была с собой вечерняя газета, они прочли, что по телевизору сейчас идет американский фильм.

– Фильм так себе, – сказал Колльберг. – Я видел его лет десять-пятнадцать назад. Лучше всего там конец: все умирают, кроме одной девушки. Ну, я побегу, еще успею посмотреть конец. Если до шести мне не позвонишь, я приду.

Утро было морозным, на небе ярко сверкали звездочки, когда спустя девять часов Стенстрём направлялся к Санкт-Эриксплан. Свет в комнате на третьем этаже погас в половине одиннадцатого, и с тех пор больше ничего не происходило.

– Смотри, не замерзни, – сказал перед уходом Стенстрём.

Когда наконец открылась входная дверь и появился долговязый, Колльберг вознес благодарность небесам, что теперь появилась возможность хотя бы немного двигаться.

Бенгтссон был в том же самом плаще, что и накануне, шляпу он сменил на серую каракулевую шапку. Шагал он быстро, дыхание вырывалось у него изо рта белым паром. На Санкт-Эриксплан он сел в автобус в сторону Рёрстрандгатан, и за несколько минут до восьми Колльберг увидел, как он входит в дом, где находится транспортная фирма.

Через два часа он снова появился, зашел в кондитерскую-автомат в соседнем доме, выпил кофе и съел два бутерброда. В двенадцать отправился в ресторан самообслуживания, после обеда пошел пройтись и снова вернулся в контору. В две минуты шестого запер дверь, поехал автобусом на Санкт-Эриксплан, купил в пекарне хлеба и пошел домой.

Без двадцати восемь он вышел из дома. На Санкт-Эриксгатан он свернул направо, через мост вышел на Флеминггатан, повернул на Кунгсхольмсгатан и там вошел в один дом. Колльберг остановился перед входом, над которым большими красными буквами было написано «КЕГЕЛЬБАН». Он открыл дверь и тоже вошел.

В кегельбане было семь дорожек, а сбоку, за декоративной решеткой, находился бар с маленькими круглыми столиками и табуретками, обтянутыми кожей. Здесь было шумно и весело, время от времени раздавался гул катящихся шаров и стук падающих кеглей.

Колльберг сразу не увидел Бенгтссона. Зато мгновенно обнаружил двух из трех мужчин, которые накануне были в ресторане. Они сидели за столиком в баре, и Колльберг тут же отпрянул к двери, чтобы его случайно не узнали. Через минуту к столу подошел третий с Бенгтссоном. Когда они начали играть, Колльберг вышел наружу.

Через два часа игроки в кегли расстались на остановке трамвая на Санкт-Эриксгатан, а Бенгтссон вернулся домой пешком тем же путем, что и пришел.

В одиннадцать часов в квартире Бенгтссона погас свет, но в это время Колльберг уже лежал дома в постели, а его коллега, предусмотрительно надев толстую дубленку,

прогуливался взад-вперед по Беркгатан. Стенстрёма мучила простуда.

На следующий день была среда, она прошла в принципе так же, как и вторник. Стенстрём не поддался простуде и провел бóльшую часть дня в ресторане на Смогландсгатан.

Вечером Бенгтссон отправился в кино. На пять рядов позади него тихо страдал Колльберг, а в это время на экране светловолосый полуобнаженный Мистер Америка голыми руками расправлялся с допотопными чудищами кинематографических размеров.

Следующие два дня прошли как близнецы. Стенстрём и Колльберг поочередно сменяли друг друга и изучали скучную и тщательно организованную жизнь этого человека. Колльберг еще раз посетил кегельбан и убедился в том, что Бенгтссон хорошо играет, а также узнал, что ходит он туда с незапамятных времен каждый вторник со своими коллегами.

На седьмой день было воскресенье, и, по мнению Стенстрёма, за все это время произошло лишь одно достойное внимания событие: состоялся хоккейный матч Швеция-Чехословакия, на котором присутствовали он, Бенгтссон и еще десять тысяч зрителей. В ночь с воскресенья на понедельник Колльберг нашел на Беркгатан другой дом, в парадном которого ему удалось спрятаться.

Когда в следующую субботу он увидел, как Бенгтссон входит и закрывает дверь в две минуты первого и идет в направлении Регерингсгатан, то подумал: «Ага, значит, мы идем выпить пивка». Когда же Бенгтссон открывал дверь немецкой пивной «Левёнброй», Колльберг стоял на углу Дроттнинггатан и тихо ненавидел его.

Вечером он сидел в своем кабинете в Кристинеберге и разглядывал фотографии, отпечатанные с киноплёнки. Он уже сбился со счета, сколько раз это делал.

Каждую фотографию он изучал долго и тщательно, и хотя ему не хотелось в это поверить, видел перед собой все время одного и того же человека, за чьей размеренной жизнью следил вот уже четырнадцать дней.

XXIII

— Конечно, мы на ложном пути. Это не он, — сказал Колльберг.

— Тебя это начинает утомлять?

— Ты неправильно меня понял. Я ничего не имею против того, чтобы дежурить по ночам на Беркгатан, но...

— Но..?

Десять дней из четырнадцати это выглядело следующим образом: в семь часов он поднимает штору. В одну минуту восьмого открывает окно. Без двадцати пяти восемь прикрывает окно на крючок, чтобы оно оставалось полуоткрытым. Без двадцати восемь выходит из дома, отправляется на Санкт-Эриксплан и автобусом номер пятьдесят шесть едет до перекрестка Регерингсгатан и Рёрстрандгатан, там сходит и идет в контору; дверь открывает за тридцать секунд до восьми. В десять часов идет в кондитерскую-автомат «Сити», где пьет кофе и завтракает бутербродом с сыром. В одну минуту первого отправляется в один из двух ресторанов самообслуживания, находящихся неподалеку. Ест он...

— Вот-вот, что, собственно, он ест? — спросил Мартин Бек.

– Рыбу или жареное мясо. В двадцать минут первого заканчивает обед и совершает короткую быструю прогулку до Королевского сада или до Нормальмсторг, после чего возвращается на работу. В пять минут шестого закрывает контору и идет домой. Если погода плохая, едет на пятьдесят шестом. В противном случае идет домой пешком по Регерингсгатан, Кунгсгатан, Дроттнинггатан, Уппландгатан, проходит через Ваза-парк, пересекает Санкт-Эриксплан и выходит на Беркгатан. По пути делает покупки в каком-нибудь универсаме, где меньше народа. Ежедневно покупает молоко и бисквиты, хлеб покупает регулярно, масло, сыр и консервы тоже.

Восемь вечеров из четырнадцати торчал дома и смотрел телевизор. В первую и вторую среду ходил вечером в кинотеатр «Лорри». Один фильм был хуже другого, и мне, естественно, пришлось их смотреть. По дороге домой покупает в киоске и съедает сосиску с горчицей. В первое и второе воскресенье ездил трамваем на зимний стадион и смотрел хоккей. Эти матчи, естественно, видел Стенстрём. В первый и второй вторник ходил в кегельбан на Кунгсхольмсгатан и два часа играл в кегли с тремя коллегами. В субботу работает до двенадцати. Потом идет в пивную «Левёнброй», где выпивает один бокал пива и съедает порцию рыбного салата. Потом бредет домой. На улице на девушек не обращает внимания, но иногда рассматривает киноафиши и витрины, главным образом, скобяных товаров и спортивных принадлежностей.

Газет не покупает и не выписывает. Впрочем, покупает два еженедельника – «Рекорд» и какой-то журнал для рыболовов, забыл его название. С моей стороны преступная

небрежность. В подвале дома, где он живет, нет синего мопеда марки «Монарк», зато есть красный мопед марки «Свален». Принадлежит ему. Почту получает редко. С соседями отношений не поддерживает, но вежливо здоровается при встрече.

— Какой он?

— Откуда, черт возьми, мне это знать? Стенстрём утверждает, что он болеет за «Юргорден».

— Нет, я серьезно.

— Производит впечатление здорового, энергичного, спокойного, сильного и скучного человека. Спит с открытым окном. Ходит легко, одевается нормально, не нервничает. Никогда не спешит, но и не лодырничает. Ему бы следовало курить трубку, но он не курит.

— Он знает о вас?

— Думаю, нет. По крайней мере, обо мне нет.

Они несколько секунд сидели и молча наблюдали, как кружатся большие влажные снежинки.

— Понимаешь, — снова начал Колльберг, — у меня такое предчувствие, что в подобном духе мы будем продолжать до лета, когда он пойдет в отпуск. Это весьма занимательный театр, но его жертвой могут стать две работоспособных единицы... — Он замолчал. — Да, между прочим, работоспособных, а сегодня ночью на меня разорался какой-то пьяница, когда я там спал стоя. Со мной чуть инфаркт не случился.

— Так это он?

— На того, из кинофильма, он похож как две капли воды. Мартин Бек покачался на стуле.

— Ладно, доставим его сюда.

– Сейчас?

– Да.

– Кто?

– Ты. Когда он закончит работу. Чтобы у него не получился прогул. Возьми его к себе наверх и запиши личные данные. Когда закончишь, позови меня.

– Так, чтобы его не спугнуть?

– Естественно.

Уже четырнадцатое декабря. Вчера был день Святой Люции, и Мартину Беку пришлось вынести полицейский вариант традиционного праздника: девушки из управления в белых одеждах, жирные пончики и два стаканчика абсолютно безалкогольного грога.

Он позвонил окружному начальнику в Линчёпинг, Ольбергу в Муталу и был немного удивлен, когда оба тут же заявили, что приедут.

Прибыли они около трех. Окружной начальник ехал через Муталу и захватил Ольберга с собой; он обменялся парой фраз с Мартином Беком и отправился к Хаммару.

Ольберг сидел в кресле для посетителей два часа, но за это время они обменялись лишь несколькими замечаниями. Ольберг сказал:

– Думаешь, это он?

– Не знаю.

– Это должен быть он.

– Гм.

Через пять минут кто-то постучал в дверь. Это были окружной начальник и Хаммар.

– Я убежден, что ты прав, – сказал начальник. – Можешь сам решить, как тебе действовать.

Мартин Бек кивнул.

Без двадцати шесть зазвонил телефон.

– Послушай, – сказал Колльберг, – ты не мог бы зайти на минутку ко мне? У меня тут господин Фольке Бенгтссон.

Мартин Бек положил трубку и встал. В дверях он обернулся и посмотрел на Ольберга. Они ничего не сказали друг другу.

Он медленно поднимался по лестнице. У него было какое-то необычное чувство пустоты в животе и левой стороне груди, хотя допросы он проводил уже тысячу раз.

Колльберг, без пиджака, облокотился на стол, он казался спокойным и доброжелательным. Меландер сидел к нему спиной и невозмутимо рылся в своих бумагах.

– Это тот самый господин Фольке Бенгтссон, – сказал Колльберг и встал.

– Бек.

– Бенгтссон.

Обычное рукопожатие. Колльберг надел пиджак.

– Ну, так я пойду. Пока.

– Пока.

Мартин Бек сел. В пишущую машинку Колльберга был вставлен лист бумаги. Он повернул валик и прочел: Фольке Леннарт Бенгтссон, служащий, родился 6.8.1926 в Стокгольме. Холост.

Он посмотрел на сидящего перед ним мужчину. Глубокие глаза, обычное лицо. Кое-где седые пряди в волосах. Ни малейших следов нервозности. На первый взгляд все нормально.

– Вы знаете, почему мы попросили вас прийти к нам?

– Нет, этого я не знаю.

– Мне кажется, вы могли бы кое в чем нам помочь.

– В чем же?

Мартин Бек посмотрел в окно и сказал:

– Ну и метет, да?

– Да.

– Где вы были летом в первую неделю июля? Можете вспомнить?

– Могу, потому что у меня был отпуск. Фирма предоставляет нам ежегодный отпуск в последнюю неделю июня и три первых недели июля.

– Да, слушаю вас...

– Во время отпуска я был в нескольких местах, почти четырнадцать дней провел на западном побережье. Во время отпуска я езжу ловить рыбу. Зимой тоже, хотя бы раз в неделю.

– Как вы туда добирались? На автомобиле?

Мужчина улыбнулся.

– Нет, у меня нет автомобиля. И даже нет водительского удостоверения. Я ехал на мопеде.

Мартин Бек немного помолчал.

– Хорошее дело, у меня самого несколько лет назад был мопед. А какая у вас марка?

– Тогда у меня был «Монарк», но осенью я купил новый мопед.

– Вы помните, как провели отпуск?

– Да. Вначале я был неделю в Меме, это на восточном побережье, там, где начинается Гёта-канал. Потом поехал в Гётеборг и лен¹³ Гётеборг-Бохус.

¹³ Административная единица в Швеции.

Мартин Бек встал и подошел к графину с водой, стоящему на картотечном ящике у двери. Посмотрел на Меландера. Вернулся. Открыл крышку магнитофона и подсоединил магнитофон. Меландер сунул трубку в карман и вышел. Мужчина посмотрел на магнитофон.

— Вы плыли на пароходе от Мема до Гётеборга?

— Нет, я плыл из Сёдерчёпинга.

— Как назывался пароход?

— «Диана».

— Когда вы сели на пароход?

— Точное число я не помню. В начале июля.

— По пути случилось что-нибудь необычное?

— Насколько я помню, нет.

— Вы точно это помните? Подумайте.

— Ах да, вспомнил. У парохода была какая-то авария в машинном отделении, но это произошло еще до того, как я сел. Пароход опоздал. В противном случае я бы на него не успел.

— А что вы делали, когда приехали в Гётеборг?

— Мы пристали рано утром. Я отправился в один маленький городок, он называется Хамбургсунд. У меня там был заказан ночлег.

— Как долго вы там были?

— Четырнадцать дней.

— Чем вы занимались эти четырнадцать дней?

— Ловил рыбу. Погода была отвратительная.

Мартин Бек выдвинул ящик письменного стола и вынул оттуда три фотографии Розанны Макгроу.

— Вы знаете эту женщину?

Мужчина брал снимки один за другим и рассматривал их. Он не повел и бровью.

– У меня такое впечатление, что это лицо мне знакомо, – сказал он. – Кто это?

– Она тоже плыла на «Диане».

– Ага, вот почему мне кажется, что она мне знакома, – равнодушно сказал он.

Он еще раз посмотрел на фотографии.

– Хотя я в этом не уверен. Как ее зовут?

– Розанна Макгроу. Она была американка.

– Ага, уже вспоминаю, вы правы. Она была там. Я пару раз с ней разговаривал. Так, о том, о сем.

– И с тех пор вы ее имени не видели и не слышали?

– Нет, не слышал, вплоть до этой минуты.

Мартин Бек перехватил взгляд мужчины. Он был холодный, спокойный и любопытный.

– Вы не знаете, что Розанна Макгроу как раз во время этого рейса была убита?

Выражение его лица незначительно изменилось.

– Нет, – сказал он наконец, – нет, я в самом деле об этом не знал.

Он нахмурился.

– Это правда? – внезапно спросил он.

– Очень странно, что вы об этом ничего не слышали. Честно говоря, я вам просто не верю.

Мартин Бек понял, что мужчина совершенно его не слушает.

– Понятно. Теперь я уже знаю, зачем вы меня вызвали.

– Вы слышали, что я сказал? Очень странно, что вы ничего не читали об этом случае, ведь о нем столько писали. Я просто не могу вам поверить.

– Если бы я об этом знал, то явился бы сам.

– Явился сам?

– Ну да, как свидетель.

– Свидетель чего?

– Я бы вам сказал, что видел ее. Где это случилось? В Гётеборге?

– Нет. По пути, на пароходе, у нее в каюте. Вы тоже тогда были там.

– Невероятно.

– Почему?

– Кто-нибудь ведь должен был слышать, что-то заметить. Ведь все каюты были заняты.

– Еще более невероятно, как вы могли об этом ничего не знать. Не станете же вы требовать, чтобы я в это поверил.

– Но это легко объяснить. Дело в том, что я не читаю газеты.

– Об этом убийстве говорили и по радио, и по телевидению. Эти фотографии несколько раз показывали по телевизору. Разве у вас нет телевизора?

– Есть. Но я смотрю только передачи о природе и фильмы.

Мартин Бек ничего не ответил и в упор посмотрел на сидящего перед ним мужчину. Когда прошла целая минута, он сказал:

– Почему вы не читаете газеты?

– В них нет ничего, что бы меня интересовало. Только политика и... ну, именно такие вещи, о которых вы говорили: убийства, несчастья и прочий ужас.

– Значит, вы вообще никогда ничего не читаете?

– Нет, почему же. Читаю разные журналы. Спортивные,

о рыбной ловле, природе. Иногда какой-нибудь развлека-
тельный роман.

– Какие именно журналы?

– «Спорт», покупаю почти каждый номер, потом «Ол-
лспорт», «Рекорд» и еще «Карманное чтение», ну, это я
читаю еще с тех времен, когда учился в школе. Иногда
также покупаю американские журналы о спортивном ры-
боловстве.

– Со своими коллегами вы никогда не обсуждаете ни-
каких событий?

– Нет, они знают, что такие вещи меня не интересуют.
Конечно, между собой они что-то обсуждают, но я почти
никогда не прислушиваюсь. В самом деле, это так и есть.

Мартин Бек ничего не говорил.

– Я понимаю, вам это кажется немного странным. Но
могу лишь повторить, это так и есть. Вам придется мне
поверить на слово.

– Вы верующий?

– Нет. Почему вы спрашиваете?

Мартин Бек взял сигарету и протянул пачку мужчине.

– Нет, спасибо, я не курю.

– Алкоголь употребляете?

– Мне нравится пиво. В субботу после работы я обычно
выпиваю один-два бокала. Но более крепких напитков не
употребляю.

Мартин Бек смотрел на него в упор. Мужчина не пы-
тался отвести взгляд.

– Главное, мы вас, наконец-то, нашли.

– Да. Но как вам это удалось? Я имею в виду, как вы
узнали, что я тоже был на пароходе?

– Да так, совершенно случайно. Вас просто кое-кто опознал. Но сейчас дело вот в чем: из всех людей, кого мы знаем, вы единственный разговаривали с той женщиной. Как это произошло?

– Думаю, что... погодите, уже припоминаю. Она случайно оказалась рядом со мной и о чем-то меня спросила.

– И?..

– И я ответил. Кое-как. Английский я знаю слабовато.

– Но ведь вы читаете американские журналы?

– Да, и поэтому использую каждую возможность поговорить с американцами или англичанами. Для тренировки. Но разговариваю я редко. Раз в неделю хожу смотреть американские фильмы, все равно какие. А по телевизору часто смотрю детективы без перевода, даже если сюжет меня не особенно интересует.

– Так значит, с Розанной Макгроу вы разговаривали? О чем?

– Ну...

– Попробуйте вспомнить. Это может быть очень важно.

– Она рассказывала о себе.

– Что же, например?

– Откуда она, но я уже забыл.

– Из Нью-Йорка?

– Нет, она называла какой-то американский штат. Может, Невада... Нет, я в самом деле не помню.

– А еще?

– Говорила, что работает в библиотеке. Это я помню хорошо. И что была на Нордкапе и в Лапландии. Что видела северное сияние. Меня она тоже о многом расспрашивала.

– Вы много раз встречались?

– Нет, я бы не сказал. Я с ней разговаривал раза три-четыре.

– Когда именно? На каком отрезке пути?

Он ответил только через минуту.

– Это было сразу же в первый день. Помню, мы шли вместе между Бергом и мостом в Люнге, там пассажиры обычно проходят часть пути пешком, когда пароход находится в шлюзе.

– Вы знаете канал и его окрестности?

– Очень хорошо.

– Вы раньше ездили по этому маршруту?

– Да, много раз. Обычно часть пути я плыву на пароходе, если это не противоречит моим планам. Таких старых пароходов уже мало осталось, а путешествовать на них одно удовольствие.

– Сколько раз?

– Так вот, сразу, я не могу сказать. Мне надо минутку подумать. Ну, примерно десять за последние годы. Разные отрезки пути. Однажды я проехал весь маршрут от Гётеборга до Стокгольма.

– Палубным пассажиром?

– Да. Места в каютах продают задолго до начала рейса. Кроме того, для меня слишком дорого ехать как туристу, с каютой.

– Наверное, не очень приятно, если у человека нет каюты?

– Я бы не сказал. Если захочется, можно спать на диванчике в салоне. А я не неженка.

– Так значит, с Розанной Макгроу вы разговаривали.

Помните, что шли пешком вместе с ней в Люнге. А что было позже, может, тоже помните?

– По-моему, я говорил с ней еще раз. Так, на ходу.

– Когда?

– Этого я уже не помню.

– Вы видели ее на последнем отрезке пути?

– Насколько я помню, нет.

– Знаете, где находилась ее каюта?

Ответа не последовало.

– Вы слышали вопрос? Где находилась ее каюта?

– Я пытаюсь припомнить. Нет, по-моему, я никогда этого не знал.

– Значит, у нее в каюте вы не были?

– Нет, я там действительно не был. Там очень маленькие каюты, и к тому же в них по два пассажира.

– Всегда?

– Нет, там есть и одноместные каюты, но их мало. Они слишком дорогие.

– Не знаете, Розанна Макгроу путешествовала одна?

– Об этом я никогда не думал. Насколько я помню, она ничего об этом не говорила.

– И вы никогда не провожали ее до каюты?

– Нет.

– О чем вы разговаривали в Люнге?

– Мне кажется, я спросил, не хочет ли она посмотреть на монастырскую кирху во Врете, это недалеко. Но она не захотела. Я вообще не уверен, поняла ли она, что я сказал.

– О чем вы еще говорили?

– Честно говоря, уже не помню. Так, ни о чем особенном. Мы как раз проходили часть пути по берегу канала. Там многие пассажиры шли пешком.

– Вы видели ее с другими людьми?

Мужчина сидел молча и тупо смотрел в окно.

– Это очень важный вопрос.

– Да, понимаю. Я пытаюсь вспомнить. Да, она с кем-то разговаривала, когда я стоял рядом с ней, с каким-то американцем или англичанином. Но я его не запомнил.

Мартин Бек встал и подошел к графину с водой.

– Хотите пить?

– Нет, спасибо, я не испытываю жажды.

Мартин Бек выпил воды и вернулся к столу. Нажал кнопку под столом. Перемотал пленку и выключил магнитофон.

Через минуту вошел Меландер и направился к своему столу.

– Пожалуйста, приложи это к документам.

Меландер взял катушку с пленкой и вышел.

Мужчина, которого звали Фольке Бенгтссон, напряженно и прямо сидел на стуле и смотрел на Мартина Бека ничего не выражающими голубыми глазами.

– Как я уже сказал, из всех, кого мы знаем, вы единственный, кто ее помнит или признается, что с ней разговаривал.

– Да.

– Может быть, это вы ее убили?

– Нет, не я. А вы думаете, что это я?

– Кто-то ведь должен был это сделать.

– Но ведь я даже не знал, что она мертва. И не знал, как ее зовут. Не думаете же вы, что я...

– Если бы я ждал, что вы признаетесь, то не задавал бы вам этот вопрос таким тоном, – сказал Мартин Бек.

– Да, да, в таком случае я понимаю... или думаю, что понимаю. Вы шутили?

– Нет.

Мужчина молчал.

– А если бы я вам сказал, что нам точно известно, что вы были у той женщины в ее каюте, как бы вы к этому отнеслись?

Прошло десять секунд, прежде чем прозвучал ответ.

– Я бы так сказал, что вы ошиблись, не знаю как, но вы должны были ошибиться. Вы ведь ничего такого не сказали бы, если бы не были в этом уверены, так?

Мартин Бек ничего не говорил.

– В таком случае я сказал бы, что там был, но не отдавал себе в этом отчета.

– Вы всегда отдаете себе отчет о том, что делаете?

Мужчина приподнял брови.

– Можете не сомневаться, отдаю, – сказал он и решительно добавил: – Я там не был.

– Поймите, – сказал Мартин Бек, – это очень запутанное дело.

«Слава Богу, что этого нет на магнитофонной ленте», – подумал он.

– Это я могу себе представить.

Мартин Бек закурил.

– Вы не женаты?

– Нет.

– Регулярно встречаетесь с какой-нибудь женщиной?

– Нет. Мне нравится холостяцкая жизнь, я привык быть один.

– У вас есть родные братья или сестры?

– Нет, я один.

– Вас воспитывали родители?

– Мать. Отец умер, когда мне было шесть лет. Я его почти не помню.

– Вы никогда не вступаете в сношения с женщинами?

– У меня, естественно, имеется некоторый опыт. Мне уже почти сорок лет.

Мартин Бек глядел на него в упор.

– Когда у вас возникает потребность в женщине, вы обращаетесь к проституткам?

– Нет, никогда.

– Вы можете назвать мне имя какой-нибудь женщины, с которой поддерживали регулярные отношения какое-то время?

– Могу, но не хочу.

Мартин Бек выдвинул ящик сантиметров на пятнадцать и заглянул туда, теребя при этом указательным пальцем нижнюю губу.

– Было бы очень хорошо, если бы вы смогли кого-нибудь назвать, – в растерянности вздохнул он.

– Самая последняя... я встречался с ней дольше, чем с другими... она уже замужем и мы не встречаемся. Это могло бы поставить ее в неловкое положение.

– И все-таки было бы хорошо, если бы вы мне сказали, – повторил Мартин Бек, глядя в ящик.

– Мне бы не хотелось причинить ей неприятности.

– Никаких неприятностей у нее не будет. Как ее зовут?

– Вы можете мне гарантировать... хорошо, ее зовут Сив Линдберг. Но я хочу вас попросить...

– Где она живет?

– На острове Лидингё. Ее муж инженер. Адрес я не знаю, кажется, где-то в Будале.

Мартин Бек бросил последний взгляд на фотографию женщины из Векшё. Задвинул ящик и сказал:

– Благодарю вас. Мне неприятно, что я вынужден расспрашивать вас о подобных вещах. Но, к сожалению, у нас такая работа.

Вошел Меландер и уселся за свой стол.

– Будьте добры, подождите меня минутку, – сказал Мартин Бек.

В кабинете этажом ниже из магнитофона как раз раздавались последние фразы. Мартин Бек прислонился к стене и слушал.

– Хотите пить?

– Нет, спасибо, я не испытываю жажды.

Первым нарушил тишину окружной начальник.

– Ну?..

– Отправим его домой.

Окружной начальник уставился в потолок, Колльберг в пол, а Ольберг посмотрел на Мартина Бека.

– К стенке ты его не очень-то и припер, – сказал окружной начальник. – Это был короткий допрос.

– Да.

– Если мы оставим его здесь... – произнес окружной начальник.

– В четверг его все равно придется отпустить, – закончил за него Хаммар.

– Мы не можем так поступить.

– Да, – сказал Хаммар, – не можем.

– Ну, хорошо, – сказал окружной начальник.

Мартин Бек кивнул. Он вышел из кабинета и поднялся наверх, по-прежнему чувствуя пустоту в животе и с левой стороны груди. Меландер и мужчина, которого звали Фольке Бенгтссон, очевидно, даже не пошевелились за время его отсутствия, и ничто не свидетельствовало о том, что они обменялись хотя бы словом.

– Сожалею, что пришлось вас побеспокоить. Если хотите, мы отвезем вас домой.

– Спасибо, я поеду в метро.

– Возможно, так даже будет быстрее.

– Да.

Мартин Бек, как обычно, проводил посетителя.

– До свидания.

– До свидания.

Обычное рукопожатие.

Колльберг и Ольберг сидели без движения и смотрели на магнитофон.

– Будем следить за ним дальше? – спросил Колльберг.

– Нет.

– Думаешь, это он? – спросил Ольберг.

Мартин Бек остановился в центре комнаты и посмотрел на своего помощника.

– Да, – сказал он. – Конечно, это он.

XXIV

Дом был очень похож на его собственный дом в Багармуссене. Неуютная лестничная клетка, на дверях стандартные таблички с именами и на каждом этаже лючок мусоропровода. Мартин Бек находился на Фрегатгатан в Будале, он приехал сюда пригородным поездом.

Время визита он выбрал очень тщательно. В четверть второго трудолюбивый шведский служащий сидит в своем кабинете, а вероятный грудной ребенок спит после обеда. Хозяйка приглушила поп-музыку по радио и попивает кофе.

Женщина, открывшая ему дверь, была маленькой голубоглазой блондинкой. Очень красивая. Еще нет тридцати. Она нервничала и держала дверную ручку, словно собиралась захлопнуть дверь перед его носом.

– Полиция... что-то случилось? Муж...

Лицо ее было растерянным и испуганным. И очень красивым, подумал Мартин Бек. Он показал ей удостоверение; это, как ему показалось, немного ее успокоило.

– Пожалуйста, проходите, но я совсем не понимаю, в чем могу вам помочь.

Обстановка в комнате приличная, но какая-то скучная, впрочем, вид из окна прекрасный. Прямо под окном залив Лилла Вертан, отделяющий остров от центра Стокгольма, два буксира у противоположного берега толкают большое грузовое судно к причалу. Он бы охотно поменялся с ней квартирами.

– У вас есть дети? – спросил он, чтобы как-то начать разговор.

– Да, дочь, ей десять месяцев. Я только что уложила ее. Он вынул фото.

– Вы знаете этого мужчину?

Она мгновенно покраснела, глаза у нее забегали, она неуверенно кивнула.

– Да, я знала его. Но... прошло уже много лет. Что он сделал?

Мартин Бек не отвечал.

– Для меня это очень неприятно. Понимаете, муж... – Она, очевидно, не знала, как продолжить.

– Может, мы присядем? – сказал Мартин Бек. – Не сердитесь, что я предлагаю это сам.

– Да. Нет. Конечно.

Она присела на краешек тахты и напряженно выпрямилась.

– Вам не нужно бояться и нервничать. Все очень просто: этот человек нас интересует как свидетель. К вам это дело не имеет никакого отношения. Нам нужна всего лишь общая информация о его характере, а ее мы можем получить только от того, с кем он был близок.

Она еще больше разнервничалась.

– Мне очень неловко, – сказала она. – Понимаете... муж... я уже два года как замужем, а он не знает... ничего о Фольке, я никогда ему об этом человеке не рассказывала... да, конечно, он знает, что у меня кто-то был... до него... – Она еще сильнее покраснела и совсем запуталась. – Мы об этих вещах никогда не говорим, – добавила она.

– Не волнуйтесь. Я хочу, чтобы вы всего лишь ответили на несколько вопросов. Ваш муж не узнает, что вы мне ответили, об этом больше никто не узнает. Никто из ваших знакомых.

Она кивнула, но смотрела куда-то в сторону.

– Так вы знаете Фольке Бенгтссона?

– Да.

– Когда и где вы с ним познакомились?

– Я... мы познакомились... четыре года назад... Мы оба работали в одной фирме.

- Транспортная фирма Эриксона?
- Да. Я работала там кассиром.
- И вступили с ним в интимную связь?

Она кивнула, не поворачивая к нему головы.

- Она долго длилась?
- Год, – прошептала она.
- Вам было хорошо вдвоем?

Она быстро и неуверенно взглянула на него и беспомощно развела руками.

Мартин Бек смотрел через ее плечо в окно, за которым было хмурое серое зимнее небо.

- Как это началось?
- Ну... мы... виделись ежедневно и начали вместе ходить на завтрак, а потом и на обед. А... он... несколько раз провожал меня домой.

- Где вы жили?
- В районе Ваза. На Уппландгатан.
- Вы жили одна?
- Нет, с родителями.
- Он иногда заходил к вам в квартиру?

Она энергично покачала головой, по-прежнему не глядя на него.

- А что было дальше?
- Он несколько раз приглашал меня в кино. А потом... ну, потом он пригласил меня на ужин.
- К себе домой?
- Нет... сначала нет.
- Когда же?
- В октябре.
- А сколько вы до этого встречались?

– Несколько месяцев.

– А потом вы вступили в интимную связь?

Она долго сидела молча. Наконец сказала:

– Я должна обязательно ответить на этот вопрос?

– Да, это в самом деле важно. Будет лучше, если вы ответите сейчас. Этим вы избавите себя от возможных неприятностей.

– Что же вы хотите знать? Что я должна ответить?

– Вы вступили в интимную связь, так?

Она кивнула.

– Когда это началось? Когда вы там были впервые?

– Нет... в четвертый или пятый раз. Кажется, в пятый.

– И это повторялось, так?

Она беспомощно посмотрела на него.

– Как часто?

– Не очень часто, насколько я помню.

– Каждый раз, когда вы приходили к нему?

– Что вы, вовсе нет.

– Чем вы еще занимались, когда были вместе?

– Ну... разным: ели, разговаривали, смотрели телевизор, наблюдали за рыбками.

– За рыбками?

– У него был большой аквариум.

Мартин Бек сделал глухой вдох.

– Вы были с ним счастливы?

– Я...

– Попробуйте ответить.

– Но вы... это очень тяжелые вопросы. Да, думаю, что да.

– Он обращался с вами жестоко?

— Я вас не понимаю.

— Я имею в виду, когда вы были вдвоем. Он бил вас?

— Нет-нет.

— Оскорблял?

— Нет.

— Никогда?

— Нет, никогда, вовсе нет. А зачем ему нужно было это делать?

— Вы говорили о том, что поженитесь и будете жить вместе?

— Нет.

— Почему?

— Он о таких вещах никогда не заговаривал... как-то не получалось.

— Вы не боялись забеременеть?

— Да... боялась. Но мы всегда были очень осторожными.

Мартин Бек посмотрел на нее. Она по-прежнему сидела на самом краешке тахты, выпрямившись и сжав колени, мышцы ног у нее были напряжены. У нее покраснело не только лицо, но и шея и даже та часть плеч, которая видна. На лбу, где начинались волосы, выступили маленькие капельки пота. Он сделал еще одну попытку.

— Что вы можете сказать о нем как о мужчине? С сексуальной стороны.

Вопрос ее ошеломил. Она нервно стискивала руки. Наконец сказала:

— Он был милый.

— Что вы имеете в виду?

— Он... мне кажется, он очень нуждался в нежности. А я... я... я тоже.

Хотя он сидел не далее чем в полутора метрах от нее, ему пришлось напрягаться, чтобы ее расслышать.

– Вы его любили?

– Думаю, да.

– Он вас удовлетворял?

– Не знаю.

– Почему вы перестали встречаться?

– Не знаю. Просто это кончилось.

– И еще одно. Причем на этот вопрос вы должны ответить обязательно. Когда вы с ним вступали в интимную связь, инициативу каждый раз проявлял он?

– Ну... как вам сказать... скорее всего, да. Но я против этого никогда ничего не имела.

– Сколько раз вы вступали в интимную связь с ним за все это время?

– Пять раз, – прошептала она.

Мартин Бек сидел напротив и разглядывал ее. Ему еще хотелось спросить: «Он был вашим первым мужчиной? Вы каждый раз раздевались донага? Вы оставляли свет включенным? Случалось ли иногда, что...»

– До свидания, – сказал он наконец и встал. – Не сердитесь, что я вас побеспокоил.

Он сам за собой закрыл дверь. Последние ее слова были:

– Не сердитесь, но я чуточку стыдлива.

Мартин Бек ждал поезда и прохаживался по слякотной платформе, засунув руки глубоко в карманы, сгорбившись и фальшиво насвистывая. Наконец-то он знал, что нужно делать.

Хаммар слушал и рисовал на промокашке одного маленького человечка за другим. Говорили, что это хороший признак. Наконец он сказал:

– Где ты ее возьмешь?

– Возьмем кого-нибудь из наших сотрудников.

– В таком случае нужно подыскать ее как можно быстрее.

Спустя десять минут спросил и Колльберг:

– Где ты ее возьмешь?

– Кто из нас двоих вот уже восемнадцать лет просиживает задницу на письменных столах наших женщин? Разве это я?

– Для этого дела любая не подойдет.

– Кто подходит для такого дела, не знает никто лучше тебя.

– Ну-ну. В любом случае мне нужно немножко подумать.

– Так думай.

Меландер не проявил к разговору, как казалось, ни малейшего интереса. Не повернувшись к ним и не вынув трубки изо рта, он сказал:

– Вибекке Амдал живет на Таможенной улице, ей пятьдесят девять, она вдова пивовара. Не помнит, чтобы видела Розанну Макгроу еще где-либо, кроме фотоснимка, который сделала на острове Риддархольмен. Карин Ларссон сбежала с судна в Роттердаме. Но полиция сообщает, что там ее уже нет, она, очевидно, уплыла на каком-то другом судне с фальшивыми документами.

– Как иностранка, естественно, – сказал Колльберг. – Мы найдем ее не раньше, чем через год. Или через пять лет. И все равно она ничего нам не скажет. Кафка еще не ответил?

– Нет.

Мартин Бек спустился на нижний этаж и позвонил в Муталу.

– Да, – спокойно сказал Ольберг. – Это единственная возможность. Но где ты найдешь эту девушку?

– Рассчитываю на какую-нибудь коллегу. Например, у вас.

– Нет. У нас такой нет.

Мартин Бек положил трубку. Телефон зазвонил. Это был один из тайных агентов с участка в округе Клара.

– Мы сделали точно так, как ты хотел.

– Ну и..?

– Парень выглядит самоуверенно, но ясно, что он насторожился. Напряжен, оглядывается и часто останавливается. Теперь уже будет трудно за ним следить так, чтобы он не заметил.

– Он мог обнаружить кого-либо из вас?

– Нет. Нас было трое, мы не ходили за ним, стояли месте и ждали, пока он пройдет. Кроме того, мы в этом деле специалисты. Он нас не обнаружит. Мы можем для тебя еще что-то сделать?

– Пока не нужно.

Следующий звонок был из округа Адольф-Фредерик.

– Это Хансон из пятого. Я наблюдал за ним на Броваллгатан утром и сейчас, когда он шел домой.

– Как он себя вел?

– Спокойно, но у меня такое впечатление, что он настороже.

– Он ничего не заметил?

– У него не было никаких шансов. Утром я сидел в автомобиле, а вечером везде толпы народу. Я только раз приблизился к нему, у газетного киоска на Санкт-Эриксплан, стоял в очереди за два человека от него.

– Что он покупал?

– Газеты.

– Какие?

– Разные. Четыре утренних и две вечерних сплетницы. Меландер затюкал в дверь, как дятел, и заглянул.

– Ну так я пойду. Ты не имеешь ничего против? Иду покупать рождественские подарки, – объяснил он.

Мартин Бек кивнул, положил трубку и вдруг вспомнил: «О Господи, рождественские подарки!», но тут же забыл об этом.

Домой он ехал поздно, но избежать неприятной давки не удалось. Рождественская толкотня была в разгаре, и магазины закрывались позже чем обычно.

Дома жена сказала, что у него отсутствующий вид, но он ее не слушал и поэтому на замечание не отреагировал.

Утром за завтраком она спросила:

– У тебя на праздники будет выходной?

До четверти пятого ничего не происходило, как вдруг шумно ввалился Колльберг и объявил:

– Думаю, я нашел то, что нам нужно.

– У нас?

– Она работает в полицейском участке на Бергсгатан.

Завтра в половине десятого придет тебе показаться. Если она подойдет, Хаммар договорится, чтобы ее к нам откомандировали.

— Как она выглядит?

— Я тебе уже говорил, немного похожа на Розанну. Фигура у нее получше, она красивее и, думаю, более ловкая.

— Что она умеет?

— Пару лет уже служит. Спокойная, здоровая и сильная.

— Ты настолько хорошо ее знаешь?

— Я почти ее не знаю.

— А она не замужем?

Колльберг вынул из нагрудного кармана лист бумаги с машинописным текстом.

— Здесь все, что тебе нужно знать. А я иду покупать рождественские подарки.

Рождественские подарки, подумал Мартин Бек и посмотрел на часы. Половина пятого. Тут же ему в голову пришла какая-то мысль, он придвинул к себе телефон и позвонил женщине в Будаде.

— Ах, это вы. Послушайте...

— Я звоню не вовремя?

— Нет, дело не в этом... муж придет только без четверти шесть.

— Я хочу вас спросить еще об одной вещи. Тот мужчина, о котором мы говорили, получил от вас какой-нибудь подарок? Что-нибудь на память или просто так?

— Нет, мы никогда не дарили друг другу подарков. Понимаете, он был...

— Скупой?

– Нет, скорее экономный. Я тоже. Разве только...

Тихо. Он почти слышал, как она краснеет.

– Что вы ему дали?

– Такой... такой талисман... или медальон... очень дешевый.

– Когда это было?

– Когда мы расставались... хотел, чтобы я ему дала его... я его никогда не снимала.

– Он снял его сам?

– Но я с радостью его отдала ему. Человеку всегда приятно получить что-нибудь на память... даже если... я имею в виду воспоминания о тех временах...

– Огромное вам спасибо. До свидания.

Потом он позвонил Ольбергу.

– Я разговаривал с Ларссоном и советником. Начальник болен.

– Что они сказали?

– Одобрили. Им ясно, что другого выхода нет. Метод несколько неортодоксальный, но...

– Его уже использовали многократно, даже у нас в Швеции. Я хотел тебе предложить кое-что значительно более неортодоксальное.

– Это звучит многообещающе.

– Дай в газеты сообщение, что расследование близится к завершению.

– Сейчас?

– Да, сегодня же. Ты понимаешь мой замысел?

– Да, это был иностранец.

– Вот именно. Что-то в таком роде: мы получили сообщение, что американская полиция арестовала человека,

которого уже длительное время разыскивал Интерпол в связи с убийством Розанны Макгроу.

– И мы все это время знали, что преступник находится не в Швеции?

– Что-то похожее. Главное, чтобы это было как можно быстрее.

– Ясно, понимаю.

– А лучше всего, если ты сам приедешь.

– Тоже как можно быстрее?

– Желательно.

В кабинет вошла курьерша. Мартин Бек прижал трубку к уху левым плечом и раскрыл телеграмму. Она была от Кафки.

– Что он пишет? – спросил Ольберг.

– Всего два слова: «Ставьте капкан».

XXVI

Служащая уголовной полиции Соня Хансон действительно немного напоминала Розанну Макгроу. Колльберг был прав.

Она сидела у Мартина Бека в кресле для посетителей, сложив руки на коленях, и смотрела на него спокойными серыми глазами. Ее темные волосы были подстрижены под мальчика, челка чуть прикрывала левую бровь. Лицо ее было свежим и открытым, казалось, она не пользуется косметикой. Выглядела она лет на двадцать пять, но Мартин Бек знал, что ей двадцать девять.

– Во-первых, – а это самое главное – я хочу, чтобы ты поняла, что это дело добровольное, – сказал он. – Так что

можешь спокойно отказаться, если тебе не захочется. Мы выбрали тебя, потому что ты больше других подходишь для выполнения этой задачи. Прежде всего благодаря тому, как ты выглядишь.

Девушка в кресле отбросила челку со лба и с любопытством посмотрела на Мартина Бека.

– Во-вторых, – продолжил он, – ты живешь в центре и у тебя нет мужа и, насколько мне известно, друга, как это сейчас называется.

Девушка покачала головой.

– Надеюсь, что смогу вам помочь, – сказала она. – Но что плохого в том, как я выгляжу?

– Помнишь Розанну Макгроу, ту девушку из Америки, которую летом кто-то убил на Гёта-канале?

– Еще бы не помнить! Я занимаюсь у нас пропавшими женщинами, так что над этим делом тоже какое-то время работала.

– Мы знаем, кто ее убил, этот человек здесь, в городе. Я допросил его, он признается, что был на пароходе, когда это случилось, но утверждает, что об убийстве вообще ничего не слышал.

– Но ведь такое исключено. Об этом убийстве писали многие газеты.

– Он не читает газеты. Допрос зашел в тупик, он выглядит вполне заслуживающим доверия, а на все вопросы отвечает вроде бы честно. Задерживать его мы не могли, а теперь и следить прекратили. У нас есть единственная надежда, что он попытается сделать это снова. Именно поэтому ты нам и нужна. Конечно, если сама захочешь и если уверена, что справишься. Ты должна стать его следующей жертвой.

– Приятная перспектива, – сказала Соня Хансон и вытащила из кармана сигарету.

– Ты похожа на Розанну, и поэтому мы хотим попросить, чтобы ты побыла в роли подсадной утки. Это может выглядеть примерно так. Он работает диспетчером в транспортной фирме на Смоландсгатан. Ты пойдешь туда и сделаешь заказ на перевозку, немного с ним пофлиртуешь и, главное, постарайся, чтобы он записал твой адрес и телефон. У него должен возникнуть интерес к тебе. Будем надеяться, он клюнет.

– Но ты ведь его допрашивал. У него не возникнет подозрений?

– Мы дали в газеты сообщение, которое его абсолютно успокоит.

– Другими словами, я должна его соблазнить. Надо обдумать, как это сделать. А что будет, если мне это удастся?

– Можешь ничего не бояться. Мы все время будем рядом. Но сначала ты должна все это дело тщательно изучить. Прочесать огромный материал, который у нас есть. Это очень важно. Ты должна быть Розанной Макгроу. Я имею в виду, быть похожей на нее.

– В школе я играла в любительском театре, но в основном исполняла роли ангелочков или мухоморов.

– Ну, ничего, это пригодится.

Мартин Бек помолчал и добавил:

– Это наш единственный шанс. Ему нужен лишь импульс, и этот импульс должны ему предоставить мы.

– Хорошо, я попытаюсь. Надеюсь, мне это удастся. Но это будет нелегко.

– Ты должна сейчас все изучить: протоколы, пленки, показания свидетелей, письма, фотографии. Потом поговорим.

– Сейчас?

– Да, еще сегодня. Хаммар договорится, чтобы тебя отпустили с работы, пока мы тут не закончим. И еще. Мы должны посмотреть твою квартиру, изготовить дубликаты ключей. Впрочем, это мы сделаем потом.

Через десять минут он усадил ее в кабинете рядом с Колльбергом и Меландером. Когда он выходил, она уже сидела, положив локти на стол, и читала первое донесение.

После обеда приехал Ольберг. Он еще не успел сесть как следует, когда примчался Колльберг и начал так энергично хлопать его по спине, что едва не сбросил с кресла для посетителей.

– Гуннар завтра возвращается домой, – сказал Мартин Бек. – Ему тоже стоило бы до отъезда взглянуть на Бенгтссона.

– Ладно, только очень осторожно, – сказал Колльберг. – Мы могли бы успеть прямо сейчас, когда он будет возвращаться после работы домой. Конечно, если поторопимся. Весь город и еще половина страны бегают по улицам и скупает рождественские подарки.

Ольберг щелкнул пальцами и шлепнул себя ладонью по лбу.

– О Господи! Рождественские подарки! Я совершенно об этом забыл.

– Я тоже, – сказал Мартин Бек. – Вернее, иногда я об этом вспоминаю, но тут же забываю.

Пробки на улицах были просто ужасные. Без двух ми-

нут пять они высадили Ольберга на Нормальмсторг и он исчез в толпе на Смоландсгатан.

Колльберг и Мартин Бек припарковали автомобиль у ресторана «Бернс Салонгер» и остались ждать, сидя в машине. Через двадцать пять минут Ольберг уселся на заднее сиденье и сказал:

– Конечно, это человек из фильма. Он уехал автобусом номер пятьдесят шесть.

– На Санкт-Эриксплан. Потом покупает молоко, масло, хлеб и идет домой. Поест, поглазет в телевизор и отправляется в постельку, – молол языком Колльберг. – Куда вас отвезти?

– Останемся здесь. Последняя возможность купить рождественские подарки, – сказал Мартин Бек.

Через час Ольберг простонал в отделе игрушек:

– Колльберг ошибается. Вторая половина страны тоже здесь.

Они потратили почти три часа на покупки и еще час, чтобы добраться до Багармуссена.

На следующий день Ольберг впервые увидел женщину, которая должна была играть роль подсадной утки. Она успела прочесть лишь малую часть материалов дела.

XXVII

Это было скучное рождество. Мужчина по имени Фольке Бенгтссон провел его в тишине и спокойствии у своей матери в Сёдертелье. Мартин Бек думал о нем непрерывно, даже в кирхе, и тогда, когда обливался потом под маской усатого деда-мороза, раздающего подарки.

Колльберг объелся и провел три дня в больнице. Ольберг, чуточку пьяный, позвонил в день Святого Стефана¹⁴. В газетах появилось несколько не очень ловко сформулированных сообщений, из которых следовало, что в Америке близки к раскрытию убийства на шведском канале и шведская полиция может больше не заниматься этим делом.

Традиционное новогоднее убийство на этот раз произошло в Гётеборге и было расследовано менее чем за двадцать четыре часа. От Кафки пришла поздравительная открытка гигантского размера, изображающая оленя в лучах заходящего солнца на отвратительном фиолетовом фоне.

Седьмое января было обычным январским днем. На улицах толпились бледноватые, замерзшие люди, не имеющие ни кроны в кармане. Начинались дешевые распродажи, но в магазинах еще почти не появились покупатели. Кроме того, стояли туманные холодные дни.

Седьмое января было днем X.

Утром Хаммар устроил смотр боевых сил. Потом сказал:

– Как долго будет продолжаться этот эксперимент?

– Пока успешно не закончится, – быстро ответил Ольберг.

Хаммар представил себе возможные ситуации, в которых он может оказаться. Ну, например, Мартин Бек и Колльберг могут понадобиться и для других дел. Это касается Меландера и Стенстрёма, которые иногда также

¹⁴ В Швеции отмечается 26 декабря.

вынуждены заниматься этим делом. Кроме того, вскоре начнет скандалить третий полицейский участок и требовать возвращения своей сотрудницы.

– Ну, ни пуха ни пера, ребята, – сказал он наконец.

Через минуту там осталась одна Соня Хансон. У нее была простуда, она сидела в кресле для посетителей и сморкалась. Мартин Бек смотрел на нее: серый свитер, спортивные брюки и бесформенные сапоги.

– Хорошо же ты нарядилась, – произнес он без особого энтузиазма.

– Не волнуйся, я пойду домой и переоденусь. Но мне бы хотелось обратить твое внимание на одну вещь. Третьего июля было лето, а сейчас у нас зима. Наверное, покажется несколько странным, если я заявлюсь в фирму по перевозкам в бикини и темных очках и спрошу, могут ли они перевезти комод.

– Тебе нужно приложить все силы. Главное, чтобы ты поняла, что именно от тебя требуется. – Он несколько секунд сидел молча, а потом добавил. – Если, конечно, я сам это понимаю.

Женщина неуверенно смотрела на него.

– Думаю, в общем я это поняла, – сказала она. – Я прочла каждое слово о ней, перечитывала снова и снова. Фильм я смотрела по меньшей мере раз десять. Подобрала себе одежду и часами тренировалась перед зеркалом. Но легко это не получится, потому что она была совсем не такая, как я, у нее был другой характер и другие привычки. Я не жила так, как она, и никогда так жить не буду. Но я сделаю все, что в моих силах.

– Отлично, – сказал Мартин Бек.

Она выглядела неприступной, и он чувствовал себя с ней не очень умным. О ее личной жизни он знал лишь то, что у нее есть пятилетняя дочь, которая живет в деревне у ее родителей. По-видимому, замужем она никогда не была. И все же, хотя он как следует ее не знал, она ему нравилась. Она умная и деловая девушка и к работе относится добросовестно. А это главное.

Она позвонила в четыре.

– Я там уже была. Оттуда пошла прямо домой, надеюсь, ты ничего не имеешь против.

– В любом случае он вот так сразу не примчится. Как все прошло?

– Думаю, хорошо. Вряд ли можно было ожидать большего. Комод привезут завтра.

– Ты ему понравилась?

– Не знаю, хотя мне показалось, что какая-то искорка у него в глазах промелькнула. Впрочем, мне трудно судить, потому что я не знаю, как он ведет себя обычно.

– Это было нелегко?

– Вовсе нет. Мне показалось, что он выглядит вполне приятно. Он в самом деле привлекательный мужчина. Думаешь, это действительно он? Я вообще-то не очень часто имела дело с убийцами, но как-то не могу себе представить, что это именно он убил Розанну.

– Я абсолютно уверен, что это он. Что он говорил? У него есть твой телефон?

– Да, он записал мой адрес и телефон на листке бумаги. Кроме того, я сказала ему, что у меня есть домофон, но я не отзываюсь, если никого не жду, поэтому пусть предварительно позвонит мне и скажет, когда они приедут. В общем-то он немногословен.

– Вы были в кабинете вдвоем?

– Да. За стеклянной перегородкой сидела какая-то толстая женщина, но она не могла нас слышать. Она как раз разговаривала по телефону, и я ее не слышала.

– Ты пыталась поговорить с ним еще о чем-нибудь, кроме комода?

– Да, я сказала, что погода отвратительная, он согласился. Тогда я сказала, как хорошо, что рождество уже закончилось, он ответил, что у него такое же чувство. Потом я сказала, что когда человек так одинок, как я, то рождество вовсе не кажется веселым.

– Что же он на это ответил?

– Что тоже одинок, что рождество его особенно не развлекает, тем более что он проводит его у мамочки.

– Отлично, – сказал Мартин Бек. – Вы говорили еще о чем-нибудь?

– Нет, кажется, нет. – Несколько секунд в трубке была тишина, потом она добавила: – Да, еще. Я попросила его написать имя и адрес фирмы, чтобы мне не нужно было искать в телефонном справочнике. Он дал мне визитную карточку.

– И после этого ты ушла?

– Да. Не могла же я стоять там вечно и болтать с ним, но я и не особенно торопилась. Плащ я расстегнула, чтобы он видел, какой у меня облегающий свитер. Кстати, чуть не забыла, я еще сказала ему, что если комод привезут вечером, это не страшно, я по вечерам сижу дома одна и жду, чтобы мне хоть кто-нибудь позвонил. Но он ответил, что они приедут в первой половине дня.

– Прекрасно. Я уже тебе говорил, что сегодня вечером

надо устроить генеральную репетицию. Мы будем в полицейском участке округа Клара. Стенстрём сыграет роль Бенгтссона и позвонит тебе. Как только положишь трубку, сразу же позвонишь мне в участок, мы приедем к тебе и подождем Стенстрёма. Понятно?

— Вполне. Я позвоню тебе сразу после того, как закончу разговор со Стенстрёмом. Когда это будет?

— Этого я тебе не скажу. Ты ведь знаешь, когда позвонит Бенгтссон?

— Ты прав. Послушай, Мартин...

— Да?

— Он в самом деле довольно милый человек. Вовсе не неприятный или странный. Наверное, Розанне он тоже казался таким.

Кабинет в полицейском участке пятого округа на Регерингсгатан был уютным, но расположились они там с трудом.

Было без четверти девять, Мартин Бек уже дважды с начала до конца прочел вечернюю газету, за исключением спорта и объявлений. Ольберг и Колльберг два часа разыгрывали шахматную партию и не обращали внимания на то, что происходит вокруг. Стенстрём сидел в кресле у двери и спал с открытым ртом. Никто его не упрекал, потому что всю прошлую ночь он занимался каким-то другим делом. Кроме того, ему предстояло сыграть роль злодея и он мог не находиться в полной готовности.

Время от времени сюда входили полицейские в форме, чтобы посидеть у телевизора. Некоторые с любопытством посматривали на людей из уголовного розыска.

В восемь минут десятого Мартин Бек встал, подошел к Стенстрёму и взял его за плечо.

– Начинаем.

Стенстрём проснулся, подошел к телефону и набрал номер.

– Привет, – сказал он. – Можно придти? Отлично.

Он вернулся в свое кресло и мгновенно задремал.

Мартин Бек смотрел на часы. Через пятьдесят секунд зазвонил телефон. Для этой цели им выделили одну прямую линию, которую никто не мог занимать.

– Бек слушает.

– Привет, это Соня. Он только что звонил. Будет здесь через полчаса.

– Хорошо.

Он положил трубку.

– Так, ребята, выходим.

– Ты уже можешь спокойно сдать, – сказал Ольберг.

– Ладно, – кивнул Колльберг. – Один ноль в твою пользу.

Стенстрём приоткрыл один глаз.

– С какой стороны мне подойти?

– Это мы оставляем на твое усмотрение.

Они спустились к автомобилю, стоявшему во дворе полицейского участка. Это был личный автомобиль Колльберга, он же и сел за руль. Когда они выехали на Регерингсгатан, он сказал:

– Я буду стоять в гардеробе.

– Еще чего, это место Ольберга.

– Почему?

– Потому что он единственный из нас, кого Бенгтссон не узнает, если случайно встретит в доме.

Соня Хансон жила на третьем этаже на углу Рунебергсгатан и Эриксбергсплан.

Колльберг запарковал автомобиль между театром и Тегнергатан. Они разошлись в разные стороны. Мартин Бек пересек улицу, вошел в сквер и укрылся за бюстом Карла Стаафа¹⁵. Отсюда хорошо просматривались дом, Эриксбергсплан и начальные участки улиц, выходящих на площадь. Он видел, как по правой стороне Рунебергсгатан с беззаботным видом неторопливо приближается Колльберг. Ольберг сразу же направился к входной двери дома, открыл ее и исчез внутри. Он делал вид, что является обычным жильцом и сейчас возвращается домой. Через сорок пять секунд Ольберг должен был уже войти в квартиру, а Колльбергу следовало занять свой пост в подъезде на Эриксбергсгатан. Мартин Бек остановил секундомер. Прошло точно пять минут и десять секунд с того момента, когда он положил трубку после разговора с Соней Хансон.

Мартин Бек поднял воротник, чтобы защититься от пронизывающего холода, и грозно отогнал пьяного, пытавшегося выпросить сигаретку.

Стенстрём к своей роли отнесся серьезно: он пришел на двенадцать минут раньше и к тому же вовсе не с той стороны, откуда его ждали. Он вынырнул из-за угла и смешался с толпой, которая валила из кинотеатра. Мартин Бек заметил его только тогда, когда Стенстрём подкрадывался к дому.

Колльберг тоже, очевидно, его проворонил, потому что столкнулся с Мартином Беком прямо у входа в дом.

Они одновременно вошли в дом и открыли внутреннюю, стеклянную, дверь. Колльберг начал подниматься по

¹⁵ *Стааф Карл* (1860–1915) – шведский государственный и политический деятель, премьер-министр.

лестнице. Он должен был остановиться на полэтажа ниже и дальше действовать только по условному сигналу. Мартин Бек нажал кнопку вызова лифта, однако лифт не работал. Он побежал вверх по лестнице и на первом этаже обогнал изумленного Колльберга. Естественно, лифт стоял на третьем этаже. Стенстрём неплотно прикрыл дверь шахты и вывел лифт из строя. Тем самым ему удалось нарушить ту часть плана, по которой Мартин Бек должен был подняться лифтом на четвертый этаж и спускаться сверху.

В квартире все еще было тихо, но Стенстрём, очевидно, не терял времени даром, потому что уже через тридцать секунд внутри раздался приглушенный крик и звук удара. Мартин Бек заранее держал ключ в руке наготове и через десять секунд уже стоял в спальне у Сони Хансон.

Девушка сидела на постели. Стенстрём стоял в центре комнаты и зевал, а Ольберг держал его, завернув руку за спину.

Мартин Бек свистнул, и Колльберг, как скорый поезд, ворвался в квартиру. В спешке он опрокинул столик в прихожей. Ему не нужно было тратить время на то, чтобы открывать дверь.

Мартин Бек потер нос и посмотрел на девушку.

– Отлично, – сказал он, – отлично.

Она избрала реалистический стиль исполнения, на который он и надеялся. Она была босиком, без чулок, в тоненьком летнем хлопчатобумажном платье, из-под которого виднелись колени. Под платьем на ней наверняка больше ничего не было.

– Я только немножко оденусь и сразу сделаю кофе, – сказала она.

Они вышли в другую комнату. Она появилась очень

быстро, теперь на ней были джинсы, коричневый свитер и шлепанцы. Уже через минуту на столе стоял кофе.

– Тот ключ, который вы мне дали, нужно немного подогнать, – сказал Ольберг. – Мне пришлось повоевать с замком, прежде чем удалось открыть дверь.

– Это не страшно, – сказал Мартин Бек. – Ты намного сильнее нас.

– Я слышал твои шаги на лестнице, – заметил Стенстрём, – в тот момент, когда Соня открывала дверь.

– Резиновые подошвы, – объявил Колльберг.

– Щель в шкафу превосходная, – сказал Ольберг. – Я видел тебя почти постоянно.

– В следующий раз вытащи ключ из двери, – заметил Стенстрём. – У меня было огромное желание закрыть тебя там.

Зазвонил телефон. Все замолчали. Девушка взяла трубку.

– Алло... да, привет... нет, сегодня вечером нет... ну, в ближайшие дни, у меня сейчас очень мало времени... познакомились ли я с каким-то мужчиной... ну, это можно и так назвать.

Она положила трубку и посмотрела на них.

– Обычные дела, – сказала она.

XXVIII

Соня Хансон полоскала белье в ванной. Она закрыла воду и услышала телефонный звонок. Выбежала из ванной, бросилась к телефону, даже не вытерев рук.

Это был Бенгтссон.

– Комод уже повезли, – сказал он. – Они могут быть у вас минут через пятнадцать.

– Благодарю, очень любезно с вашей стороны, что вы позвонили. Я уже вам говорила, что не открываю никому, кто предварительно не позвонит, но я не рассчитывала, что вы так быстро его привезете. Мне нужно прийти заплатить к вам в контору или...

– Можете расплатиться с шофером, у него счет с собой.

– Хорошо, я расплачусь с ним. Вы очень любезны, большое вам спасибо, господин...

– Бенгтссон. Надеюсь, вы останетесь нами довольны, фрекен Хансон. Через пятнадцать минут вам его доставят. Спасибо и до свидания.

Когда он положил трубку, она набрала номер Мартина Бека.

– Комод будет здесь через четверть часа. Он только что звонил. Я просто чудом услышала этот телефонный звонок. Мне совершенно не пришло в голову, что когда в ванной включена вода, телефон совсем не слышно.

– Теперь тебе какое-то время нельзя будет принимать ванну, – сказал Мартин Бек. – Придется все время сидеть возле телефона. Не выходи на улицу и в прачечную, ну, в общем, в те места, куда ты обычно ходишь.

– Да, понятно. Мне идти туда сразу же после того, как привезут комод?

– Да. А потом позвони мне.

Он сидел в своем кабинете вместе с Ольбергом, который с любопытством вскинул брови, когда Мартин Бек положил трубку.

– Она пойдет туда через полчаса, – сказал Мартин Бек.

– В таком случае, нам остается только ждать. Хорошая девушка, она мне очень нравится.

После двух часов ожидания Ольберг сказал:

– Может быть, с ней что-то случилось?

– Спокойствие, – сказал Мартин Бек. – Она позвонит.

Через полчаса телефон наконец зазвонил.

– Что случилось? – спросил Мартин Бек и закашлялся.

– Начну с самого начала. Через двадцать минут после его звонка пришли два грузчика с комодом. Я на него как следует не посмотрела, только сказала, куда поставить. После их ухода выяснила, что это не мой комод, тут же собралась и пошла к ним жаловаться.

– Ты была там довольно долго.

– Да, там уже был какой-то клиент, когда я пришла. Я стояла за стеклом и ждала, а он каждую минуту на меня поглядывал, и мне казалось, что он хочет побыстрее спроводить того клиента. Он был очень расстроен, но я сказала, что за такую ошибку фирма не отвечает; мы даже поспорили, кто за что должен отвечать. Потом он попытался найти кого-нибудь, кто бы привез мне мой комод еще сегодня вечером.

– Ну и?

– Он никого не нашел. Обещал, что его обязательно привезут завтра утром. Сказал, что с удовольствием бы привез этот комод сам, а я ответила, что такого, естественно, не могу от него требовать, хотя с его стороны это очень мило.

– Гм. А потом ты ушла?

– Куда там, вцепилась в него, как клещ.

– С ним трудно разговаривать?

– Вовсе нет. Он выглядит немножко несмелым.

– О чем вы говорили?

– О том, что вокруг полно автомобилей, что раньше Стокгольм был намного приятнее. Я сказала, что если человек одинок, ему в этом городе не слишком весело, и он искренне согласился, но тем не менее утверждал, что лично ему хорошо, хотя он и одинокий.

– Как ты думаешь, ему было приятно с тобой разговаривать?

– Думаю, да. Но я не могла, естественно, сидеть там целую вечность. Он говорил, что иногда с удовольствием ходит в кино, но в компаниях не бывает. Потом я ушла. Он проводил меня до выхода и вообще был очень любезен. Что будем делать дальше?

– Ничего. Ждать.

Через два дня Соня Хансон еще раз пришла в контору.

– Я хотела поблагодарить вас за помощь и сказать, что комод довели в полном порядке. Сожалею, что доставила вам столько хлопот.

– Ну, какие там хлопоты, фрекен Хансон, – сказал Фольке Бенгтссон. – Мы рады вас видеть в любое время. Всегда к вашим услугам.

В этот момент в кабинет вошел какой-то мужчина, судя по всему, начальник Бенгтссона, и их разговор прервался.

Выходя, она заметила, что Бенгтссон на нее смотрит. Когда она закрывала входную дверь, их взгляды встретились.

Медленно протекла скучная неделя, и они повторили попытку. На этот раз в качестве предлога снова использовали перевозку. Квартира на Рунебергсгатан была у нее

недавно, и она еще не успела доставить туда все вещи, мебель и прочее.

Через пять дней она снова пришла в агентство, за несколько минут до пяти, просто так, шла мимо и решила зайти и посмотреть на него.

Она позвонила совершенно подавленная.

– Он по-прежнему не реагирует?

– Почти. Я думаю, что это не он.

– Почему?

– Он ужасно стесняется. И вообще не проявляет интереса. В предыдущий раз и сегодня я пустила в ход тяжелую артиллерию, явно ему навязывалась. Семь мужчин из десяти уже неделю сидели бы перед моей дверью и выли, как мартовские коты. По-моему, я его абсолютно не привлекаю. Что нам делать?

– Продолжать.

– Может быть, вам лучше найти кого-нибудь другого?

– Ты должна продолжать.

– Продолжать. Как долго?

Взгляд Хаммара с каждым днем выражал все большее любопытство, а лицо, которое смотрело на Мартина Бека из зеркала, становилось все более бледным и измученным.

Электрические настенные часы в полицейском участке района Клара отбили три часа бесконечной и бесплодной ночи. С тех пор, как они провели генеральную репетицию, прошло три недели. План уточнили до мельчайших деталей, но ничто не свидетельствовало о том, что его когда-нибудь удастся осуществить. Совершенно ничего не происходило. Мужчина по имени Фольке Бенгтссон жил

своей спокойной и размеренной жизнью, пил кефир, работал и спал свои десять часов каждую ночь. Все остальные уже начинали понемногу терять контакт с нормальной жизнью и окружающим миром. Все смертельно устали, но пользы от всего этого не было. Странная ситуация, думал Мартин Бек.

Он с ненавистью смотрел на черный телефон, который за эти три недели так ни разу и не звякнул. Женщина в квартире на Рунебергсгатан имела право воспользоваться им лишь в единственном случае. Для контроля ей звонили дважды каждый вечер, в шесть и в двенадцать. Кроме этого, вообще ничего не происходило.

Дома обстановка была напряженной. Жена ничего не говорила, но взгляд ее становился все более недоверчивым. Она уже давно перестала верить в это странное дело, которое никак не закончится и из-за которого мужа почти каждую ночь не бывает дома. А он не мог и не хотел ничего ей объяснять.

Колльбергу было полегче. Каждую третью ночь его сменяли Меландер или Стенстрём. Это страшно не нравилось Ольбергу, потому что он должен был играть в шахматы сам с собой. Как он выражался, решать шахматные задачи. Все темы для разговоров давно уже были исчерпаны.

Мартин Бек окончательно запутался в газетной статье и перестал делать вид, что читает ее. Он зевал и глядел на своих сонных коллег, сидящих понутив головы. Он посмотрел на часы. Без пяти десять. Снова зевнул, поднялся со стула и неверным шагом медленно направился в туалет. Помыл руки и ополоснул лицо ледяной водой. Пошел обратно.

За три шага до двери он услышал, как звонит телефон.

Колльберг уже закончил разговор и собирался положить трубку.

— Он в...

— Нет, — сказал Колльберг. — Он стоит на улице под окнами.

В течение последующих трех минут Мартин Бек еще раз успел повторить весь план до мельчайших подробностей. Этот ход был довольно неожиданным, но в плане ничего не изменялось. Он не попадет в дом, а если даже и попадет, едва ли доберется до лестницы раньше, чем туда подоспеют они.

— Действуйте осторожно.

— Да, — сказал Колльберг.

Он затормозил у театра. Они разделились.

Мартин Бек стоял в сквере. Он видел, как Ольберг входит в дом. Посмотрел на часы. Прошло четыре минуты с того момента, когда она звонила. Он думал об одинокой женщине на третьем этаже. Мужчины по имени Фольке Бенгтссон нигде не было видно.

Через тридцать секунд появился свет на третьем этаже. Кто-то подошел к окну и тут же исчез. Свет погас. Ольберг был на месте.

Они молча ждали у окна в спальне. Здесь было темно, но в окно пробивалась полоска света. В гостиной горел свет, чтобы было видно, что она дома. Окно гостиной выходило на улицу, из спальни была видна Эриксбергсплан, нижняя часть парка, часть Биргер-Ярлсгатан, Регерингсгатан, Тегнергатан и прямо под ними нацело Рунебергсгатан.

Бенгтссон стоял на автобусной остановке напротив дома и смотрел вверх на ее окна. На остановке он был один; он немного постоял там, потом огляделся по сторонам, медленно подошел к углу улицы и исчез за телефонной кабиной.

— Вот он, — прошептал Ольберг и сделал в темноте движение рукой.

Они видели, как от остановки отъехал автобус и на противоположной стороне площади свернул на Тегнергата, а Бенгтссона нигде не было. Возможно, он стоял в телефонной кабине; они ждали, что вот-вот зазвонит телефон, и Ольберг держал руку на трубке.

Телефон упорно молчал, а через несколько минут Бенгтссон снова перешел на противоположную сторону улицы.

Вдоль тротуара тянулась каменная стена, которая заканчивалась у самого дома, прямо под окнами. За стеной поднимался травянистый склон, у его подножия были два общественных туалета, с дверьми, вмонтированными в стену.

Мужчина остановился на тротуаре и снова посмотрел вверх, на окна. Потом медленно направился ко входу в дом.

Он исчез из виду, и Ольберг долго напрягал зрение, прежде чем разглядел Мартина Бека, который неподвижно подпирал ствол дерева в сквере. Его на несколько секунд закрыл трамвай, появившийся на Биргер-Ярлсгата, а когда трамвай проехал, Бека уже не было.

Через пять минут они снова увидели Бенгтссона.

Он шел так близко к стенке, что они заметили его только тогда, когда он пересек улицу и направился к

остановке трамвая посреди площади. Остановился у киоска и купил сосиску. Стоял и, не торопясь, ел сосиску, при этом смотрел вверх, на окна. Потом начал прохаживаться взад-вперед по остановке, держа руки в карманах.

Спустя четверть часа Мартин Бек по-прежнему стоял у того же дерева.

Движение стало более оживленным, возле парка и по улице повалила толпа. Закончились сеансы в кинотеатрах.

Они на пару минут потеряли Бенгтссона из виду, но быстро разглядели его в группке людей, возвращающихся из кинотеатра. Он направился к телефонной кабине, но в двух метрах от нее остановился. Потом внезапно быстро зашагал к скверу. Мартин Бек повернулся к Бенгтссону спиной и предусмотрительно удалился.

Бенгтссон обогнул сквер, прошел мимо ресторана и исчез на Тегнергатан. Через несколько минут он снова появился на противоположном тротуаре и принялся ходить вокруг Эриксбергсплан.

— Как ты думаешь, он уже здесь когда-нибудь был? — спросила женщина в хлопчатобумажном летнем платье. — Ведь я... я заметила его только сегодня вечером, да и то чисто случайно.

Ольберг курил, прислонившись к стене у окна, и смотрел на нее. Она стояла лицом к окну, чуть расставив ноги и засунув руки в карманы платья, и ее глаза в слабом свете, падающем с улицы, казались темными впадинами на бледном лице.

— Может, он ходит здесь каждый вечер, — сказала она.

Когда мужчина пересек Тегнергатан и закончил четвертый круг по площади, она сказала:

– Если он будет так бродить вокруг всю ночь, я сойду с ума, а Леннарт с Мартином замерзнут.

Без пяти час он, все более ускоряясь, совершил уже восемь кругов по площади. У подножия лестницы в парк остановился, посмотрел вверх на окна и потом медленно перешел на противоположную сторону улицы.

К тротуару подъехал и остановился автобус, а когда он тронулся, Фольке Бенгтссона там уже не было.

– Смотри! Вон там Мартин! – сказала Соня Хансон. Услышав ее голос, Ольберг вздрогнул. До сих пор они только шептались, и впервые за два часа она заговорила нормальным голосом.

Он видел, как Мартин Бек мчится по улице и вскакивает в автомобиль, как и раньше стоящий у театра. Автомобиль рванул с места еще до того, как Мартин Бек успел захлопнуть за собой дверь, и поехал вслед за автобусом.

– Спасибо за компанию, – сказала Соня Хансон. – Я иду спать.

– Это мудро с твоей стороны, – похвалил ее Ольберг.

Сам он тоже охотнее всего отправился бы спать, но уже спустя десять минут входил в полицейский участок района Клара. Еще через минуту явился Колльберг.

Они успели сделать пять ходов до того, как вернулся Мартин Бек.

– Он поехал на автобусе до Санкт-Эриксплан и пошел домой. Свет погас почти сразу же. Наверняка он уже спит.

– Она заметила его случайно, – сказал Ольберг. – Наверное, он уже был здесь несколько раз.

– Даже если и был, это ничего не доказывает.

– Неужели?

– Колльберг прав, – сказал Мартин Бек.

– Естественно, я прав. Я тоже, бывало, бродил, как мартовский кот, возле домов, где жили приветливые девушки.

Ольберг пожал плечами.

– Конечно, тогда я был моложе. Причем намного.

Мартин Бек ничего не говорил. Его коллеги предприняли вялую попытку закончить шахматную партию. Через минуту Колльберг начал повторять ходы и партия закончилась вничью, хотя у него были шансы на выигрыш.

– Черт возьми, – сказал он. – Из-за этого субъекта я потерял нить игры. Какое у тебя уже преимущество?

– Четыре очка, – ответил Ольберг с важным видом. – Двенадцать с половиной на восемь с половиной.

Колльберг встал и принялся кружить по комнате.

– Вызовем его снова, сделаем тщательный обыск в квартире и как следует припрем к стенке, – сказал он.

Никто ему не ответил.

– Нужно снова начать следить за ним и привлечь для этого свежие силы.

– Нет, – сказал Ольберг.

Мартин Бек сидел, не говоря ни слова, и грыз сустав указательного пальца. Через минуту он сказал:

– Девушка начинает бояться?

– Я бы не сказал, – ответил Ольберг. – Ее нелегко так вот сразу вывести из равновесия.

Розанну Макгроу тоже нелегко было вывести из равновесия, подумал Мартин Бек.

Больше они об этом не разговаривали, но все уже пришли в себя, когда по усиливающемуся шуму транс-

порта на Регерингсгатан поняли, что рабочий день у них закончился – а у других он только начинался.

Следующие двадцать четыре часа прошли точно так же, как и предыдущие. Ольберг увеличил счет еще на одно очко. Но это было все.

На следующий день была пятница. Только три дня оставалось до конца первого месяца года, было тепло, серо и влажно. А вечером опустился туман.

В десять минут десятого тишину взорвал телефонный звонок. Мартин Бек взял трубку.

– Он уже здесь. На автобусной остановке.

На этот раз они приехали на пятнадцать секунд раньше, потому что Колльберг припарковался на Биргер-Ярлсгатан. Прошло еще полминуты, и Ольберг подал сигнал, что он уже на месте.

Дальше все повторилось. Мужчина по имени Фольке Бенгтссон продержался на Эриксбергсплан четыре часа. Четыре или пять раз он в нерешительности останавливался у телефонной кабины, съел одну сосиску. Потом уехал домой. Вслед за ним отправился Колльберг.

Мартин Бек ужасно замерз. Он быстро шел по Регерингсгатан, держа руки в карманах и глядя в землю.

Колльберг вернулся через полчаса.

– На Рёрстрандгатан все спокойно.

– Он тебя видел?

– Он шел, как лунатик. Думаю, он не заметил бы и бегемота в двух метрах перед собой.

Мартин Бек набрал номер служащей уголовной полиции Сони Хансон. У него было такое ощущение, что он вряд ли выдержал бы все это, если бы не думал о ней как о коллеге.

– Завтра суббота, вернее, уже сегодня. Он работает до двенадцати. Когда он будет уходить с работы, ты должна проходить мимо. Пробеги мимо него, словно куда-то спешишь, тронь его за рукав и скажи: «Добрый день, а я думала, что вы ко мне зайдете. Почему вы мне не звоните?» В общем, что-нибудь в таком духе. Больше ничего. И сразу исчезни. И постарайся не очень много на себя надевать. – Он помолчал. – Эта встреча должна быть решающей.

Он закончил разговор. Коллеги уставились на него.

– Кто у нас лучший специалист по слежке? – рассеянно спросил он.

– Стенстрём.

– Хорошо, с той минуты, когда он утром откроет дверь, будем за ним следить. Пусть Стенстрём этим займется. Будет докладывать о каждом его движении. По другой линии: у телефона будем находиться постоянно вдвоем, из комнаты может выйти только один.

Ольберг и Колльберг продолжали на него смотреть, но он этого не замечал.

В семь тридцать восемь открылась дверь на Рёрстрандгатан и Стенстрём приступил к выполнению своего задания. Он все время держался поблизости от конторы на Смоландсгатан, а без четверти двенадцать зашел в ресторан и сел у окна.

Без пяти двенадцать на углу Норландсгатан появилась Соня Хансон.

Она была в тонком синем твидовом жакете с большим вырезом в виде буквы «V» и с поясом, который как следует затянула на талии. Под жакетом был надет черный тонкий свитер; она была с непокрытой головой, в перчатках, но без

сумочки. Колготки и черные туфельки для этого времени года выглядели чересчур субтильно.

Она перешла на другую сторону улицы и исчезла из поля зрения Стенстрёма.

Сотрудники транспортной фирмы уже начали появляться в подъезде, последним, как всегда, вышел мужчина по фамилии Бенгтссон и запер дверь в контору. Он пересек тротуар и уже был в метре от проезжей части, когда мимо него пробежала Соня Хансон. Она остановилась, взяла его за рукав и что-то сказала ему, глядя прямо в лицо. Тут же его отпустила, продолжая что-то говорить, отошла на пару шагов, повернулась и побежала дальше.

Стенстрём видел ее лицо, в нем были радость, страсть и призыв. Он мысленно аплодировал тому, как она играла свою роль.

Мужчина стоял и смотрел ей вслед. Он сделал неуверенное движение, словно хотел броситься за ней, но передумал, засунул руки в карманы и пошел дальше, наклонив голову.

Стенстрём надел шляпу, расплатился у стойки и осторожно высунул голову за дверь. Когда Бенгтссон исчез за углом, он закрыл за собой дверь и направился за ним.

Мартин Бек сидел в полицейском участке округа Клара и мрачно смотрел на телефон. Ольберг и Колльберг уже прекратили играть в шахматы и молча прятались за газетами. Колльберг сражался с кроссвордом и в азарте грыз карандаш.

Когда телефон наконец зазвонил, Колльберг так укусил карандаш, что сломал его.

Мартин Бек схватил трубку еще до того, как закончился первый звонок.

– Привет, это Соня. По-моему, все получилось хорошо. Я сделала так, как ты сказал.

– Хорошо. Стенстрёма ты видела?

– Нет, но он наверняка был где-то поблизости. Я боялась обернуться и бежала до угла, до универмага.

– Ты волнуешься?

– Нет. Вовсе нет.

Было уже четверть второго, когда телефон зазвонил вторично.

– Я возле табачной лавки на Йернторгет, – сообщил Стенстрём. – Соня просто чудо. Ты бы только видел, как она вскружила ему голову. Мы погуляли по Кунгсгатан, перешли через мост и теперь бродим по Старому Городу.

– Ты только не спугни его.

– Можешь не опасаться. Он ходит, как лунатик, не видит и не слышит ничего, что происходит вокруг. Ну, я побегу, а то еще потеряю его.

Ольберг ходил по комнате.

– Для нее это занятие приятным не назовешь, – наконец сказал он.

– Она справится с ним одной левой, – заверил его Колльберг, – запросто. Все будет в полном порядке, лишь бы Стенстрём не напортил. – Он подумал и добавил: – Нет, Стенстрём в таких делах гений.

Мартин Бек ничего не говорил.

Настенные часы показывали две минуты третьего, когда Стенстрём снова позвонил.

– Мы на Фолькунгсгатан. Он идет куда глаза глядят, не останавливается, не смотрит по сторонам. Выглядит каким-то апатичным.

– Продолжай, – сказал Мартин Бек.

Мартина Бека трудно было вывести из себя, но после сорокапятиминутного ожидания в абсолютной тишине, он вскочил и выбежал из комнаты.

Ольберг и Колльберг посмотрели друг на друга. Колльберг пожал плечами и начал расставлять шахматные фигуры.

Мартин Бек ополоснул лицо и руки холодной водой, тщательно вытерся полотенцем. Когда он шел по коридору, открылась дверь и полицейский с засученными рукавами крикнул, что ему звонят. Это была его жена.

– Я не видела тебя уже целую вечность и к тому же теперь даже не могу до тебя дозвониться. Что, собственно, происходит? Когда ты придешь домой?

– Не знаю, – устало сказал он. Она начала снова, голос у нее сорвался и стал визгливым. Он перебил ее на полуслове.

– У меня сейчас нет времени, – разозлился он. – До свидания. Не звони мне больше.

Ему стало стыдно за свой тон, но он только пожал плечами и пошел к двум своим шахматистам.

В третий раз Стенстрём позвонил с Шепсброн. Было без двадцати пять.

– Только что он зашел в ресторан. Сидит один в уголке и пьет пиво. Мы излазили весь Сёдермальм. Он по-прежнему странно выглядит.

Спазм в желудке напомнил Мартину Беку, что целый день у него не было ни крошки во рту. Он послал за едой в автомат напротив полицейского участка. После того, как они поели, Колльберг уснул, скрючившись в кресле, и

начал храпеть. Когда зазвонил телефон, он вздрогнул и проснулся. Было семь часов.

– Он все время сидел там и выпил четыре бокала пива. Теперь возвращается в центр. Идет еще быстрее, чем раньше. Как только появится возможность, я позвоню.

Стенстрём говорил запыхавшись, словно ему пришлось бежать, и положил трубку раньше, чем Мартин Бек успел хоть что-то сказать.

– Он идет туда, – заявил Колльберг.

Следующий разговор состоялся в половине восьмого, он был еще короче и такой же односторонний.

– Энгельбректсплан. Идет по Биргер-Ярлсгатан все быстрее и быстрее.

Они ждали. Переводили глаза с часов на телефон. Пять минут девятого. В голосе Стенстрёма звучало разочарование.

– Он повернул на Эриксбергсгатан и перешел через виадук. Мы идем сейчас по Оденгатан в направлении Оденплан. Похоже на то, что он направляется домой и уже не спешит.

– А черт! Позвони, когда он придет домой.

Не прошло и получаса, как Стенстрём снова позвонил.

– Он пошел не домой, а дальше, по Уппландгатан. По-моему, он вообще не знает, что такое усталость. Просто идет вперед и вперед. Я уже ног под собой не чувствую.

– Откуда ты звонишь?

– С Северного вокзала. Он сейчас проходит мимо Городского театра.

Мартин Бек думал о мужчине, который сейчас шел мимо театра. О чем он думает? Думает ли вообще, или

просто ходит и ходит, подгоняемый каким-то темным импульсом? Что он чувствует? Уже более восьми часов он бродит по городу, не обращая внимания на то, что происходит вокруг, погруженный в себя, сосредоточенный на какой-то мысли или на созревающем решении.

В течение следующих трех часов Стенстрём звонил четырежды из разных мест. Бенгтссон держался поблизости от Эриксбергсплан, но ни разу не подошел к дому.

В половине третьего Стенстрём сообщил с Рёрстрандгата, что Фольке Бенгтссон наконец пошел домой и свет в его квартире сразу же погас.

Мартин Бек велел Колльбергу сменить своего коллегу.

В воскресенье, в восемь часов утра Колльберг вернулся, разбудил Ольберга, который спал на кушетке, свалился на нее сам и мгновенно заснул.

Ольберг подошел к Мартину Беку, сторожившему телефон.

– Колльберг вернулся? – спросил Мартин Бек и посмотрел на Ольберга красными глазами.

– Спит. Свалился, как сноп. Теперь там Стенстрём.

Первого сообщения они ждали всего лишь два часа.

– Он уже на улице. Идет в направлении моста на Кунгсхольмен.

– Как он выглядит?

– Как всегда. Одет точно так же, черт его знает, может, он вообще не раздевался.

– Быстро идет?

– Нет, нормально.

– Ты выспался?

Немного. Но, конечно, не могу сказать, что чувствую себя, как супермен.

– Хорошо.

Стенстрём звонил примерно один раз в час вплоть до четырех дня. Фольке Бенгтссон гулял уже шесть часов и сделал только две коротких остановки, когда на минутку заходил в закусочные-автоматы. Он бродил по Кунгсхольмену, Сёдермальму и Старому Городу. К дому Сони Хансон он вообще не приближался.

В половине шестого Мартин Бек заснул у телефона. Через четверть часа Стенстрём его разбудил.

– Нормальмсторг. Идет в направлении Страндвеген и выглядит теперь совершенно иначе.

– Как?

– Словно проснулся и ожил. Он как-то странно возбужден.

Через полчаса.

– Приходится быть осторожнее. Он как раз повернул с Оденгатан на Свеавеген. Смотрит на девушек.

Половина десятого.

– Он на перекрестке Карл-Стуре. Медленно идет к Стуреплан. Еще больше успокоился и по-прежнему разглядывает девушек.

– Действуй осторожнее, – сказал Мартин Бек.

Наконец-то ему было хорошо, он чувствовал себя свежим, несмотря на то, что два дня и две ночи почти не сомкнул глаз.

Он встал и глянул на карту, по которой Колльберг красным карандашом пытался следить за метаниями Бенгтссона. Зазвонил телефон.

– Это сегодня уже десятый раз, – сказал Колльберг.

Мартин Бек поднял трубку и взглянул на настенные часы. Без одной минуты одиннадцать.

Он услышал голос Сони Хансон, хриплый и немного взволнованный.

– Мартин! Он уже здесь.

Он сжал трубку в руке.

– Мы едем к тебе, – сказал он.

Соня Хансон положила трубку и посмотрела на часы. 23.01. Через четыре минуты в квартиру войдет Ольберг и освободит ее от неприятного чувства беспомощности, которое усиливалось, когда она вспоминала, что живет одна.

У нее потели ладони, она вытирала их о хлопчатобумажное платье. При этом ткань натягивалась на бедрах.

Она пошла в темную спальню и посмотрела в окно. Босиком на паркетном полу было холодно стоять, она поднялась на цыпочки, рукой оперлась на оконную раму и осторожно отодвинула тоненькую занавеску. Внизу было много людей, в основном перед рестораном напротив дома. Она обнаружила его только через полторы минуты. Он шел по Рунебергсгатан прямо к дому, медленно миновал низкую стенку и продолжил путь в направлении Биргер-Ярлсгатан. Дойдя до трамвайных рельсов, повернул направо. Через тридцать секунд исчез из виду. Передвигался он быстро, плавным шагом, устремив взгляд прямо перед собой, словно не обращал внимания на происходящее вокруг или ни о чем не думал.

Она вернулась в гостиную, где было тепло и светло. Закурила и жадно вдохнула дым. Она уже знала, чего ему нужно, но каждый раз чувствовала облегчение, когда он исчезал и оставлял в покое телефонную кабину. Слишком долго она ждала этого пронзительного телефонного звонка, который должен был уничтожить покой в ее душе и при-

нести в ее дом нечто иррациональное и тревожное. Теперь она надеялась, что до этого дело вообще не дойдет. Что все это лишь глупая ошибка, что она наконец сможет вернуться к своим привычным служебным делам и больше никогда не должна будет помнить об этом мужчине.

Она взяла свитер, который вязала уже третью неделю. Подошла к зеркалу и приложила свитер к себе. Он был уже почти готов. Она снова посмотрела на часы. Ольберг опаздывал почти на десять секунд. Сегодня он не сможет побить свой собственный рекорд. Она улыбнулась, потому что знала, что он будет злиться. Увидела в зеркале свою спокойную улыбку и заметила, что на лбу у самых волос появилось несколько маленьких капелек пота.

Соня Хансон пошла в ванную. Она слегка расставила ноги на холодных плитках, наклонилась вперед и сполоснула лицо и руки холодной водой.

Закрыв кран, она услышала, как у двери возится Ольберг. У него уже было больше минуты опоздания.

С полотенцем в руке она выбежала в прихожую, сняла цепочку и открыла дверь.

– Слава Богу, хорошо, что ты уже здесь, – сказала она. Это был не Ольберг.

Она все еще улыбалась и при этом пятилась от двери.

Мужчина по имени Фольке Бенгтссон не спускал с нее глаз, когда захлопывал за собой дверь и закрывал ее на цепочку.

XXIX

Мартин Бек выходил последним. Он уже стоял в дверях, когда зазвонил телефон.

– Я звоню из холла отеля «Амбасадор», – сказал Стенстрём. – Он исчез в толпе на улице, это было максимум четыре-пять минут назад.

– Он уже на Рунебергсгатан. Мчись туда как можно быстрее!

Он бросил трубку и побежал по лестнице вслед за остальными. Втиснулся на заднее сиденье. На переднем всегда сидел Ольберг, чтобы иметь возможность выйти первым.

Колльберг включил скорость, но тут же вынужден был выжать сцепление и пропустить во двор серый полицейский автобус. Потом он выехал на улицу и ухитрился втиснуться между зеленым «вольво» и бежевой «шкодой». Мартин Бек сидел, сложив руки на коленях, и смотрел на морозящий холодный дождь. Он ощущал огромное напряжение, но вместе с тем чувствовал себя спокойным и хорошо подготовленным. Как спортсмен в пике формы, готовящийся установить рекорд.

Через десять секунд зеленый «вольво» столкнулся с пикапом, который выехал на перекресток с запрещенного направления. Перед столкновением водитель «вольво» вывернул вправо и Колльберг мгновенно повторил его маневр. Он среагировал вовремя и даже не прикоснулся к переднему автомобилю, но теперь они стояли параллельно, вплотную друг к другу. Колльберг начал сдавать назад, но в этот момент в их правую дверь с оглушительным жестяным звуком врезалась бежевая «школа». Водитель резко затормозил, что при таком состоянии проезжей части было грубой ошибкой.

В общем-то ничего страшного не произошло. Через

десять минут явится дорожная полиция. Запишет фамилии и номера, проверит водительские удостоверения, справки о техническом осмотре и квитанции об уплате страховки. Впишет в протокол что-то о поврежденных кузовах, пожмет плечами и уедет. Если ни от кого из участников дорожного происшествия не будет за десять шагов нести алкоголем, люди, которые сейчас гневно кричат и в ярости размахивают руками за окнами, снова усядутся в свои разбитые жестяные божества и разъедутся кто куда.

Ольберг выругался. Только через десять секунд Мартин Бек понял, почему он это сделал. Они не могли выйти из автомобиля. Обе двери были заблокированы так основательно, словно кто-то их заварил.

В тот момент, когда Колльберг предпринял отчаянную попытку выбраться из этой кучи, сзади остановился автобус номер пятьдесят пять. Они потеряли последнюю возможность выбраться. Мужчина из бежевой «шкоды» убежал под дождь. Его нигде не было видно, вероятно, он ругался где-то сбоку от двух заклиненных автомобилей.

Ольберг уперся в дверь обеими ногами и толкал изо всей силы, но у «шкоды» была включена первая передача и ее невозможно было сдвинуть с места.

Три или четыре минуты пронеслись, как ночной кошмар. Ольберг ругался и жестикулировал. Заднее стекло под дождем мгновенно затянуло серой пеленой. Снаружи неясно просматривались блестящие контуры полицейского в черном резиновом плаще.

Наконец несколько зевак поняли, в чем дело, и начали откатывать бежевую «шкоду». Они делали это медленно и неуклюже. Полицейский пытался им в этом помешать, но

через минуту начал помогать. Между машинами уже был метровый зазор, однако дверные петли, очевидно, согнуло и дверь не поддавалась. Ольберг ругался и дергал дверь. Мартин Бек чувствовал, как у него с затылка под воротник течет пот и стекает на спину в холодную ложбинку между лопатками.

Медленно и со скрипом дверь открылась.

Ольберг вылетел наружу. Мартин Бек и Колльберг попытались пролезть в дверь одновременно, и каким-то чудом им это удалось.

Полицейский стоял наготове с блокнотом в руке.

– Что здесь произошло?

– Заткнись! – заорал Колльберг. Полицейский тут же его узнал.

– Бежим! – закричал Ольберг, имея уже фору в пять метров.

Несколько неуверенных рук пытались их задержать. Колльберг врезался в перепуганного продавца сосисок.

Четыреста пятьдесят метров, подумал Мартин Бек. Тренированный спортсмен преодолеет их за минуту. Но они не тренированные спортсмены. И бежали они не по гаревой дорожке, а по асфальту под ледяным дождем. После ста метров Мартин Бек почувствовал, что у него вот-вот разорвется грудная клетка. Ольберг бежал в пяти метрах впереди, но на пригорке поскользнулся и едва не упал. Это стоило ему форы, теперь они бежали рядом к Эриксбергсплан. У Мартина Бека перед глазами мигали жгучие точки. Он слышал, как сзади тяжело сопит Колльберг.

Они прибежали на угол, повернули и мчались по парку.

Все трое одновременно увидели слабый прямоугольник света на третьем этаже дома на Рунебергсгатан. Он означал, что в спальне горит свет и опущена штора.

Точки перед глазами исчезли, боль в груди тоже прошла. Пробегая по Биргер-Ярлсгатан, Мартин Бек подумал, что ни разу в жизни так быстро не бегал, но, тем не менее, Ольберг был в трех метрах перед ним, а Колльберг рядом. Когда они добежали до дома, Ольберг уже открыл дверь.

Лифта внизу не было, но никто о нем и не вспомнил. На первой лестничной площадке Мартин Бек понял, что, во-первых, он не может отдышаться, а во-вторых, Колльберг куда-то исчез. План работает, этот чертов план, думал он, преодолевая последние ступеньки с ключом в вытянутой руке.

Он вставил ключ в замок, повернул, толкнул дверь, она приоткрылась на десять сантиметров. Он видел, как в щели натягивается цепочка. Из квартиры не доносилось никаких звуков, кроме непрерывного, дребезжащего звона домофона. Время остановилось, он видел в прихожей узор ковра, полотенце и одну туфлю.

– Пригнись, – хрипло, но, к удивлению Мартина Бека, спокойно сказал Ольберг.

Раздался грохот, словно весь мир разлетелся на кусочки. Ольберг выстрелил в цепочку, и Мартин Бек скорее ввалился, а не вбежал в прихожую и гостиную.

Картина была нереальной и неподвижной, как в музее восковых фигур. Она производила такое же впечатление, как недоэкспонированная фотография, залитая беловатым светом, на которой Мартин Бек различал самые незначительные смертельные детали.

Мужчина все еще был в плаще. Коричневая шляпа лежала на полу, наполовину прикрытая разорванным платьем из голубого хлопка.

Это был мужчина, который убил Розанну Макгроу. Он склонился над постелью, левой ногой он стоял на полу, коленом правой упирался в левое бедро женщины. Большая загорелая рука закрывала ей рот, а два пальца сжимали нос. Это была левая рука. Правая находилась ниже, она искала горло и почти его нащупала.

Женщина лежала на спине. Между растопыренными пальцами были видны вышедшие из орбит глаза. По ее лицу стекала тонкая струйка крови. Правую ногу она согнула и ступней упиралась ему в грудь. Двумя руками судорожно держала его правое запястье. Она была голая. Каждая ее мышца напряглась, сухожилия были видны, как в учебнике анатомии.

Сотой доли секунды хватило, чтобы все эти мельчайшие подробности глубоко и надолго врезались в его память. Мужчина в плаще ослабил хват, встал на обе ноги, восстановил равновесие и обернулся; все это он сделал мгновенно.

Мартин Бек впервые увидел человека, которого искал шесть месяцев и девятнадцать дней. Человека по имени Фольке Бенгтссон, так не похожего на мужчину, с которым однажды утром незадолго до рождества он беседовал в кабинете Колльберга.

Лицо его было каменным и без всякого выражения, зрачки сужены, глаза бегали, как у куницы, готовящейся напасть. Он стоял наклонившись и согнув колени, а тело его ритмично покачивалось.

Это длилось лишь десятую долю секунды, потом он бросился вперед, придушенно всхлипнув. Мартин Бек рубанул его ребром правой ладони по ключице, а Ольберг бросился на него сзади и попытался схватить за руки.

Ольбергу мешал пистолет, а Мартина Бека застала врасплох быстрота прыжка, потому что он не мог думать ни о чем, кроме того, что женщина на постели должна шевелиться, а не лежать неподвижно с чуть открытым ртом и закрытыми глазами.

Мужчина ударил его головой в живот с неожиданной силой, так, что Мартин Бек отлетел к стенке. Одновременно безумец вырвался от Ольберга и большими прыжками помчался к двери, все еще в полуприседе, его руки и ноги мелькали с быстротой, которая была такой же нереальной, как и вся эта абсурдная картина.

Непрерывно продолжал звонить домофон.

Мартин Бек отставал от него на половину лестничного марша, и это расстояние увеличивалось.

Мартин Бек слышал его шумное дыхание, но увидел его только тогда, когда выбежал в вестибюль на первом этаже. Он уже миновал внутреннюю стеклянную дверь и быстро приближался к относительной свободе на улице.

Колльберг отпустил кнопку домофона и отклеился от стены. Мужчина в плаще быстро размахнулся, целясь Колльбергу прямо в лицо.

В этот момент Мартин Бек понял, что все наконец-то кончилось, и через долю секунды действительно услышал короткий, болезненный вой, когда Колльберг перехватил руку мужчины и быстрым жестоким рывком завернул ее за спину. Мужчина в плаще беспомощно лежал на полу.

Мартин Бек прислонился к стене и слушал, как, казалось, сразу со всех сторон приближается звук сирены. Полицейский автомобиль уже приехал и на тротуаре патрульные отгоняли зевак.

Он смотрел на мужчину по имени Фольке Бенгтссон, который лежал там, где упал, лицом к стене, и по лицу у него текли слезы.

– Скорая помощь уже приехала, – сказал Стенстрём.

Мартин Бек поднялся лифтом на третий этаж. Соня сидела в кресле, на ней были вельветовые джинсы и шерстяной свитер. Он посмотрел на нее с виноватым видом.

– Приехала скорая. Они сейчас поднимутся.

– Я могу идти сама, – бесцветным голосом ответила она.

В лифте она сказала:

– Не смотри так печально. Не нужно. Со мной в общем-то ничего не случилось.

Он не смотрел ей в глаза.

– Если бы он попытался меня изнасиловать, я бы, возможно, сумела с ним справиться. Но ему нужно было вовсе не это. У меня попросту не было шансов, абсолютно никаких.

Она вздрогнула.

– Еще какие-нибудь десять-пятнадцать секунд и... или если бы не вспомнили о домофоне там, внизу: это его напугало. Словно перетерлась изоляция. Бр-р-р. Это было ужасно.

Когда они подходили к скорой помощи, она сказала:

– Бедняга.

– Кто?

– Он.

Через четверть часа перед домом на Рунебергсгатан остались только Колльберг и Стенстрём.

– Я приехал как раз вовремя и видел, как ты его скрутил. Я стоял прямо напротив дома. Где ты этому научился?

– Понимаешь, я старый десантник. Пользуюсь этим иногда.

– Дьявольская штука. Я такого еще никогда не видел. Таким приемом кого угодно можно скрутить.

– В августе шакал родился, в сентябре первый дождик пролился, я такого потопа никогда не видал, – сразу же завыл шакал.

– Что это?

– Цитата, – ответил Колльберг. – Это написал некто Киплинг.

XXX

Мартин Бек смотрел на сидящего перед ним с угрюмым видом мужчину, с рукой на перевязи. Он наклонил голову и упорно разглядывал пол.

Этой минуты Мартин Бек ждал шесть с половиной месяцев. Он подался вперед и включил магнитофон.

– Вас зовут Фольке Леннарт Бенгтссон, вы родились в Стокгольме шестого августа 1926 года, живете на Рёрстрандгатан в Стокгольме. Правильно?

Мужчина едва заметно кивнул.

– Вы должны отвечать вслух, – сказал Мартин Бек.

– Да, – ответил мужчина по имени Фольке Бенгтссон. – Да, правильно.

– Вы признаете себя виновным в убийстве на сексу-

альной почве американской гражданки Розанны Макгроу и в том, что совершили это убийство в ночь с четвертого на пятое июля прошлого года?

– Я никого не убивал, – прошептал Фольке Бенгтссон.

– Говорите громко.

– Не признаю.

– Вы уже признались, что познакомились с Розанной Макгроу четвертого июля прошлого года на экскурсионном пароходе «Диана». Правильно?

– Нет. Я не знал, как ее зовут.

– У нас есть доказательства, что вы были с ней четвертого июля. Ночью у нее в каюте вы убили ее и бросили труп в воду.

– Нет, это неправда!

– Вы убили ее тем же способом, которым пытались убить женщину на Рунебергсгатан?

– Я не хотел ее убивать.

– Кого вы не хотели убивать?

– Эту девушку. Она ходила за мной. Приглашала к себе домой. Она говорила со мной несерьезно. Хотела только унижить меня.

– Розанна Макгроу тоже хотела вас унижить? Поэтому вы ее убили?

– Не знаю.

– Вы были у нее в каюте?

– Не помню. Может, и был. Не знаю.

Мартин Бек молча смотрел на него. Наконец спросил:

– Вы очень устали?

– Нет, не очень. Я совсем не устал.

– Рука болит?

– Уже нет. В больнице мне сделали укол.

– Когда вчера вечером вы увидели эту женщину, то вспомнили о другой, в прошлом году на пароходе?

– Это были не женщины.

– Как вы сказали? Да нет же, это были женщины.

– Нет... они были как животные.

– Не понимаю.

– Они как зверь... во власти... во власти...

– Чьей? Вашей власти?

– Господи, вы смеетесь надо мной. Во власти своего распутства. Они обе жертвы своего бесстыдства.

Тридцать секунд тишины.

– Вы действительно так думаете?

– Так думаю я и все порядочные люди, кроме развратников и дегенератов.

– Вам не нравились эти женщины? Розанна Макгроу и девушка с Рунебергсгатан, как же ее зовут...

– Соня Хансон. – Он буквально выплюнул из себя это имя.

– Правильно. Она не нравилась вам?

– Я ненавижу ее. Ту, другую, я тоже ненавижу. Я уже ее хорошо не помню. Разве вы не видите, как они себя ведут? Разве не понимаете, что значит быть женщиной?

Он говорил торопливо и жадно.

– Нет. Что, собственно, вы имеете в виду?

– Бр-р-р. Они гнусные. Ходят по земле высокомерные и развратные, каждому навязываются и надоедают.

– Вы иногда ходите к проституткам?

– Проститутки совсем не такие отвратительные и бесстыдные. Кроме того, они за это берут деньги, у них остались хотя бы остатки целомудрия.

– Вы помните, что ответили, когда я задал вам этот вопрос в прошлый раз?

– Нет...

– Вы не помните, как я вас спрашивал, ходите ли вы к проституткам?

– Нет, вы в самом деле меня об этом спрашивали?

Мартин Бек молчал и тер кончик носа.

– Я могу вам помочь, – сказал он наконец.

– Как вы сказали? Помочь? Как вы можете мне помочь? Теперь? После всего того...

– Я хочу помочь вам вспомнить.

– Ага.

– Но вы тоже должны пытаться.

– Да.

– Попробуйте вспомнить, что происходило, когда вы в Сёдертелье сели на «Диану». Вы были с мопедом и везли с собой рыболовные снасти; пароход намного опоздал.

– Да, это я помню. Была прекрасная погода.

– Что вы делали, когда сели на пароход?

– Наверное, пошел завтракать. Помню, я был голоден и рассчитывал поесть на пароходе.

– Вы разговаривали с людьми, которые сидели с вами за столом?

– Нет, я был один. Остальные уже поели.

– А потом? После завтрака.

– Я вышел на палубу. Была прекрасная погода.

– Вы с кем-нибудь разговаривали?

– Нет, я в одиночестве стоял на носу. Потом был обед.

– За обедом вы тоже сидели один?

– Нет, за столом сидели еще какие-то люди, но я с ними не разговаривал.

– Розанна Макгроу сидела за вашим столом?

– Не помню. Я не обратил внимания, кто сидит со мной за столом.

– Вы помните, как с ней встретились?

– Нет, не помню.

– В прошлый раз вы сказали, что она вас о чем-то спросила и вы разговорились.

– Да, уже вспоминаю. Она спросила, как называется город, мимо которого мы как раз проплывали.

– И как же он назывался?

– По-моему, Норсхольм.

– А потом она осталась стоять рядом с вами и вы разговаривали?

– Да. Но я уже не помню, о чем мы говорили.

– Она была вам несимпатична сразу, с самого начала?

– Да.

– Почему же вы с ней разговаривали?

– Она мне навязалась. Стояла рядом, болтала и смеялась. Она была такая же, как и все остальные. Бесстыдная.

– Что вы делали потом?

– Потом?

– Да, вы сходили вместе на берег?

– Она шла за мной, когда я спустился на берег.

– О чем вы говорили?

– Не помню. О том, о сем. Я еще подумал, что теперь, по крайней мере, потренируюсь в английском.

– Что вы делали, когда вернулись на пароход?

– Не знаю. Наверное, пошли ужинать.

– На этот раз вы сидели за одним столом?

– По-моему, нет. Не помню.

– Попробуйте вспомнить.

– Нет, я в самом деле не знаю.

– А вечером вы с ней снова встретились?

– Помню, я стоял на носу, когда стемнело. Но я был один.

– Вы встречались с ней вечером? Постарайтесь вспомнить.

– Думаю, да. Я не уверен, но мне кажется, что мы сидели на корме, на скамеечке и разговаривали. Я предпочел бы, чтобы она оставила меня в покое, но она навязалась мне.

– Она пригласила вас к себе в каюту?

– Нет.

– Позднее в этот вечер вы ее убили, да?

– Нет. Я ничего похожего не делал.

– Вы в самом деле не помните, что убили ее?

– Нет. Я говорю правду.

– Да. Я знаю, что вы ее убили.

– Зачем вы мучите меня? Зачем все время повторяете это слово? Я ничего не сделал.

– Я не хочу вас мучить.

Действительно не хочет? Мартин Бек не знал. Зато он знал, что мужчина, сидящий перед ним, ушел в защиту, что уже начинает срабатывать инстинкт самосохранения и что чем дальше, тем труднее будет одержать победу.

– Мне вовсе это не нужно.

Взгляд мужчины стал тупым, глаза испуганно забегали.

– Вы меня не понимаете, – сдавленно сказал он.

– Я пытаюсь. Понимаю: многие люди вам не нравятся. Они вызывают у вас отвращение.

– Вас это удивляет? Люди умеют быть гнусными.

– Да, я понимаю. Особенно вам не по душе одна категория людей – женщины, которых вы называете бесстыдными. Правильно?

Мужчина ничего не отвечал.

– Вы верующий?

– Нет.

– Почему?

Он неопределенно пожал плечами.

– Вы читаете иногда религиозные книги или журналы?

– Я читал Библию.

– Вы верите в нее?

– Нет, там много такого, что нельзя объяснить и даже невозможно читать.

– Например?

– Там слишком много грешного.

– Вы хотите сказать, что такие женщины, как Розанна Макгроу и фрекен Хансон, тоже грешные?

– Да. Вы, конечно, с этим не согласны? Посмотрите, сколько гнусных дел творится вокруг. В конце года несколько недель читал газеты и каждый день в них появлялись все новые и новые мерзости. Как вы думаете, почему это происходит?

– И с этими грешными людьми вы не хотите иметь ничего общего?

– Нет.

У него на мгновение перехватило дыхание, потом он добавил:

– Ни при каких обстоятельствах.

– Хорошо. Предположим, они вам не нравятся. Но все

же разве такие женщины, как Розанна Макгроу и Соня Хансон, не притягивают вас? Вам не хочется на них смотреть и прикасаться к ним? Прикасаться к их телу?

– Вы не имеете права говорить мне подобные вещи.

– Смотреть на их ноги и руки? Прикасаться к их коже?

– Зачем вы все это мне говорите?

– Вам не хочется прикасаться к ним? Раздевать их? Видеть их голыми?

– Нет, нет, только не это.

– Вам не хочется ощущать их руки на своем теле? Вам не хочется, чтобы они к вам прикасались?

– Замолчите! – закричал мужчина и попытался встать.

Он сделал слишком резкое движение, застонал и закусил губы. Очевидно, у него заболела раненая рука.

– Но ведь в этом нет ничего странного. Более того, это совершенно нормально. У меня тоже мелькают в голове похожие мысли, когда я вижу женщин определенного типа.

Мужчина смотрел на него.

– Значит, вы утверждаете, что я ненормальный?

Мартин Бек не ответил.

– Вы хотите сказать, что я ненормальный, потому что во мне есть немного стыда?

Молчание.

– Я имею право жить своей собственной жизнью.

– Конечно, но вы не имеете права отнимать ее у других. Сегодня вечером я видел собственными глазами, как вы едва не убили женщину.

– Вы ничего не видели. Я ничего не сделал.

– Я никогда не говорю того, чего не знаю наверняка. Вы пытались ее убить. Если бы мы не пришли вовремя, на

вашей совести была бы сейчас человеческая жизнь. Вы были бы убийцей.

Он странно отреагировал. Долго шевелил губами и наконец прошептал, почти беззвучно:

– Она это заслужила. В этом была ее вина, а не моя.

– Как вы сказали? Извините, но я вас не понял.

Тишина.

– Пожалуйста, повторите то, что вы только что сказали.

Мужчина упорно молчал, глядя в пол. Наконец Мартин Бек сказал:

– Вы мне лжете.

Мужчина покачал головой.

– Вы утверждаете, что покупаете только журналы о спорте и рыбной ловле. Но в то же самое время покупаете также журналы с фотографиями голых женщин.

– Это неправда.

– Вы забываете, что я никогда не обманываю.

Тихо.

– Дома, в печи, у вас лежит сотня таких журналов.

Он отреагировал очень быстро:

– Откуда вы знаете?

– Наши люди сейчас делают у вас обыск. В печи они нашли эти журналы. Они нашли и много других вещей, например, темные очки, которые принадлежали Розанне Макгроу.

– Вы ворвались ко мне в квартиру, суете нос в мою личную жизнь. Зачем все это?

Через несколько секунд он повторил свой вопрос. Потом добавил:

– Я не хочу с вами разговаривать. Вы отвратительны.

– Но послушайте, смотреть на фотографии не запрещено, – сказал Мартин Бек. – Вовсе нет. В этом нет ничего плохого. Женщины в этих журналах выглядят точно так же, как и все другие женщины. Особей разницы между ними нет. Если бы на этих фотографиях была Розанна Макгроу, Соня Хансон или Сив Линдберг...

– Замолчите! – закричал мужчина. – Вы не смеее так говорить! Вы не смеее упоминать это имя!

– Почему же? Что бы вы сделали, если бы я вам сказал, что в одном из таких журналов были фотографии Сив Линдберг?

– Ты лжешь, негодяй!

– Вспомните, что я вам говорил. Что бы вы сделали?

– Я бы покарал... я бы убил и вас за то, что вы это сказали...

– Меня вы убить не можете. Что бы вы сделали с той женщиной, как же ее зовут... ах, да, Сив...

– Я бы покарал ее... я бы ее...

– Да, я слушаю.

Мужчина сжимал и разжимал кулаки.

– Да, я бы это сделал, – сказал он.

– Убили ее?

– Да.

– Почему?

Тишина.

– Вы не смеее говорить о таких вещах, – сказал мужчина. По его левой щеке стекала слеза.

– Вы испортили много журнальных фотографий, – тихо сказал Мартин Бек. – Вы прокалывали их ножом. Зачем вы это делали?

– В моей собственной квартире... вы были в моей квартире... следили и вынюхивали...

– Зачем вы прокалывали эти фотографии?

Мужчина нервно огляделся по сторонам.

– Зачем все это? – прошептал он. – Как человеку жить, если каждый...

– Зачем вы прокалывали эти фотографии? – громко спросил Мартин Бек.

– Какое вам дело до этого, – истерически завыл мужчина. – Вы негодяй... Свинья...

– Зачем?

– Я бы покарал... вас бы тоже покарал.

Две минуты тишины. Мартин Бек мягко произнес:

– Вы убили ту женщину на пароходе. Вы этого не помните, но я помогу вам вспомнить. Каюта была маленькая, узкая, света мало... Пароход как раз плыл по какому-то озеру, так?

– По озеру Бурен.

– А вы были у нее в каюте и там ее раздевали.

– Нет. Она сама начала раздеваться. Хотела осквернить меня своей греховностью. Она была гнусная.

– Вы покарали ее? – мягко спросил Мартин Бек.

– Да. Я покарал ее. Разве вы не понимаете? Я вынужден был ее покарать, она была развратной и бесстыдной.

– Как вы ее покарали? Вы убили ее, да?

– Она заслужила смерть. Иначе она осквернила бы и меня. Она выставляла свое бесстыдство на обозрение. Неужели вы не понимаете, – вдруг завыл он, – что я вынужден был ее убить? Я должен был убить ее греховное тело.

– Вы не боялись, что вас кто-нибудь увидит в иллюминатор?

– Там не было никакого иллюминатора. Я не испытывал страха. Знал, что поступаю правильно. Она сама виновата. Она заслужила это.

– Вы убили ее. Что вы делали потом?

Мужчина скрючился на стуле и начал бормотать:

– Перестаньте меня мучить. Почему вы все время об этом говорите? Я уже ничего не помню.

– Вы вышли из каюты, когда она была мертва?

Мартин Бек говорил мягко, успокаивающим голосом.

– Нет. Да. Не знаю, не помню.

– Она лежала на койке голая, да? И вы ее убили. Вы остались в каюте?

– Нет. Я ушел. Не знаю.

– Где именно на пароходе находилась ее каюта?

– Не помню.

– Под палубой?

– Нет, на корме.

– Что вы сделали с той женщиной, когда она была мертва?

– Перестаньте меня наконец расспрашивать об этом, – сказал он плаксиво, как малое дитя. – Я ни в чем не виноват. Она сама виновата.

– Я знаю, что вы ее убили, вы сами только что об этом сказали. Что вы с ней сделали потом? – мягко спросил Мартин Бек.

– Я бросил ее в воду, я все бросил в воду, я не мог больше на это смотреть, – закричал мужчина.

Мартин Бек спокойно глядел на него.

– Где в этот момент находился пароход?

– Не знаю. Я просто бросил ее в воду.

Он согнулся и заплакал.

– Я не мог на нее смотреть, я не мог на нее смотреть, – монотонно повторял он, по его щекам текли слезы.

Мартин Бек выключил магнитофон и вызвал конвой.

Мужчину, который убил Розанну Макгроу, увели. Мартин Бек закурил. Он неподвижно сидел и смотрел прямо перед собой.

Глаза у него горели огнем, он помассировал их пальцами.

Потом взял из стаканчика на столе карандаш и начал писать по-английски: «МЫ АРЕСТОВАЛИ ЕГО. СОЗНАЛСЯ ПОЧТИ...». Хотел написать: «НЕМЕДЛЕННО», – но забыл, как это будет по-английски. Положил карандаш, смял лист бумаги и выбросил его в корзинку. Решил, что лучше выпиться, а потом позвонит Кафке.

Мартин Бек надел шляпу, плащ и вышел. Около двух начался снегопад и теперь все было покрыто тридцатисантиметровым слоем снега. Снежинки были большие и влажные. Они медленно кружились в воздухе, пушистые и красивые, приглушая все звуки. Весь мир казался далеким и таинственным. Началась настоящая зима.

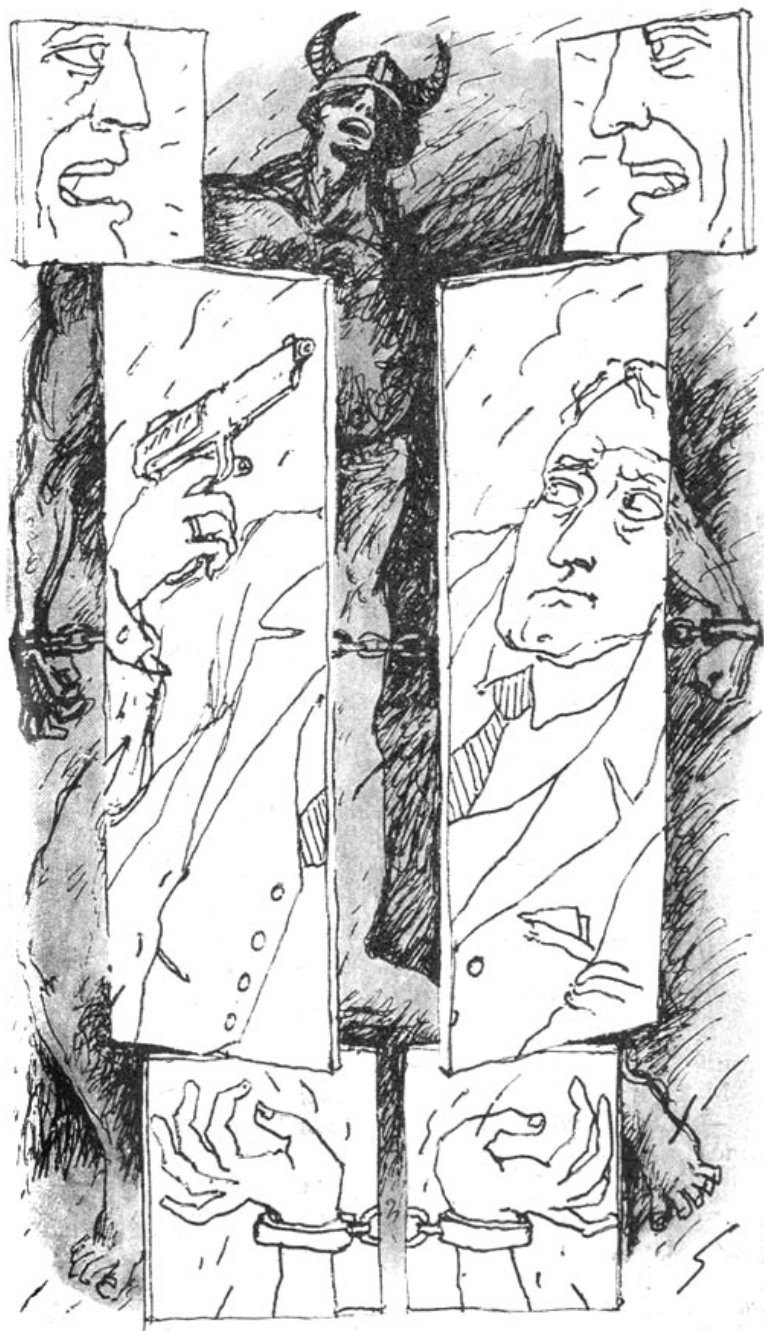
Розанна Макгроу поехала в Европу. Недалеко от Норсхольма она встретила с мужчиной, который направлялся в лен Гётеборг-Бохус, чтобы ловить рыбу. Она бы не встретила его, если бы у парохода не случилась поломка в машине и если бы официантки в столовой не пересадили ее за другой стол. Судьбе было угодно, чтобы он ее убил. Точно так же она могла попасть под машину на

Кунгсгатан в Стокгольме или упасть с лестницы в гостиной и сломать себе позвоночник. А женщина по имени Соня Хансон, возможно, уже никогда не сможет полностью расслабиться и спать глубоким и спокойным сном, засунув руки между колен, как спала она с тех пор, когда была еще маленькой девочкой. А ведь ко всему этому она не имела никакого отношения. И они в Мутале, в Кристинеберге и Линкольне, штат Небраска, расследовали это дело таким способом, что теперь оно уже никогда не будет подлежать оглашению. Они не забудут об этом деле до самой смерти, но, вспоминая о нем, не почувствуют большой гордости.

Мартин Бек шагал сквозь метель, чуть сутулился и тихонько насвистывал. Он направлялся к станции метро. Те, кто видел его, изумились бы, узнав, о чем он сейчас думает.

Мартин Бек шагает сквозь метель, на его шляпу падает снежок, все отлично, все прекрасно, друзья, хейя! Под ногами поскрипывает снег, прекрасная зимняя ночь, хейя! Стоит только пожелать, и мы поедем солнышко встречать. Городским общественным транспортом. В Багармуссен и Вантёр.

Он шел домой.

СМЕЮЩИЙСЯ ПОЛИЦЕЙСКИЙ

I

Тринадцатого ноября вечером в Стокгольме шел дождь. Мартин Бек и Колльберг играли в шахматы в квартире Колльберга недалеко от станции метро Шермарбринк. Оба были свободны, потому что последние несколько дней практически ничего не происходило.

Мартин Бек играл скверно, но ему все же каким-то образом удавалось оказывать сопротивление Колльбергу. У Колльберга была дочка, которой недавно исполнилось два месяца, и в тот вечер ему пришлось исполнять роль няньки, а Мартин Бек не испытывал особого желания возвращаться домой и всячески оттягивал тот момент, когда придется это сделать. Погода была отвратительная. Проливной дождь барабанил по крышам и окнам, улицы почти опустели, на них появлялись лишь одинокие прохожие, у которых, очевидно, были серьезные причины, чтобы выходить в такую погоду.

У посольства США на Страндвеген и ведущих к нему соседних улицах четыреста полицейских сражались с демонстрантами, которых было раза в два больше. Полицейские были вооружены гранатами со слезоточивым газом, пистолетами, резиновыми дубинками, автомобилями, мотоциклами, коротковолновыми радиостанциями, мегафонами, шли с овчарками и ехали на лошадях. Демонстранты были вооружены петицией и бумажными плака-

тами, расползающимися под проливным дождем. Вряд ли их можно было считать монолитной группой, поскольку здесь были разные люди, от тринадцатилетних школьников в джинсах и шерстяных полупальто с капюшонами и весьма серьезных студентов до провокаторов, профессиональных хулиганов и даже восьмидесятипятилетней актрисы в беретке и под голубым зонтиком. Какой-то сильный импульс заставил их противостоять ливню и всему остальному, что могло произойти.

Полицейские, в свою очередь, тоже не представляли собою элиты. Их согнали сюда из всех полицейских участков города. Однако тем, у кого был знакомый врач и кто сумел каким-то другим образом выкрутиться, удалось избежать этой неприятной командировки. Остались лишь те, кто знал, что они делают, и одобрял это, – на полицейском жаргоне их называли петухами, и те, которые были слишком молодыми и неопытными, чтобы решиться не участвовать в происходящем, и которые, кроме того, не имели ни малейшего понятия, в чем они, собственно, участвуют, а уж тем более, зачем они это делают. Лошади становились на дыбы и грызли удила, полицейские нервно ощупывали кобуры пистолетов и размахивали дубинками. Маленькая девочка несла плакат «Исполни свой долг! Собери побольше полицейских!» Трое патрульных, каждый весом восемьдесят пять килограммов, набросились на нее, разорвали плакат и затащили ее в автомобиль, где выкрутили ей руки и лапали ее за груди. В этот день ей как раз исполнилось тринадцать лет, и груди у нее еще не успели развиваться.

Всего задержали больше пятидесяти человек. Многие

были ранены, в крови. Некоторые оказались так называемыми важными персонами, и можно было ожидать, что они напишут об этом в газетах или станут болтать по радио и телевидению. Дежурные офицеры полицейского участка с трепетом смотрели на этих важных персон, заискивающе улыбаясь им и с извинительными поклонами провожали до дверей. Всем остальным предстоял не слишком приятный допрос. Дело было в том, что одного из конных полицейских ударили по голове бутылкой, а ведь ее кто-то должен был бросить.

Операцией руководил офицер полиции в высоком чине, с военным образованием. Его считали экспертом в делах по поддержанию порядка, и он удовлетворенно наблюдал весь тот беспорядок, который ему удалось создать.

В квартире возле станции метро Шермарбринк Колльберг сложил фигуры и пешки в коробку и закрыл крышку.

— Ты никогда не научишься играть, — укоризненно сказал он.

— Наверное, это требует особых способностей, — угрюмо произнес Мартин Бек. — Для этого нужно иметь смекалку.

Колльберг сменил тему.

— Наверное, сейчас порядочная заварушка на Странд-веген, — заметил он.

— Наверное. А в чем, собственно, там дело?

— Они хотят вручить письмо послу, — ответил Колльберг. — Письмо, всего-то делов. И почему бы им не послать его по почте?

— В таком случае оно не привлечет к себе внимания.

— Конечно, но все равно получилось глупо, так что даже стыдно.

– Да, – согласился Мартин Бек.

Он надел плащ и шляпу и собрался уйти. Колльберг тоже поднялся.

– Я выйду с тобой, – сказал он.

– А что ты собираешься делать на улице?

– Да так, поброжу немного.

– В такую погоду?

– Я люблю дождь, – ответил Колльберг, застегивая просторный синий плащ из поплина.

– Тебе, наверное, мало того, что я уже простужен, – сказал Мартин Бек.

Мартин Бек и Колльберг были полицейскими. Они работали в отделе расследования убийств. Сейчас они временно ничем особенным не занимались и со спокойной совестью могли считать себя свободными от выполнения служебных обязанностей.

В городе на улицах полицейских не было видно. Пожилая женщина возле Главного вокзала напрасно ожидала, что к ней подойдет патрульный и, с улыбкой отдав честь, поможет ей перейти на противоположную сторону. Субъект, который в этот момент разбил витрину в торговом центре, мог не опасаться, что вой сирены полицейского патрульного автомобиля помешает продолжить начатое им дело.

Полиция была занята.

Неделю назад начальник полиции официально заявил, что полиция не будет способна выполнять многие рутинные обязанности, так как должна защищать американского посла от писем и выступлений людей, которым не нравятся Линдон Джонсон и война во Вьетнаме.

Леннарт Колльберг не испытывал симпатии к Линдону Джонсону, и война во Вьетнаме ему не нравилась, зато он любил бродить по городу в дождливую погоду.

В одиннадцать часов вечера дождь продолжал идти, а демонстрацию можно было считать законченной.

В тот вечер и именно в это время в Стокгольме было совершено восемь убийств и одна попытка убийства.

II

«Дождь, — меланхолически думал он, глядя в окно. — Ноябрьская темень и холодный ливень. Предвестники приближающейся зимы. Вскоре выпадет снег».

В эту пору в городе ничто не радовало глаз, а уж об этой улице и говорить нечего: одни голые деревья и старые кирпичные дома. Уже когда улицу начали застраивать, выяснилось, что ее неправильно проложили. Она никуда не ведет и никогда никуда не вела и существует лишь как грустное напоминание о начатом когда-то с большим размахом и не доведенном до конца плане расширения города. Здесь нет освещенных витрин и людей на тротуарах. Только большие голые деревья и фонари, холодный белый свет которых отражается в лужах и поблескивающих от дождя крышах автомобилей.

Он так долго бродил под дождем, что волосы и штанины брюк у него совершенно промокли. Ледяная, пронизывающая влага стекала по бедрам, затылку, шее, он чувствовал ее даже между лопатками.

Он застегнул верхние пуговицы плаща, засунул руку в карман и потрогал рукоятку пистолета. Она тоже была холодная и влажная.

При этом прикосновении мужчина в синем поплиновом плаще невольно вздрогнул и попытался думать о чем-нибудь другом. Например, о перголе¹⁶ отеля в Андрайче¹⁷, где пять месяцев назад он проводил отпуск. О давящей, неподвижной жаре, о слепящем блеске солнца над побережьем и рыбацкими лодками, о голубизне неба над горным хребтом на противоположной стороне залива.

Потом он подумал, что в это время года там, вероятно, тоже идут дожди, а в домах там нет центрального отопления, а только камины.

Он заметил, что находится уже на другой улице и вскоре ему снова придется выйти под дождь.

Он услышал, как вслед за ним кто-то идет по лесенке, и знал, что это человек, который сел возле универмага на Клараберггатан двенадцатью остановками раньше.

«Дождь, – подумал он. – Не люблю дождь, даже ненавижу. Интересно, когда меня вызовут. И вообще, что я, собственно, здесь делаю, почему я не дома и не лежу с...».

Это была его последняя мысль.

Автобус был двухэтажный, кремово-красного цвета, с серой лакированной крышей. Это был английский «Лейланд-Атлантиан», сконструированный специально для введенного в Швеции несколько месяцев назад правостороннего уличного движения. В тот вечер он курсировал по маршруту № 47 в Стокгольме, от Белмансро в Юргордене до Карлбергсвеген и обратно. Сейчас автобус свернул на

¹⁶ *Пергола* (итал. pergola) – увитая зеленью беседка или коридор из трельяжей (легких решеток) на столбах или арках.

¹⁷ Городок на острове Мальорка.

северо-запад и приближался к остановке на Норра-Сташенсгатан, которая находится на расстоянии всего лишь нескольких метров от границы между Стокгольмом и Сольной.

Сольна – это пригород Стокгольма, который является совершенно независимой административной единицей, хотя граница между ними существует только как линия, проведенная на плане Большого Стокгольма.

Красный автобус был большой: одиннадцать метров в длину и почти четыре с половиной метра в высоту. К тому же весил он более пятнадцати тонн. Фары у него были включены, он казался теплым и уютным, когда с запотевшими окнами катился между рядами голых деревьев по пустынной Карлбергсвеген. Потом автобус повернул направо на Норбакагатан и шум мотора стал приглушенным на длинном пологом спуске к Норра-Сташенсгатан. Дождь барабанил по крыше и окнам, из-под колес фонтанами брызгала вода. Автобус медленно и неотвратно катился вниз.

Конец уклона был также концом улицы. Автобус должен повернуть под углом примерно тридцать градусов на Норра-Сташенсгатан, а оттуда оставалось уже только триста метров до конечной остановки.

Единственным человеком, который в этот момент наблюдал за автобусом, был мужчина, стоящий у стены дома на Норбакагатан, метров на сто пятьдесят выше. Мужчина был вором и собирался разбить витрину. Он наблюдал за автобусом и ждал, когда тот проедет мимо, потому что хотел действовать наверняка.

Он заметил, что автобус притормозил на перекрестке и

начал поворачивать влево, мигая указателем поворота. Потом автобус исчез из его поля зрения. Дождь барабанил оглушительно. Мужчина поднял руку и разбил витрину.

Он не видел, что автобус не закончил поворот.

Совершая поворот, красный двухэтажный автобус словно на секундочку приостановился. Потом он покатился поперек улицы, въехал на тротуар и протаранил забор из металлической сетки, отделяющий Норра-Сташенсгатан от территории товарной станции.

Здесь он остановился.

Мотор заглох, однако фары и освещение в салоне не погасли.

Запотевшие окна по-прежнему светились в темноте и холоде, а сам автобус казался таким же уютным, как и раньше.

А дождь все барабанил и барабанил по крыше.

Это произошло в Стокгольме вечером тринадцатого ноября 1967 года. Было три минуты двенадцатого.

III

В патрульном автомобиле из Сольны сидели двое полицейских: Кристианссон и Квант.

За время своей однообразной карьеры они задержали сотни пьяниц и воришек, а однажды, возможно, спасли жизнь шестилетней девочке, схватив опасного сексуального маньяка-убийцу, когда он собирался на нее напасть. Это произошло пять месяцев назад, причем совершенно случайно, что, конечно же, вовсе не уменьшало ценности этого поступка, со временем постепенно превратившегося

в подвиг, в лучах которого они еще долго намеревались греться.

В тот вечер, однако, ничего особенного не произошло, разве что они выпили по бокалу пива, хотя об этом, как противоречащем инструкции, лучше не упоминать.

Примерно в половине одиннадцатого им передали вызов по рации, и они поехали по указанному адресу на Капелгатан в Хювюдсте, где кто-то у входа в собственный дом наткнулся на человека, не подающего признаков жизни. Через три минуты они уже были на месте.

У входа в дом действительно лежал человек мужского пола в обтрепанных черных брюках, поношенных ботинках и потертом грязном плаще. Внутри, на освещенной лестничной клетке стояла пожилая дама в шлепанцах и халате. Очевидно, это она позвонила в полицию. Она начала подавать им какие-то знаки через стекло, потом приоткрыла дверь, высунула руку в щель и показала на неподвижную фигуру.

– Ага, ну и что тут происходит? – спросил Кристианссон.

Квант наклонился и фыркнул.

– Не подающий признаков жизни, – с отвращением сказал он. – Бери его, Калле.

– Подожди, – сказал Кристианссон.

– Зачем?

– Вы знаете этого человека, фру? – вежливо спросил Кристианссон.

– Да, по крайней мере, мне так кажется.

– Где он живет?

Женщина показала на дверь в глубине, на расстоянии трех метров.

– Там, – сказала она. – Он заснул, когда пытался открыть дверь.

– Да, у него в руке ключи, – почесав затылок, сказал Кристианссон. – Он живет один?

– А кто бы хотел жить с таким оборванцем? – ответила женщина.

– Что ты собираешься делать? – с подозрением глядя на Кристианссона, поинтересовался Квант.

Кристианссон не ответил. Он наклонился и вынул ключи из руки спящего. Потом поставил пьяницу на ноги с ловкостью, свидетельствующей о многолетней практике, открыл коленом дверь и поволок правонарушителя в квартиру. Женщина слегка посторонилась, Квант остался на ступеньках у входа. Оба наблюдали эту сцену с явным неодобрением.

Кристианссон открыл замок, включил свет и стащил с пьяного мокрый плащ. Пьяница зашатался, рухнул на кровать и сказал:

– Благодарю вас, фрёкен.

Потом он повернулся на бок и уснул. Кристианссон положил ключи на плетеный столик у кровати, погасил свет, закрыл дверь и вернулся к автомобилю.

– Спокойной ночи, фру, – сказал он.

Женщина посмотрела на него, поджав губы, потом пожала плечами и ушла.

Кристианссон поступил так не из любви к ближнему, а только потому, что был ленив.

Никто не знал об этом лучше, чем Квант. Когда они еще служили в Мальмё и были обыкновенными пешими патрульными, Кристианссон частенько переводил пьяных

через улицу и даже через мост на территорию другого участка, чтобы избавиться от них.

Квант сидел за рулем. Он включил зажигание и сказал с кислым видом:

– Сив всегда говорит, что я ленивый. Ей нужно увидеть тебя.

Сив была женой Кванта, а кроме того, любимой и почти единственной темой его разговоров.

– Зачем причинять человеку лишние неприятности, – философски заметил Кристианссон.

Кристианссон и Квант были похожи друг на друга. Оба имели рост один метр и восемьдесят шесть сантиметров, светлые волосы, голубые глаза и широкие плечи. Однако характеры и взгляды на многие вещи у них были разные. Например, как сейчас.

Квант был непримиримым. Он никогда не шел на уступки, когда обнаруживал правонарушения, однако проявлял удивительную ловкость, чтобы обнаруживать их как можно меньше.

Угрюмо молча, он медленно ехал из Хювюдсты мимо полицейской школы, квартала одноэтажных жилых домов, железнодорожного музея, бактериологической лаборатории, пересек район, где располагались высшие учебные заведения, и наконец выехал на Томтебодавеген рядом со зданием управления железной дороги.

Это была мастерски проложенная трасса, проходившая через почти безлюдную территорию. По пути они не встретили ни одного автомобиля и видели только двух живых существ: кошку и потом еще раз кошку.

Выехав наконец на Томтебодавеген, Квант остановился

так, что радиатор автомобиля оказался в метре от границы Стокгольма, выключил передачу и принялся размышлять, по какому маршруту лучше всего продолжить объезд территории.

«Интересно, хватит ли у тебя нахальства вернуться той же дорогой», – подумал Кристианссон, а вслух сказал:

– Можешь одолжить мне десять крон?

Квант кивнул, вынул бумажник из внутреннего кармана и, не глядя на коллегу, протянул ему банкнот. Одновременно он принял решение. Если он пересечет границу города и проедет по Норра-Сташенсгатан пятьсот метров в северо-восточном направлении, они только две минуты будут находиться в пределах Стокгольма. Потом они смогут повернуть на Евгениавеген, проехать по территории больницы, через Хага-парк и мимо кладбища, а там уже рядом полицейский участок. При этом объезд будет закончен, а шансы напороться на что-нибудь окажутся минимальными.

Автомобиль въехал на территорию Стокгольма и свернул влево на Норра-Сташенсгатан.

Кристианссон сунул десятку в карман и зевнул. Потом, щуря глаза, всмотрелся в дождь и сказал:

– Там бежит каналья какая-то.

Кристианссон и Квант были родом из Сcone и иногда путали порядок слов в предложении.

– У него есть собака, – заметил Кристианссон, – и он нам машет.

– Это не мой участок, – сказал Квант.

Человек с собакой, крошечным песиком, которого он буквально тащил за собой через лужи, выскочил на проезжую часть и преградил путь автомобилю.

– Черт бы его подрал, – пробормотал Квант и затормозил.

Он опустил боковое стекло и закричал:

– С чего это вы вздумали выскакивать на проезжую часть, да к тому же так неожиданно!

– Там... там стоит автобус, – сказал человек, с трудом переводя дыхание, и показал в глубь улицы.

– Ну и что?! – почти завизжал Квант. – Как вы можете так обращаться с собачкой! Бедное животное!

– Там... там произошло несчастье.

– Ну ладно, поглядим, – нетерпеливо сказал Квант. – Прошу посторониться. – Он двинулся с места. – Кроме того, прошу в следующий раз так себя не вести! – крикнул он через плечо.

Кристианссон выглянул в окно.

– Да, – сердито сказал он. – Автобус выехал на тротуар. Двухэтажный.

– Свет горит, – объявил Квант. – Передняя дверь открыта. Погляди, что там случилось.

Он остановился позади автобуса. Кристианссон открыл дверцу, машинально поправил портупею и сказал сам себе:

– Ага, ну и что тут происходит?

Так же, как и Квант, он был в высоких ботинках, кожаной куртке с блестящими пуговицами, с пистолетом и дубинкой на поясе.

Квант остался в автомобиле и наблюдал, как Кристианссон флегматично направляется к передней двери автобуса.

Он видел, как Кристианссон ухватился за поручень, неловко встал на ступеньку, чтобы заглянуть внутрь, потом

вдруг отшатнулся и присел, одновременно потянувшись правой рукой к кобуре.

Квант отреагировал быстро. Ему хватило нескольких секунд, чтобы включить прожектор и мигалку.

Кристианссон все еще стоял, согнувшись, у автобуса, когда Квант рывком открыл дверцу и выскочил под дождь. Он уже успел вытащить и снять с предохранителя свой семизарядный «вальтер» калибра 7,65 и даже взглянуть на часы: они показывали тринадцать минут двенадцатого.

IV

Первым, кто прибыл на Норра-Сташенсгатан из управления полиции, был Гюнвальд Ларссон.

Он сидел за своим письменным столом в управлении полиции на Кунгсхольмене и просматривал какой-то рапорт, в котором невозможно было разобраться, причем делал это с отвращением и, наверное, уже в десятый раз. Одновременно он размышлял над тем, когда эти люди уйдут домой.

Понятие «эти люди» охватывало среди прочих начальника полиции, его заместителя, а также множество различных руководителей и комиссаров, которые после благополучно закончившейся демонстрации болтались по лестницам и коридорам. Как только эти персоны решат, что рабочий день удачно завершен, и уберутся, он сделает то же самое, причем как можно быстрее.

Зазвонил телефон. Ларссон скривился и взял трубку.

– Ларссон слушает.

– Это центральная диспетчерская. Патрульный авто-

мобиль из Сольны обнаружил на Норра-Сташенсгатан автобус, в котором полно трупов.

Гюнвальд Ларссон взглянул на электрические настенные часы, которые показывали восемнадцать минут двенадцатого, и сказал:

– Каким образом патрульный автомобиль из Сольны мог обнаружить автобус, полный трупов, в Стокгольме?

Гюнвальд Ларссон был ассистентом полиции. Из-за несносного характера в управлении его недолюбливали. Действовал он, однако, быстро и решительно и первым явился на место происшествия.

Он остановил машину, поднял воротник плаща и вышел под дождь. Красный двухэтажный автобус стоял поперек тротуара, пробив забор из стальной сетки. Передняя часть автобуса была смята. Кроме него, Гюнвальд Ларссон увидел черный «плимут» с белой полосой и надписью «Полиция» на дверцах. Стояночные огни у него были включены, а в конусе света, который давал прожектор, стояли два полицейских в униформе с пистолетами в руках. Оба казались неестественно бледными. Одного из них стошнило прямо на кожаную куртку, и он сконфуженно вытирал ее мокрым платком.

– Что здесь произошло? – спросил Гюнвальд Ларссон.

– Там... там внутри много трупов, – ответил один из полицейских.

– Да, – добавил другой. – Вот именно. И много отстрелянных гильз.

– Один из людей еще подает признаки жизни.

– Там есть один полицейский.

– Полицейский? – спросил Гюнвальд Ларссон.

– Да. Из уголовного розыска.

– Мы его знаем. Он служит в Вестберге. В отделе расследования убийств.

– Мы только не знаем, как его зовут. На нем синий плащ, он мертв.

Оба говорили неуверенно, тихо, перебивая друг друга.

Вряд ли их можно было назвать низкорослыми, однако рядом с Гюнвальдом Ларссоном они выглядели не слишком представительно.

У Гюнвальда Ларссона был рост один метр и девяносто два сантиметра, а весил он девяносто девять килограммов. У него были плечи боксера-профессионала тяжелого веса и огромные волосатые руки. Зачесанные назад светлые волосы уже успели промокнуть.

Сквозь шум дождя донесся вой нескольких сирен. Они приближались с разных сторон. Прислушиваясь к ним, Гюнвальд Ларссон сказал:

– Разве это Сольна?

– Мы находимся точно на границе, – хитро парировал Квант.

Гюнвальд Ларссон перевел лишенный всякого выражения взгляд своих голубых глаз с Кванта на Кристианссона. Потом быстрым шагом направился к автобусу.

– Там вид, как... как на бойне, – сказал Кристианссон.

Гюнвальд Ларссон даже не прикоснулся к автобусу. Он заглянул в открытую дверь и огляделся.

– Действительно, – сказал он. – Выглядит именно так.

Мартин Бек остановился на пороге своей квартиры в Багармуссене. Он снял плащ и шляпу, стряхнул с них воду на лестницу, повесил и только потом закрыл дверь.

В прихожей было темно, но ему не хотелось включать лампу. Из-под двери в комнату дочери пробивалась узкая полоска света, оттуда доносились звуки радио или проигрывателя. Он постучал и вошел.

Дочь звали Ингрид, ей было шестнадцать лет. В последнее время она заметно созрела и с каждым разом общаться с ней становилось легче. Она была спокойная, рациональная и умная; он любил с ней разговаривать. Она училась в последнем классе средней школы и с учебой справлялась успешно, хотя и не принадлежала к категории, которую в его времена называли зубрилами.

Сейчас она читала, лежа в кровати. Проигрыватель, стоящий на столике у кровати, был включен. Она слушала не поп-музыку, а какую-то классику; ему показалось, что это Бетховен.

— Как дела? — сказал он. — Ты еще не спишь?

Он осекся, сообразив, насколько бессмысленно то, что он сказал, и подумал о том, какие банальности слышали эти стены за последние десять лет.

Ингрид отложила книгу в сторону и выключила проигрыватель.

— Привет, папа. Ты что-то сказал?

Он покачал головой.

— О Боже, ты весь промок. Неужели так льет?

— Как из ведра. Мама и Рольф спят?

– Наверное. Мама загнала Рольфа в постель сразу после обеда. Сказала, что он простужен.

Мартин Бек присел на край кровати.

– Он действительно простужен?

– Мне, во всяком случае, показалось, что он выглядел совершенно здоровым. Но он послушно улегся. Наверное, чтобы не делать на завтра уроки.

– Зато ты прилежная. Что ты учишь?

– Французский. У нас завтра контрольная. Хочешь меня послушать?

– Вряд ли это что-нибудь даст. Французский я знаю плохо. Ну, спи.

Он встал, а дочь послушно скользнула под одеяло. Он заботливо подоткнул одеяло и, уже закрывая за собой дверь, услышал ее шепот:

– Скрести за меня завтра пальцы.

– Хорошо. Спокойной ночи.

Он вошел в темную кухню и несколько минут постоял у окна. Казалось, дождь поутих, однако это впечатление могло быть обманчивым, потому что окно кухни выходило на подветренную сторону. Мартин Бек попытался представить себе, что происходило сегодня во время демонстрации у американского посольства, и как напишут об этом завтра в газетах: назовут ли действия полиции беспомощными и неумелыми или охарактеризуют их как жестокие и провоцирующие. В любом случае без критики не обойтись. Будучи полицейским, он испытывал чувство солидарности по отношению к своим коллегам, и сколько он себя помнил, так было всегда, однако в душе признавал, что часто критика была обоснованной, если, конечно, не

придираться к мелочам. Он вспомнил, что сказала Ингрид однажды вечером несколько недель назад. Многие ее одноклассники активно интересовались политикой, участвовали в митингах и демонстрациях, и большинство из них были решительно плохого мнения о полиции. Она сказала, что, когда была маленькой, гордилась тем, что ее отец служит в полиции, а теперь предпочитает не упоминать об этом. И не потому, что ей стыдно, а просто сразу начинаются споры и от нее ожидают, что она возьмет на себя ответственность за действия всей полиции. Конечно, это глупо, но тут уж ничего не поделаешь.

Мартин Бек вошел в гостиную, остановился у двери в спальню и услышал тихое похрапывание жены. Он осторожно постелил себе на диване, зажег бра и задернул занавески на окнах. Диван он купил недавно и перешел спать в гостиную из общей с женой спальни под тем предлогом, что якобы не хочет ей мешать, когда возвращается домой поздно ночью. Она протестовала, ссылаясь на то, что он часто работает по ночам до самого утра, а потом днем отсыпается, и она не хочет, чтобы он лежал в гостиной и мешал. Он обещал, что в таких случаях будет лежать и мешать в спальне, где она днем редко бывает. Поэтому вот уже целый месяц как он спал в гостиной и прекрасно себя чувствовал.

Жену звали Инга.

Отношения между ними с каждым годом становились все хуже и хуже, и теперь он почувствовал облегчение оттого, что ему не нужно больше спать с ней в одной кровати. Из-за этого чувства облегчения он испытывал иногда угрызения совести, но после шестнадцати лет супружеской

жизни невозможно было разобраться, кто прав, кто виноват, и он уже давно перестал над этим задумываться.

Мартин Бек сдержал приступ кашля, снял мокрые брюки и повесил их на стул возле радиатора. Сидя на краешке дивана и снимая носки, он подумал о том, что ночные прогулки Колльберга под дождем могут объясняться тем, что его супружество тоже начинает превращаться в ненависть и равнодушие.

Так быстро? Колльберг женился всего полтора года назад.

Поэтому Мартин Бек отбросил эту мысль еще до того, как снял первый носок. Леннарт и Гюн, несомненно, счастливы друг с другом. Впрочем, какое ему до этого дело.

Он встал и голый подошел к книжной полке. Долго выбирал и наконец решил взять книгу, написанную старым английским дипломатом сэром Юджином Миллингтоном-Дрейком, в которой повествовалось о «Графе Шпее» и битве у берегов Ла-Платы¹⁸.

Он купил эту книгу в букинистическом магазине еще год назад, но до сих пор у него не было времени ее прочесть. Он забрался в постель, откашлялся, испытывая чувство вины; открыл книгу и обнаружил, что у него нет сигарет. Одним из преимуществ спанья на диване было то, что теперь он мог без всяких осложнений курить в постели.

¹⁸ 13 декабря 1939 г. в заливе Ла-Плата у берегов Уругвая состоялся морской бой между огромным германским броненосцем «Граф Шпее» и английской эскадрой. Поврежденный броненосец едва дошел до Монтевидео. После ремонта без восстановления боевой мощи он 17 декабря вышел на траверз порта Монтевидео и неожиданно взорвался.

Он снова встал, вытащил из кармана плаща намокшую и расплюснутую пачку сигарет «Флорида», аккуратно разложил сигареты на ночном столике, чтобы они просохли, и закурил ту из них, которая показалась ему наиболее пригодной для употребления. Он уже собирался лечь с сигаретой во рту, как вдруг зазвонил телефон.

Телефон у них стоял в прихожей. Еще полгода назад Мартин Бек сделал заказ на установку дополнительной розетки в гостиной, но, принимая во внимание темпы работ телефонной станции, он наверняка должен будет считать себя счастливым, если заказ выполнят хотя бы еще через полгода.

Он быстро подошел к телефону и взял трубку до того, как раздался повторный звонок.

– Бек слушает.

– Комиссар Бек?

Он не мог узнать голос в трубке.

– Да.

– Это центральный пульт связи. В автобусе маршрута № 47 недалеко от конечной остановки на Норра-Сташенсгатам обнаружено много застреленных пассажиров. Вас просят немедленно отправиться туда.

В первый момент Мартин Бек подумал, что это чей-то глупый розыгрыш или кто-то пытается выманить его под дождь, просто так, ради шутки.

– Кто сообщил об этом? – спросил он.

– Хансон из пятого участка. Хаммара уже проинформировали.

– Сколько убитых?

– Точно еще не известно. По крайней мере, шесть.

– Кого-нибудь задержали?

– Нет, насколько мне известно.

«Колльберга я захвачу по пути, – подумал Мартин Бек. – Надеюсь, такси заказать удастся». Вслух же он сказал:

– Хорошо, я сейчас приеду.

– Герр комиссар...

– Да?

– Один из мертвых... наверное, это кто-то из ваших людей.

Мартин Бек крепко сжал трубку.

– Кто?

– Не знаю. Мне не сказали фамилию.

Мартин Бек положил трубку и прислонился к стене.

Леннарт. Наверняка это он. И зачем он только вышел в такой дождь? Что ему понадобилось в автобусе № 47? Нет, наверное, все-таки это не Колльберг.

Он поднял трубку и набрал номер Колльберга. Зуммер. Второй. Третий. Четвертый. Пятый.

– Колльберг.

Сонный голос Гюн. Мартин Бек пытался говорить спокойным, естественным тоном:

– Привет. Там рядом с тобой есть Леннарт?

Ему показалось, что он слышит скрип кровати: очевидно, Гюн села. Прошла вечность, прежде чем она ответила.

– Нет, во всяком случае в постели его нет. Я думала, он у тебя. Хотя ведь ты сегодня был у нас.

– Он вышел вместе со мной на прогулку. Ты уверена, что его нет дома?

– Может, он в кухне. Подожди, я посмотрю.

Снова целая вечность, прежде чем она вернулась.

– Нет, Мартин, его нет дома.

Теперь голос у нее был встревоженным.

– Как ты думаешь, куда он пропал? В такую погоду?

– Он вышел, чтобы подышать свежим воздухом. Не волнуйся.

Очевидно, это ее успокоило.

– В конце концов, это дело не срочное. Спокойной ночи.

Он положил трубку и внезапно почувствовал холодную дрожь. Он снова поднял трубку и, держа ее в руке, начал размышлять, кому бы позвонить, чтобы точно узнать, что произошло. Потом решил, что будет лучше, если он сам как можно быстрее приедет на место. Он набрал номер ближайшей стоянки такси, и ему сразу же ответили.

Мартин Бек служил в полиции двадцать лет. За это время многие его коллеги погибли при исполнении служебных обязанностей, и каждый раз, когда такое случилось, он был потрясен. Он чувствовал, что служба в полиции становится все более и более опасной и что в следующий раз может прийти его очередь. Однако к Колльбергу он относился не просто как к коллеге. Они полностью доверяли друг другу. Им прекрасно работалось вместе, и они давно научились понимать друг друга без слов. Когда Колльберг женился полтора года назад и переехал к Шермарбринк, они сблизились, если можно так выразиться, географически и стали вместе проводить время после службы.

Совсем недавно в один из редких моментов депрессии Колльберг сказал:

– Черт его знает, остался бы я вообще в полиции, если бы здесь не было тебя.

Мартин Бек думал об этом, надевая мокрый плащ и спускаясь бегом по лестнице к такси, которое уже ожидало его возле дома.

VI

Несмотря на дождь и позднее время, за барьером на Карлбергсвеген собралось много народу. Люди с любопытством смотрели, как Мартин Бек выходит из такси. Молодой патрульный в черной непромокаемой накидке сделал резкое движение, словно хотел преградить путь Мартину Беку, однако другой полицейский придержал его за руку и одновременно отдал честь.

Невысокий мужчина в светлой куртке и кепке подошел к Мартину Беку и сказал:

– Примите мои соболезнования, герр комиссар. Я только что узнал, что один из ваших...

Мартин Бек смерил его взглядом, от которого остаток фразы застрял у того в горле.

Он слишком хорошо знал человека в кепке и был о нем отвратительного мнения. Это был независимый журналист, который представлялся всем репортером уголовной хроники. Он специализировался на репортажах о самых сенсационных и жестоких убийствах, в которых все перевирал и которые публиковали только самые низкопробные издания.

Репортер отступил в сторону, а Мартин Бек пролез под натянутыми веревками. Он увидел, что такой же барьер имеется и дальше, со стороны Торсплан. На огороженной

территории стояло несколько черно-белых автомобилей и было множество фигур в блестящих дождевиках. Земля вокруг двухэтажного красного автобуса размокла, под ногами хлюпало.

В автобусе горел свет, фары были включены, однако они почти не пробивали плотную завесу дождя. Рядом с автобусом стоял автомобиль, в котором приехали эксперты-криминалисты. Автомобиль судебного врача тоже уже был на месте. За разорванной стальной сеткой несколько человек устанавливали прожектор. Все эти особенности указывали на то, что здесь произошло нечто, намного более серьезное, чем обычное дорожно-транспортное происшествие.

Мартин Бек посмотрел в направлении мрачных жилых домов на противоположной стороне улицы. Он увидел освещенные прямоугольники окон и во многих из них фигуры, лица которых, прижатые к стеклам, были похожи на неясные белые пятна. Какая-то женщина в резиновых сапогах на босу ногу и дождевике, брошенном на ночную рубашку, выбежала из парадного чуть наискосок от места происшествия. На середине улицы ее остановил полицейский, он взял ее за руку и отвел назад, к парадному. Полицейский шел широким шагом, и ей пришлось почти бежать, мокрая белая рубашка обвивалась у нее вокруг ног.

Мартин Бек не мог видеть двери автобуса, но в салоне за окнами двигались какие-то фигуры, и он понял, что криминалисты уже приступили к работе. Своих коллег из отдела расследования убийств и людей из криминальной полиции он также нигде не видел, но догадывался, что они находятся с другой стороны автобуса.

Он невольно замедлил шаг при мысли о том, что увидит через минуту, и сжал кулаки в карманах. По пути ему пришлось обойти фургон института судебной экспертизы.

В свете, падающем из средней двери автобуса, стоял Хаммар, бессменный начальник Мартина Бека в течение многих лет, и разговаривал с кем-то, очевидно, находящемся в автобусе. Он прервал разговор на полуслове и обратился к Мартину Беку:

– Ага, вот и ты. А я уж думал, что тебе забыли позвонить.

Мартин Бек ничего не ответил, он подошел к двери и заглянул внутрь.

У него спазматически свело желудок. Это было хуже, чем он ожидал.

Холодный яркий свет позволял отчетливо увидеть каждую деталь. Казалось, весь автобус заполнен окровавленными мертвыми телами, которые находились в самых неожиданных позах.

Охотнее всего Мартин Бек предпочел бы отвернуться и не смотреть на них, однако эти чувства никак не отразились на выражении его лица. Он даже заставил себя зафиксировать все детали. Люди из института судебной экспертизы работали спокойно и методично. Один из них посмотрел на Мартина Бека и медленно покачал головой.

Мартин Бек переводил взгляд с одного трупа на другой. Он никого из них не узнавал. По крайней мере, в их теперешнем состоянии.

– А он наверху? – внезапно спросил Мартин Бек. – Он...

Он посмотрел на Хаммара и осекся. За спиной у Хам-

мара вынырнул из темноты Колльберг. Он был с непокрытой головой, волосы у него прилипли ко лбу.

Мартин Бек уставился на него широко раскрытыми глазами.

– Привет, – сказал Колльберг. – А я уж начал подумывать, куда это ты пропал, и собирался попросить кого-нибудь, чтобы тебе снова позвонили.

Он остановился перед Мартином Беком и испытующе посмотрел на него.

– Тебе не мешает выпить чашечку кофе. Я принесу.

Мартин Бек покачал головой.

– Не надо возражать, – сказал Колльберг и исчез за пеленой дождя.

Мартин Бек проводил его взглядом. Потом перешел к передней двери и заглянул внутрь. Хаммар, тяжело ступая, следовал за ним.

Водитель навалился на руль. Судя по всему, пуля попала ему в голову. Мартин Бек смотрел на то, что раньше было лицом водителя, и, к своему собственному удивлению, не чувствовал тошноты. Он повернулся и взглянул на Хаммара, который с бессмысленным видом глазел на дождь.

– Ты не знаешь, что он тут делал? – почти беззвучно спросил Хаммар. – Именно в этом автобусе?

В этот момент Мартин Бек понял, кого имел в виду сотрудник, который ему звонил.

У окна за лесенкой, ведущей на второй этаж автобуса, сидел Оке Стенстрём, ассистент отдела расследования убийств, один из самых молодых сотрудников Мартина Бека.

Впрочем, слово «сидел» было неточным. Синий поплиновый плащ Стенстрёма был пропитан кровью, а сам он полулежал, упершись правым плечом в спину молодой женщины, скорчившейся на соседнем сиденье.

Он был мертв. Так же как и женщина рядом с ним и шесть остальных человек в автобусе.

В правой руке он держал служебный пистолет.

VII

Дождь шел всю ночь, и хотя по календарю солнце должно было взойти без двадцати восемь, только около девяти ему удалось пробиться сквозь плотные тучи и начался тусклый, туманный день.

Красный двухэтажный автобус стоял поперек тротуара на Норра-Сташенгатан там, где он остановился десять часов назад.

Однако это было единственное, что осталось без изменений. На оцепленной территории в это время находилось человек пятьдесят, а за барьерами толпилось множество любопытных. Большинство из них стояло здесь с полуночи, с интересом наблюдая за полицией, машинами скорой помощи и прочими служебными автомобилями. Это была ночь сирен и сплошного потока автомобилей, которые с воем проносились по блестящим от дождя улицам, на первый взгляд без всякой цели и смысла.

Никто ничего не знал наверняка, однако несколько слов, которые передавали друг другу шепотом, расходились концентрическими кругами среди зрителей, проникали в соседние дома, становились все громче и уже зву-

чали на всю страну. А к утру они вырвались и далеко за ее пределы.

Групповое убийство.

Групповое убийство в Стокгольме.

Групповое убийство в автобусе в Стокгольме.

Об этом уже знали все.

В управлении полиции на Кунгсхольмсгатан знали не-
намного больше. Собственно говоря, не было даже точно
известно, кто именно проводит расследование. Царила
совершеннейшая неразбериха. Телефоны непрерывно
звонили, все время входили и выходили люди, возбуж-
денные и мокрые от пота и дождя, пол был заляпан грязью.

– Кто составляет список убитых? – спросил Мартин
Бек.

– Кажется, Рённ.

Колльберг сказал это, не оборачиваясь. Он прикреплял
лист картона к стене. Лист имел три метра в длину и пол-
метра в ширину, и с ним нелегко было управляться.

– Кто-нибудь может мне помочь? – бросил через плечо
Колльберг.

– Конечно, – спокойно сказал Меландер, поднявшись
из-за стола и вынув изо рта трубку.

Фредрик Меландер был высоким худощавым мужчи-
ной весьма серьезного вида и с характером педанта. Ему
уже исполнилось сорок восемь лет, и он был ассистентом
криминальной полиции. Колльберг работал с ним уже
много лет, он даже не помнил сколько. Меландер, напро-
тив, помнил; он славился тем, что никогда ничего не за-
бывал.

Зазвонили два телефона одновременно.

– Да. Комиссар Бек слушает. Кого? Нет, его здесь нет.

Он положил трубку на место и поднял трубку другого телефона. В это время дверь открылась и на пороге в нерешительности остановился седой человек лет пятидесяти.

– Что у тебя, Эк? – спросил Мартин Бек.

– Я по делу об автобусе, – ответил седоволосый.

– Когда я вернусь домой? Не имею понятия, – сказал Мартин Бек в трубку.

– А, черт! – воскликнул Колльберг, потому что клейкая лента запуталась у него в толстых пальцах.

– Главное – спокойствие, – сказал Меландер.

Мартин Бек снова обратился к стоящему на пороге.

– Да, так что там с автобусом?

Эк закрыл за собой дверь и достал блокнот.

– Автобус изготовлен на заводе «Лейланд» в Англии, – сказал он. – Тип «Атланта», но у нас его называют «Н-35». Семьдесят пять мест для сидения. Особенность состоит в том, что...

Дверь открылась. Гюнвальд Ларссон с недоверчивым видом заглянул в набитую битком комнату, которая была его рабочим кабинетом. Его светлый плащ промок насквозь, так же как и брюки, и русые волосы. Ботинки были облеплены грязью.

– Ну и вид здесь, – с неудовольствием сказал он.

– Ну, так что за особенность у того автобуса? – спросил Меландер.

– Особенность состоит в том, что автобусы этого типа не используют на маршруте № 47.

– Не используют?

– Да, обычно не используют. По этому маршруту ездят

немецкие автобусы марки «Бюссинг». Они тоже двухэтажные. А этот автобус оказался здесь случайно.

– Замечательная улика, – заметил Гюнвальд Ларссон. – Сумасшедший, который это сделал, имеет привычку убивать людей только в английских автобусах. Ты это имел в виду?

Эк с неодобрением посмотрел на него. Гюнвальд Ларссон стряхнул с себя воду и поинтересовался:

– Кстати, а что это за стадо обезьян у нас в вестибюле?

– Журналисты, – сказал Эк. – Надо, чтобы кто-нибудь поговорил с ними.

– Только не я, – мгновенно отреагировал Колльберг.

– А почему не делает официального сообщения Хаммар или начальник полиции, или министр внутренних дел, или еще какая-нибудь важная персона? – спросил Гюнвальд Ларссон.

– Наверное, его еще не сформулировали, – ответил Мартин Бек. – Эк прав. Кто-нибудь должен с ними поговорить.

– Только не я, – повторил Колльберг. Потом он повернулся с таким видом, словно его осенило. – Ты, Гюнвальд, приехал туда первым, – произнес он. – Мог бы провести пресс-конференцию.

Гюнвальд Ларссон огляделся по сторонам и огромной волосатой рукой убрал со лба мокрую прядь волос. Мартин Бек ничего не сказал и даже не взглянул в направлении двери.

– Ладно, – сказал Ларссон. – Надо подумать, где можно разместиться. Поговорить с ними нужно. Но до этого я бы хотел кое-что узнать.

– Что именно? – спросил Мартин Бек.

– Кто-нибудь сообщил об этом матери Стенстрёма?

В кабинете воцарилась мертвая тишина, словно эти слова оглушили всех присутствующих, включая того, кто это сказал. Стоя на пороге, Гюнвальд Ларссон медленно окинул всех взглядом.

После длинной паузы Меландер повернулся к нему и сказал:

– Да. Ей сообщили.

– Хорошо, – сказал Гюнвальд Ларссон и закрыл за собой дверь.

– Хорошо, – словно разговаривая сам с собой, заключил Мартин Бек и забарабанил костяшками пальцев по столешнице.

– Разве это разумно? – спросил Колльберг.

– Что?

– Разрешить Гюнвальду... Не кажется ли тебе, что нас и без этого достаточно обливают грязью в прессе?

Мартин Бек смотрел на него и ничего не отвечал. Колльберг пожал плечами.

– Ну ладно, – произнес он. – Это не имеет особого значения.

Меландер вернулся к своему письменному столу, взял трубку и закурил.

– В самом деле, – согласился он. – Это не имеет особого значения.

Они с Колльбергом уже повесили планшет. На нем были схема первого этажа автобуса и несколько фигур, пронумерованных цифрами от одного до девяти.

– Куда подевался Рённ со списком? – пробормотал Бек.

– У меня есть кое-что еще по делу об автобусе, – упрямо сказал Эк.

Зазвонил телефон.

VIII

Кабинет, в котором проводили первую импровизированную пресс-конференцию, явно не подходил для этой цели. Здесь были только стол, два шкафа и четыре стула. К тому времени, когда туда вошел Гюнвальд Ларссон, воздух уже был тяжелым от дыма и влаги, испаряющейся с мокрых плащей.

Гюнвальд Ларссон остановился в дверях, окинул взглядом собравшихся журналистов и фоторепортеров и тихо сказал:

– Ну? Что же вы хотите знать?

Все начали говорить одновременно, перебивая друг друга. Гюнвальд Ларссон поднял руку и предупредил:

– Прошу говорить по очереди. Начинаем с левого угла и идем слева направо.

Пресс-конференция проходила следующим образом.

Вопрос: Когда обнаружили автобус?

Ответ: Вчера вечером, приблизительно в десять минут двенадцатого.

В.: Кто его обнаружил?

О.: Один гражданин, который, в свою очередь, сообщил об этом патрульным.

В.: Сколько человек находилось в автобусе?

О.: Восемь.

В.: Они все мертвы?

О.: Да.

В.: Каким способом этих людей лишили жизни?

О.: Об этом еще рано говорить.

В.: Явилась ли причиной их смерти какая-то внешняя сила?

О.: Возможно.

В.: Что вы понимаете под словом «возможно»?

О.: Только то, что я сказал.

В.: Имеются ли какие-нибудь следы, указывающие на то, что там стреляли?

О.: Да.

В.: Значит, всех этих людей застрелили?

О.: Возможно.

В.: Значит, в самом деле имело место групповое убийство?

О.: Да.

В.: Вы обнаружили оружие преступления?

О.: Нет.

В.: Кого-нибудь арестовали?

О.: Нет.

В.: Имеются ли какие-нибудь улики, указывающие на определенное лицо?

О.: Нет.

В.: Убийства были совершены одним человеком?

О.: Неизвестно.

В.: Человек, который стрелял, находился в автобусе или выстрелы были произведены снаружи?

О.: Они не были произведены снаружи.

В.: Откуда это известно?

О.: Оконные стекла разбиты выстрелами изнутри.

В.: Каким оружием воспользовался убийца?

О.: Неизвестно.

В.: Возможно, это был пулемет или, по меньшей мере, автомат, не так ли?

О.: Неизвестно.

В.: Автобус стоял, когда произошло убийство, или же двигался?

О.: Неизвестно.

В.: Не указывает ли положение, в котором обнаружили автобус, что стрельба имела место во время движения и только потом автобус въехал на тротуар?

О.: Да.

В.: Удалось ли взять след собакам?

О.: Шел дождь.

В.: Это был двухэтажный автобус?

О.: Да.

В.: Где обнаружили тела, на верхнем или нижнем этаже?

О.: На нижнем.

В.: Все?

О.: Да.

В.: Личности убитых уже установлены?

О.: Нет.

В.: Но хотя бы кого-нибудь уже опознали?

О.: Да.

В.: Кого? Водителя?

О.: Полицейского.

В.: Полицейского? Вы можете назвать его имя?

О.: Да. Это ассистент Оке Стенстрём.

В.: Стенстрём? Из отдела расследования убийств?

О.: Да.

Несколько журналистов попытались протиснуться к двери, но Ларссон снова поднял руку.

– Прошу вас не болтаться туда-сюда. Какие-нибудь вопросы еще есть?

В.: Ассистент Стенстрём был одним из пассажиров автобуса?

О.: В любом случае за рулем сидел не он.

В.: Вы допускаете, что он оказался там случайно?

О.: Неизвестно.

В.: Я обращаюсь с этим вопросом лично к вам. Считаете ли вы случайностью, что один из убитых оказался сотрудником криминальной полиции?

О.: Я пришел сюда не для того, чтобы отвечать на личные вопросы.

В.: Стенстрём выполнял какое-то особое задание, когда это произошло?

О.: Не знаю.

В.: В тот вечер он был на службе?

О.: Нет.

В.: Значит, он был свободен?

О.: Да.

В.: В таком случае он, очевидно, оказался там случайно. Вы можете назвать фамилию еще хотя бы одной жертвы?

О.: Нет.

В.: Это первый в Швеции случай группового убийства. За границей же, напротив, за последние несколько лет произошло много подобных преступлений. Не считаете ли вы, что убийцу могло навести на эту безумную мысль ка-

кое-нибудь сходное преступление, имевшее место, к примеру, в Америке?

О.: Не знаю.

В.: Не считает ли полиция, что убийца может быть сумасшедшим, который хочет прославиться?

О.: Это одна из версий.

В.: Я не получил ответ на свой вопрос. Полиция разрабатывает эту версию?

О.: Все следы и предположения принимаются во внимание.

В.: Сколько женщин среди жертв?

О.: Две.

В.: Значит, шестеро убитых – это мужчины?

О.: Да.

В.: Среди этих шестерых водитель и ассистент Стенстрём?

О.: Да.

В.: Уделите нам еще минутку внимания. Мы получили сообщение, что одна из особ, бывших в автобусе, осталась в живых и ее увезли в машине скорой помощи, которая приехала на место происшествия еще до того, как полиция оцепила территорию.

О.: Вот как?

В.: Это правда?

О.: Следующий вопрос.

В.: Мы слышали, что вы одним из первых прибыли на место происшествия, так?

О.: Да.

В.: Когда вы туда прибыли?

О.: В двадцать пять минут двенадцатого.

В.: Как выглядел автобус внутри?

О.: Что вы имеете в виду?

В.: Можно ли сказать, что это было самое ужасное зрелище, которое вам приходилось когда-либо наблюдать в своей жизни?

Гюнвальд Ларссон бесстрастно посмотрел на того, кто задал этот вопрос: молодой человек в очках с круглыми стеклами в металлической оправе и с довольно растрепанной рыжей бородкой. Наконец он сказал:

– Наверное, можно ответить – нет.

Репортеры несколько оживились. Какая-то журналистка приподняла брови и с некоторым недоверием спросила:

– Как это следует понимать?

– Именно так, как я сказал.

До того как стать полицейским, Гюнвальд Ларссон служил в военно-морском флоте. В августе 1943 года он принимал участие в подъеме затонувшей подлодки «Ульвен», которая три месяца пролежала на дне моря. Среди тридцати трех утонувших было много его знакомых. После войны он участвовал в эвакуации балтийских коллаборационистов из лагеря в Рёнеслетте, а также принимал тысячи узников из немецких концлагерей. Большинство из них были женщины и дети, многие умерли.

Он не считал нужным объяснять все это специфической компании, которая здесь собралась, и поэтому лаконично спросил:

– Есть еще какие-нибудь вопросы?

– Полиции удалось найти кого-либо, кто собственными глазами видел, как произошло преступление?

– Нет.

– Так значит, в центре Стокгольма совершено групповое убийство. Восемь человек умерли, и это все, что полиция может нам сообщить?

– Да.

На этом пресс-конференция закончилась.

IX

Прошла минута, прежде чем все заметили, что пришел Рённо со списком. Мартин Бек, Колльберг, Меландер и Гюнвальд Ларссон склонились над столом, заваленным фотоснимками, сделанными на месте происшествия, когда между ними внезапно протиснулся Рённо и сказал:

– Ну, в общем, список уже готов.

Рённо родился и вырос в Арьеплуге и, несмотря на то, что уже двадцать лет жил в Стокгольме, говорил на норландском диалекте¹⁹. Он положил лист бумаги на стол, сделал шаг назад и сел.

– Не пугай людей, – сказал Колльберг.

В кабинете так долго было тихо, что он вздрогнул при звуке голоса Рённа.

– Ну-ну, поглядим, – нетерпеливо сказал Гюнвальд Ларссон и взял список. С минуту он его разглядывал, потом вернул Рённу. – Впервые вижу такой бисерный почерк. А сам-то ты можешь это прочесть? Надеюсь, ты отдал его напечатать?

– Да. Отдал. Через пару минут получите копии.

¹⁹ *Норланд* – плоскогорье на севере Швеции.

– Ладно, – сказал Колльберг. – В таком случае мы слушаем тебя.

Рённ вынул очки, откашлялся и еще раз просмотрел свои записи.

– Из восьми убитых четверо жили недалеко от конечной остановки; тот, который остался в живых, – тоже.

– Давай по порядку, – сказал Мартин Бек.

– Ну, начнем с водителя. Две пули попали ему в шею и одна в затылок, он умер, вероятнее всего, мгновенно.

Мартину Беку не нужно было смотреть на фотографию, которую Рённ вытащил из кипы снимков, лежащих на столе. Он слишком хорошо помнил, как выглядел мужчина в кабине водителя.

– Водителя звали Густав Бенгтсон. Сорок восемь лет, женат, двое детей, жил на Инедальсгатан, дом № 5. Семье сообщили. Это был его последний рейс в тот день. Высадив пассажиров на конечной остановке, он должен был поставить автобус в парк на Линдхагенсгатан. Касса целая, в бумажнике у него было сто двадцать крон. – Рённ посмотрел поверх очков на остальных. – Это пока все, что о нем известно.

– Дальше, – сказал Меландер.

– Следующий по порядку согласно схеме Оке Стенстрём. Пять выстрелов в спину. Один в правую руку сбоку, возможно, рикошет. Ему было двадцать девять лет, он жил...

Гюнвальд Ларссон перебил Рённа:

– Это можешь опустить, мы знаем, где он жил.

– Я этого не знал, – возразил Рённ.

– Дальше, – сказал Меландер.

Рённ снова откашлялся.

– Он жил на Черховсгатан с невестой...

Гюнвальд Ларссон снова его перебил:

– Они не были обручены. Я недавно спрашивал у него.

Мартин Бек раздраженно посмотрел на Ларссона и кивнул Рённу, чтобы тот продолжал.

– С Осой Турелль, двадцати четырех лет, служащей туристического бюро.

Он взглянул на Ларссона и добавил:

– Они жили в грехе. Не знаю, сообщили ей уже или нет.

Меландер вынул трубку изо рта и сказал:

– Ей сообщили.

Ни один из сидящих за столом мужчин не посмотрел на фотографию, на которой было изображено изрешеченное пулями тело Стенстрёма. Они уже видели его, и одного раза им вполне хватило.

– В правой руке он держал служебный пистолет. Пистолет был снят с предохранителя, но Стенстрём ни разу из него не выстрелил. В кармане у него лежал бумажник, в котором были тридцать семь крон, удостоверение, фотография Осы Турелль, письмо от матери и несколько квитанций. Кроме того, в карманах у него находились водительские права, записная книжка, шариковая ручка и ключик с ключами. Нам все это пришлют, как только эксперты в лаборатории закончат работу. Можно переходить к следующему?

– Давай, – сказал Колльберг.

– Рядом со Стенстрёмом сидела Бритт Даниельсон. Двадцать восемь лет, не замужем, работала в Саббатсберге. Была квалифицированной медсестрой.

– Интересно, были ли они вместе, – сказал Гюнвальд Ларссон. – У него могли быть кое-какие делишки на стороне.

Рённо неодобрительно посмотрел на него.

– Нужно будет проверить, – заметил Колльберг.

– Она снимала квартиру на Карлбергсвеген, 27, вместе с еще одной медсестрой из Саббатсберга. По словам ее сожительницы, которую зовут Моника Гранхольм. Бритт Даниельсон возвращалась из больницы. В нее выстрелили только один раз. Пуля попала в висок. В нее единственную в автобусе выстрелили только один раз. В сумочке у нее обнаружили всякую мелочь, всего тридцать восемь предметов. Перечислить?

– Да на черта это надо, – сказал Гюнвальд Ларссон.

– Под четвертым номером в списке и на схеме значится Альфонс Шверин, тот, который остался в живых. Он лежал навзничь на полу между сидений в задней части автобуса. Вы уже знаете, какие он получил ранения. Выстрел в живот и пуля в области сердца. Вам уже известно, что он одинокий. Адрес: Норра-Сташенсгатан, 117. Ему сорок три года, работает в фирме, занимающейся ремонтом улиц. Кстати, как он?

– По-прежнему без сознания. Врачи говорят, что шансы на то, что он придет в сознание, минимальны. Но даже в этом случае неизвестно, сможет ли он говорить и вспомнит ли что-нибудь.

– Ранение в живот мешает говорить? – спросил Гюнвальд Ларссон.

– Шок, – ответил Мартин Бек.

Он встал со стула и потянулся. Потом закурил и подошел к схеме.

– Ну, а тот, в углу, – сказал он, – номер пять? – Он показал на правый задний угол автобуса. Рённо заглянул в свои записи.

– В него попало восемь пуль. В грудь и живот. Это араб, его зовут Мохаммед Бусси. Гражданин Алжира, тридцать шесть лет, родственников в Швеции нет. Жил в пансионате на Норра-Сташенсгатан. Работал в «Зигзаге», ресторане на Васагатан; вероятнее всего, возвращался оттуда. Пока что больше о нем ничего сказать нельзя.

– Араб, – произнес Гюнвальд Ларссон. – Кажется, это у них имеют привычку по любому поводу поднимать стрельбу?

– Твоя осведомленность в политике нас просто поражает, – сказал Колльберг. – Тебе нужно попросить, чтобы тебя перевели в ОБ.

– Правильное название: отдел безопасности управления полиции, – пояснил Ларссон.

Рённо встал, порылся в кипе фотографии, вытащил оттуда несколько штук и положил их отдельно, одну возле другой.

– Этого парня мы не смогли идентифицировать, – сказал он. – Номер шесть. Он сидел возле средней двери. В него попало шесть пуль. В карманах у него были спички, пачка сигарет, автобусный билет и одна тысяча восемьсот двадцать пять крон в мелких банкнотах. Больше о нем ничего не известно.

– Много денег, – заявил Ларссон.

Склонившись над столом, они рассматривали фотографии неизвестного. Он сполз с сиденья и полулежал на спинке, рука у него свисала, а левая нога была вытянута в

проход. Его плащ спереди был пропитан кровью. Лица у него не было.

– Ах ты черт, – сказал Гюнвальд Ларссон. – Кто же это может быть? Да его бы родная мать не узнала.

Мартин Бек продолжил изучать схему, висящую на стене. Он поднял руку к лицу и сказал:

– Я размышляю над тем, не было ли их двое.

Все уставились на него.

– Кого двое? – спросил Гюнвальд Ларссон.

– Тех, которые стреляли. Обратите внимание, как спокойно все сидят на своих местах, кроме того, который остался жив, но ведь упасть на пол он мог уже позднее.

– Двое сумасшедших сразу? – недоверчиво спросил Гюнвальд Ларссон.

Колльберг подошел к Мартину Беку.

– Ты хочешь сказать, что если бы стрелял один, то кто-нибудь успел бы среагировать? Возможно, ты и прав. Но ведь он их словно косой скосил. Это произошло очень быстро, а если учесть, что их застигли врасплох...

– Может, пойдем дальше по списку? Так или иначе мы скоро узнаем, сколько было орудий убийства, одно или два.

– Да, конечно, – согласился Мартин Бек. – Продолжай, Эйнар.

– Под седьмым номером значится Юхан Кельстрём. Слесарь. Он сидел рядом с тем, которого не смогли идентифицировать. Пятьдесят два года, женат, жил на Карлбергсвеген, 8. По словам его жены, он возвращался из мастерской на Сибюлегатан, работал посменно. Образ жизни вел размеренный, без всяких неожиданностей.

– Если не считать того, что кто-то напихивал ему

живот свинцом, когда он возвращался с работы, – заметил Гюнвальд Ларссон.

– У окна возле средней двери сидел номер восьмой, Гёста Асарсон. Сорок два года. Полголовы у него снесено. Жил на Тегнергатан, 40, где также находится офис торговой фирмы, которой он руководил совместно с братом. Его жена не знает, почему он ехал в этом автобусе. Она сказала, что муж должен был находиться на Нарвавеген, на собрании какого-то общества.

– Ага, – сказал Гюнвальд Ларссон, – решил съездить налево.

– Да, определенные следы указывают на это. В портфеле у него была бутылка виски «Джонни Уокер – Блэк Лейбл».

– Ничего себе, – сказал Колльберг, который был эпилептиком.

– Кроме того, он хорошенько запасся презервативами, – добавил Рёни. – У него их было семь штук во внутреннем кармане. В карманах у него также обнаружили чековую книжку и более восьмисот крон наличными.

– Почему именно семь? – задумался Гюнвальд Ларссон. Дверь открылась, и в кабинет заглянул Эк.

– Хаммар просит, чтобы вы все через пятнадцать минут явились к нему на совещание. Точнее говоря, без четверти одиннадцать.

Он исчез.

– Ладно, поехали дальше, – сказал Мартин Бек. – Так на ком мы остановились?

– На том, у которого было семь презервативов, – напомнил Ларссон.

– Еще что-нибудь можешь о нем сказать? – спросил Мартин Бек.

Рённ заглянул в свой исписанный листок.

– Да вроде бы нет.

– Тогда давай дальше, – сказал Мартин Бек, садясь за письменный стол Гюнвальда Ларссона.

– Впереди Асарсона сидела фру Хилдур Юхансон, номер девятый. Шестьдесят восемь лет, вдова, жила на Норра-Сташенсгата, 119. Выстрел в спину, вторая пуля прошла навывлет через шею. Она возвращалась от своей замужней дочери, проживающей на Вестмангата; туда она поехала, чтобы присмотреть за детьми.

Рённ сложил список вчетверо и положил его в карман.

– Это все, – сказал он.

Гюнвальд Ларссон вздохнул и разложил фотографии на девять аккуратных кучек.

Меландер положил трубку, что-то пробурчал и вышел в туалет.

Кольберг, раскачиваясь на стуле, сказал:

– Ну, и что же из всего этого следует? То, что однажды, в ничем не примечательный вечер в самом обычном автобусе девять самых обыкновенных человек без какой бы то ни было причины были убиты выстрелами из автомата. Не считая того парня, которого не удалось идентифицировать, я не могу заметить ничего необычного в ком-либо из них.

– Я не согласен с тобой, – сказал Мартин Бек. – А Стенстрём? Что он делал в том автобусе?

Никто ему не ответил.

Часом позже этот же вопрос Хаммар задал Мартину Беку.

Хаммар собрал специальную группу, которая с этой минуты должна была заниматься только убийством в автобусе. Группа состояла из семнадцати опытных специалистов криминальной полиции под началом Хаммара. В руководство входили также Мартин Бек и Колльберг.

Они обсудили все известные факты, попытались проанализировать ситуацию и обменялись мнениями. Когда совещание закончилось и все, кроме Мартина Бека и Колльберга, вышли из кабинета, Хаммар спросил:

– Что Стенстрём делал в том автобусе?

– Неизвестно, – ответил Мартин Бек.

– Нисколько я понял, никто не знает даже, чем он занимался в последнее время. Может быть, кому-нибудь из вас это известно?

Колльберг развел руки в стороны и пожал плечами.

– Не имею понятия, – сказал он. – У него был свой план работы, наверное, ничего особенного.

– В последнее время у нас было мало работы, – сказал Мартин Бек. – Он часто брал отгулы, потому что раньше ему приходилось много работать сверхурочно, так что тут все в порядке.

Хаммар забарабанил пальцами по столу. Он несколько секунд о чем-то размышлял, потом сказал:

– Кто сообщил его невесте?

– Меландер, – ответил Колльберг.

– Вам следует как можно быстрее поговорить с ней. Вероятнее всего, она должна была знать, зачем он вышел из дому. – Он замолчал и добавил: – Если, конечно, это... – Он снова замолчал.

– Если что? – спросил Мартин Бек.

– Ты хотел сказать, если конечно, это не связано с той медсестрой из автобуса? – произнес Колльберг.

Хаммар ничего не ответил.

– Или если он не вышел из дому по какому-нибудь другому делу в том же духе, – добавил Колльберг.

Хаммар кивнул.

– Выясните это.

Х

Перед зданием Главного управления полиции на Кунгсхольмене стояли два человека, которые наверняка предпочли бы находиться в каком-нибудь другом месте. Эти два человека были в форменных фуражках, кожаных куртках с блестящими пуговицами, в портупеях, с пистолетами и резиновыми дубинками на поясе. Звали их Кристианссон и Квант.

Элегантно одетая пожилая дама подошла к ним и спросила:

– Извините, вы не скажете, как пройти на Йернегатан?

– Не знаю, – ответил Квант. – Спросите у полицейского. Вон он стоит.

Дама в изумлении уставилась на него.

– Мы тут не совсем у себя, – попытался смягчить впечатление Кристианссон.

Женщина продолжала смотреть им вслед, когда они поднимались по ступенькам к входной двери.

– Как ты думаешь, чего им нужно от нас? – испуганно спросил Кристианссон.

– Конечно, они хотят, чтобы мы дали показания, – сказал Квант. – Ведь это мы сделали то открытие.

– Это правда, – согласился Кристианссон. – В самом деле, так оно и было, но...

– Никаких «но». Заходит в лифт.

На втором этаже они встретили Колльберга. У него был угрюмый вид, и он рассеянно кивнул им. Потом открыл какую-то дверь и сказал:

– Гюнвальд, пришли те двое из Сольны.

– Скажи им, чтобы они подождали, – донесся голос изнутри.

– Подождите, – сказал Колльберг и ушел по своим делам.

После десяти минут ожидания Квант пошевелился и сказал:

– Что они себе позволяют, черт возьми! Ведь у нас сегодня выходной. Я обещал Сив присмотреть за детьми, потому что ей нужно сходить к доктору.

– Да, ты уже это говорил, – буркнул Кристианссон, который прямо на глазах падал духом.

– Она говорит, что у нее какое-то странное ощущение в...

– Да, это ты тоже уже говорил.

– Она снова разозлится, – сказал Квант. – С ней трудно сладить. Она начинает ужасно выглядеть. У твоей Керстин задница тоже так раздалась?

Кристианссон не ответил.

Керстин была его женой, и он не любил говорить о ней. Квант не проявлял понимания в этом деле.

Через пять минут Гюнвальд Ларссон открыл дверь и лаконично пригласил их:

– Входите.

Они вошли и сели. Гюнвальд Ларссон критически оглядел полицейских и сказал:

– Прошу садиться.

– Мы ведь уже сидим, – тупо сказал Кристианссон.

Квант остановил его нетерпеливым жестом. Он уже понял, что впереди их ожидают неприятности.

Гюнвальд Ларссон минуту стоял молча. Наконец он занял место за письменным столом, тяжело вздохнул и спросил:

– Вы давно служите в полиции?

– Восемь лет, – ответил Квант.

Гюнвальд Ларссон взял в руку лист бумаги и принялся его изучать.

– Читать вы умеете? – поинтересовался он.

– Конечно, – ответил Кристианссон, прежде чем Квант успел его придержать.

– В таком случае, прочтите это, – сказал Гюнвальд Ларссон и подвинул лист бумаги в их сторону. – Вы понимаете, что здесь написано, или я должен вам объяснить?

Кристианссон покачал головой.

– Охотно вам объясню, – заверил Гюнвальд Ларссон. – Это рапорт о результатах предварительного осмотра места преступления. Из него следует, что два человека, у которых сорок шестой размер обуви, оставили в том чертовом автобусе около ста отпечатков подошв как наверху, так и внизу. Как по-вашему, кто были эти люди?

Ответа не было.

– Для того, чтобы вам стало понятнее, добавлю, что минуту назад я беседовал с экспертом из лаборатории и он сказал, что место преступления выглядело так, словно там

несколько часов носился табун жеребцов. Эксперт считает абсолютно невероятным, чтобы группа человеческих существ, причем группа, состоящая всего лишь из двух индивидуумов, могла уничтожить почти все следы так основательно и за такой короткий срок.

Квант уже начинал терять терпение. Он с упрямством и злостью смотрел на человека, сидящего за письменным столом.

– Разница лишь в том, что жеребцы и другие животные не бывают вооружены, – спокойно продолжил Гюнвальд Ларссон. – Тем не менее кто-то стрелял в автобусе из «вальтера» калибра 7,65. Точнее говоря, стрелял вверх, с передней лесенки. Пуля скрикошетирила от крыши и застряла в кожаном сиденье одного из мест на первом этаже. Как вам кажется, кто бы это мог стрелять?

– Мы, – сказал Кристианссон. – Вернее, это я стрелял.

– Что вы говорите? В самом деле? И в кого же вы стреляли?

Кристианссон с растерянным видом почесал затылок.

– Ни в кого, – сказал он.

– Это был предупредительный выстрел, – объяснил Квант.

– И кому же он предназначался?

– Мы полагали, что убийца, возможно, еще в автобусе и прячется наверху, – произнес Кристианссон.

– Ну и как, он там был?

– Нет, – ответил Квант.

– А откуда вам это известно? Что вы сделали после этой канонады?

– Поднялись наверх и посмотрели, – объяснил Кристианссон.

– Там никого не было, – дополнил Квант.

Гюнвальд Ларссон примерно полминуты испытующе смотрел на них, потом грохнул кулаком по столу и заорал:

– Поднялись наверх! Оба! Черт бы вас побрал, какая безнадёжная тупость!

– Мы поднялись с противоположных сторон, – попытался оправдаться Квант. – Я сзади, а Калле по передней лесенке.

– Так, чтобы тот, кто был наверху, не смог убежать, – поддержал его Кристианссон.

– Да ведь там никого не было, черт возьми! Вам удалось только одно – уничтожить все следы во всем автобусе! Я уж не говорю о том, что вы наделали снаружи. И зачем вы болтались возле трупов? Чтобы натоптать там еще больше грязи?

– Чтобы проверить, может, кто-то еще был жив, – сказал Кристианссон, при этом он побледнел и громко сглотнул.

– Только не вздумай снова блевать, Калле, – обеспокоено предупредил его Квант.

Дверь открылась, и вошел Мартин Бек. Кристианссон сразу же встал, Квант через несколько секунд последовал его примеру. Мартин Бек кивнул им и вопросительно посмотрел на Ларссона.

– Это ты так кричишь? Думаю, вряд ли стоит ругать этих ребят.

– Ничего подобного, – ответил Гюнвальд Ларссон. – Еще как стоит.

– Почему?

– Потому что эти два идиота... – Он осекся и попытался

подобрать другие слова. – Эти двое наших коллег являются единственными свидетелями. Слышите, что я говорю! В котором часу вы прибыли на место преступления?

– В тринадцать минут двенадцатого. Я проверил время по хронометру.

– Если говорить обо мне, – сказал Гюнвальд Ларссон, – то я сидел на том же месте, что и сейчас. Мне сообщили в восемнадцать минут двенадцатого. Пусть манипуляции с рацией заняли у вас полминуты, а центральному пульта связи понадобилось еще пятнадцать секунд, чтобы позвонить мне. Остается еще более четырех минут. Что вы делали все это время?

– Ну, как бы это сказать... – начал Квант.

– Вы метались, как угорелые, растаптывали кровь и мозговое вещество, передвигали трупы и вовсе не спешили сообщать о случившемся.

– Действительно, вы поступили не совсем верно... – начал Мартин Бек, но Гюнвальд Ларссон сразу же перебил его:

– Подожди, еще не все. Хотя эти четыре минуты они потратили на то, чтобы уничтожить все следы на месте преступления, нужно признать, что прибыли они туда действительно в тринадцать минут двенадцатого. Однако поехали они туда не по собственной инициативе: им сообщил о происшествии человек, который обнаружил автобус. Так это было?

– Да, – ответил Квант.

– Это был мужчина с собакой, – добавил Кристианссон.

– Вот именно! Им сообщил о происшествии человек, фамилии которого они не знают, потому что не позаботи-

лись о том, чтобы спросить, как его зовут, и наверняка мы не смогли бы установить его личность. К счастью, этот человек оказался настолько любезен, что сам явился к нам. В котором часу вы увидели человека с собакой?

— Ну, как бы это сказать... — ответил Квант.

— Приблизительно за две минуты до того, как подъехали к автобусу, — уставившись на свои ботинки, сказал Кристианссон.

— Вот именно! Потому что, по его словам, вы по меньшей мере минуту сидели в машине и тратили время на бесполезную болтовню. О собаках и еще кое о чем. Я прав?

— Ага, — буркнул Кристианссон.

— Когда вам сообщили о происшествии, было приблизительно десять-одиннадцать минут двенадцатого. На каком расстоянии от автобуса остановил вас тот человек?

— На расстоянии около трехсот метров, — ответил Квант.

— Верно, — подтвердил Гюнвальд Ларссон. — А поскольку тому человеку было семьдесят лет и он тащил за собой больную собаку...

— Больную? — удивился Квант.

— Вот именно. У того песика был поврежден позвоночник, и задние лапы почти не двигались.

— Наконец я начинаю понимать, куда ты клонишь, — сказал Мартин Бек.

— Ну да! Я попросил сегодня того старика снова пробежать там. Вместе со псом. Он проделал это трижды, потом пес совсем выбился из сил.

— Это издевательство над животным, — возмущенно сказал Квант.

Мартин Бек с любопытством и изумлением посмотрел на него.

– В любом случае старик с собакой никак не мог пробежать это расстояние быстрее, чем за три минуты. Значит, он должен был заметить неподвижный автобус самое позднее в семь минут двенадцатого, а нам известно наверняка, что бойня была устроена тремя-четырьмя минутами раньше.

– Откуда вам это известно? – одновременно спросили Квант и Кристианссон.

– А вам зачем знать? – отрезал Гюнвальд Ларссон.

– Часы Стенстрёма, – объяснил Мартин Бек. – Одна из пуль пробила ему грудную клетку и застряла в запястье. Она разбила корпус часов «Омега», которые были у него на руке. Экспертиза установила, что часы остановились именно в тот момент. В три минуты и тридцать семь секунд двенадцатого.

Гюнвальд Ларссон неодобрительно посмотрел на Мартина Бека.

– Мы знаем, что Стенстрём был очень аккуратным человеком, – с грустью сказал Мартин Бек. – Что же касается времени, то, как говорят часовщики, он был настоящим маньяком. Это значит, что его часы показывали время с невероятной точностью. Ну, давай дальше, Гюнвальд.

– Этот человек шел по Норбакагатам в направлении Карлбергсвеген. Автобус проехал мимо него в начале улицы. Для того, чтобы дотащить до конца Норбакагатам, ему понадобилось около пяти минут. Автобусу для преодоления этого отрезка потребовалось приблизительно сорок пять секунд. Пешеход по дороге никого не встретил.

Дойдя до угла, он увидел автобус на противоположной стороне улицы.

– Ну и что из этого? – поинтересовался Квант.

– Молчать, – ответил Гюнвальд Ларссон.

Квант сделал резкое движение и уже открыл было рот, но посмотрел на Мартина Бека и воздержался от комментария.

– Он не обратил внимания на то, что окна разбиты. Кстати говоря, эти два гения тоже этого не заметили, когда туда наконец доползли. Однако он сразу увидел, что передняя дверь открыта. Он подумал, что произошла авария, и решил позвать на помощь. При этом он совершенно справедливо рассчитал, что быстрее дойдет до конечной остановки, чем вскарабкается под гору на Норбакагатан, и поэтому пошел по Норра-Сташенсгатан в юго-западном направлении.

– Почему он пошел именно туда? – спросил Мартин Бек.

– Он полагал, что на конечной остановке будет еще один автобус. Однако его там не было. Вместо автобуса он, к сожалению, наткнулся на полицейский автомобиль.

Гюнвальд Ларссон окинул Кванта и Кристианссона уничтожающим взглядом своих ярко-голубых глаз.

– Это был патрульный автомобиль из Сольны, выехавший за пределы своего участка, до которого оттуда можно было добросить камнем. Сколько времени вы стояли на границе города?

– Три минуты, – сказал Квант.

– Скорее четыре или даже пять, – опроверг его Кристианссон.

Квант смерил его неблагоприятным взглядом.

– Вы видели каких-нибудь прохожих?

– Нет, – сказал Кристианссон, – никого, кроме того старика с собакой.

– Это доказывает, что преступник не мог удалиться ни по Норра-Сташенгатан, то есть на юго-запад, ни по Норбакагатан, на юг. Если предположить, что он не скрылся на территории товарной станции, остается только одна возможность – по Норра-Сташенгатан в противоположном направлении.

– А откуда... откуда вы знаете, что он не сбежал через двор товарной станции? – спросил Кристианссон.

– Потому что это единственное место, где вы не натоптали и где можно было что-то разглядеть. Вы забыли перелезть через забор и там тоже все затоптать.

– Ладно, Гюнвальд, – сказал Мартин Бек, – готов признать, что ты прав. Правда, тебе понадобилось ужасно много времени, чтобы все это изложить.

Услышав эту реплику, Квант и Кристианссон немного осмелели и с облегчением обменялись понимающими взглядами. Однако Гюнвальд Ларссон тут же бросил:

– Если бы в ваших тупых башках была хоть капля здравого смысла, вы сели бы в автомобиль, догнали убийцу и задержали его.

– Или он нас тоже уложил бы, – пессимистично заметил Кристианссон.

– Когда я возьму преступника, то вызову вас сюда, – со злостью сказал Гюнвальд Ларссон.

Квант взглянул на настенные часы и спросил:

– Мы уже можем идти? Моя жена...

– Можете, – ответил Гюнвальд Ларссон. – Убирайтесь к чертям.

Избегая осуждающего взгляда Мартина Бека, он спросил:

– Ну почему они не думают?

– Большинству людей требуется гораздо больше времени, чтобы все обдумать и сделать стройные логические выводы, – спокойно, дружелюбно произнес Мартин Бек. – К детективам, естественно, это не относится.

XI

– Сейчас надо все обдумать, – сказал Гюнвальд Ларссон, энергично захлопнув за собой дверь. – Совещание у Хаммара ровно в три. Через десять минут.

Мартин Бек, который сидел, прижимая к уху телефонную трубку, раздраженно взглянул на него, а Колльберг угрюмо пробормотал:

– Ничего себе! Сам думай на голодный желудок и увидишь, как это приятно.

Невозможность вовремя поесть была одной из немногих вещей, которые могли испортить настроение Колльбергу. А поскольку он уже целых три раза вовремя не поел, то был основательно зол. Кроме того, глядя на довольное лицо Гюнвальда Ларссона, он подозревал, что тот успел что-то перехватить, когда выскакивал из кабинета, и эта мысль окончательно добивала его.

– Где ты был? – подозрительно поинтересовался он.

Гюнвальд Ларссон не ответил. Колльберг смотрел, как тот усаживается за письменный стол. Мартин Бек положил трубку.

– Ты чего это буянишь? – спросил он. Потом встал, собрал свои записи и подошел к Колльбергу.

– Звонили из лаборатории. Они насчитали шестьдесят восемь отстрелянных гильз.

– Какого калибра? – спросил Колльберг.

– Того, который мы и предполагали. Девять миллиметров. Ничто не противоречит тому, что шестьдесят семь выстрелов было сделано из одного оружия.

– А шестьдесят восьмой?

– Из «вальтера» калибра 7,65.

– Выстрел Кристианссона в крышу, – констатировал Колльберг.

– Точно.

– Значит, судя по всему, там был только один сумасшедший, – вставил Гюнвальд Ларссон.

– Точно, – сказал Мартин Бек.

Он подошел к схеме и нарисовал кружок в том месте, где была изображена самая широкая средняя дверь.

– Да, – сказал Колльберг, – наверняка он стоял там.

– Это объясняло бы...

– Что? – спросил Гюнвальд Ларссон.

Мартин Бек не ответил.

– Что ты хотел сказать? – спросил Колльберг. – Что это объясняло бы?

– Почему Стенстрём не успел выстрелить, – ответил Мартин Бек.

Они удивленно посмотрели на него.

– А-а-а... – протянул Гюнвальд Ларссон.

– Да, да, вы правы, – задумчиво сказал Мартин Бек, потирая двумя пальцами основание носа.

Хаммар толкнул дверь и вошел в сопровождении Эка и представителя прокуратуры.

– Восстановим ситуацию, – задиристо сказал он. – Выключите все телефоны. Вы готовы?

Мартин Бек грустно посмотрел на него. Точно так же обычно входил Стенстрём, неожиданно и без стука. Почти всегда. Это ужасно раздражало.

– Что там у тебя? – спросил Гюнвальд Ларссон. – Вечерние газеты?

– Да, – ответил Хаммар. – Они вдохновляют.

Он разложил газеты и раздраженно уставился на них. Заголовки были крупные, однако сами тексты довольно куцые.

– Цитирую, – сказал Хаммар. – «Преступление века, утверждает опытный специалист по раскрытию убийств Гюнвальд Ларссон из стокгольмской криминальной полиции и добавляет: «Это самое ужасное зрелище, какое мне когда-либо приходилось видеть в своей жизни!!»» Два восклицательных знака.

Гюнвальд Ларссон подался вперед и нахмурился.

– У тебя здесь хорошая компания, – продолжил Хаммар. – Министр юстиции тоже высказался. «Следует покончить с волной беззакония и преступности. Все силы и средства полиции будут брошены в бой с целью немедленно схватить преступника».

Он огляделся вокруг и добавил:

– Так значит, это и есть те самые силы?

Мартин Бек вытер нос.

– «Уже сейчас сто наиболее талантливых специалистов криминальной полиции со всей страны принимают непо-

средственное участие в расследовании», – продолжил Хаммар, показав на одну из газет. – «Подобного начала еще не было в истории криминалистики этой страны».

Колльберг вздохнул и схватился за голову.

– Политики, – буркнул себе под нос Хаммар. Он швырнул газеты на стол и спросил: – Где Меландер?

– Беседует с психологами, – дал справку Колльберг.

– А Рённ?

– В больнице.

– Какие оттуда известия? Есть что-нибудь новое?

– Его еще оперируют.

– Итак, приступаем к реконструкции, – сказал Хаммар.

Колльберг порылся в своих записях.

– Автобус выехал с Белмансро приблизительно в десять часов.

– Приблизительно?

– Все расписание полетело из-за неразберихи на Страндвеген. Автобусы останавливались из-за пробок либо их не пропускала полиция, и опоздания были такими большими, что водители получили распоряжение не соблюдать расписание и сразу возвращаться от конечной остановки.

– Они получили это распоряжение по радио?

– Да. Инструкции для водителей маршрута № 47 передали на ультракоротких волнах сразу после девяти часов.

– Продолжайте.

– Мы рассчитываем на то, что наверняка найдутся люди, которые проехали какой-то отрезок пути именно в том автобусе. Однако пока что нам не удалось установить контакт с такого рода свидетелями.

– Они объявятся, – сказал Хаммар и, указав рукой на газеты, добавил: – После всего этого.

– Часы Стенстрёма остановились в двадцать три часа три минуты тридцать семь секунд, – монотонно продолжил Колльберг. – Имеются основания полагать, что это точное время, когда раздались выстрелы.

– Первый выстрел или последний? – спросил Хаммар.

– Первый, – сказал Мартин Бек. Он повернулся к висящей на стене схеме и показал пальцем на кружок, который минуту назад нарисовал. – Мы полагаем, что стрелявший стоял именно здесь, на площадке у двери для выхода пассажиров.

– На чем основано это предположение?

– На направлении полета пуль и положении отстрелянных гильз относительно мертвых тел.

– Понятно, продолжайте.

– Мы также полагаем, что убийца сделал три очереди. Сначала очередью вперед, слева направо, он застрелил всех людей, сидящих в передней части автобуса, тех, которые на схеме обозначены номерами один, два, три, восемь и девять. Первый номер – это водитель, второй – Стенстрём.

– А потом?

– Потом он повернулся под прямым углом, скорее всего направо, и сделал следующую очередь в людей, сидящих сзади, причем снова стрелял слева направо. При этом он застрелил номера пять, шесть и семь и ранил номер четыре, другими словами, Шверина. Шверин лежал навзничь в центральном проходе, в задней части автобуса. Мы трактуем это следующим образом. Он сидел на диванчике, расположенном вдоль автобуса слева от выхода, и успел встать. Поэтому в него попал последний выстрел.

– А третья очередь?

– Она была сделана вперед, – сказал Мартин Бек, – на этот раз справа налево.

– Оружием являлся автомат?

– Да, – сказал Колльберг, – вероятнее всего. Если это был армейский автомат...

– Секундочку, – перебил его Хаммар. – Сколько времени могло понадобиться на все это? На то, чтобы сделать очередь вперед, повернуться, дать очередь назад, снова выстрелить вперед и сменить магазин?

– Поскольку нам еще неизвестно, какого рода оружием он воспользовался... – начал Колльберг, однако Гюнвальд Ларссон прервал его:

– Приблизительно десять секунд.

– А как он выбрался из автобуса? – спросил Хаммар.

Мартин Бек обратился к Эку:

– Давай, это по твоей части.

Эк взъерошил пальцами седые волосы, откашлялся и сказал:

– Вторая входная дверь была открыта. Вероятнее всего, именно этим путем убийца покинул автобус. Для того, чтобы ее открыть, он должен был пройти по центральному проходу вперед до кабины водителя, протянуть руку над или рядом с трупом и повернуть рычаг выключателя.

Эк снял очки, протер стекла платком и подошел к стене.

– Я попросил сделать увеличенные копии двух рисунков, которые используются при инструктаже водителей, – сказал он. – Вот они. На одном рисунке изображен общий вид кабины, на другом – рычаг автомата, открывающего двери. На первом рисунке номер пятнадцать – это кнопка,

отключающая ток от двери, а рычаг автомата, открывающего дверь, обозначен номером восемнадцать. Рычаг находится слева от руля чуть наискосок, у бокового окна. Рычаг, как это видно на втором рисунке, может находиться в пяти различных положениях.

– Из этого рисунка ни черта не понятно, – сказал Гюнвард Ларссон.

– В горизонтальном положении, или в позиции номер один, – невозмутимо продолжал Эк, – все двери закрыты. Во второй позиции, когда рычаг перемещен вверх, открывается передняя дверь, а в позиции три, когда рычаг передвинут еще выше, – и первая, и вторая дверь.

Рычаг можно также передвинуть вниз, позиции четыре и пять. В четвертой позиции открывается передняя дверь, а в пятой – снова две двери.

– Давай покороче, – сказал Хаммар.

– Короче, – сказал Эк, – соответствующий человек должен был с того места, где он, предположительно, находился, около задней двери для выхода, пройти по центральному проходу до места водителя. Потом этот человек наклонился над водителем, который навалился на руль и передвинул рычаг в позицию два. Тем самым он открыл среднюю дверь, то есть ту, которая была открыта, когда приехал первый патрульный автомобиль.

– Действительно, имеются признаки, указывающие на то, что последние выстрелы были сделаны тогда, когда стреляющий отходил по проходу в направлении кабины водителя, – продолжил сразу же Мартин Бек. – Очередь сделана влево. Одним из этих выстрелов, по-видимому, был убит Стенстрём.

– Техника ближнего боя, – вставил Гюнвальд Ларсон. – Очередями.

– Гюнвальд только что сделал очень удачное замечание, – сухо заявил Хаммар. – Он сказал, что ничего не понимает. Все указывает на то, что преступник был знаком с устройством автобуса.

– Вышеупомянутый человек умел, как минимум, манипулировать автоматом, открывающим двери, – педантично уточнил Эк.

В кабинете стало тихо. Хаммар наморщил лоб. Наконец он сказал:

– Значит, вы считаете, что кто-то вдруг встал посреди автобуса, перестрелял всех, кто в нем находился, и потом спокойно ушел? И что никто не успел среагировать? И водитель ничего не видел в зеркальце?

– Да нет, – ответил Колльберг, – не совсем так.

– А как же?

– Что кто-то со снятым с предохранителя, готовым к стрельбе автоматом спустился по задней лестнке со второго этажа автобуса, – сказал Мартин Бек.

– Тот, кто некоторое время сидел наверху в полном одиночестве, – добавил Колльберг. – Тот, у кого было время, чтобы выбрать самый подходящий момент.

– Водителю известно, есть ли кто-нибудь наверху? – спросил Хаммар.

Все выжидательно посмотрели на Эка, который снова откашлялся и сказал:

– В лесенку встроен фотоэлемент. Он связан со счетчиком на приборной доске. Каждый раз, когда кто-нибудь, купив билет у водителя, поднимается на второй этаж,

счетчик прибавляет единицу. Водитель все время контролирует, сколько пассажиров находится наверху.

— А когда обнаружили автобус, счетчик показывал ноль?

— Да.

Хаммар несколько секунд стоял молча. Потом сказал:

— Нет, что-то тут не так.

— Что именно? — поинтересовался Мартин Бек.

— Реконструкция.

— Почему? — возразил Колльберг.

— Все слишком хорошо продумано. Сумасшедший, совершающий групповое убийство, не действует по так тщательно разработанному плану.

— Ничего подобного, — заявил Гюнвальд Ларссон. — Тот псих, который в Америке застрелил с вышки более тридцати человек, все дьявольски тщательно продумал. Он даже взял с собой еду.

— Да, — согласился Хаммар. — Однако об одном он все же не подумал.

— О чем же?

На этот вопрос ответил Мартин Бек:

— О том, как он оттуда выберется.

XII

Семью часами позже, в десять часов вечера, Мартин Бек и Колльберг все еще находились в управлении полиции на Кунгсхольмсгатан.

Уже было темно, дождь прекратился.

Кроме этого, ничего достойного внимания не произо-

шло. На официальном языке это называлось «ход расследования без изменений».

Умиравший в Каролинской больнице по-прежнему умирал.

В течение дня явилось двадцать свидетелей, готовых дать показания. Девятнадцать из них, как оказалось, ехали в других автобусах.

Единственным оставшимся свидетелем была восемнадцатилетняя девушка, которая села на Ньюброплан и проехала две остановки до Сергельсторг, где пересела в метро. Она сказала, что несколько пассажиров вышли одновременно с ней; это выглядело правдоподобно. Ей удалось опознать водителя. Однако это было все.

Колльберг непрерывно кружил по комнате и не спускал глаз с двери, словно ожидал, что кто-то ее выломает и ввалится в кабинет.

Мартин Бек стоял перед висящей на стене схемой. С заложенными за спину руками он покачивался на каблуках. Эта раздражающая привычка появилась у него много лет назад, когда он служил простым патрульным, и до сих пор ему не удалось избавиться от нее.

Их пиджаки висели на спинках стульев. Рукава рубашек они подвернули. Галстук Колльберга лежал на столе, а сам Колльберг потел, хотя в кабинете вовсе не было жарко. Мартин Бек зашелся в долгом приступе кашля, потом, задумчиво сжав пальцами подбородок, продолжил изучать схему.

Колльберг остановился на секунду, критически оглядел его и констатировал:

– Просто сил нет слушать, как ты кашляешь.

– Ты с каждым днем становишься все более похожим на Ингу.

В этот момент вошел Хаммар.

– Где Ларссон и Меландер?

– Ушли домой.

– А Рёни?

– В больнице.

– Ах, да. Есть какие-нибудь сведения оттуда?

Колльберг покачал головой.

– Завтра получите пополнение.

– Пополнение?

– Для подкрепления. Из других городов. – Хаммар помолчал и многозначительно добавил: – Решено, что это необходимо.

Мартин Бек долго и старательно вытирал нос.

– Кто это? – поинтересовался Колльберг. – Впрочем, может быть, лучше спросить, сколько их?

– Из Мальмё завтра приедет некто Монссон. Вы его знаете?

– Я уже встречался с ним, – без тени энтузиазма ответил Мартин Бек.

– Я тоже, – дополнил Колльберг.

– К нам хотят также прикомандировать Гуннара Ольберга из Муталы.

– Он парень что надо, – апатично произнес Колльберг.

– Больше мне ничего не известно, – сказал Хаммар. – Говорили, что приедет еще кто-то из Сундсвалла. Кто именно, не знаю.

– Ага, – прокомментировал Мартин Бек.

– Конечно, если раньше вы сами не закончите это дело, – хмуро закончил Хаммар.

– Гм, – хмыкнул Колльберг.

– Факты, судя по всему, указывают на то, что... – Хаммар осекся и испытующе посмотрел на Мартина Бека. – Что с тобой?

– Простуда.

Хаммар продолжал смотреть на него. Колльберг, видя этот взгляд, попытался отвлечь внимание Хаммара и продолжил за него:

– Факты, судя по всему, указывают на то, что кто-то застрелил девять человек в автобусе вчера вечером. И что преступник действовал в соответствии с известными международными образцами совершения сенсационных убийств: не оставил никаких следов и не был схвачен. Конечно, он мог покончить с собой, однако если он так поступил, нам об этом ничего не известно. У нас имеются две зацепки. Пули и гильзы, по которым можно будет, вероятно, найти оружие убийцы, и человек в больнице, который может прийти в сознание и сказать, кто стрелял. Он сидел сзади и поэтому должен был видеть убийцу.

– Это уже кое-что, – сказал Хаммар.

– Однако не густо, – продолжил Колльберг, – особенно, если этот Шверин умрет или окажется, что он потерял память. Он тяжело ранен. У нас нет никаких мотивов. И ни одного стоящего свидетеля.

– Может быть, они еще объявятся, – утешил его Хаммар. – А мотивы – это тоже не проблема. Групповые убийства совершают преимущественно психопаты, а мотивы их поведения являются часто элементом болезненного бреда.

– Да-да, конечно, – сказал Колльберг. – В науке у нас

разбирается Меландер. Он со дня на день выступит с меморандумом.

– Наш самый большой шанс... – начал Хаммар, глядя на часы.

– ...это внутренняя интуиция, – закончил Колльберг.

– Вот именно. В девяти случаях из десяти именно благодаря ей удастся разоблачить преступника. Не задерживайтесь допоздна, это ничего не даст. Лучше, чтобы завтра вы были отдохнувшими. Спокойной ночи.

Он вышел, и в кабинете стало тихо. Через несколько секунд Колльберг вздохнул и спросил:

– Что с тобой?

Мартин Бек не ответил.

– Стенстрём?

Колльберг сам себе кивнул и философски сказал:

– Подумать только, сколько я наорал на этого парня за все эти годы. А теперь вдруг его нет, он погиб.

– Ты помнишь Монссона? – спросил Мартин Бек.

Колльберг кивнул.

– Это тот, с зубочисткой, – сказал он. – Не нравится мне этот массовый старт. Было бы лучше, если бы мы занялись этим делом самостоятельно. Ты, я и Меландер.

– Ну, Ольберг тоже пригодился бы.

– Конечно, – согласился Колльберг, – но сколько убийств было у него в Мутале за последние десять лет?

– Одно.

– То-то и оно. Кроме того, я не переношу манеры Хаммара провозглашать перед нами избитые банальности и совершенно очевидные истины. Внутренняя интуиция, психопаты, элемент болезненного бреда. Полный набор.

Снова некоторое время было тихо. Потом Мартин Бек взглянул на Колльберга и спросил:

– Ну?

– Что «ну»?

– Что Стенстрём делал в том автобусе?

– Вот именно. Что, черт возьми, он там делал? Возможно, он был с девушкой, которая сидела рядом с ним. С медсестрой.

– Вряд ли он пошел бы вооруженным на свидание с девушкой.

– Возможно, он это сделал, чтобы произвести большее впечатление.

– Он был не такой, – сказал Мартин Бек. – Ты знаешь об этом так же хорошо, как я.

– Ну, во всяком случае он часто носил с собой пистолет. Чаше, чем ты. И намного чаще, чем я.

– Да, когда он был на службе.

– Я встречался с ним только на службе, – сухо заявил Колльберг.

– Я тоже. Несомненно, он был одним из первых трупов в том проклятом автобусе. И несмотря на это, он все же успел расстегнуть две пуговицы плаща и вытащил пистолет.

– Это указывает на то, что плащ он расстегнул раньше, – задумчиво сказал Колльберг. – Непонятно, зачем он это сделал.

– Согласен.

– Как там говорил Хаммар во время сегодняшней реконструкции?

– Он говорил примерно следующее, – сказал Мартин

Бек. – «Тут что-то не так: сумасшедший, совершающий групповое убийство, не действует по столь тщательно разработанному плану».

– Ты считаешь, что он прав?

– В принципе, да.

– Это означало бы...

– Что тот, кто стрелял, вовсе не был сумасшедшим. Вернее, это убийство вовсе не было совершено для того, чтобы произвести сенсацию.

Колльберг вытер пот о лба сложенным платком, внимательно осмотрел платок и сказал:

– Герр Ларссон говорит...

– Гюнвальд?

– Да, он. Прежде чем отправиться домой, чтобы освежиться дезодорантом, он с высоты своей учености соизволил заметить, что ничего не понимает. Не понимает, например, почему сумасшедший не покончил с собой или не остался на месте преступления и не позволил себя схватить.

– Мне кажется, ты недооцениваешь Гюнвальда, – сказал Мартин Бек.

– Ты так полагаешь? – Колльберг раздраженно пожал плечами. – Да ладно, – добавил он, – все это чушь собачья. У меня нет сомнений в том, что это групповое убийство. И, конечно же, стрелявший был сумасшедшим. Судя по всему, сейчас он сидит дома перед телевизором и наслаждается произведенным эффектом. В конце концов, с таким же успехом он мог совершить самоубийство. Нам ничего не дает то, что у Стенстрёма был при себе пистолет, потому что мы не знаем его привычек. Предположительно, он был

вместе с той медсестрой. Хотя, возможно, и то, что он ехал в какой-нибудь ресторан или в гости к приятелю. А может, он поссорился со своей девушкой или его выбрала мать, он обиделся и поехал куда попало в первом попавшемся автобусе, потому что идти в кино было уже поздно, а если не идти в кино, то ему некуда было податься.

– Это все мы можем проверить, – сказал Мартин Бек.

– Да, завтра. Однако есть одна вещь, которую мы должны сделать сейчас, до того, как это сделает кто-нибудь другой.

– Осмотреть его письменный стол в Вестберге, – сказал Мартин Бек.

– Твое умение делать выводы достойно удивления, – констатировал Колльберг. Он сунул галстук в карман и надел пиджак.

Было сухо и туманно, ночной иней, как саван, покрывал деревья, улицы и крыши. Видимость была отвратительная, и Колльберг хмуро бормотал проклятия себе под нос, когда автомобиль заносило на поворотах. За всю дорогу до южного управления полиции они заговорили только один раз. Колльберг сказал:

– Как ты думаешь, преступники, совершающие групповые убийства, имеют, как правило, криминальное прошлое?

А Мартин Бек ответил:

– Чаще всего, да. Но не всегда.

В Вестберге было тихо и пустынно. Они молча прошли через вестибюль и поднялись по лестнице. На втором этаже нажали нужные кнопки на диске цифрового замка и вошли в кабинет Стенстрёма. Колльберг после минутного коле-

бания уселся за его письменный стол и подергал ящики. Они оказались незапертыми.

Кабинетик был чистый, приятный и лишенный какой-либо индивидуальности. На письменном столе Стенстрёма не было даже портрета невесты.

На подставке для авторучек, напротив, лежали две его собственные фотографии. Мартин Бек знал почему. Впервые за много лет Стенстрёму выпал отпуск на Рождество и Новый год. Он собирался на Канарские острова. Уже забронировал себе места в самолете, совершающем чартерные рейсы. Он сфотографировался потому, что должен был получить новый паспорт.

Счастливый человек, подумал Мартин Бек, глядя на фотографии, которые были намного лучше снимков, помещенных на первых полосах вечерних газет.

Стенстрём выглядел значительно моложе своих двадцати девяти лет. У него был открытый ясный взгляд и зачесанные назад темно-каштановые волосы, похожие здесь, на фотографии, как и всегда, на непокорные вихры.

Вначале многие коллеги считали его наивным и несоблазнительным, в том числе и Колльберг, который частенько устраивал ему испытания, чересчур далеко заходя в своем сарказме и высокомерном отношении к нему.

Однако это было давно. Мартин Бек вспомнил, что однажды, еще в старом управлении полиции в Кристинеберге, он спорил об этом с Колльбергом. Он тогда сказал:

«Почему ты вечно цепляешься к этому парню?», а Колльберг ответил: «Чтобы избавить его от самоуверенности и дать ему шанс приобрести настоящую уверенность. Чтобы он постепенно смог стать хорошим полицейским. Чтобы он научился стучать в дверь».

Возможно, Колльберг тогда был прав. Во всяком случае Стенстрём с годами стал более развитым. И хотя он никогда не научился стучать в дверь, тем не менее он стал хорошим полицейским, добросовестным, трудолюбивым и знающим. Хорошо тренированного, спортивного Стенстрёма с его приятной внешностью и общительным характером можно было считать настоящим украшением отдела. Его, наверное, можно было изображать в качестве рекламы в проспектах, приглашающих на службу в полицию, чего нельзя было сказать о многих других. Например, о Колльберге, грубом, толстошеком и тучном. Этого нельзя было сказать и о полном стоицизма Меландере, внешний вид которого вовсе не противоречил тезису, что самые большие зануды часто бывают отличными полицейскими. Это также не относилось к красноносому и невзрачному Рённу. Нельзя было этого сказать и о Гюнвальде Ларссоне, чей огромный рост и грозный взгляд могли смертельно напугать любого, и который к тому же очень гордился собой.

Это было справедливо и по отношению к самому Мартину Беку, сопящему и шмыгающему носом. Вчера вечером он смотрел на себя в зеркало и видел длинную жердеобразную фигуру с худощавым лицом, широким лбом, тяжелой челюстью и грустными серо-голубыми глазами.

Кроме того, Стенстрём обладал определенными специфическими качествами, часто выручавшими их, всех остальных.

Обо всем этом Мартин Бек размышлял, глядя на предметы, которые Колльберг вынимал из ящичков письменного стола и аккуратно раскладывал на столешнице.

Разница состояла лишь в том, что сейчас он думал почти равнодушно о человеке по имени Оке Стенстрём. Чувства, почти овладевшие им в кабинете на Кунгсхольм-сгатан, когда Хаммар провозглашал прописные истины, исчезли. Момент жалости прошел и уже никогда не вернется.

С той минуты, когда Стенстрём положил на полку форменную фуражку и продал мундир старому приятелю из полицейской школы, он работал под руководством Мартина Бека. Сначала в Кристинеберге, в отделе уголовного розыска, который входил в состав Главного управления и действовал, в основном, как подразделение, предназначенное для оказания помощи перегруженной муниципальной полиции в провинции.

Потом вся полиция стала централизованной, это произошло в 1964-1965 годах, и вскоре они переехали сюда, в Вестбергу.

В течение прошедших лет Колльберга часто отправляли в командировки с различными заданиями, Меландера перевели по его собственному желанию, однако Стенстрём оставался в составе отдела неизменно. Мартин Бек знал его около пяти лет, они вместе участвовали в многочисленных расследованиях. Всему, что Стенстрём знал о практической работе полиции, он научился за это время, и научился многому. Созрел, переборол почти абсолютную нерешительность и робость, ушел из своей комнаты в квартире родителей и стал жить с женщиной, с которой, по его словам, собирался связать себя на всю жизнь. Его отец к этому времени уже умер, а мать вернулась в Вестманланд.

Мартин Бек должен был знать об этом почти все. Од-

нако знал он, как ни удивительно, не очень много. Конечно, ему были известны все важнейшие даты и в общих чертах характер Стенстрёма, его достоинства, недостатки, но к этому он мало что мог добавить.

Стенстрём был порядочен, честолобив, упрям, быстр и сообразителен. Вместе с тем, он был чуточку робким, немного инфантильным, совершенно не задиристым, иногда не в настроении. Но у кого не бывает плохого настроения?

Может быть, он страдал комплексом неполноценности?

Рядом с Колльбергом, часто козыряющим цитатами и сложными софизмами. Рядом с Гюнвальдом Ларссоном, который однажды за пятнадцать секунд пинком выломал дверь и одним ударом лишил сознания психически больного преступника, вооруженного топором. А Стенстрём тогда стоял на расстоянии двух метров и размышлял, как следует поступить. Рядом с Меландером, выражение лица которого всегда оставалось неизменным и который никогда не забывал того, что один раз увидел, услышал или о чем прочитал.

А у кого бы в такой ситуации не было комплекса неполноценности?

Почему он знал так мало? Может быть, потому, что недостаточно внимательно наблюдал? Или потому, что и наблюдать-то было нечего?

Мартин Бек массировал кончиками пальцев кожу у корней волос и смотрел на предметы, которые Колльберг раскладывал на столе.

Стенстрёма всегда отличала педантичность. Например, его часы обязательно должны были быть отрегулированы с точностью до одной секунды. Об этом педантизме свидетельствовал и порядок в его письменном столе.

Бумаги, бумаги и еще раз бумаги. Копии рапортов, заметки, судебные протоколы, инструкции, специальная юридическая литература. Все это было сложено в аккуратные стопки.

Наиболее индивидуальным был коробок спичек и нераспечатанная пачка жевательной резинки. Так как Стенстрём не курил и не жевал резинку, он, очевидно, держал эти предметы для того, чтобы предлагать их людям, которых допрашивал или которые, что наиболее вероятно, приходили к нему, чтобы просто поболтать.

Колльберг тяжело вздохнул и сказал:

– Если бы в том автобусе сидел я, сейчас в моих ящиках рылись бы ты и Стенстрём. Это была бы работка потруднее. И наверняка вы сделали бы открытия, бросающие тень на светлую память обо мне.

Мартин Бек приблизительно представлял себе, как выглядят ящики Колльберга, однако воздержался от комментариев.

– А здесь нет ничего, что бросало бы тень на память.

Мартин Бек и на этот раз не ответил. Они молча просматривали бумаги, быстро и тщательно. Здесь не было ничего, чего они не могли бы сразу же узнать и разложить по степени служебной важности. Все записи и документы имели отношение к расследованиям, в которых Стенстрём принимал участие и о которых им было хорошо известно.

Наконец остался только один конверт. Коричневый большой конверт, заклеенный и довольно толстый.

– Как ты думаешь, что это может быть? – спросил Колльберг.

– Открой и посмотри.

Колльберг вертел конверт в руках.

– Похоже на то, что он тщательно заклеен. Погляди, сколько кусков клейкой ленты. – Он пожал плечами и разрезал конверт ножом для бумаги, лежащим на подставке чернильного прибора. – О, – сказал он, – я не знал, что Стенстрём увлекался фотографией. – Он осмотрел снимки и разложил их перед собой. – Я даже не подозревал, что у него такое хобби.

– Это его невеста, – почти беззвучно произнес Мартин Бек.

– Да, конечно, однако я никогда не подумал бы, что у него были настолько далеко заходящие требования.

Мартин Бек смотрел на фотографии по служебной необходимости и с чувством отвращения, которое испытывал всегда, когда ему приходилось в той или иной степени вмешиваться в дела, относящиеся к частной жизни других людей. Чувство это было спонтанным и врожденным, и даже после двадцати трех лет службы в полиции Мартин Бек не умел подавлять его в себе.

Колльберг не страдал подобной чувствительностью. Кроме того, он был сладострастным.

– Настоящая секс-бомба, – уважительно сказал он, внимательно разглядывая фотографии. – Стоять на руках она тоже умеет. Я даже не представлял себе, что она так выглядит.

– Но ведь ты уже видел ее.

– Одетой. А это совсем другое.

Колльберг был прав, но Мартин Бек предпочитал не заводить разговор на эту тему. Вместо этого он сказал:

– Завтра ты снова увидишь ее.

– Да, – хмуро согласился Колльберг. – Это будет не слишком приятная встреча. – Он собрал фотографии, положил их в конверт и добавил: – Ну что, поедem домой? Я подброшу тебя.

Он погасил свет, и они вышли из кабинета. В машине Мартин Бек сказал:

– А как тебя вызвали вчера вечером на Нора-Сташенсгатан? Когда я позвонил, Гюн не знала, где ты, а на месте происшествия ты оказался гораздо раньше меня.

– Обычная случайность. Когда мы расстались, я направился в центр города и на Сканстулброн наткнулся на двух знакомых парней в патрульном автомобиле. Они только что получили сообщение по радиии и отвезли меня прямо на место. Я был одним из первых.

Они долго ехали в молчании, потом Колльберг задумчиво сказал:

– Как ты думаешь, зачем ему были нужны те фотографии?

– Изучи их повнимательнее, – сказал Мартин Бек.

– Да, конечно. И все же...

XIII

В среду утром, перед тем как выйти из дому, Мартин Бек позвонил Колльбергу. Они обменялись тремя фразами.

– Колльберг.

– Привет, это Мартин. Я выезжаю.

– Хорошо.

Когда поезд метро остановился на станции Шермарбринк, Колльберг уже ждал на платформе. Они имели

привычку всегда ездить в последнем вагоне и поэтому часто встречались, хотя не договаривались заранее.

Они вышли на станции Медборгарплатсен и поднялись на Фолькунгагатан. Было десять минут одиннадцатого, и бледное солнце едва пробивалось из-за туч. Они поплотнее запахнули плащи, потому что ветер был ледяной, и пошли по Фолькунгагатан в восточном направлении.

За углом, когда они уже повернули на Эстгётагатан, Колльберг сказал:

– Ты узнавал в больнице, в каком состоянии Шверин?

– Да, утром я звонил туда. Операция уже закончилась. Он жив, но по-прежнему без сознания, и врачи ничего не могут сказать о результатах операции до тех пор, пока он не придет в себя.

– А он придет в себя?

Мартин Бек пожал плечами.

– Неизвестно. Будем надеяться.

– Интересно, долго еще газеты не смогут напасть на его след?

– В Каролинской больнице клятвенно обещали хранить тайну.

– Это ясно. Однако ты ведь знаешь журналистов. Они все вынюхают.

Они остановились у дома номер восемнадцать на Черховсгатан.

В списке жильцов в подъезде была фамилия Турелль, но на втором этаже на прикрепленном к двери белом прямоугольнике картона было написано печатными буквами «Оке Стенстрём».

Девушка, открывшая им дверь, была невысокой. Мар-

тин Бек опытным взглядом определил ее рост в сто шестьдесят сантиметров.

– Пожалуйста, входите и вешайте плащи, – сказала она и закрыла за ними дверь.

Голос у нее был низкий и хриловатый.

Оса Турелль была одета в узкие черные брюки и ярко-голубой свитер. На ногах у нее были толстые носки из серой шерсти, на несколько номеров больше, чем нужно, – наверняка это были носки Стенстрёма. У нее было смуглое угловатое лицо и темные, коротко подстриженные волосы. Это лицо вряд ли можно было назвать красивым или симпатичным, скорее смешным и пикантным. Она была хрупкого телосложения, с узкими плечами и бедрами и маленькой грудью.

Она молча наблюдала, как Мартин Бек и Колльберг кладут шляпы на полку рядом со старой фуражкой Стенстрёма и вешают плащи. Потом впереди них вошла в комнату.

Комната выходила двумя окнами на улицу, она была опрятной и уютной. У стены стоял большой книжный шкаф с резными столбиками и антресолями. Вся мебель, кроме книжного шкафа и кожаного кресла с высокой спинкой, была относительно новой. Почти весь пол покрывал толстый ярко-красный ковер, а тонкие шерстяные занавеси имели такой же красноватый оттенок.

Комната была неправильной формы, из одного угла короткий коридорчик вел в кухню. Через открытую в коридор дверь была видна вторая комната. Окна кухни и спальни выходили во двор.

Оса Турелль села в кресло и поджала под себя ноги. Она

показала на два стула, Мартин Бек и Колльберг тоже сели. Пепельница на низком столике до краев была наполнена окурками.

– Надеюсь, вы понимаете, – сказал Мартин Бек, – что нам это неприятно, мы не хотим быть назойливыми, но... это необходимо. Мы должны поговорить с вами как можно скорее.

Оса Турелль ответила не сразу. Она взяла из пепельницы зажженную сигарету и глубоко затянулась. Руки у нее дрожали, под глазами запали тени.

– Конечно, я понимаю, – сказала она. – Хорошо, что вы пришли. Я сижу здесь с той минуты, когда... когда узнала... сижу и пытаюсь понять... пытаюсь понять, правда ли это.

– У вас нет никого, кто мог бы побыть с вами? – спросил Колльберг.

Она покачала головой.

– Нет. Да я и не хочу, чтобы здесь кто-то был.

– А ваши родители?

Она снова покачала головой.

– Мама умерла в прошлом году. А отец двадцать лет назад.

Мартин Бек подался вперед и испытующе поглядел на нее.

– Вы спали хотя бы немного? – спросил он.

– Не знаю. Те, кто были здесь... вчера, дали мне несколько таблеток. Наверное, я ненадолго уснула. Но это не нужно, я выдержу.

Она смяла сигарету в пепельнице и пробормотала, не поднимая взгляда:

– Мне просто нужно привыкнуть к тому, что его нет в живых. Для этого нужно время.

Ни Мартин Бек, ни Колльберг не знали, что ей на это ответить. Мартин Бек внезапно почувствовал, что воздух тяжелый и плотный от дыма. В комнате стало угнетающе тихо. Наконец Колльберг кашлянул и сказал:

– Вы не возражаете, если мы зададим вам несколько вопросов, касающихся Стенст... Оке?

Оса Турелль медленно подняла взгляд. В глазах у нее что-то промелькнуло, и она улыбнулась.

– Надеюсь, вы не ждете, что я буду обращаться к вам «герр комиссар» и «герр старший ассистент»? – сказала она. – Вы тоже обращайтесь ко мне по имени, называйте меня Оса, потому что я собираюсь говорить вам «ты». Мы ведь все же некоторым образом хорошо знакомы.

Она лукаво посмотрела на них и добавила:

– С помощью Оке. Мы с ним часто виделись. Мы живем здесь, вместе, уже много лет.

«Гробовщики Колльберг и Бек», – подумал Мартин. – «Смелая мысль. А девушка что надо».

– Мы тоже слышали о тебе, – довольно раскованным тоном сказал Колльберг.

Оса встала и открыла окна. Потом вынесла в кухню пепельницу. Улыбка исчезла, губы Осы были крепко сжаты. Она вернулась с чистой пепельницей и села.

– Пожалуйста, расскажите мне, как это случилось. Что произошло? Вчера я мало что поняла, а газеты мне читать не хочется.

Мартин Бек закурил сигарету.

– Хорошо, – сказал он.

Все время, пока он рассказывал, она сидела не шевелясь и не сводила с него глаз. Он опустил некоторые подробности, однако описал ход события в той мере, в которой им удалось его воспроизвести. Когда он закончил, Оса сказала:

– А куда ехал Оке? Почему он оказался именно в том автобусе?

Колльберг бросил быстрый взгляд на Мартина Бека и сказал:

– Мы надеялись узнать об этом от тебя.

Оса Турелль покачала головой.

– Я не имею понятия об этом.

– А тебе известно, что он делал раньше в тот день? – спросил Мартин Бек.

Она удивленно посмотрела на него.

– А вы разве этого не знаете? Он целый день работал. А какая это была работа, наверное, вы должны знать.

Мартин Бек мгновение колебался, потом сказал:

– Последний раз в жизни я видел его в пятницу. Он днем заскочил на минутку.

Оса встала и сделала несколько шагов, потом обратилась к нему:

– Но ведь он работал и в субботу, и в понедельник. Мы вместе вышли из дому в понедельник утром. А ты тоже не видел Оке в понедельник? – Она посмотрела на Колльберга, который покачал головой и попытался припомнить.

– Может, он сказал тебе, что едет в Вестбергу, – спросил Колльберг, – или на Кунгсхольмсгатан?

– Нет, – после минутного раздумья ответила Оса, – ничего такого он не говорил. Этим, наверное, все объясняется. Очевидно, у него были какие-то дела в городе.

– Ты упоминала, что в субботу он тоже работал? – уточнил Мартин Бек.

Она кивнула.

– Да, но не весь день. Утром мы вышли вместе. Я закончила работу в час дня и сразу вернулась домой. Оке приехал вскоре после меня. Он ходил за покупками. В воскресенье у него был выходной. Мы весь день провели вместе.

Она снова уселась в кресло, сплела пальцы рук на подтянутых к груди коленях и закусил губу.

– А он не говорил, чем занимается? – спросил Колльберг.

Она покачала головой.

– Он вообще не имел привычки рассказывать о своей работе? – поинтересовался Мартин Бек.

– Да нет. Мы всегда обо всем говорили. Но только не в последнее время. С некоторых пор он перестал о чем-либо мне рассказывать. Мне даже казалось странным, что он ничего не рассказывает. Обычно мы с ним обсуждали разные дела, особенно если они были трудными и запутанными. Вероятно, он не мог... – Она осеклась и добавила чуть более громким голосом: – А почему вы меня об этом спрашиваете? Вы ведь его начальники. Если вы пытаетесь выяснить, не выдавал ли он полицейские тайны, то могу вас заверить, что он этого не делал. За последние три недели он даже словом о своей работе не обмолвился.

– Дело в том, что ему нечего было рассказывать, – попытался успокоить ее Колльберг. – Последние три недели были необычайно бедны событиями. Честно говоря, у нас было не так уж и много работы.

Оса Турелль изумленно посмотрела на него.

– Как ты можешь так утверждать?! У Оке было очень много работы. В последнее время он работал целыми сутками без перерыва.

XIV

Рённо зевая взглянул на часы. Потом бросил взгляд в направлении кровати, где лежала полностью забинтованная фигура, после чего принялся рассматривать сложную аппаратуру, очевидно, необходимую для поддержания жизни больного, и продолжил наблюдать за дерзкой медсестрой среднего возраста, которая контролировала, правильно ли работает вся эта аппаратура. Сейчас она меняла пустой флакон для капельницы. Движения ее были быстрыми и точными, а все поведение свидетельствовало о большом опыте.

Рённо вздохнул и снова зевнул, прикрывая рот рукой.

Медсестра сразу же это заметила и бросила на него быстрый, недовольный взгляд.

Рённо слишком много времени провел в этой антисептической палате с гладкими белыми стенами и холодным освещением и, кроме того, долго ходил взад-вперед по коридору под дверью операционной.

При этом большую часть времени ему пришлось проводить в обществе субъекта по фамилии Улльхольм, с которым раньше он никогда не встречался, несмотря на то, что тот был одетым в штатское ассистентом полиции.

Рённо явно не относился к наиболее способным и не проявлял склонности к самообразованию. Он был доволен

собой и своим существованием и считал, что по большей части все идет так, как и положено. Благодаря этим чертам характера, он был очень полезным, если не сказать, образцовым полицейским. Ко всем делам он относился добросовестно и просто, без какой бы то ни было склонности создавать себе трудности и проблемы, которых в общем-то и не было.

Почти ко всем он относился доброжелательно, и почти все относились к нему так же.

Однако даже при таком не очень сложном отношении Рённа к жизни Улльхольм оказался невероятным занудой и тупицей.

Улльхольм был недоволен всем, начиная с зарплаты, которая, как и следовало ожидать, была слишком маленькой, и кончая начальником полиции, который не умел управлять твердой рукой.

Его одинаково возмущало как то, что дети в школе не умеют себя вести, так и то, что в полиции слишком слабая дисциплина.

С особенной ненавистью он относился к трем категориям людей, которые никогда не причиняли Рённу никаких хлопот и не заставляли его напряженно работать головой: он не переносил иностранцев, молодежи и социалистов.

Улльхольм, например, считал безобразием, что рядовым полицейским разрешено отпускать бороды.

– Ну, усы еще куда ни шло, – говорил он. – Да и то, мне это кажется весьма сомнительным. Ты, конечно, понимаешь, что я имею в виду?

По мнению Улльхольма, начиная с тридцатых годов в обществе не было истинного порядка. Сильный рост пре-

ступности и ужесточение нравов он объяснял тем, что у полиции отсутствует солидная военная выучка, и тем, что полицейские больше не ходят с саблями.

Введение правостороннего движения было возмутительной близорукостью, которая еще больше ухудшила ситуацию в безнаказанном и морально распадающемся обществе.

– И этот бардак увеличивается, – говорил он. – Ты, конечно, понимаешь, что я имею в виду?

– Что? – спрашивал Рённ.

– Бардак. Все эти стоянки вдоль главных магистралей. Ты, конечно, понимаешь, что я имею в виду?

Улльхольм был человеком, который знал почти все, а понимал все без исключения. Только один раз он вынужден был обратиться за разъяснениями к Рённу. Началось с того, что он сказал:

– Глядя на эти мерзость и беспорядок, человек начинает тосковать по природе. Я охотно спрятался бы в горах, если бы в Лапландии не было так много лапландцев. Ты, конечно, понимаешь, что я имею в виду?

– Я сам женат на лапландке, – сказал Рённ.

Улльхольм взглянул на него со смесью отвращения и любопытства и, понизив голос, сказал:

– Это необычно и весьма интересно. Правда, что у лапландок эта штука расположена поперек?

– Нет, – сухо ответил Рённ. – Это не правда, а широко распространенное предубеждение.

Рённ размышлял над тем, почему этого человека до сих пор не перевели в бюро находок.

Улльхольм говорил почти без перерыва, а каждый мо-

нолог заканчивал словами: «Ты, конечно, понимаешь, что я имею в виду?».

Рённо понимал только две вещи.

Во-первых, то, что произошло в управлении, когда он задал совершенно невинный вопрос:

– Кто там дежурит в больнице?

Колльберг равнодушно порылся в своих бумажках и сказал:

– Какой-то Улльхольм.

Единственным, кто знал эту фамилию, был, очевидно, Гюнвальд Ларссон, потому что он сразу воскликнул:

– Что? Кто?

– Улльхольм, – повторил Колльберг.

– Этого нельзя допустить. Туда немедленно нужно кого-нибудь послать. Того, у кого с головой все в порядке.

Рённо, который оказался тем человеком, у которого с головой все в порядке, задал еще один, такой же невинный вопрос:

– Мне сменить его?

– Сменить? Нет, это невозможно. Он посчитает, что его унизили, и начнет писать сотни жалоб и рапортов в управление и даже может позвонить министру.

А когда Рённо уже выходил, Гюнвальд Ларссон дал ему последний совет.

– Эйнар!

– Ну?

– И не позволяй ему обращаться к свидетелю, разве что после того, как увидишь свидетельство о смерти.

Во-вторых, что каким-то образом он должен остановить этот поток слов. Наконец он нашел теоретическое решение

этой задачи. Практически реализация найденного решения выглядела следующим образом. Улльхольм закончил очередной длинный монолог словами:

– Совершенно очевидно, что, как частное лицо и член партии центра, как гражданин свободной, демократической страны, я не делю людей по цвету кожи, национальности или образу их мыслей. Но ты сам подумай, что было бы, если бы в рядах полиции оказалось много евреев и коммунистов. Ты, конечно, понимаешь, что я имею в виду?

Рённ откашлялся, тактично прикрывшись рукой, и ответил на это:

– Конечно. Но честно говоря, я сам социалист и даже...

– Коммунист?!

– Вот именно.

Улльхольм встал и, храня гробовое молчание, подошел к окну.

Он стоял там вот уже два часа и грустно глядел на злой, предательский мир, который его окружал.

Шверина оперировали трижды. Из его тела извлекли три пули, однако никто из бригады врачей, делавших операцию, не выглядел слишком веселым, а единственным ответом на робкие вопросы Рённа были лишь пожатия плечами.

Только минут пятнадцать назад один из хирургов вошел в палату и сказал:

– Если он вообще придет в сознание, то это произойдет сейчас, в течение ближайшего получаса.

– Он выкарабкается?

Врач долго смотрел на Рённа, потом сказал:

– Вряд ли. Хотя всякое может быть. Он физически крепкий, а общее состояние его почти удовлетворительное.

Рённо подавленно смотрел на пациента и размышлял над тем, как нужно выглядеть, чтобы врачи охарактеризовали твоё состояние здоровья как не очень хорошее или даже плохое.

Он тщательно сформулировал два вопроса и для надёжности записал их в своём блокноте.

Первый вопрос был: «Кто стрелял?» и второй: «Как он выглядел?»

Кроме того, Рённо поставил на стул у кровати переносной магнитофон, подключил микрофон и повесил его на спинку стула. Улльхольм не участвовал в этих приготовлениях и ограничивался лишь тем, что бросал в сторону Рённа критические взгляды со своего места у окна.

Часы показывали двадцать шесть минут третьего, когда медсестра внезапно склонилась над раненым и быстрым, нетерпеливым жестом подозвала обоих полицейских, другой рукой одновременно нажимая звонок.

Рённо поспешно схватил микрофон.

– Кажется, он просыпается, – сказала медсестра.

На лице раненого были заметны изменения. Веки и ноздри подрагивали.

– Да, – сказала медсестра. – Сейчас.

Рённо поднес к раненому микрофон.

– Кто стрелял? – спросил он.

Никакой реакции. Через несколько секунд Рённо повторил вопрос.

– Кто стрелял?

На этот раз губы раненого зашевелились, и он что-то сказал. Рённо выждал две секунды и спросил:

– Как он выглядел?

И на этот раз раненый пошевелил губами, причем ответ был более артикулированным.

В палату вошел врач.

Рённ уже открыл рот, чтобы повторить вопрос номер один, когда лежащий в кровати повернул голову влево. Нижняя челюсть у него отвисла, и кровавая слюна хлынула изо рта.

Рённ посмотрел на врача, который хмуро покачал головой.

Ульхольм приблизился и со злостью сказал:

– Из этого твоего допроса ничего не выжмешь. – Потом он громко и отчетливо оповестил: – Послушай, к тебе обращается старший ассистент Ульхольм...

– Он умер, – спокойно сказал Рённ.

Ульхольм уставился на него и произнес только одно слово:

– Халтурщик.

Рённ выдернул микрофон из гнезда и отнес магнитофон на подоконник. Осторожно крутя катушку пальцем, он перемотал ленту и нажал клавишу.

– Кто стрелял?

– Днрк.

– Как он выглядел?

– Акальсон.

– И что можно из этого извлечь? – сказал он.

Ульхольм не меньше десяти секунд смотрел на Рённа в упор, с упрямством и ненавистью. Потом он сказал:

– Извлечь? Я обвиняю тебя в неисполнении служебных обязанностей. Это серьезный проступок. Ты, конечно, понимаешь, что я имею в виду?

Он повернулся и вышел из палаты. Сделал он это быстрым и энергичным шагом. Рённ проводил его озабоченным взглядом.

XV

Когда Мартин Бек открыл дверь управления полиции, у него буквально сбило дыхание, потому что порыв ледяного ветра швырнул ему в лицо горсть острых, как иглы, снежинок. Мартин Бек наклонил голову и поспешно застегнул пальто. Утром он не выдержал причитаний Инги и капитулировал перед ней, несколькими градусами мороза и собственной простудой, надев зимнее пальто. Он выше подтянул шерстяной шарф и двинулся в направлении центра.

Он пересек Агнегатан и в нерешительности остановился, пытаясь рассчитать, как лучше ехать. Он еще не успел изучить новые автобусные маршруты, которые появились одновременно с исчезновением трамваев и введением в сентябре правостороннего движения.

Возле него притормозил какой-то автомобиль. Гюнвальд Ларссон опустил стекло и закричал:

— Садись!

Мартин Бек с благодарностью уселся впереди.

— Уф, — простонал он, — снова начинается это мучение. Едва успеваешь заметить, что наступило лето, как уже снова приходит зима. Куда ты едешь?

— На Вестманнагатан, — ответил Гюнвальд, — побеседовать с дочкой той старухи из автобуса.

— Отлично, — сказал Мартин Бек. — Я выйду возле Саббатсбергской больницы.

Они переехали через мост, миновали старый торговый центр. За окнами вихрем кружились мелкие сухие снежинки.

– Такой снег совершенно бесполезен, – сказал Гюнвальд Ларссон. – Он не будет долго лежать. Только видимость портит.

В отличие от Мартина Бека Гюнвальд Ларссон любил водить машину и был хорошим водителем.

Когда они ехали по Васагатан в направлении Норра-Банторгет, возле гуманитарного лица на встречной полосе промелькнул двухэтажный автобус маршрута № 47.

– Бр-р, – вздрогнул Мартин Бек. – После всего этого мне становится не по себе от одного вида такого автобуса.

Гюнвальд Ларссон посмотрел в зеркало заднего вида.

– Это не такой, – сказал он, а немецкий, «Бюссинг». – Через минуту он спросил: – Может, поедешь со мной к жене Асарсона? Ну, того, с презервативами. Я буду там в три.

– Не знаю, – ответил Мартин Бек.

– Я подумал, ты ведь так или иначе будешь поблизости. Это ведь в нескольких домах от Саббатсбергской больницы. Потом я отвезу тебя обратно.

– Посмотрим. Это будет зависеть от того, когда я закончу беседовать с медсестрой.

На углу Далагатан и Тегнергатан их остановил человек в желтой защитной каске и с красным флажком в руке. На территории больницы в Саббатсберге продолжались работы, связанные с реконструкцией. Самые старые здания подлежали сносу, новые уже тянулись вверх. Сейчас как раз взрывали высокий скальный холм со стороны Далага-

тан. Когда еще разносилось эхо от взрывов, Гюнвальд Ларссон сказал:

– Почему бы им сразу не взорвать весь Стокгольм вместо того, чтобы делать это по частям? Они должны сделать так, как один американский политик, забыл как его зовут, призывает поступить с Вьетнамом: заасфальтировать все это дерьмо, нарисовать желтые полосы и устроить автостоянку. По-моему, нет ничего хуже, когда архитекторы дорываются до реализации своих планов.

Мартин Бек вышел из автомобиля у ворот в ту часть больницы, где находились родильный дом и гинекологическая клиника. Покрытая гравием площадка у дверей была пуста, но в окно за Мартином Беком наблюдала женщина в шубке из овчины. Она открыла дверь и сказала:

– Вы комиссар Бек? Я Моника Гранхольм.

Она стальным захватом сжала его руку и энергично принялась ее трясти. Ему казалось, что он почти слышит хруст своих размозженных костей. Интересно, подумал он, в обращении с новорожденными Моника тоже применяет такую физическую силу?

Роста она была такого же, как Мартин Бек, но выглядела гораздо привлекательнее, чем он. Кожа у нее была свежая и розовая, зубы крепкие и белые, волосы светло-каштановые, густые и волнистые, а зрачки больших красивых глаз карие, под цвет волос. Все в ней казалось крупным, здоровым и крепким.

Погибшая в автобусе девушка была невысокой и хрупкой и должна была выглядеть заморышем рядом со своей сожительницей.

Они пошли рядом в направлении Далагатан.

– Вы не возражаете, если мы зайдем в «Васахоф» на противоположной стороне улицы, – предложила Моника Гранхольм. – Мне нужно что-нибудь перехватить, чтобы я была в состоянии говорить.

Время обеда уже закончилось, и в ресторане было много свободных столиков. Мартин Бек выбрал столик у окна, однако Моника предпочла сесть в глубине заведения.

– Не хочу, чтобы меня увидел кто-нибудь из больницы, – сказала она. – Вы не представляете себе, какие там у нас сплетни.

В подтверждение этого она угостила Мартина полным набором этих самых сплетен, одновременно с аппетитом поглощая огромную порцию мяса и картофельного пюре. Мартин Бек с завистью наблюдал за ней. Он, как всегда, не испытывал голода, но чувствовал себя плохо и пил кофе, чтобы окончательно ухудшить свое состояние. Он подождал, пока она насытится, и уже собирался заговорить об ее погибшей подруге, но тут Моника отодвинула тарелку и сказала:

– Ну, достаточно. Теперь можете спрашивать, а я постараюсь отвечать, если смогу. Но вы позволите мне сначала спросить вас кое о чем?

– Конечно, – сказал Мартин Бек, вынимая из кармана пачку «Флориды».

Моника покачала головой.

– Спасибо, я не курю. Вы уже поймали этого сумасшедшего?

– Нет, – ответил Мартин Бек, – еще нет.

– Вы понимаете, люди ужасно потрясены. У нас одна девушка боится ездить на работу автобусом. Она боится,

что неожиданно появится психопат с ружьём. С тех пор как это произошло, она приезжает на работу и возвращается домой на такси. Постарайтесь его поймать. — Она с серьезным видом посмотрела на Мартина Бека.

— Мы стараемся.

Она кивнула.

— Это хорошо, — сказала она.

— Спасибо, — поблагодарил Мартин Бек, тоже с серьезным видом.

— Что вы хотите знать о Бритт?

— Вы хорошо ее знали? Вы долго жили вместе?

— Я знала ее лучше, чем кто-либо другой. Мы жили вместе три года, с тех пор как она начала работать в больнице. Она была прекрасной подругой и хорошей медсестрой. Физически работать она тоже умела, хотя была хрупкой. Она была очень хорошей медсестрой, о себе она никогда не думала.

Моника взяла со стола кофейник и долила кофе Мартину Беку.

— Спасибо, — сказал он. — А жених у нее был?

— Да, конечно, очень приятный парень. Они еще не обручились, но она уже готовила меня к тому, что вскоре это произойдет. Думаю, они собирались пожениться на Новый год. У него есть своя квартира.

— Они давно были знакомы?

Она задумчиво грызла ноготь.

— Не меньше десяти месяцев. Он врач. О девушках говорят, что они становятся медсестрами, чтобы иметь шанс выйти замуж за врача, но с Бритт было вовсе не так. Она отличалась ужасной робостью и даже боялась мужчин.

Прошлой зимой ее освободили от работы из-за малокровия и общего упадка сил, и ей часто приходилось ходить на контрольные обследования. Тогда она и познакомилась с Бертилом. И сразу влюбилась без памяти. Она обычно говорила, что ее вылечила его любовь, а не его лечение.

Мартин Бек разочарованно вздохнул.

– Вам в этом что-то не нравится? – подозрительно спросила она.

– Нет-нет. У нее было много знакомых мужчин?

Моника Гранхольм улыбнулась и покачала головой.

– Ни одного, кроме тех, с которыми она встречалась в больнице, по работе. Она была очень холодная. По-моему, до Бертила у нее никого не было.

Она водила пальцем по столешнице. Потом наморщила лоб и посмотрела на Мартина Бека.

– Неужели вас интересует ее интимная жизнь? Какое это имеет отношение к происшедшему?

Мартин Бек вынул из внутреннего кармана бумажник и положил его на стол.

– В автобусе рядом с Бритт Даниельсон сидел мужчина. Это был полицейский, которого звали Оке Стенстрём. У нас имеются основания полагать, что они были знакомы и ехали вместе. Нас интересует, называла ли фрёкен Даниельсон когда-либо его фамилию?

Он достал из бумажника фотографию Стенстрёма и подвинул ее к Монике Гранхольм.

– Вы видели когда-нибудь этого человека?

Она пригляделась к фотографии и покачала головой. Потом поднесла ее ближе к глазам и еще раз внимательно посмотрела на нее.

– Да, конечно, – сказала она. – В газетах. Однако здесь он выглядит лучше. – Она вернула фотографию со словами: – Бритт не знала этого человека. В этом я могу почти поклясться. Абсолютно исключено, чтобы она позволила кому-нибудь, кроме жениха, проводить себя домой. Это просто было не в ее стиле.

Мартин Бек засунул бумажник в карман.

– Может быть, они дружили и...

Моника энергично покачала головой.

– Бритт была очень порядочная, робкая и, как я уже говорила, почти боялась мужчин. Кроме того, она по уши влюбилась в Бертила и ни на кого другого даже не взглянула бы. Ни на друга, ни на кого другого. К тому же я была единственным человеком, которому она доверяла, кроме Бертила, естественно. Она рассказывала мне обо всем. Мне очень жаль, герр комиссар, но, очевидно, это ошибка.

Она открыла сумочку и достала оттуда портмоне.

– Мне пора возвращаться к моим сосункам. У меня их семнадцать.

Она принялась рыться в кошельке, но Мартин Бек остановил ее движением руки.

– Это за счет государства, – сказал он.

Когда они стояли у ворот больницы, Моника Гранхольм предположила:

– Они, конечно, могли быть знакомы с детства или со школьных времен и случайно встретились в автобусе. Но об этом я могу только догадываться. Бритт жила в Эслёве до тех пор, пока ей не исполнилось двадцать лет. А откуда был родом этот полицейский?

– Из Халстахаммара, – сказал Мартин Бек. – Как фамилия того врача, Бертила?

– Персон.

– А где он живет?

– Гиллербакен, 22. В Рогсведе.

Немного поколебавшись, Мартин Бек протянул ей руку, для надежности не сняв перчатку.

– Передайте от меня благодарность государству за угощение, – сказала Моника Гранхольм, широким шагом поднимаясь по склону холма.

XVI

Автомобиль Гюнвальда Ларссона стоял на Тегнергатан возле дома номер сорок. Мартин Бек взглянул на часы и толкнул входную дверь.

Было двадцать минут четвертого. Это означало, что Гюнвальд Ларссон, который всегда старается быть точным, уже двадцать минут находится у фру Асарсон. И к этому времени он наверняка уже успел выведать все о жизни директора Асарсона, начиная с первого класса школы.

Методика допросов Гюнвальда Ларссона опиралась на правило начинать с самого начала и продвигаться вперед шаг за шагом. Эта методика могла, конечно, оказаться эффективной, но частенько она была всего лишь изматывающей и скучной.

Дверь квартиры открыл мужчина средних лет, одетый в темный костюм и при галстукке серебристого цвета. Мартин Бек назвал себя и показал служебный жетон. Мужчина протянул руку.

– Туре Асарсон, – представился он. – Я брат... умершего. Входите. Ваш коллега уже здесь.

Мужчина подождал, пока Мартин Бек повесит пальто, и вошел впереди него в широкую раздвижную дверь.

– Дорогая Мерта, это комиссар Бек.

Гостиная была большая и довольно темная. На низкой золотистой кушетке длиной не меньше трех метров сидела худощавая женщина в черном трикотажном костюме, с бокалом в руке. Она поставила бокал на стоящий возле кушетки низенький черный столик с мраморной столешницей и подала Мартину Беку руку, изогнув ладонь так, словно ждала поцелуя. Мартин Бек неловко пожал безвольные пальцы и пробормотал:

– Примите мои соболезнования, уважаемая фру.

По другую сторону мраморного столика стояли три низких розовых кресла, в одном из которых с довольно странным выражением лица сидел Гюнвальд Ларссон. Только тогда, когда Мартин Бек после любезного кивка хозяйки сам уселся в такое же кресло, он понял, что угнетает Гюнвальда Ларссона.

Дело в том, что конструкция кресла вынуждала сидящего принять горизонтальное положение, а было бы несколько странно проводить допрос лежа. Гюнвальд Ларссон сложился, как перочинный ножик, что требовало значительных усилий. Лицо у него было красным, он зло глядел на Мартина между торчащих перед ним, как альпийские вершины, колен.

Мартин Бек сначала поджал ноги влево, потом вправо, после чего попытался скрестить их и убрать под кресло, однако оно оказалось слишком низким. В конце концов он улегся в той же позе, что и Ларссон.

Вдова за это время успела опорожнить бокал и подала

его деверю для того, чтобы он снова его наполнил. Деверь испытующе поглядел на нее и принес с ночного столика графин и чистый бокал.

– Позвольте предложить вам бокал шерри, комиссар, – сказал он.

Прежде чем тот успел отказаться, он наполнил бокал и поставил перед Мартином Беком.

– Я как раз спрашивал фру Асарсон, знает ли она, почему ее муж в понедельник вечером ехал в том автобусе, – сказал Гюнвальд Ларссон.

– А я ответила вам то же самое, что сказала субъекту, который был настолько бестактен, что принялся задавать вопросы о моем муже через секунду после того, как сообщил о его смерти. Не знаю.

Она сделала движение бокалом в направлении Мартина Бека и осушила его одним глотком. Мартин Бек попытался дотянуться до своего бокала, но промахнулся и снова упал в кресло.

– А вам известно, где ваш муж был раньше в тот вечер? – спросил он.

Хозяйка поставила бокал, взяла из стоящей на столе зеленой стеклянной шкатулки сигарету с оранжевой гильзой и золотым фильтром, размяла ее в пальцах, несколько раз постучала ею по крышке шкатулки и подождала, пока деверь подаст ей огонь. Мартин Бек заметил, что она не вполне трезва.

– Да, известно, – сказала она. – Он был на собрании. В шесть часов мы пообедали, потом он переоделся и около семи ушел.

Гюнвальд Ларссон вынул листок бумаги и авторучку. Ковыряя ею в ухе, он спросил:

– На собрании? Каком именно и где?

Асарсон посмотрел на невестку и, поскольку она не отвечала, пришел ей на выручку.

– На собрании кружка под названием «Верблюды». Кружок состоит из девяти членов, которые дружат со времен совместной учебы в морской школе кадетов. Они обычно собирались у директора Шёберга на Нарвавеген.

– «Верблюды», – с подозрением повторил Гюнвальд Ларссон.

– Да, – объяснил Асарсон, – они обычно приветствовали друг друга словами: «Как дела, старый верблюд?», отсюда и название «Верблюды».

Вдова бросила на деверя критический взгляд.

– Это содружество на идеологической основе, – сказала она. – Они занимаются благотворительной деятельностью.

– Вот как? – произнес Гюнвальд Ларссон. – Какой именно, к примеру?

– Это тайна, – ответила фру Асарсон. – Даже мы, жены, об этом не знаем.

Мартин Бек, ощущая на себе взгляд Ларссона, спросил:

– Вам известно, в котором часу директор Асарсон ушел с Нарвавеген?

– Известно. Я не могла уснуть и около двух встала, чтобы сделать глоточек на ночь. Тут я увидела, что Гесты еще нет дома, и позвонила Винтику, они так называют директора Шёберга, и Винтик сказал мне, что Геста ушел около половины одиннадцатого.

Она замолчала и положила сигарету.

– Как вам кажется, куда ваш муж ехал в автобусе маршрута № 47? – спросил Мартин Бек.

Асарсон испуганно посмотрел на него.

– Естественно, он ехал к какому-нибудь клиенту. Мой муж был очень энергичным и много работал в фирме. Туре ее совладелец. Нередко мужу приходилось заниматься делами фирмы даже по ночам. Например, когда кто-нибудь приезжал из провинции и должен был только на одну ночь остановиться в Стокгольме и... – Она замолчала, подняла свой пустой бокал и принялась вертеть его в руке.

Гюнвальд Ларссон был занят тем, что делал записи на листке бумаги. Мартин Бек выпрямил ногу и помассировал колено.

– У вас есть дети? – спросил он.

Фру Асарсон подвинула бокал деверю, чтобы тот его наполнил, однако деверь не глядя поставил бокал на ночной столик. Она окинула его обиженным взглядом, с трудом поднялась и стряхнула с юбки пепел.

– Нет, комиссар Пек. Мой муж, к сожалению, не смог подарить мне детей.

Она около минуты глядела горящими глазами в какую-то точку за левым ухом Мартина Бека. Несколько раз моргнула, потом посмотрела на него самого.

– Ваши родители американцы, герр Пек? – спросила она.

– Нет, – ответил Мартин Бек.

Гюнвальд Ларссон по-прежнему писал. Мартин Бек вытянул шею и заглянул в листок. Он был покрыт изображениями верблюдов.

– Прошу прощения, комиссар Пек и Ларссон, мне нужно уйти, – сказала фру Асарсон и неуверенным шагом направилась к двери. – До свидания, мне было очень при-

ятно, — заплетающимся языком пробормотала она и закрыла за собой дверь.

Гюнвальд Ларссон спрятал авторучку и листок с намалеванными верблюдами, выкарабкался из кресла и спросил, не глядя на Асарсона:

— С кем он спал?

— С Эйвор Ольсон, она работает в офисе фирмы, — ответил Асарсон, бросив быстрый взгляд в сторону закрытой двери.

XVII

Вряд ли можно было сказать что-нибудь хорошее о той неприятной среде.

Как и следовало ожидать, вечерние газеты раскопали историю со Шверином и изложили ее в обширных репортажах, наspiгованных подробностями и саркастическими намеками в адрес полиции.

«Расследование зашло в тупик. Полиция втихомолку спрятала главного свидетеля. Полиция бессовестно обманула прессу и общественность».

«Если пресса и Великий Детектив — Общественное Мнение — не получают точной информации, то каким образом полиция может рассчитывать на их помощь?»

Единственная вещь, о которой не упоминали газеты, была смерть Шверина, однако это объяснялось, по-видимому, лишь длительностью процессов набора и печати.

Каким-то образом им также удалось разнюхать горькую правду о неудовлетворительном состоянии места пре-

ступления, когда туда прибыли специалисты из Института судебной экспертизы.

«Драгоценное время было упущено!»

К несчастью, групповое убийство совпало с запланированным несколько недель назад обыском киосков и табачных лавочек с целью обнаружить порнографическую литературу, оскорбляющую общественную мораль.

Одна из газет язвительно сообщила на первой полосе, что по городу носится охваченный исступлением психически больной убийца, население в панике, горячие следы остывают, а в это время целая армия духовных наследников Олафа Бергстрёма²⁰ с топотом мечется по городу, разглядывает порнографические открытки и, почесывая в затылке, пытается разобраться в путаной инструкции Министерства юстиции и понять, что следует считать оскорблением общественной морали, а что – нет.

Кольберг пришел на Кунгсхольмсгатан около четырех часов дня. У него были кристаллики льда в волосах и бровях, угрюмое выражение лица и пачки газет под мышкой.

– Имей мы столько информаторов, сколько развелось писак, можно было бы даже пальцем не шевелить, – сказал он.

– Все дело в деньгах, – заметил Меландер.

– Сам знаю. Но разве это помогло бы?

– Нет, – ответил Меландер. – Однако это самое простое объяснение.

Он вытряхнул пепел из трубки и углубился в свои бумаги.

²⁰ *Олаф Бергстрём* (1841–1910) – баптистский проповедник, убежденный трезвенник. Основатель (1879 г.) и глава (1880–1881 гг.) масонской ложи в Швеции. Позднее активно действовал в США.

– Ты, наконец, поговорил уже с психологами? – с кислой миной поинтересовался Колльберг.

– Да, – не поднимая головы, ответил Меландер. – Протокол сейчас перепечатаывают.

В штаб-квартире расследования появилось новое лицо. Третью обещанного пополнения только что прибыла. Монссон из Мальмё.

Монссон был почти такого же роста, как Гюнвальд Ларссон, однако внешне выглядел гораздо менее устрашающе. Из Сконе он приехал на собственном автомобиле. Причем вовсе не для того, чтобы получить ничтожную компенсацию в сорок шесть эре за один километр, а потому, что совершенно справедливо полагал, что было бы неплохо иметь в своем распоряжении автомобиль с буквой «М» на номерном знаке.

Теперь он стоял у окна и глядел на улицу, одновременно жуя зубочистку.

– Для меня есть какая-нибудь работа? – спросил он.

– Да. Мы не успели допросить несколько человек. Например, фру Эстер Кельстрём, вдову одной из жертв.

– Вдову слесаря Юхана Кельстрёма?

– Да. Она живет на Карлбергсвеген, 89.

– А где находится Карлбергсвеген?

– Вон там висит план, – усталым голосом сказал Колльберг.

Монссон положил изжеванную зубочистку в пепельницу Меландера, вынул из внутреннего кармана новую и с хмурым видом осмотрел ее. С минуту он изучал план города, потом надел плащ. В дверях он обернулся и посмотрел на Колльберга.

– Послушай.

– Да, в чем дело?

– Тут есть какой-нибудь магазин, где можно купить ментоловые зубочистки?

– Не знаю.

– Ага, – удрученно сказал Монссон. Перед тем как выйти, он добавил: – Но ведь должны же они здесь быть. Дело в том, что я недавно бросил курить.

Когда дверь за ним закрылась, Колльберг посмотрел на Меландера и сказал:

– Я однажды уже встречался с этим субъектом. В Мальмё, прошлым летом. Тогда он сказал то же самое.

– О зубочистках?

– Да.

– Странно.

– Что?

– То, что за целый год он не смог проверить, продаются ли они.

– Эх, ты безнадежен, – сказал Колльберг.

Меландер принялся набивать трубку. Все еще не поднимая взгляда, он сказал:

– У тебя плохое настроение?

– Конечно, черт возьми, – ответил Колльберг.

– Злиться бессмысленно. В таком состоянии все валится из рук.

– Тебе легко говорить, – ответил Колльберг, – потому что ты флегматик.

Меландер не отреагировал на это, и разговор закончился.

Несмотря на все утверждения о чинимых полицией

препятствиях, Великий Детектив – Общество – действовал без усталости целый день.

Сотни людей звонили или приходили лично, чтобы сообщить, что они, предположительно, ехали в том автобусе, в котором произошло групповое убийство.

Всю эту информацию нужно было перемолоть в мельницах допросов, и только в одном случае этот труд оказался не напрасным.

Мужчина, который сел в двухэтажный автобус возле Юргордсброн в понедельник вечером около десяти часов, заявил о готовности присягнуть, что видел Стенстрёма. Он сделал это заявление по телефону Меландеру, и тот сразу же вызвал его.

Это был мужчина лет пятидесяти. Судя по всему, он был абсолютно уверен в том, что говорит.

– Значит, вы видели ассистента Стенстрёма?

– Да.

– Когда?

– Тогда, когда я сел возле Юргордсброн. Он сидел слева за водителем.

Мужчина был прав, однако Меландер не подал виду. Сведения о том, как сидели жертвы, еще не просочились в прессу.

– Вы уверены, что это был он?

– Да.

– Откуда у вас такая уверенность?

– Я узнал его. Когда-то я работал ночным вахтером.

– Да, – сказал Меландер. – Пару лет назад вы сидели в вестибюле старого здания управления полиции на Агнегатан. Я припоминаю вас.

– Это правда, – удивился допрашиваемый. – А я вас не помню.

– Я видел вас только два раза, – сказал Меландер. – И мы с вами никогда не разговаривали.

– Однако Стенстрёма я прекрасно помню. Потому что... – Он замялся.

– Я вас слушаю, – благожелательно ободрил его Меландер. – Потому что?..

– Он выглядел так молодо и был одет в джинсы и спортивную куртку, поэтому я подумал, что он не является сотрудником полиции, и хотел проверить у него документы. И...

– Да?

– Через неделю я сделал ту же ошибку. Это было досадно.

– Ну ничего, бывает. А теперь, когда вы увидели его позавчера вечером, он узнал вас?

– Нет. Наверняка нет.

– Рядом с ним кто-нибудь сидел?

– Нет, место рядом было пустым. Я отлично это помню, потому что вначале хотел поздороваться с ним и сесть рядом. Но потом решил, что с моей стороны это было бы невежливо.

– Жаль. Вы вышли на Сергельсторг?

– Да. Там я пересел в метро.

– А Стенстрём остался?

– Да, наверное. Во всяком случае я не видел, чтобы он выходил.

– Вы позволите предложить вам чашечку кофе?

– Конечно, спасибо, – поблагодарил допрашиваемый.

– Я буду вам весьма обязан, если вы не откажетесь взглянуть на несколько фотографий, – сказал Меландер. – К сожалению, они довольно неприятные.

– Понимаю, – пробормотал свидетель.

Он посмотрел на фотографии. При этом он побледнел и несколько раз сглотнул слюну. Единственным человеком, которого он опознал, был Стенстрём.

Через минуту явились почти одновременно Мартин Бек, Гюнвальд Ларссон и Рённо.

– Ну, – сказал Колльберг, – Шверин...

– Да, – ответил Рённо. – Умер.

– Ну и?..

– Он что-то сказал.

– Что?

– Не знаю, – ответил Рённо и поставил магнитофон на стол.

Они стояли вокруг стола и слушали.

– Кто стрелял?

– Днрк.

– Как он выглядел?

– Акальсон.

– Из этого твоего допроса ничего не выжмешь. Послушай, к тебе обращается старший ассистент Улльхольм...

– Он умер.

– О, дьявол, – сказал Гюнвальд Ларссон. – Мне хочется блевать, когда я слышу этот голос. Однажды он обвинил меня в служебном проступке.

– А что ты сделал? – спросил Рённо.

– Выругался в дежурке полицейского участка округа

Клара. Двое парней приволокли голую девку. Она была мертвецки пьяна, визжала, как ненормальная, и в машине сорвала с себя одежду. Я пытался им объяснить, что они должны были хотя бы одеяло набросить на эту б..., прежде чем приводить ее в участок. А Ульхольм заявил, что я нанес моральную травму женщине, причем несовершеннолетней, этим грубым, вульгарным словом. Он тогда был дежурным. Потом он перевелся в Сольну, чтобы быть поближе к лону.

– Лону природы?

– Нет, думаю, к лону собственной жены.

Мартин Бек еще раз запустил магнитофонную ленту.

– Кто стрелял?

– Днрк.

– Как он выглядел?

– Акальсон.

– Ты сам придумал эти вопросы? – поинтересовался Гюнвальд Ларссон.

– Да, они у меня записаны здесь, – робко сказал Рённ.

– Прекрасно.

– Он пришел в сознание только на полминуты, – обиженно произнес Рённ. – Потом он умер.

Мартин Бек еще раз воспроизвел запись. Потом еще и еще.

– Черт его знает, что он бормочет, – сказал Колльберг.

Он не успел побриться и задумчиво почесывал щетину на подбородке.

Мартин Бек обратился к Рённу.

– А ты как считаешь? Ты ведь там был.

– Ну, – сказал Рённ, – я считаю, что он понял вопросы и пытался ответить.

– Ну и?

– И на первый вопрос он ответил отрицательно, например, «не знаю» или «я не узнал его».

– Черт его знает, как ты сумел догадаться о таком ответе по этому «днрк», – изумленно сказал Гюнвальд Ларссон.

Рённо покраснел и неуверенно заерзал.

– Да, – сказал Мартин Бек, – почему ты пришел к подобному выводу?

– Не знаю, – ответил Рённо. – У меня сложилось такое впечатление.

– Ага, – произнес Гюнвальд Ларссон. – И что же дальше?

– На второй вопрос он четко ответил: «Акальсон».

– Да, – сказал Колльберг. – Я это слышал. Но что он имел в виду?

Мартин Бек кончиками пальцев массировал лоб у корней волос.

– Акальсон, – задумчиво произнес он, – или, возможно, Якобсон.

– Он сказал: «Акальсон», – уперся Рённо.

– Верно, – согласился Колльберг, – но такой фамилии не существует.

– Нужно проверить, – сказал Меландер. – Может, такая фамилия существует. А теперь...

– Ну?

– Теперь мы, полагаю, должны передать ленту специалистам. Если наша лаборатория не справится, нужно будет обратиться на радио. Там у звукооператоров аппаратура получше. Они могут разделить звуки на ленте, проверить ее на разных скоростях.

– Согласен, – сказал Мартин Бек, – это хорошая мысль.

– Только сперва сотрите этого Улльхольма, – сказал Гюнвальд Ларссон, – а то выставим себя на всеобщее посмеище. – Он огляделся по сторонам. – А где этот желторотый Монссон?

– Наверное, заблудился, – ответил Колльберг. – Все же надо было объяснить ему, как туда добраться. – Он тяжело вздохнул.

Вошел Эк, в задумчивости поглаживая свои серебряные волосы.

– Что там еще? – спросил Мартин Бек.

– Газеты жалуются, что не получили фотографии того мужчины, которого до сих пор не опознали.

– Ты ведь сам знаешь, как он выглядел на этой фотографии, – сказал Колльберг.

– Да, но...

– погоди, – перебил его Меландер. – Можно дать описание. Возраст тридцать пять-сорок лет, рост метр семьдесят один, вес шестьдесят девять килограммов, сорок второй размер обуви, глаза карие, шатен. Имеется шрам после удаления аппендикса. Темные волосы на груди и животе. Старый шрам на стопе. Зубы... нет, об этом лучше не упоминать.

– Я отправлю им это, – выходя сказал Эк.

Примерно минуту все молчали.

– Фредрику удалось кое-что установить, – наконец сказал Колльберг. – Оказывается, Стенстрём уже сидел в автобусе, когда проезжал по Юргордсброн. Следовательно, он ехал из Юргордена.

– За каким чертом его туда понесло? – удивился Гюнвальд Ларссон. – Вечером? В такую погоду?

– Я тоже кое-что выяснил, – сказал Мартин Бек. – Вероятнее всего, он не был знаком с той медсестрой.

– Это точно? – спросил Колльберг.

– Нет.

– На Юргордсброн он был один, – добавил Меландер.

– Рённ тоже кое-что установил, – сказал Гюнвальд Ларссон.

– Что именно?

– То, что «днрк» означает «я не узнал его», я уже не говорю о человеке по фамилии Акальсон...

Это было все, что удалось установить в среду, пятнадцатого ноября.

Шел снег. Падали большие мокрые хлопья. Уже было совершенно темно.

Конечно, фамилии Акальсон нет. По крайней мере, в Швеции.

В четверг им вообще ничего не удалось установить.

В четверг вечером, когда Колльберг вернулся к себе домой на Паландергатан, было уже больше одиннадцати. Жена читала, сидя у торшера. На ней был коротенький халатик, она устроилась в кресле, поджав под себя ноги.

– Привет, – поздоровался Колльберг, – Ну, как там твои курсы испанского?

– Естественно, никак. Даже смешно представить себе, что вообще можно чем-то заниматься, будучи женой полицейского.

Колльберг не ответил. Он быстро разделся и отправился в ванную. Побрился, принял душ, долго обливался водой, надеясь, что разъяренный сосед не позвонит в по-

лицию и не обвинит его в том, что, пустив воду, он нарушил ночную тишину. Потом он надел купальный халат, пошел в комнату и, усевшись напротив жены, принялся задумчиво смотреть на нее.

— Давненько я тебя не видела, — сказала она, не поднимая глаз от книжки. — Как там у вас дела?

— Паршиво.

— Жаль. Просто не верится, что в центре города в автобусе кто-то может застрелить несколько человек, просто так, без всякой причины. А в это время полиция не находит ничего лучше, как устраивать глупейшие облавы. Это просто удивительно.

— Да, — согласился Колльберг. — Это в самом деле удивительно.

— Кроме тебя, есть еще хотя бы один человек, который тридцать шесть часов не был дома?

— Возможно, есть.

Она продолжала читать, а он молча сидел минут десять, может быть, даже пятнадцать, не сводя с нее глаз.

— Что это ты так на меня уставился? — спросила она, по-прежнему не глядя на него, но в голосе у нее появились веселые нотки.

Колльберг не ответил, и со стороны казалось, что она целиком погрузилась в чтение. Она была темноволосая и кареглазая, с правильными чертами лица и густыми бровями. Она была на четырнадцать лет моложе него, недавно ей исполнилось двадцать девять, и она, как и всегда, казалась ему очень красивой. Наконец он сказал:

— Гюн?

Впервые с того момента, как он вошел в дом, она по-

смотрела на него, со слабой улыбкой и бесстыдным чувственным блеском в глазах.

– Да?

– Встань.

– Пожалуйста.

Она загнула уголок страницы, до которой успела дочитать, закрыла книгу и положила ее на подлокотник кресла. Поднялась и встала перед ним, не сводя с него взгляда, опустив руки и широко расставив босые ноги.

– Отвратительно, – сказал он.

– Что отвратительно? Я?

– Нет. Отвратительно, когда загибают страницы книги.

– Это моя книга, – сказала она. – Я купила ее за свои собственные деньги.

– Разденься.

Она подняла руку к воротнику и начала расстегивать пуговицы, медленно, одну за другой. По-прежнему не отводя от него взгляда, она распахнула легкий халатик и сбросила его на пол.

– Повернись, – сказал он.

Она повернулась к нему спиной.

– Ты красивая.

– Благодарю. Мне так стоять?

– Нет. Спереди ты лучше.

– Неужели?

Она повернулась кругом и посмотрела на него с тем же самым вызывающим выражением лица.

– А на руках ты умеешь стоять?

– Во всяком случае умела до того, как с тобой познакомилась. Потом в этом уже не было необходимости. Попробовать?

– Не нужно.

– Но я могу это сделать.

Она подошла к стене, наклонилась и встала на руки, головой вниз. Внешне без всякого труда. Колльберг с интересом глядел на нее.

– Мне так стоять? – спросила она.

– Нет, не нужно.

– Но я охотно буду стоять, если это тебя развлекает. Если я потеряю сознание, прикрой меня чем-нибудь. Набрось на меня что-нибудь сверху.

– Нет, не нужно, встань.

Она ловко встала на ноги и бросила на него взгляд через плечо.

– А если бы я сфотографировал тебя в таком виде, – спросил он; – что ты на это сказала бы?

– Что ты подразумеваешь под словами «в таком виде»? Голую?

– Да.

– Вверх ногами?

– Предположим.

– У тебя ведь нет фотоаппарата.

– Действительно, нет. Однако это неважно.

– Конечно можешь, если у тебя есть такое желание. Ты можешь делать со мной все, что тебе заблагорассудится. Я ведь уже сказала тебе это два года назад.

Он не ответил. А она по-прежнему стояла у стены.

– А что ты сделал бы с этими фотографиями?

– Вот в этом-то все и дело.

Она подошла к нему и сказала:

– Теперь, по-моему, самое время спросить, зачем, соб-

ственно, тебе все это нужно. Если ты хочешь переспать со мной, то у нас ведь есть прекрасная кровать, а если она тебя уже не устраивает, то диван тоже замечательный. Мягкий и пушистый. Я сама его сделала.

– У Стенстрёма в письменном столе была целая кипа таких фотографий.

– На работе?

– Да.

– Чьих?

– Его девушки.

– Осы?

– Да.

– Наверное, это было не слишком приятное зрелище?

– Ну, я бы не сказал.

Она нахмурила брови.

– Вопрос в том, зачем они понадобились, – сказал Колльберг.

– Разве это имеет какое-нибудь значение?

– Не знаю. Но я не могу это объяснить.

– Может, ему просто нравилось разглядывать их.

– Мартин тоже так говорит.

– По-моему, гораздо благоразумнее было бы иногда приезжать домой и смотреть живьем.

– Мартин тоже не всегда проявляет благоразумие. Например, он беспокоится о нас с тобой. По нему это видно.

– О нас? Почему?

– Наверное, потому, что тогда, в пятницу вечером, я вышел один.

– А он что, никогда не выходит из дому без жены?

– Тут что-то не так, – сказал Колльберг. – Со Стенстрёмом и теми фотографиями.

– Почему? У мужчин бывают разные причуды. Она хорошо выглядела на тех фотографиях?

– Да.

– Очень хорошо?

– Да.

– Знаешь, что мне следовало бы сказать?

– Да.

– Но я этого не скажу.

– Не скажешь. Это я тоже знаю.

– Что же касается Стенстрёма, то, возможно, он хотел показать фотографии приятелям. Похвастать.

– Вряд ли. Он не был таким.

– А зачем ты вообще ломаешь себе над этим голову?

– Сам не знаю. Может быть, потому, что у нас нет никаких мотивов.

– А это, значит, ты называешь мотивами? Думаешь, кто-то застрелил Стенстрёма из-за этих фотографий? Зачем же в таком случае ему понадобилось убивать еще восемь человек?

Колльберг долго смотрел на нее.

– Верно, – сказал он. – Резонный вопрос.

Она наклонилась и поцеловала его в лоб.

– Может быть, ляжем, – предложил Колльберг.

– Прекрасная мысль. Я только приготовлю бутылку для Будиль. Это займет максимум тридцать секунд. Согласно инструкции. Увидимся в постели. А может, на полу или в ванне, где тебе угодно.

– В постели.

Она пошла в кухню. Колльберг встал и погасил торшер.

– Леннарт!

– Да?

– Сколько лет Осе?

– Двадцать четыре.

– Ага. Вершины сексуальной активности женщина достигает между двадцатью девятью и тридцатью двумя годами. Так утверждает американский сексолог Кинси.

– А мужчина?

– Около восемнадцати лет.

Он слышал, как она размешивает кашу в кастрюльке. Потом она добавила:

– Но для мужчин это определено не с такой точностью, у них бывает по-разному. Если, конечно, это может тебя успокоить.

Колльберг наблюдал за своей женой через приоткрытую дверь кухни. Его жена была длинноногой женщиной с нормальной фигурой и спокойным характером. Она была именно такой, какую он всегда искал, но эти поиски заняли у него больше двадцати лет, и еще один год дополнительно понадобился ему для того, чтобы наконец решиться.

Она уже едва себя сдерживала, ей трудно было спокойно стоять на одном месте.

– Тридцать секунд, – пробормотала она. – Бессовестные лгуны.

Колльберг улыбнулся в темноте. Он знал, что через минуту сможет наконец забыть о Стенстрёме и красном двухэтажном автобусе. Впервые за последние три дня.

Мартину Беку не понадобилось двадцать лет для того,

чтобы найти себе жену. Он познакомился с ней шестнадцать лет назад, она сразу же забеременела, и они так же быстро поженились.

Сейчас она стояла в дверях спальни, словно «мене, текел²¹», в помятой ночной рубашке, со следом подушки на лице.

– Ты кашляешь и сморкаешься так, что весь дом просыпается, – сказала она.

– Извини.

– И зачем ты куришь ночью? У тебя ведь и без того горло болит.

Он погасил сигарету и сказал:

– Мне жаль, что я разбудил тебя.

– Это не имеет значения. Самое главное, чтобы ты снова не подхватил воспаление легких. Будет лучше, если завтра ты останешься дома.

– Мне трудно это сделать.

– Пустые слова. Если ты болен, значит, не можешь работать. Надеюсь, в полиции есть еще кто-то, кроме тебя. К тому же, по ночам ты должен спать, а не читать старые рапорты. То убийство в такси ты никогда не раскроешь. Уже половина второго! Убери эту потрепанную старую тетрадь и погаси свет. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – машинально сказал Мартин Бек, обращаясь к уже закрытой двери спальни.

Он нахмурился и отложил в сторону скоросшиватель с рапортами. Ошибкой было называть его потрепанной ста-

²¹ «Мене, текел, упарсин» – надпись, которая появилась на стене во время пира во дворце Валтасара и которая предсказывала его скорую гибель (Книга пророка Даниила, 5: 25).

рой тетрадкой, поскольку это были протоколы вскрытия трупов; он получил их вчера вечером перед тем как уйти домой. Хотя пару месяцев назад он действительно не спал по ночам, просиживая над материалами дела об убийстве таксиста с целью ограбления, совершенном двенадцать лет назад.

Несколько минут он лежал неподвижно, разглядывая потолок. Услышав похрапывание жены в спальне, он быстро встал и на цыпочках вышел в прихожую. Положил руку на телефон, немного постоял, потом пожал плечами, поднял трубку и набрал номер Колльберга.

– Колльберг, – услышал он запыхавшийся голос Гюн.

– Привет. Там Леннарта поблизости нет?

– Есть. Причем ближе, чем ты можешь себе представить.

– В чем дело? – спросил Колльберг.

– Я помешал тебе?

– Ну, можно сказать, что да. Какого черта тебе надо в такое время?

– Послушай, помнишь, что было прошлым летом после убийства в парке?

– Конечно.

– У нас тогда не было работы, и Хаммар велел, чтобы мы просмотрели старые нераскрытые дела. Припоминаешь?

– О Боже, ну конечно же припоминаю. Ну и что?

– Я взял дело об убийстве таксиста в Буресе, а ты занялся старичком из Эстермальма, который исчез семь лет назад.

– Да. И ты звонишь, чтобы сказать мне об этом?

– Нет. Ты не помнишь, чем занялся Стенстрём? Он тогда как раз вернулся из отпуска.

– Понятия не имею. Я думал, он сказал тебе, чем занялся.

– Нет, он никогда не упоминал об этом.

– Ну, значит, он наверняка говорил об этом Хаммару.

– Да, конечно. Ты прав. Ну, пока. Извини, что я тебя разбудил.

– Иди к черту.

Мартин Бек услышал щелчок в трубке. Он еще немного постоял, прижимая трубку к уху, потом положил ее и побрел к своему дивану.

Он погасил свет и долго лежал в темноте с чувством собственной глупости.

XVIII

Вопреки всем ожиданиям, утро пятницы началось с новости, которая вдохнула определенные надежды.

Мартин Бек принял эту новость по телефону, и остальные услышали его слова:

– Что? Установили? В самом деле?

Все бросили работу и уставились на говорившего. Мартин Бек положил трубку и сказал:

– Баллистическая экспертиза закончена.

– Ну?

– Тип оружия установлен.

– Ага, – невозмутимо сказал Колльберг.

– Армейский автомат, – заявил Гюнвальд Ларссон. – Они тысячами лежат на никем не охраняемых складах. С

таким же успехом их можно было бесплатно раздать преступникам, чтобы сэкономить на новых замках, которые приходится менять каждую неделю. Мне понадобится всего полчаса, чтобы съездить в город и купить целую дюжину автоматов.

— Это не совсем так, — сказал Мартин Бек, взяв лист бумаги, на котором сделал пометки. — «Суоми», тридцать седьмая модель.

— Это еще что такое? — спросил Меландер.

— Автомат старого образца с деревянным прикладом, — объяснил Гюнвальд Ларссон. — Я не видел их с сорокового года.

— Он изготовлен в Финляндии или здесь, по финской лицензии? — спросил Колльберг.

— В Финляндии, — ответил Мартин Бек. — Человек, который звонил, говорит, что это совершенно точно. Патроны тоже старые, они изготовлены фирмой «Тиккакоски — Швейные машины».

— Тридцать седьмая модель, — повторил Колльберг. — С тридцатисемизарядным магазином. Трудно представить себе, у кого сегодня может быть такой автомат.

— Сегодня ни у кого, — заявил Гюнвальд Ларссон. — Сегодня он уже лежит на дне Стрёммен. В тридцати метрах под водой.

— Возможно, — сказал Мартин Бек. — Но у кого он был четыре дня назад?

— У какого-то сумасшедшего финна, — ответил Гюнвальд Ларссон. — Надо устроить облаву и схватить всех сумасшедших финнов, которые живут в этом городе. Веселая работенка.

– Прессе сообщим об этом? – спросил Колльберг.

– Нет, – предупредил Мартин Бек. – Прессе ни слова.

Воцарилось молчание. Это была первая зацепка. Сколько понадобится времени, чтобы найти вторую?

Дверь распахнулась, в кабинет вошел молодой человек и с любопытством осмотрелся вокруг. В руке у него был серый конверт.

– К кому? – спросил Колльберг.

– К Меландеру, – ответил молодой человек.

– К старшему ассистенту Меландеру, – поправил его Колльберг. – Вон он сидит.

Молодой человек положил конверт на письменный стол Меландера. Он уже собрался выйти, как вдруг Колльберг сказал:

– Что-то я не слышал, чтобы ты стучал.

Молодой человек, который уже взялся за дверную ручку, замер, но ничего не ответил. В наступившей тишине Колльберг медленно и отчетливо, словно давал пояснения ребенку, произнес:

– Перед тем как войти в комнату, следует постучать в дверь, подождать, когда ответят «войдите», и только после этого входить. Понятно?

– Да, – буркнул молодой человек, глядя на ноги Колльберга.

– Это хорошо, – сказал Колльберг и повернулся к нему спиной.

Молодой человек быстро выскользнул за дверь и бесшумно закрыл ее за собой.

– Кто это? – спросил Гюнвальд Ларссон.

Колльберг пожал плечами.

– Он чем-то напоминает Стенстрёма, – добавил Гюнварльд Ларссон.

Меландер вынул изо рта трубку, открыл конверт и вытащил оттуда зеленую книгу сантиметровой толщины.

– Что это? – поинтересовался Мартин Бек.

Меландер перелистал зеленую книгу.

– Заключение психологов, – объяснил он. – Я попросил переплести его.

– Ага, – сказал Гюнварльд Ларссон. – У них тоже имеются гениальные версии? Наш несчастный преступник, совершивший групповое убийство, якобы однажды в переходном возрасте вынужден был отказаться от поездки в автобусе, так как у него не было денег на билет, и это событие оставило такой глубокий след в его впечатлительной душе...

Мартин Бек прервал тираду Ларссона.

– В этом нет ничего смешного, Гюнварльд, – сухо сказал он.

Кольберг бросил на него быстрый удивленный взгляд и обратился к Меландеру:

– Ну и что там у тебя в этой книге?

Меландер вытряхнул из трубки пепел на листок бумаги, сложил его и выбросил в корзину.

– В Швеции прецедентов не было, – сказал он. – Разве что если углубиться в прошлое вплоть до времен Нордлунда и бойни на пароходе «Принц Карл²²». Им пришлось опираться исключительно на американские исследования

²² 17 мая 1900 г. Юхан Нордлунд убил четырех человек и ранил восьмерых на пароходе «Принц Карл» на озере Маларен. В декабре того же года был казнен.

за последние несколько десятков лет. — Он продул трубку и продолжил, набивая ее: — У американских психологов, в отличие от наших, нет недостатка в материале для подобного рода исследований. Здесь упомянуты среди прочих душитель из Бостона; Спек, убивший в Чикаго восемь медсестер; Уитмен, выстрелами с вышки убивший шестнадцать человек, а ранивший намного больше; Анрэг, который вышел на улицу в Нью-Джерси и за двенадцать минут застрелил тринадцать человек, и множество других случаев, о которых вам наверняка известно из газет. — Он перелистал зеленую книгу.

— Групповые убийства — это, кажется по части американцев, — заметил Гюнвальд Ларссон.

— Да, — согласился Меландер, — в этом труде излагаются несколько довольно правдоподобных теорий, обобщающих это явление.

— Апология насилия, — произнес Колльберг. — Общество карьеристов. Продажа оружия по почте. Грязная война во Вьетнаме.

Меландер сделал затяжку и кивнул.

— Среди всего прочего, — согласился он.

— Я где-то читал, — сказал Колльберг, — что на тысячу американцев имеются один-два потенциальных преступника, способных совершить групповые убийства. Интересно, каким образом им удалось это установить.

— Анкетный опрос, — объяснил Гюнвальд Ларссон. — Это тоже американская выдумка. Обходят дома и спрашивают людей, как им кажется, способны ли они совершить групповое убийство. Двое из тысячи отвечают: «Да, мне кажется это приятным».

Мартин Бек высморкался и покрасневшими глазами с раздражением посмотрел на Гюнвальда Ларссона.

Меландер откинулся назад и распрямил ноги.

— А что твои психологи говорят о характерных чертах такого убийцы?

Меландер отыскал нужную страницу и прочел:

— Ему чаще всего меньше тридцати лет, он робкий и недоразвитый, хотя окружающие считают его хорошо воспитанным и сообразительным. Иногда он пьющий, но чаще является абстинентом. Предполагается, что он небольшого роста, с каким-нибудь физическим дефектом, который выделяет его из общей массы. В обществе он играет незначительную роль, рос в нищете. Часто это ребенок разведенных родителей или сирота и в детстве ему не хватало ласки. Как правило, он не совершал до этого никаких серьезных правонарушений. — Он поднял глаза и пояснил: — Это основано на сопоставлении фактов, которые выясняются при допросах, и тестовых исследований американских преступников, совершивших групповые убийства.

— Да ведь такой убийца должен быть сумасшедшим, — сказал Гюнвальд Ларссон. — Но по нему этого не видно до тех пор, пока он не выскочит на улицу и не убьет кучу народу.

— Тот, кто является психопатом, может производить впечатление абсолютно нормального человека до тех пор, пока не произойдет нечто, давшее толчок освобождению скрытой в нем болезни. Психопатия состоит в том, что какая-то или какие-то черты характера данного человека ненормально развиты, в остальном же он совершенно

нормален, это касается одаренности, способности к работе и так далее. Людей, которые внезапно совершают групповые убийства, бессмысленные и внешне не имеющие причины, их друзья и родственники, как правило, считают рассудительными, хорошо воспитанными, и никто не ожидает, что они способны на такое. Большинство преступников, которых описали американцы, утверждают, что уже давно знали о своей болезни и пытались подавить в себе разрушительные тенденции, однако в конце концов поддавались им. Такой убийца может страдать манией преследования или манией величия, а также болезненным чувством вины. Нередко подобный преступник обосновывает свой поступок тем, что он хотел добиться признания, или тем, что ему хотелось, чтобы о нем писали в газетах. Чаще всего за таким поступком скрывается желание чем-либо выделиться или жажда мести. Преступник считает, что к нему плохо относятся, он чувствует себя униженным и непонятым. В большинстве случаев у них наблюдаются серьезные сексуальные отклонения.

После этого монолога Меландера воцарилась тишина. Мартин Бек смотрел в окно. Он был бледен, с темными тенями под глазами, и сутулился заметнее, чем обычно.

Колльберг сидел на письменном столе Гюнвальда Ларссона и соединял его скрепки в длинную цепочку. Гюнвальд Ларссон раздраженно отобрал у него коробочку со скрепками.

— Я читал вчера книжку об Уитмене, — сказал он, — ну, о том, который застрелил несколько человек с вышки в университете в Остине. Какой-то австрийский психолог, профессор, доказывает в ней, что сексуальное отклонение

Уитмена состояло в том, что ему хотелось переспать с собственной матерью. Вместо того, чтобы ввести в нее фаллос, пишет этот профессор, он воткнул в нее нож. Не могу похвастать такой памятью, как у Фредрика, но последняя фраза этой книги звучит следующим образом: «Потом он поднялся на вышку, которая была для него символом фаллоса, и излил свое смертоносное семя, словно выстрелы любви, в Мать Землю».

В кабинет вошел Монссон с неизменной зубочисткой в уголке рта.

– О Боже, о чем это вы здесь говорите!

– Автобус тоже может быть своего рода сексуальным символом, – задумчиво сказал Гюнвальд Ларссон, – хотя и в горизонтальном положении.

Монссон вытаращил на него глаза.

Мартин Бек подошел к Меландеру и взял зеленую книжку.

– Я хочу почитать это в спокойной обстановке, – сказал он. – Без остроумных комментариев.

Он направился к двери, однако его остановил Монссон, который вынул зубочистку изо рта и спросил:

– Что я должен делать?

– Не знаю. Спроси у Колльберга, – коротко ответил Мартин Бек и вышел.

– Можешь сходить побеседовать с домохозяйкой, у которой жил тот араб.

Он написал на листке бумаги фамилию и адрес и протянул листок Монссону.

– Что происходит с Мартином? – спросил Гюнвальд Ларссон. – Почему у него такой кислый вид? Колльберг пожал плечами.

– Наверное, у него есть на то свои причины, – ответил он.

Монссону понадобилось добрых полчаса, чтобы добраться до Норра-Сташенсгатан при таком интенсивном уличном движении. Когда он поставил машину напротив дома № 48, было начало четвертого и уже почти стемнело.

В этом доме было два жилья с фамилией Карлсон, однако Монссон без труда вычислил того, кто ему нужен.

К двери было приклеено восемь картонок с фамилиями. Две из них были напечатаны, остальные – написаны от руки разными почерками. На всех картонках были иностранные фамилии. Фамилии Мохаммеда Бусси среди них не оказалось.

Монссон позвонил. Дверь открыл мужчина с черными усами, в мятых брюках и майке.

– Фру Карлсон дома? – спросил Монссон.

Мужчина продемонстрировал в улыбке ослепительно белые зубы и развел руками.

– Фру Карлсон нет в дом, – ответил он на ломаном шведском языке. – Она скоро будет.

– Я подожду ее, – сказал Монссон, входя в прихожую.

Он расстегнул плащ и посмотрел на улыбающегося иностранца.

– Вы знали Мохаммеда Бусси, который здесь жил?

Улыбка на лице мужчины мгновенно исчезла.

– Да, – ответил он. – Это было ужасно. Ужасно. Мохаммед быть мой друг.

– Вы тоже араб? – спросил Монссон.

– Нет, турок. А вы тоже иностранец?

– Нет, – ответил Монссон. – Я швед.

– О, я решил, что вы иностранец, потому что вы чуть-чуть запинаетесь.

Монссон строго посмотрел на него.

– Я полицейский, – объяснил он. – Мне хотелось бы немного осмотреться здесь, если позволите. Дома есть еще кто-нибудь, кроме вас?

– Нет, только я. У меня выходной.

Монссон огляделся по сторонам. Прихожая была темная, длинная и узкая, здесь стояли плетеный стул, столик и металлическая вешалка. На столике лежали газеты и несколько писем с иностранными марками. Кроме входной, в прихожую выходило еще пять дверей, в том числе одна двойная и две маленьких дверки, очевидно, в туалет и кладовку.

Монссон подошел к двойной двери и открыл одну створку.

– Личная комната фру Карлсон, – испуганно сказал мужчина в майке. – Вход запрещен.

Монссон заглянул в комнату, уставленную мебелью и служащую, вероятнее всего, спальней и гостиной одновременно.

Следующая дверь вела в кухню. Большую и хорошо оборудованную.

– Запрещено ходить в кухню, – сказал стоящий за спиной Монссона турок.

– Сколько здесь комнат? – спросил Монссон.

– Комната фру Карлсон, кухня и наша комната, – сказал турок. – Еще туалет и кладовка.

Монссон нахмурил брови.

– Значит, две комнаты и кухня, – уточнил он для себя.

– А сейчас посмотреть на нашу комнату, – сказал турок, открывая дверь.

Комната была размерами приблизительно пять на шесть метров²³.

Два окна выходили на улицу, на них были обвисшие выцветшие занавески. Вдоль стен стояли разные кровати, а между окнами – топчан, обращенный изголовьем к стене.

Монссон насчитал шесть кроватей. Две были не застелены. Везде валялись обувь, предметы одежды, книги и газеты. В центре комнаты стоял белый лакированный стол в окружении пяти разнокалиберных стульев. Меблировку дополнял высокий комод из темного дерева с выжженными на нем узорами, стоящий наискосок у одного из окон.

В комнате было еще две двери, кроме входной. Перед одной из них стояла кровать; значит эта дверь наверняка вела в комнату фру Карлсон и была заперта. За другой дверью находилась кладовка, набитая одеждой и чемоданами.

– Вас живет здесь шестеро? – спросил Монссон.

– Нет, нас восемь, – ответил турок. Он подошел к кровати, стоящей перед дверью, и выдвинул из-под нее еще один матрац, одновременно показав на другую кровать. – Две раздвигаются, – сказал он. – Мохаммед спал на той кровати.

²³ В данной версии перевода комната была «приблизительно семь на девять метров», то есть, 63 м². Это слишком много, и, кроме того, ниже указано, что во всей комнате имелись всего два окна. Посмотрел перевод в журнальном варианте («В тупике») – там размеры комнаты «примерно пять метров на шесть». Кажется ближе к истине, поэтому я исправил значения в соответствии с журнальным переводом.

– А на остальных семи кто? – спросил Монссон. – Турки?

– Нет, три турка, два... нет, один араб, два испанца, один финн и новенький, грек.

– Едите вы тоже здесь?

Турок быстро прошел к противоположной стене, чтобы поправить подушку на одной из кроватей. Монссон успел заметить раскрытый порнографический журнал, прежде чем его прикрыла подушка.

– Извините, – сказал турок. – Тут немного... не так хорошо убрано. Едим ли мы здесь? Нет, готовить еду запрещено. Запрещено ходить в кухню, запрещено иметь электрическую плитку в комнате. Не разрешается варить еду и кофе.

– А сколько вы платите?

– По триста пятьдесят крон с человека.

– В месяц?

– Да. Каждый месяц триста пятьдесят крон.

Турок кивал головой и почесывал темные, жесткие, как щетина, волосы в вырезе майки.

– Я очень хорошо зарабатываю, – сказал он. – Сто семьдесят крон в неделю. Я вагоновожатый. Раньше я работать в ресторане и не зарабатывать так хорошо.

– Вы не знаете, у Мохаммеда Бусси были какие-нибудь родственники? – спросил Монссон. – Родители, братья и сестры?

– Не знаю. Мы были хорошие друзья, но Мохаммед не говорит много. Он очень боялся.

Монссон, глядящий в окно на кучку замерзших людей, которые ждали на остановке автобус, обернулся.

– Боялся?

– Нет, нет, не боялся. Как это сказать? Он был не храбрый.

– Ага, понятно, несмелый, – сказал Монссон. – И долго он здесь жил?

Турок сел на топчан, стоящий между окнами.

– Не знаю. Я приехал сюда прошлый месяц. Мохаммед уже жил здесь.

Монссон потел в утепленном плаще. Воздух был тяжелым от испарений восьми обитателей комнаты.

Он неожиданно затосковал по Мальмё и своей уютной квартирке, на Регементсгатан. Монссон достал из кармана последнюю зубочистку и спросил:

– Когда вернется, фру Карлсон?

Турок пожал плечами.

– Не знаю. Скоро.

Монссон с зубочисткой во рту уселся за круглый стол и принялся ждать.

Через полчаса он выбросил в пепельницу остатки изжеванной зубочистки. Появились еще два жильца фру Карлсон, однако сама хозяйка все еще отсутствовала.

Вновь прибывшие оказались испанцами, и так как их запас шведских слов был невероятно мал, а запас испанских слов у Монссона вообще равнялся нулю, то он вскоре отказался от попытки допросить их. Ему удалось выяснить лишь то, что одного из них зовут Рамон, а другого – Хуан, и что они работают мойщиками посуды в кафе самообслуживания.

Турок лежал на топчане и лениво перелистывал немецкий еженедельник. Испанцы оживленно разговари-

вали, готовясь к вечерним развлечениям, составной частью которых должна была быть девушка по имени Керстин; она-то и была главной темой их беседы.

Монссон взглянул на часы. Он решил ждать до половины шестого и ни минутой дольше.

Фру Карлсон пришла, когда до половины шестого оставалось две минуты.

Она усадила Монссона на свой роскошный диван, угостила его вином и принялась сетовать на невыносимую жизнь домовладелицы, у которой есть квартиранты.

– Одинокой бедной женщине не очень приятно, когда у нее в доме полно мужчин, – говорила она. – И к тому же иностранцев. Но что еще остается делать бедной несчастной вдове?

Монссон быстро сосчитал. Несчастливая вдова загребала почти три тысячи в месяц от сдачи комнаты.

– Этот Мохаммед, – сказала она, – остался должен мне за прошлый месяц. Не могли бы вы как-нибудь уладить это дело? У него ведь были деньги в банке.

На вопрос Монссона, какого она мнения о Мохаммеде, фру Карлсон ответила:

– Для араба он действительно был довольно милым. Обычно они такие грязные и безответственные. Однако он был вежливый, тихий и производил впечатление человека порядочного; не пил, и девушки, судя по всему, у него тоже не было. Единственное, что, как я уже сказала, он не заплатил за прошлый месяц.

Оказалось, что она хорошо знакома с частной жизнью своих жильцов. Рамону прекрасно подходит шлюха по имени Керстин, однако о Мохаммеде фру Карлсон ничего сказать не могла.

У него была замужняя сестра в Париже. Она писала ему, однако фру Карлсон не смогла прочесть эти письма, потому что они написаны по-арабски.

Фру Карлсон дала Монссону целую пачку писем. Адрес и фамилия сестры были на конвертах.

Все земные приобретения Мохаммеда Бусси оказались упакованными в брезентовый чемоданчик. Монссон забрал с собой и его.

ХІХ

Понедельник. Снег. Ветер. Собачий холод.

– Прекрасный свежий снег, – сказал Рённо.

Он стоял у окна и мечтательно глядел на улицу и крыши домов, едва различимые в клубах белого тумана.

Гюнвальд Ларссон бросил на него подозрительный взгляд и спросил:

– Это что же, какой-то тонкий намек?

– Нет. Я просто вспомнил детство и размышлял вслух.

– В высшей степени конструктивно. Может, ты поразмышляешь о том, чтобы заняться чем-нибудь более полезным? С точки зрения расследования.

– Да, конечно, – сказал Рённо. – Разве только...

– Ну?

– Именно это я и хотел сказать. Чем?

– Девять человек убито, – рассердился Гюнвальд Ларссон, – а ты стоишь и не знаешь, чем тебе заняться. Ты принимаешь участие в расследовании или нет?

– Принимаю.

– Ну так вот и попытайся что-нибудь выяснить.

– Где?

– Не знаю. Займись чем-нибудь.

– А сам ты чем занимаешься?

– Да ты ведь видишь. Читаю эту психологическую галиматью, которую состряпали профессора и Меландер.

– Зачем?

– Сам не знаю. Я что, обязан все знать?!

После кровавой бойни в автобусе прошла неделя. Расследование не продвигалось вперед, какие-либо конструктивные идеи явно отсутствовали. Даже ручеек бесполезной информации со стороны общественности начал высыхать.

Общество потребления и его граждане, вечно находящиеся в состоянии стресса, теперь уже были заняты совершенно другими мыслями и делами. Хотя до Рождества оставалось еще больше месяца, уже началась оргия реклам и закупочная истерия, которая быстро и неудержимо, словно чума, распространялась по украшенным гирляндами торговым улицам. Эпидемия не жалела никого, и от нее нельзя было убежать. Она вгрызалась в дома, проникала в квартиры, заражала и побеждала всех и все на своем пути. Дети уже плакали от усталости, а отцы семейств влезли в долги вплоть до следующего лета. Узаконенное мошенничество находило себе все новые и новые жертвы. Больницы были переполнены людьми с инфарктами, нервными расстройствами и прободными язвами желудка.

В полицейские участки в центре города участились визиты предвестников большого наплыва праздничных

клиентов, на сей раз в виде мертвецки пьяных гномов²⁴, которых извлекали из подворотен и общественных туалетов. На Мариаторгет два измученных полицейских уронили находящегося в невменяемом состоянии гнома в сточную канаву, когда пытались засунуть его в такси.

Во время возникшего при этом скандала полицейских тесно окружили плачущие от отчаяния дети и разъяренные пьянчужки. Одному из полицейских попали в глаз снежком, и у него сразу же испортилось настроение. Он схватился за резиновую дубинку и огрел ею случайно оказавшегося рядом пенсионера. Выглядело это не очень красиво, и у тех, кто недолго любил полицию, появилась новая пища для разговоров.

– В любом обществе существует скрытая ненависть к полиции, – сказал Меландер. – Нужен только какой-нибудь импульс, чтобы она стала явной.

– Ага, – без особого интереса буркнул Колльберг. – А почему так происходит?

– Потому, что полиция – это зло, однако зло, без которого нельзя обойтись, – заявил Меландер. – Все люди, даже профессиональные преступники, знают, что могут оказаться в такой ситуации, когда полиция будет их единственным спасением. Когда вор просыпается ночью оттого, что кто-то хозяйничает в его подвале, что он будет делать? Конечно же, позвонит в полицию. Однако поскольку такие ситуации бывают нечасто, то большинство людей испытывают либо страх, либо презрение, когда полиция вмешивается в их личную жизнь или нарушает их покой.

²⁴ В Швеции роль Деда Мороза исполняют гномы.

– В дополнение к другим неприятностям, – сказал Колльберг, – мы должны считать себя необходимым злом.

– Суть проблемы, – упрямо продолжил Меландер, – состоит в парадоксальной ситуации, когда профессия полицейского требует максимальной сообразительности, исключительных психологических, физических и моральных качеств от тех, кто ее выбирает, и вместе с этим не предлагает ничего, что бы могло привлечь людей с такими качествами.

– Это ужасно, – сказал Колльберг.

Мартин Бек уже много раз слышал рассуждения такого рода, и они почти не интересовали его.

– Может быть, вы продолжите ваш психологический спор где-нибудь в другом месте, – недовольно сказал он. – Я пытаюсь думать.

– О чем? – спросил Колльберг.

Зазвонил телефон.

– Бек.

– Это Хелм. Ну, что слышно?

– Абсолютно ничего. Но это между нами.

– Вы еще не идентифицировали того, без лица?

Мартин Бек давно знал Хелма и доверял ему. В этом он не был одинок, многие считали Хелма одним из самых опытных экспертов-криминалистов. Нужно было только уметь найти к нему подход.

– Нет, – ответил Мартин Бек. – Наверное, его исчезновение никого не волнует, а от тех, кто явился к нам, ничего узнать не удалось. – Он перевел дух и добавил: – Не хочешь ли ты сказать, что у вас есть что-нибудь новенькое?

Хелму нужно было льстить, о чем все прекрасно знали.

– Да, – довольно сказал он. – Мы тут немножечко присмотрелись к нему и попытались воссоздать его подробный образ, который дал бы представление о живом человеке. Думаю, в определенной мере нам это удалось.

«Наверное, мне нужно сказать: «Неужели такое возможно?»» – подумал Мартин Бек.

– Неужели такое возможно? – сказал он.

– Да, – довольно ответил Хелм. – Результат превзошел наши ожидания.

Что же сказать сейчас? «Невероятно», «превосходно» или просто «отлично», а может, «замечательно»? Не мешало бы поупражняться на приемах с распитием кофе, которые устраивает Инга.

– Замечательно, – воскликнул он.

– Спасибо, – с признательностью ответил Хелм.

– Не за что. Ты не мог бы рассказать...

– Конечно. Именно за этим я и звоню. Сначала мы осмотрели зубы. Это было нелегко. Однако мосты и коронки, которые мы обнаружили, сделаны исключительно умело. Вряд ли их смог бы изготовить шведский дантист. Ну, о зубах мне больше сказать нечего.

– Это уже немало, – заметил Мартин Бек.

– Далее одежда. Его костюм указывает на один из голливудских магазинов в Стокгольме. Насколько мне известно, имеется три таких магазина. На Васагатан, на Гётгатан и на Санкт-Эриксплан.

– Хорошо, – лаконично сказал Мартин Бек.

Теперь уже не нужно было подбирать слова.

– Да, я тоже так считаю, – кисло произнес Хелм. – Костюм очень грязный. Судя по всему, его никогда не чистили, а носили давно и почти ежедневно.

– Как давно?

– Около года.

– Есть что-нибудь еще?

Минуту длилась пауза. Лучшее Хелм приберег под конец. Паузу он сделал только для усиления эффекта.

– Да, – наконец сказал он. – В нагрудном кармане пиджака оказались следы гашиша, а в правом кармане брюк лежала разломанная на несколько кусочков таблетка прелюдина. Анализы, проделанные при вскрытии, подтверждают, что этот человек был наркоманом.

Снова эффектная пауза. Мартин Бек ничего не сказал.

– Кроме того, у него был триппер в довольно далеко зашедшей стадии. Это тоже показало вскрытие.

Мартин Бек закончил записывать, поблагодарил и положил трубку.

– Издалека несет уголовщиной, – констатировал Колльберг. В течение всего разговора он стоял за стулом Мартина Бека и подслушивал.

– Да, – согласился Мартин Бек, – однако отпечатков его пальцев в нашей картотеке нет.

– Может, он был иностранцем.

– Может, – сказал Мартин Бек. – Ну ладно, а что будем делать с этой информацией? Нельзя допустить, чтобы она попала в прессу.

– Нельзя, – согласился с ним Меландер. – Однако можно сделать так, чтобы эта информация через наших осведомителей попала к наркоманам. С помощью окружной службы защиты от наркомании.

– Гм, – сказал Мартин Бек. – Займись этим.

Утопающий хватается за соломинку, подумал он. А что

еще остается? В последнее время полиция провела две облавы в так называемом подполье, причем провела их с большим размахом. Результат оказался именно таким, какого ожидали. Ничтожным. Все предвидели этот налет, кроме самых отчаянных и смилившихся. Из ста пятидесяти человек, задержанных полицией, большинство следовало сразу же отправить в исправительные заведения, если бы таких заведений хватало.

Тихая разведка ничего до сих пор не дала, а те сотрудники полиции, которые поддерживали контакты с «дном», были убеждены, что осведомители говорят правду, когда утверждают, что ничего не знают.

Многое свидетельствовало о том, что так оно и есть. Очевидно, ни у кого не могло быть каких-либо причин оберегать этого преступника.

— Кроме него самого, — заметил Гюнвальд Ларссон, который испытывал слабость к излишним комментариям.

Оставалось только одно: извлечь максимальную пользу из уже имеющегося материала. Попытаться найти оружие и допросить всех, кто имел какое-либо отношение к жертвам. Эти допросы предстояло провести свежим силам, другими словами, Монссону и старшему ассистенту из Сундсвалла по фамилии Нордин. Гуннара Ольберга не удалось освободить от его обычных обязанностей и прикомандировать к ним. В общем-то, особого значения это не имело, потому что все были уверены, что эти допросы ничего не дадут.

Медленно тянулись часы. Один день следовал за другим. Прошла уже целая неделя таких дней, потом началась вторая. Снова был понедельник. Четвертое декабря, день Святой Варвары. Морозно и ветрено; праздничное воз-

буждение усиливалось. Пополнение скучало и начало грустить по дому. Монссон тосковал по мягкому климату южной Швеции, а Нордину не хватало настоящей северной зимы. Оба они не привыкли жить в большом городе, им было плохо в Стокгольме. Многие вещи действовали им на нервы, в первую очередь – шум, толкотня и грубость окружающих. Кроме того, им, как полицейским, не нравилось хулиганство и быстрый рост мелких преступлений.

– Не понимаю, как вы можете здесь выдерживать, – сказал Нордин.

Нордин был коренастый, лысый, с кустистыми бровями и прищуренными карими глазами.

– Мы родились здесь, – ответил Колльберг, – и так жили всегда.

– Я приехал сюда в метро, – сказал Нордин. – На отрезке от Алвик до Фридхемсплан я видел по крайней мере пятнадцать человек, которых у нас в Сундсвалле полиция сразу же задержала бы.

– У нас не хватает людей, – объяснил Мартин Бек.

– Я знаю, но...

– Что «но»?

– Но вы сами подумайте о том, какие здесь испуганные люди. Обычные порядочные граждане. Каждый буквально убегает, если попросить у него прикурить или справиться, как пройти куда-либо. Они попросту боятся. Никто не чувствует себя уверенно.

– Такое здесь происходит с каждым, – сказал Колльберг.

– Со мной вовсе не произошло, – возразил Нордин. – Однако вскоре я тоже, наверное, стану таким. У вас есть какая-нибудь работа для меня?

– Мы получили странную информацию, – сказал Меландер.

– О чем?

– О неопознанном мужчине из автобуса. Какая-то фру из Хегерстена позвонила и сообщила, что живет рядом с гаражом, где собираются иностранцы.

– Ну и что?

– Там случаются скандалы. Она, конечно, не употребила слово «скандалы». Сказала, что они шумят. Один из самых крикливых – низенький темный мужчина лет тридцати пяти. Обычно он одевается так, как было описано в газетах. Она утверждает, что именно этот мужчина уже некоторое время не появляется там.

– Так одеваются тысячи людей, – скептически заметил Нордин.

– Да, – согласился Меландер. – Это правда. Почти стопроцентно эта информация ничего не стоит. Она настолько неопределенная, что ее трудно проверить. Кроме того, говорила она как-то неуверенно. Но если никакой другой работы у тебя нет...

Он не закончил фразу, написал фамилию и адрес в блокноте и вырвал листок. Зазвонил телефон. Меландер протянул листок Нордину и одновременно взял трубку.

– Слушаю, – сказал он.

– Я ничего не могу прочесть, – пожаловался Нордин.

Почерк у Меландера был, мягко говоря, неразборчивым. Что же касается людей посторонних, то они вообще не могли прочесть ничего из того, что он написал. Колльберг взглянул на листок.

– Клинопись, – сделал он заключение. – Или, скорее,

иврит. Может, это Фредрик написал тексты, которые обнаружили возле Мертвого моря. Впрочем, для этого у него не хватило бы сообразительности. Зато я лучший интерпретатор Меландера.

Он быстро переписал текст и вручил листок Нордину со словами:

– Теперь ты сможешь это прочесть.

– Ладно, – сказал Нордин. – Я съезжу туда. А автомобиль у вас есть?

– Есть. Однако с учетом интенсивности уличного движения и состояния дорог тебе лучше было бы воспользоваться общественным транспортом. Поезжай тринадцатым или двадцать третьим до Аксельберга.

– Ладно, – буркнул Нордин и вышел.

– Сегодня блестящего впечатления он что-то не производит, – сказал Колльберг.

– Разве можно иметь к нему за это претензии? – высморкавшись, спросил Мартин Бек.

– В общем-то нет, – со вздохом ответил Колльберг. – Почему бы нам не отправить этих бедняг домой?

– Это не входит в нашу компетенцию, – произнес Мартин Бек. – Они находятся здесь для того, чтобы участвовать в самом интенсивном розыске человека, который когда-либо проводился в этой стране.

– Неплохо было бы... – Колльберг осекся. Дальше он мог не продолжать. Несомненно, неплохо было бы знать, кого именно они разыскивают и каким образом следует это делать.

– Я всего лишь процитировал министра юстиции, – с невинным видом сказал Мартин Бек. – Лучшие силы по-

лиции – он, очевидно, имел в виду Монссона и Нордина – работают без отдыха, чтобы выследить и схватить сумасшедшего убийцу, обезвредить которого наш первейший долг по отношению как к обществу, так и к каждому отдельному гражданину.

– Когда он это говорил?

– Впервые семнадцать дней назад. А в последний раз – вчера. Однако вчера ему предоставили всего четыре строчки на двадцать второй странице. Должно быть, он ужасно раздосадован. Ведь в следующем году состоятся выборы.

Меландер закончил телефонный разговор. Прочищая разогнутой скрепкой свою трубку, он предложил:

– А не пора ли уже сдать в архив дело об этом убийце-психопате?

Прошло полминуты, прежде чем Колльберг ответил:

– Да, самое время. Кроме того, не мешает закрыть двери и отключить телефон.

– А где Гюнвальд? – спросил Мартин Бек.

– Герр Ларссон сидит у себя в кабинете и ковыряет в зубах ножом для разрезания бумаги.

– Фредрик, попроси, чтобы все звонки переключали на него.

Меландер протянул руку к телефонной трубке.

– Заодно попроси, чтобы нам принесли что-нибудь, для меня три пирожных и капучино, заранее благодарен, – сказал Колльберг.

Через десять минут принесли кофе. Колльберг запер дверь.

Все уселись. Колльберг пил кофе и ел.

– Ситуация представляется мне следующей, – сказал он, прожевывая пирожное. – Псих, который жаждет сенсации, убийца, торчит в шкафу начальника полиции. При необходимости мы извлечем его оттуда и пропылесосим. Рабочая версия приблизительно такая: неизвестный, вооруженный автоматом «Суоми» тридцать седьмой модели, убивает девять человек в автобусе. Эти девять человек никак друг с другом не связаны, в автобусе все одновременно они оказались совершенно случайно.

– У того, кто стрелял, был какой-то мотив, – констатировал Мартин Бек.

– Верно, – согласился Колльберг. – Я с самого начала так считаю. Однако не может существовать мотив, который объяснял бы убийство девяти человек, совершенно случайно оказавшихся в одном месте. Следовательно, истинной целью было убийство одного из них.

– Это было убийство с заранее обдуманном намерением, – заметил Мартин Бек.

– Один из девяти, – продолжил Колльберг. – Но кто именно? Фредрик, у тебя есть список?

– Он мне не нужен, – ответил Меландер.

– Ну естественно. Я сказал это не подумав. Давайте снова по нему пройдемся?

Мартин Бек кивнул. Разговор перешел в диалог между Колльбергом и Меландером.

– Густав Бенгтсон, – сказал Меландер, – водитель. Его присутствие в автобусе можно считать мотивированным.

– Несомненно.

– Он вел размеренную жизнь. Брак удачный. Под судом не был. На работе о нем хорошего мнения. Коллеги любили

его. Мы также допросили несколько друзей семьи. Они сообщили, что он был человеком обязательным и солидным. Состоял в обществе трезвенников. Сорок восемь лет. Родился здесь, в Стокгольме.

– Враги? Врагов у него не было. Дурное влияние? Не замечено. Деньги? Денег у него не было. Мотив убийства? Отсутствует. Следующий.

– Я не буду придерживать очередности номеров, присвоенных Рённом, – сказал Меландер. – Теперь Хилдур Юхансон, вдова, шестьдесят два года. Возвращалась от дочери с Вестмангатан в свою квартиру на Норра-Сташенсгатан. Родилась в Эдсбро. Ее дочь допрашивали Ларссон, Монссон и... впрочем, это неважно. Пенсионерка, жила одна. Больше о ней ничего сказать нельзя.

– Вероятно, она села на Одеонгатан и проехала только шесть остановок. И никто, кроме дочери и зятя, не знал, что она будет ехать именно в это время и именно по этому маршруту. Дальше.

– Юхан Кельстрём, пятьдесят два года, родился в Вестеросе. Работал в авторемонтной мастерской Грена на Сибюлегатан. Задержался на работе и возвращался домой, это совершенно ясно. Его брак тоже нормальный. Больше всего его интересовали автомобили и летний домик. Под судом не был. Зарабатывал достаточно, но не слишком много. Те, кто его знают, сообщили, что, вероятно, он доехал с Эстермальмторг до центра на метро, а потом пересел на автобус. Он также мог сесть в автобус возле универмага. Его начальник сказал, что он был опытным специалистом и хорошим руководителем. Работники мастерской говорили, что...

– Он давил на подчиненных и лебезил перед начальником. Я был там и беседовал с работниками мастерской. Следующий.

– Альфонс Шверин, сорока трех лет, родился в Миннеаполисе в США от смешанного шведско-американского брака. Приехал в Швецию сразу после войны и остался здесь насовсем. Владел небольшой фирмой, занимающейся импортом карпатской сосны для резонаторов, однако десять лет назад фирма объявила себя банкротом. Шверин пил. Дважды сидел в Бекомберге и три месяца в Богесунде за управление автомобилем в нетрезвом виде. Три года назад, после того как фирма обанкротилась, стал рабочим. Последнее время работал в городском управлении, был дорожным ремонтником. В тот вечер находился в «Стреле» на Брюггаргатан и возвращался оттуда домой. Выпил он мало, наверное, потому, что у него не было денег. Жил очень бедно. Вероятно, выйдя из ресторана, он направился к остановке на Васагатан. Не женат, родственников в Швеции не имел, коллеги по работе любили его. Говорили, что он был веселым и милым, после выпивки – смешным, и у него не было ни одного врага.

– Он видел того, кто стрелял, и, прежде чем умереть, сказал Рённу что-то непонятное. Мы уже получили какое-нибудь заключение экспертов относительно той ленты?

– Нет. Мохаммед Бусси, алжирец, работал в ресторане, тридцати шести лет, родился в каком-то месте, название которого трудно выговорить и я его не помню.

– Это небрежность.

– Последние шесть лет жил в Швеции, до этого в Па-

риже. Политикой не интересовался. Экономил, имел счет в банке. Знакомые говорят, что он был робким и замкнутым. Работу он закончил в половине одиннадцатого и возвращался домой. Солидный, однако скупой и скучный.

– Это звучит так, словно ты описал самого себя.

– Медсестра Бритт Даниельсон, родилась в одна тысяча девятьсот сороковом году в Эслёве. Сидела рядом со Стенстрёмом, однако нет указаний на то, что они были знакомы. Врач, с которым она встречалась, в тот вечер работал в больнице в Сёдермальме. Вероятно, она села на Одеонгатан вместе с вдовой Юхансон и ехала домой. Выйдя с работы, она напрямик направилась на автобусную остановку. Никаких неясностей здесь нет. Хотя, конечно, нет полной уверенности в том, она не была со Стенстрёмом.

Колльберг покачал головой.

– Откуда такие мысли, – сказал он. – Зачем ему была нужна такая страшненькая? Он имел у себя дома все, что только мог пожелать.

Меландер недоуменно посмотрел на него, но от расспросов воздержался.

– Теперь Асарсон. Внешне он чист, однако изнутри не так привлекателен. – Меландер замолчал и занялся своей трубкой. Потом продолжил: – Этот Асарсон очень подозрительная фигура. Дважды его судили за неуплату налогов и один раз за оскорбление морали, в начале пятидесятых годов. Он вступил в половую связь с четырнадцатилетней девушкой, которая служила курьером. И каждый раз он сидел в тюрьме. Денег у него было достаточно. В бизнесе он был жестоким, во всех других делах тоже. У

многих имелись причины не любить его. Даже жена и брат считали, что его есть за что презирать. Однако присутствие Асарсона в автобусе легко объяснимо. Он ехал с какого-то собрания на Нарвавеген и направлялся к любовнице, фамилия которой Ольсон, она живет на Карлбергсвеген и работает в офисе Асарсона. Он позвонил ей и договорился о встрече. Мы допросили ее несколько раз.

– Кто ее допрашивал?

– Гюнвальд и Монссон. Каждый в отдельности. Она утверждает, что...

– Минуточку. А почему он ехал автобусом?

– Наверное, потому что немного выпил и боялся вести автомобиль. А такси не смог поймать при такой погоде. Центральная диспетчерская такси не принимала заказы, а в центре города не было ни одной свободной машины.

– Хорошо. Так что говорит эта дамочка?

– Что Асарсон вызывал у нее отвращение. Слабак, почти полный импотент. Что она делала это ради денег и чтобы не потерять работу. У Гюнвальда сложилось впечатление, что она почти проститутка, шлюха, причем довольно тупая. Он утверждает, что она похожа на За-Зу Габор²⁵, не знаю, кто это такой.

– Герр Ларссон и женщины. Я мог бы написать повесть с таким названием.

– Монссону она призналась, что оказывала подобные услуги, как она это назвала, клиентам Асарсона. По его распоряжению. Асарсон родился в Гётеборге, а в автобус сел возле Юргордсброн.

²⁵ *За-За Габор* (р. 1923) – американская киноактриса, тип «платиновой» блондинки; была особенно популярна в 1950–1960-е гг.

– Благодарю, старина. Так начиналась бы моя книга: «Он родился в Гётеборге, а в автобус сел возле Юргордсброн». Замечательно.

– Любое начало хорошо, – невозмутимо сказал Меландер.

Мартин Бек впервые вмешался в разговор:

– Стало быть, остается только Стенстрём и тот, которого не смогли опознать.

– Да, – сказал Меландер. – О Стенстрёме нам известно лишь то, что он ехал от Юргордсброн, что весьма странно. И что у него было при себе оружие. О неопознанном мы знаем только то, что он являлся наркоманом в возрасте между тридцатью пятью и сорока годами. И больше ничего.

– Присутствие всех остальных в автобусе было мотивированным, – сказал Мартин Бек.

– Да.

– Мы выяснили, почему они там находились.

– Да.

– Самое время задать классический вопрос, – заявил Колльберг. – Что делал Стенстрём в том автобусе?

– Нужно поговорить с его девушкой, – ответил Мартин Бек.

– С Осой Турелль? Да ты ведь сам с ней беседовал. А потом ее допросили еще раз.

– Кто ее допросил? – спросил Мартин Бек.

– Рённ, больше недели назад.

– Только не Рённ, – словно размышляя вслух, сказал Мартин Бек.

– Что ты имеешь в виду? – поинтересовался Меландер.

– Рённа нельзя ни в чем упрекнуть, – ответил Мартин Бек, – однако он не совсем понимает суть этого дела. Кроме того, у него не было тесного контакта со Стенстрёмом.

Колльберг и Мартин Бек долго молча смотрели друг на друга, пока наконец Меландер не нарушил тишину:

– Ну? Так что же Стенстрём делал в том автобусе?

– У него могло быть там свидание с девушкой, – медленно произнес Колльберг, – или с осведомителем.

Роль Колльберга заключалась в том, что в дискуссиях подобного рода он всегда был оппонентом, однако на этот раз он сыграл ее неубедительно.

– Ты забываешь об одном, – возразил Меландер. – Вот уже в течение десяти дней мы обнюхиваем каждый угол в этом районе. И до сих пор мы не нашли никого, кто слышал бы о Стенстрёме до этого происшествия.

– Это ни о чем не говорит. В этой части города полно притонов и подозрительных заведений, где недолюбливают полицейских.

– Версию подруги в любом случае мы можем отбросить, если речь идет о Стенстрёме, – сказал Мартин Бек.

– Почему это? – мгновенно возразил Колльберг.

– Я в это не верю.

– Но ты согласен с тем, что так могло быть?

– Да.

– Хорошо. В таком случае отбросим ее. Пока.

– Итак, главный вопрос: что Стенстрём делал в том автобусе? – Сказав это, Мартин Бек сразу же встретился со встречным вопросом.

– А что там делал неопознанный?

– Его мы можем временно оставить в покое.

– Вовсе нет. Его присутствие там точно так же достойно внимания, как и присутствие Стенстрёма. Тем более, что нам неизвестно, кто это был, куда он ехал и по какому делу.

– Он попросту ехал в автобусе.

– Попросту ехал?

– Да. Многие, кому негде жить, поступают так. За крону можно проехать дважды из конца в конец. А это два часа.

– В метро теплее, – заметил Колльберг. – Кроме того, в метро можно ездить сколько угодно, главное, не выходить со станции, а только пересаживаться с одного поезда на другой.

– Да, конечно, но...

– Ты забываешь об одной важной вещи. У неопознанного были не только крошки гашиша и других наркотиков в карманах. У него оказалось больше денег, чем у всех остальных пассажиров, вместе взятых.

– Это исключает подозрение, что речь идет о грабеже, – вставил Меландер.

– Не будем забывать, – сказал Мартин Бек, – что, как ты сам упоминал, эта часть города буквально нафарширована притонами и пансионатами особого рода. Возможно, он жил в одной из этих дыр? Нет, давайте вернемся к главному вопросу: «Что Стенстрём делал в автобусе?».

Почти минуту они сидели молча. В кабинете за стеной звонил телефон. Время от времени до них доносились голоса Гюнвальда Ларссона и Рённа. Наконец Меландер спросил:

– А что Стенстрём умел делать?

Ответ знали все трое. Меландер кивнул и сам ответил на свой вопрос:

– Стенстрём умел следить.

– Да, – подтвердил Мартин Бек. – В этом деле он был ловким и упрямым. Он мог неделями за кем-нибудь ходить.

– Помню, как он довел до бешенства того сексуального маньяка, который убил девушку на Гёта-канале, четыре года назад.

– Он буквально затравил его, – сказал Мартин Бек.

Никто не возразил ему.

– Уже тогда он умел это делать. А потом научился еще лучше, – заметил Мартин Бек.

– Ты наконец спросил у Хаммара, – внезапно оживился Колльберг, – чем Стенстрём занимался летом, когда мы изучали нераскрытые дела?

– Да, – ответил Мартин Бек. – Но из этого ничего не вышло. Стенстрём был у Хаммара, они разговаривали об этом. Хаммар предложил ему несколько дел, каких, он уже не помнит, однако тот отказался, так как эти дела оказались слишком старыми. Вернее, Стенстрём был слишком молод. Ему не хотелось заниматься тем, что произошло, когда ему было десять лет и он еще играл на улицах Халстахаммара в полицейских и преступников. В конце концов он решил остановиться на том исчезнувшем, которым занялся и ты.

– Он никогда не говорил об этом, – сказал Колльберг.

– Очевидно, он ограничился тем, что там было написано.

– Очевидно.

Молчание снова прервал Меландер. Он встал и спросил:

– Ну и к какому же выводу мы пришли?

– Честно говоря, непонятно, – констатировал Мартин Бек.

– Извините, – сказал Меландер и вышел в туалет.

Когда дверь за ним закрылась, Колльберг посмотрел на Мартина Бека и сказал:

– Кто сходит к Осе?

– Ты. Это занятие для одного человека, и ты лучше всего для него подходишь.

Колльберг ничего не ответил.

– Тебе не хочется? – спросил Мартин Бек.

– Не хочется. Но я схожу.

– Сегодня вечером?

– Да, но только предварительно мне нужно уладить два дела. Одно в Вестберге и одно дома. Позвони ей и скажи, что я приду около половины восьмого.

Через час Колльберг пришел к себе домой на Палан-дергатан. Было около пяти, но уже давно стемнело.

Жена, одетая в старенькие джинсы и клетчатую фланелевую рубашку, красила кухонные табуретки. Рубашка принадлежала Колльбергу, однако он давно не носил ее. Гюн подвернула рукава и небрежно подвязала полы. Руки, ноги и даже лоб у нее были измазаны краской.

– Разденься, – сказал Колльберг.

Она замерла с поднятой кистью и руке и испытующе посмотрела на него.

– Тебе совсем невтерпеж? – с улыбкой спросила она.

– Да.

Она сразу стала серьезной.

– Ты должен уйти?

– Да, у меня допрос.

Она кивнула, опустила кисть в банку с краской и вытерла руки.

- Допрос Осы, это будет ужасно.
- Тебе нужна прививка?
- Да.
- Ты испачкаешься краской, – сказала она, расстегивая рубашку.

XX

Перед одним из домов на Клуббакен в Хегерстене какой-то мужчина, весь в снегу, пытался прочесть что-то на листке бумаги. Листок уже намок, чернила начали расплываться, и текст нелегко было прочесть при такой метели и слабом свете уличных фонарей. Однако, судя по всему, мужчине это наконец удалось. Он встряхнулся, как промокший пес, потом поднялся по ступенькам, позвонил, снял шляпу и стряхнул с нее снег.

Дверь приоткрылась, и в щель выглянула женщина средних лет, в фартуке и с испачканными мукой руками.

– Полиция, – хриплым голосом сказал мужчина. Он откашлялся и добавил: – Старший ассистент Нордин.

Женщина испуганно смотрела на него.

– У вас есть удостоверение? – наконец спросила она. – Я имею в виду...

Нордин вздохнул. Он взял шляпу в левую руку, расстегнул плащ и пиджак, вынул бумажник, а из бумажника достал удостоверение.

Женщина наблюдала за этой процедурой с таким страхом, словно ожидала, что он сейчас вытащит бомбу, автомат или что-то неприличное.

Он не выпустил удостоверение из рук, и она рассмотрела его через щель.

– А разве у агентов нет таких табличек? – поколебавшись спросила она.

– Да, конечно, у меня есть табличка, – меланхолично ответил Нордин.

Служебный жетон он носил в боковом кармане и теперь размышлял, как его достать, не надевая шляпу на голову.

– Ну ладно, не надо, – решила женщина. – Так вы из Сундсвалла? Значит, вы приехали из Норланда, чтобы поговорить со мной?

– У меня в этом городе есть еще несколько дел.

– Да, я понимаю, но, видите ли, я считаю... – Она замолчала.

– Что вы считаете?

– Я считаю, что в нынешние времена нужно быть очень осторожной. Никогда заранее не известно...

Нордин размышлял, что делать со шляпой. Снег падал ему на голову, снежинки таяли на лысине. Он не мог так стоять, с удостоверением в одной руке и шляпой в другой. Может, понадобится что-нибудь записать. Самым практичным было бы надеть шляпу на голову, однако, с другой стороны, это выглядело бы не совсем вежливо. А положить шляпу на ступеньки было бы и вовсе глупо. Может быть, попросить, чтобы она его впустила. Однако это означало, что ей придется принять решение, а если он правильно оценил эту женщину, для того, чтобы на что-либо решиться, ей понадобилось бы много времени.

Нордин был родом из тех краев, где любого постороннего человека пускают в кухню, усаживают рядом с печью, чтобы он согрелся, и угощают чашечкой кофе; это просто входит в обязанности хозяев. Прекрасная и практичная

традиция, подумал он. Хотя, впрочем, и не применимая в больших городах. Он сосредоточился и сказал:

– Вы звонили и упоминали что-то о каком-то мужчине и о гараже, так?

– Мне очень жаль, что я побеспокоила вас...

– Ну что вы, мы очень благодарны вам.

Женщина повернулась и посмотрела внутрь квартиры, почти закрыв при этом дверь. Судя по доносящемуся запаху, она, очевидно, пекла пироги и опасалась, чтобы они не подгорели.

– Чрезвычайно милые люди, – пробормотал Нордин. «Невероятно гостеприимные. Даже выдержать трудно», – подумал он.

Женщина приотворила дверь.

– Вы что-то сказали?

– Так я насчет гаража...

– Он там.

Нордин посмотрел в указанном направлении.

– Я ничего не вижу.

– А со второго этажа видно.

– Понятно. А что вы говорили насчет того мужчины?

– Он очень странно выглядел. А теперь вот уже две недели, как я не вижу его. Он такой низенький, чернявый.

– Вы постоянно наблюдаете за этим гаражом?

– Ну, его видно в окно спальни.

Она покраснела. «Я совершил какую-то ошибку», – подумал Нордин.

– Этим гаражом владеет иностранец. Там крутится много подозрительных типов. Поэтому человеку хочется знать...

Трудно было догадаться, замолчала она или продолжала говорить, но так тихо, что Нордин ни слова не мог услышать.

— И что же странного было в том невысоком темном мужчине?

— Ну как бы это сказать... Он смеялся.

— Смеялся?

— Ну да, очень громко.

— Вы не знаете, сейчас в гараже кто-нибудь есть?

— Минуту назад там горел свет. Я была наверху и видела.

Нордин вздохнул и надел шляпу.

— Я схожу туда разузнаю. Благодарю вас.

— А вы не хотите... войти?

— Нет, спасибо.

Она еще на какую то долю сантиметра приотворила дверь, пытливо оглядела его и с алчным видом спросила:

— Мне положено вознаграждение?

— За что?

— Ну... откуда мне знать.

— До свидания.

Он побрел в указанном ему направлении. Ему казалось, что на голове у него мокрый компресс. Женщина мгновенно закрыла дверь, сейчас она уже наверняка была наверху, на своем посту у окна спальни.

Гараж представлял собой маленький домик с этернитовыми²⁶ стенами и крышей из оцинкованного железа. В нем могло поместиться максимум два автомобиля. Над дверями горела электрическая лампочка.

²⁶ Так в книге.

Нордин открыл одну створку дверей и вошел внутрь.

В гараже стояла зеленая «шкода-октавия», модель 1959 года. Не будь она такой разбитой, за нее можно было бы получить четыреста крон, подумал Нордин. Большую часть времени, которое он прослужил в полиции, Нордин занимался автомобилями и связанными с ними аферами. Под автомобилем совершенно неподвижно лежал мужчина. Видны были только его ноги в голубом комбинезоне.

Труп, подумал Нордин. Его охватила ледяная дрожь. Он забыл о Сундсвалле и Йогбёле, где родился и вырос, подошел к автомобилю и толкнул ногой лежавшего.

Мужчина под автомобилем дернулся, как от удара электрическим током, выполз из-под машины и встал. Держа в руке переносную лампу со шнуром, он вытаращил глаза на гостя.

– Полиция, – сказал Нордин.

– У меня документы в порядке, – сразу же ответил мужчина.

– Я в этом не сомневаюсь, – заметил Нордин.

Владелец гаража выглядел лет на тридцать, он был худощавым, с темными глазами, вьющимися волосами и ухоженными бакенбардами.

– Итальянец? – спросил Нордин, который не слишком разбирался в иностранных акцентах и различал только финский.

– Швейцарец. Из немецкой Швейцарии.

– Ты хорошо говоришь по-шведски.

– Я живу здесь шесть лет. Что вам нужно?

– Мы хотели бы встретиться с одним из твоих приятелей.

– С кем?

Нордин, внимательно глядя на него, сказал:

– Он ниже и немножечко полнее тебя. Волосы темные, довольно длинные, глаза карие. Возраст около тридцати лет. Мы не знаем, как его зовут.

Мужчина покачал головой.

– У меня нет приятеля, который так выглядит. И вообще, у меня не столько много знакомых.

– Так много знакомых, – с доброжелательной улыбкой поправил его Нордин.

– Да. Так много знакомых.

– Однако я слышал, что здесь бывает много народу.

– Они приезжают на автомобилях. Хотят, чтобы их отремонтировали. – Он немного подумал и объяснил. – Я занимаюсь ремонтом. До обеда работаю в мастерской на Рингвеген. Все немцы и австрийцы знают, что у меня здесь гараж, поэтому приезжают, чтобы я бесплатно отремонтировал их автомобили. Часто я вообще с ними не знаком. Их столько много в Стокгольме.

– Тот, который нам нужен, – сказал Нордин, – носил черный нейлоновый плащ и бежевый костюм.

– Нет, мне это ничего не говорит. Я не помню никого похожего. Это точно.

– У тебя есть друзья?

– Друзья? Несколько немцев и австрийцев.

– Кто-нибудь из них был здесь сегодня?

– Нет. Они знают, что я занят. Я ремонтирую ее и днем, и ночью. – Он измазанным в масле пальцем показал на машину и сказал: – Мне нужно исправить ее до Рождества, чтобы я смог поехать домой, к родителям.

– В Швейцарию?

– Да.

– Этот автомобиль нелегко будет отремонтировать.

– Нелегко. Я заплатил за него только сто крон. Но я приведу его в порядок. Я хороший специалист.

– Как тебя зовут?

– Хорст. Хорст Дике.

– А меня зовут Ульф. Ульф Нордин.

Швейцарец показал в улыбке крепкие белые зубы.

Он производил впечатление симпатичного, порядочного молодого человека.

– Так значит, Хорст, ты не догадываешься, о ком я говорю?

Дике покачал головой.

– Мне очень жаль, но я не знаю.

Нордин вовсе не чувствовал себя разочарованным. Как все и ожидали, информация оказалась бесполезной. Если бы с уликами дело не обстояло так плохо, ее вообще не стали бы проверять. Однако Нордин не спешил уходить, ему не хотелось снова оказаться в метро, переполненном раздраженными людьми в промокшей одежде. Швейцарец явно хотел помочь. Он спросил:

– А вам больше ничего не известно? Ну, об этом человеке.

Нордин немного поразмышлял и сказал:

– Он смеялся. Громко.

Лицо Дике просветлело.

– Тогда я, кажется, знаю. Он смеялся вот так.

Дике открыл рот и издал блеющий звук, резкий и пронзительный, как крик бекаса.

Это было настолько неожиданно, что Нордину понадобилось около минуты, чтобы прийти в себя. С приличным опозданием он сказал:

– Возможно.

– Да, да, – настаивал Дике. – Теперь я уже знаю, кого ты имеешь в виду. Невысокий, темный мужчина.

Нордин насторожился.

– Он был здесь четыре или пять раз. Может, и больше. Однако его фамилию я не знаю. Он пришел с испанцем, который хотел продать мне запасные части. Испанец приходил много раз. Но я не купил.

– Почему?

– Слишком дешевые. Наверняка краденые.

– А как звали того испанца?

Дике пожал плечами.

– Не знаю. Пако. Пабло. Пакито. Что-то в таком роде.

– А какой у него был автомобиль?

– Хороший. «Вольво-амазони». Белый.

– А у того, который смеялся?

– Не знаю. Он приезжал с испанцем и всегда выглядел пьяным. Но он ведь не сидел за рулем.

– Он тоже был испанцем?

– По-моему, нет. Возможно, он был шведом. Не знаю.

– Когда он был здесь в последний раз?

– Три недели назад. Может, две. Я точно не помню.

– А того испанца ты видел с тех пор? Ну, Пако или как его там?

– Нет. Он, наверное, вернулся в Испанию. Ему нужны были деньги, поэтому он хотел продать запчасти. По крайней мере, он так говорил.

Нордин снова задумался.

– Так ты говоришь, тот мужчина выглядел пьяным. А может, он был одурманен? Находился под действием наркотика?

Дике пожал плечами.

– Не знаю. Мне казалось, что он попросту пьян. Хотя всякое может быть. Наркоман? Почему бы и нет? Тут почти все наркоманы. Когда не воруют, отсиживаются в притоне. Разве не так?

– А ты не знаешь, как его звали или какая у него была кличка?

– Нет. Но пару раз в автомобиле была девушка. Она была с ним. Высокая, с длинными светлыми волосами.

– Как ее звали?

– Не знаю. Но у нее есть прозвище...

– Какое?

– Белокурая Малин. Так мне кажется.

– Откуда тебе это известно?

– Я еще раньше видел ее в городе.

– Где именно?

– В заведении на Тегнергатан, недалеко от Свеавеген. Туда ходят все иностранцы. Она шведка.

– Кто? Белокурая Малин?

– Да.

Нордин не смог придумать больше ни одного вопроса. Он внимательно посмотрел на зеленый автомобиль. И сказал:

– Надеюсь, ты доедешь домой без всяких приключений. Дике улыбнулся своей заразительной улыбкой.

– Да, это было бы неплохо.

– А когда ты вернешься?

– Никогда.

– Никогда?

– Швеция – плохая страна. Стокгольм – плохой город. Сплошной шум, наркотики, воров, алкоголь.

Нордин ничего не ответил, потому что был полностью согласен с мнением насчет Стокгольма.

– Здесь скверно, – продолжил швейцарец. – Ну, разве что иностранцу легко заработать. Остальное безнадежно. Я живу в одной комнате еще с тремя такими же, как я. Плачу четыреста крон в месяц. Это настоящий грабёж, просто свинство. Потому что нет квартир. Только богатеи и преступники могут ходить в рестораны, есть. Я экономил. У меня есть деньги. Я уезжаю домой. Куплю мастерскую и женюсь.

– А здесь ты не встретил какую-нибудь девушку?

– Шведские девушки не для таких, как я. С хорошей девушкой может встречаться студент или еще кто-нибудь. А для рабочего только такой сорт. Как та Белокурая Малин.

– Что значит, такой сорт?

– Шлюхи.

– Ты имеешь в виду, что не хочешь платить девушкам? Хорст Дике надул губы.

– Их много бесплатных. Бесплатных шлюх.

Нордин покачал головой.

– Ты видел только Стокгольм, Хорст. Жаль.

– А остальное лучше?

Нордин энергично кивнул и сказал:

– А о том мужчине ты больше ничего не помнишь?

– Нет, кроме того, что он смеялся. Вот так.

Дике открыл рот и снова заблеял, пронзительно и резко. Нордин попрощался с ним и ушел. У ближайшего фонаря он остановился и достал блокнот.

– Белокурая Малин, – пробормотал он. – Притоны. Бесплатные шлюхи. Ну и профессию я выбрал.

«Впрочем, это не моя вина, – подумал он. – Меня заставил отец».

Мимо проходил какой-то мужчина. Нордин приподнял припорошенную снегом шляпу и сказал:

– Извините, не могли бы вы...

Прохожий бросил на него быстрый недоверчивый взгляд, съежился и ускорил шаг.

– ...сказать мне, где находится станция метро, – тихо и робко закончил Нордин, обращаясь к снежной вьюге.

Потом он покачал головой и записал несколько слов на листке бумаги.

«Пабло или Пако. Белый «вольво». Заведение на Тегнергатан. Смех. Белокурая Малин. Бесплатная шлюха».

Он спрятал карандаш и блокнот и вышел из круга света.

XXI

Колльберг стоял перед дверью квартиры Осы Турелль на втором этаже дома на Черховсгатан. Было уже восемь часов вечера, и, несмотря на принятые Колльбергом меры, он чувствовал себя грустным и неуверенным. В правой руке он держал конверт, обнаруженный в письменном столе.

Белый листок с фамилией Стенстрёма по-прежнему был прикреплен над медной табличкой.

Звонок не работал, и Колльберг по привычке заколотил в дверь. Оса Турелль открыла почти немедленно. Она посмотрела на него и произнесла:

– Я ведь дома. Не надо сразу выламывать дверь.

– Извини, – сказал Колльберг.

В квартире было темно. Он снял плащ и зажег лампу в прихожей. Старая полицейская фуражка лежала на полке над вешалкой так же, как и в прошлый раз.

Перерезанный электрический провод звонка болтался над дверью.

Оса Турелль, следя за взглядом Колльберга, пробормотала:

– Тут болталось много идиотов. Журналисты, фотографы и Бог знает кто еще. Они непрерывно звонили в дверь.

Колльберг ничего не сказал, он вошел в комнату и сел на стул.

– Ты не могла бы зажечь свет? Ничего не видно.

– Мне все нормально видно. Впрочем, пожалуйста, Я могу, конечно, включить свет.

Она включила свет, однако не села, а принялась кружить по комнате, словно узник, охваченный неотвязным желанием вырваться на свободу.

Воздух в квартире был тяжелым и спертым. Пепельницу не опорожняли уже много дней. Комната вообще выглядела так, словно в ней не убирали, а в открытую дверь спальни была видна незастеленная кровать. Еще в прихожей Колльберг заглянул в кухню, где громоздились немытые тарелки и кастрюли.

Теперь он внимательно посмотрел на Осу. Она

по-прежнему ходила взад-вперед по комнате, от окна наискосок до двери спальни. Здесь она на несколько секунд останавливалась и глядела на кровать, потом снова шла к окну. Так повторялось раз за разом.

Ему все время приходилось поворачивать голову то в одну, то в другую сторону, чтобы следить за ней взглядом. Как на теннисном матче.

Оса Турелль очень изменилась за девятнадцать дней, которые прошли с того времени, когда он видел ее в последний раз. На ней были те же самые или похожие толстые серые носки и черные брюки. Темные волосы коротко подстрижены, каменное выражение лица.

Однако теперь на брюках были пятна и остатки пепла, волосы не причесаны и даже спутаны. Под глазами темные круги, губы сухие и потрескавшиеся. Руки у нее тряслись, а указательный и средний пальцы были коричневыми от никотина. Она курила датские сигареты «Сесиль». Оке Стенстрём никогда не курил.

– Ну, так чего же тебе нужно? – с неприязнью спросила она.

Она подошла к столу, вытряхнула сигарету из пачки, прикурила трясущимися руками, а еще не погасшую спичку бросила на пол. Потом сама себе ответила:

– Конечно же, ничего. Так же, как и тем идиотам. Как Рённу, который сидел здесь два часа и только кивал головой.

Колльберг молчал.

– Телефон я тоже попрошу отключить, – сказала она без всякого перехода.

– Ты не работаешь?

– Я на больничном. Как это глупо, – добавила она. – У нашей фирмы есть свой врач. Он сказал, что я должна месяц отдохнуть в деревне или даже уехать за границу, и освободил меня от работы – Она затянулась сигаретой и стряхнула пепел, в основном, мимо пепельницы. – Вот уже три недели, как я сижу дома. Было бы намного лучше, если бы я могла работать, как обычно. – Она замолчала, подошла к окну и, смяв пальцами занавеску, посмотрела наружу. – Как обычно, – сказала она, словно размышляла вслух.

Колльберг беспокойно вертелся на стуле. Все оказалось хуже, чем он себе представлял.

– Чего тебе нужно? – спросила она, не поворачивая головы. – Говори наконец. Скажи что-нибудь.

Он должен был как-то сломать разделяющую их стену. Но как?

Колльберг подошел к книжной полке и, посмотрев на корешки книг, взял один из томов. Это была старая книга. «Справочник по методам осмотра места преступления» Вендела и Свенсона, изданный в 1947 году. Колльберг перевернул титульный лист и прочел: «Эта книга издана в ограниченном количестве пронумерованных экземпляров, из которых номер 2080 предназначен для патрульного Леннарта Колльберга. Книга призвана помочь полицейским в их трудной и ответственной работе при осмотре места преступления. Содержание книги является служебной тайной, и ее владельцев просят соблюдать осторожность, чтобы книга не попала в чужие руки».

Слова «патрульного Леннарта Колльберга» он сам вписал в нужном месте много лет назад. Это была хорошая книга, и в те времена она оказалась для него очень полезной.

- Это моя старая книга, – сказал он.
- Можешь забрать ее с собой.
- Нет. Я дал ее Оке пару лет назад.
- Понятно. Значит, в любом случае он не украл ее.

Колльберг перелистывал книгу, соображая, что бы сделать или сказать. Некоторые предложения оказались подчеркнутыми, а в двух местах на полях были сделаны пометки авторучкой. В обоих случаях в разделе «Эротическое убийство».

«Эротический убийца (садист) часто является импотентом и преступление совершает вследствие повышенного желания подучить сексуальное удовлетворение».

Кто-то, наверное, Стенстрём, подчеркнул это предложение. Немного ниже на этой же странице, которая началась словами «В случае эротического убийства жертву убивают», были подчеркнуты два пункта:

4) после полового акта, чтобы избежать разоблачения и 5) в результате шока.

На полях была пометка: 6) чтобы убрать жертву, но является ли это эротическим убийством?

- Оса, – сказал Колльберг.
- Ну, чего тебе нужно?
- Ты знаешь, когда Оке написал это?

Она подошла, быстро взглянула на книгу и ответила:

- Не имею понятия.
- Оса, – повторил он.

Она бросила наполовину выкуренную сигарету в пепельницу и встала возле стола, сплетя пальцы рук на животе.

- Господи, ну чего тебе нужно?

Колльберг внимательно посмотрел на нее. Она была худенькая и осунувшаяся. Сегодня вместо свитера на ней была блузка без рукавов навывпуск. Ее голые руки были покрыты гусиной кожей, и, хотя блузка на ее худом теле висела, как на вешалке, соски груди отчётливо вырисовывались под тканью.

— Сядь, — сказал он.

Она пожала плечами, взяла новую сигарету и зажигалку и отошла к двери спальни.

— Садись, — заорал Колльберг.

Она вздрогнула и посмотрела на него. В ее больших темных глазах блеснула ненависть. Все же она подошла поближе и села в кресло напротив него. Она сидела, естественно выпрямившись и упираясь руками в бедра. В одной руке она держали зажигалку, в другой — незажженную сигарету.

— Карты на стол. — Сказав это, Колльберг смущенно посмотрел на коричневый конверт и подумал, что очень неудачно выразился.

— Прекрасно, — произнесла она кристально звонким голосом. — Только у меня нет никаких карт.

— Зато у меня есть.

— Ну?

— В прошлый раз мы были не до конца честными с тобой.

Она нахмурила густые темные брови.

— Относительно чего?

— Относительно разного. Но прежде я хочу спросить, известно ли тебе, что Оке делал в том автобусе.

— Нет, нет и еще раз нет, не имею понятия.

– Мы тоже, – заметил Колльберг. Он помолчал и со вздохом сказал: – Оке обманывал тебя.

Она мгновенно отреагировала. Ее глаза заблестели. Она сжала кулаки. Крошки табака из смятой сигареты просыпались на брюки.

– Как ты смеешь так говорить!

– Но это правда. Оке не был на службе ни в тот понедельник, когда его убили, ни в субботу. У него было много отгулов в октябре и в первые две недели ноября.

Она молча глядела на него.

– Таковы факты, – сказал Колльберг. – И второе, что я хотел бы знать: имел ли он привычку носить при себе пистолет, когда не был на службе?

Прошла почти минута, прежде чем она ответила.

– Убирайся к чертям и прекрати мучить меня своей манерой допроса. Почему сюда не приходит сам руководитель расследования Мартин Бек, собственной персоной?

Колльберг закусил губу.

– Ты много плакала.

– Нет. У меня нет привычки плакать.

– В таком случае ответь мне. Мы должны помогать друг другу.

– В чем?

– В том, чтобы схватить того, кто убил его. И тех, остальных.

– Зачем? – Минуту она сидела молча. Потом сказала так тихо, что он едва слышал ее: – Месть. Конечно, почему бы и нет. Отомстить.

– Он брал с собой пистолет?

– Да. Во всяком случае, часто.

– Почему?

– А почему бы Оке было не брать его с собой? В конце-то концов оказалось ведь, что пистолет был ему нужен. Разве не так?

Колльберг не ответил.

– Хотя ему это и не помогло, – добавила она.

Колльберг снова промолчал.

– Я любила Оке. – Она сказала это звонким и уверенным голосом, глядя в какую-то точку над головой Колльберга.

– Оса?

– Да.

– Так значит, он часто уходил из дому. Ты не знаешь, чем он занимался, мы тоже. Как ты думаешь, у него мог быть кто-то еще? Какая-нибудь женщина?

– Нет.

– Ты этого не допускаешь?

– Я знаю.

– Откуда ты можешь знать об этом?

– Это никого не касается, кроме меня. Я знаю. – Она внезапно с изумлением посмотрела ему прямо в глаза. – Вы что же, считаете, что у него была любовница?

– Да. Мы вынуждены учитывать такую возможность.

– Ну, так можете перестать ее учитывать. Это абсолютно исключено.

– Почему?

– Я уже сказала, что это никого не касается.

Колльберг забарабанил костяшками пальцев по столу.

– Ты уверена?

– Да. Абсолютно.

Он снова сделал глубокий вдох, как перед стартом.

– Оке интересовался фотографией?

– Да. Она была его единственным хобби с тех пор, как он перестал играть в футбол. Он имел три фотоаппарата. Увеличитель стоит на крышке унитаза. В ванной. У него была там темная комната, – Она с удивлением посмотрела на Колльберга. – А почему ты спрашиваешь об этом?

Он подвинул к ней конверт. Она положила зажигалку и дрожащими руками вынула из конверта фотографии. Посмотрела на первую из них и лицо ее стало пунцовым.

– Где... где ты взял что?

– Они лежали и его письменном столе в Вестберге.

– Что? В письменном столе? – Она прикрыла глаза и неожиданно спросила: – Кто из вас видел их? Все?

– Только три человека.

– Кто?

– Мартин, я и моя жена.

– Гюн?

– Да.

– Зачем ты показал ей?

– Потому что должен был прийти сюда. Я хотел, чтобы она знала, как ты выглядишь.

– Как я выгляжу? Ну и как же мы выглядим? Оке и...

– Оке мертв, – почти беззвучно произнес Колльберг.

Она по-прежнему была пунцовой. У нее покраснело не только лицо, но даже шея и плечи. Мелкие капельки пота выступили на лбу.

– Фотографии сделаны здесь, в этой квартире, – сказал Колльберг.

Она кивнула.

– Когда?

Оса Турелль нервно прикусила губу.

– Три месяца назад.

– Конечно, их делал он.

– Конечно. У него есть... было все, что нужно. Автоматический спуск и штатив, или как он там называется.

– Зачем он сделал их?

Она все еще была пунцовой и с испариной на лбу, но голос у нее стал более уверенным.

– Мы считали это забавным.

– А почему он держал их в письменном столе? – Колльберг помолчал и добавил: – Дело в том, что у него в кабинете не было никаких личных вещей. За исключением этих фотографий.

Долгое молчание. Наконец она покачала головой и сказала:

– Этого я не знаю.

Пора сменить тему, подумал Колльберг и сказал:

– Он всегда ходил с пистолетом?

– Почти.

– Почему?

– Наверное, ему так было нужно. В последнее время. Он интересовался огнестрельным оружием.

Она задумалась. Потом быстро встала и вышла. В открытую дверь спальни он видел, как она подходит к кровати. У изголовья лежали две подушки. Оса засунула руку под одну из них и с колебанием сказала:

– У меня здесь есть такая игрушка... пистолет...

Полнота и флегматичный вид Колльберга уже неоднократно многих обманывали. Он был отлично тренирован и обладал очень быстрой реакцией.

Оса Турелль еще стояла, склонившись над кроватью, когда Колльберг оказался возле нее и вырвал оружие из ее руки.

— Это не пистолет, — сказал он. — Это американский револьвер. «Кольт» сорок пятого калибра с длинным стволом. У него абсурдное название «reасemaker²⁷». К тому же он заряжен. И снят с предохранителя.

— Можно подумать, что я этого не знала, — пробормотала она.

Он вытащил обойму и вынул из нее патроны.

— Кроме того, пули с насечкой. Это запрещено даже в Америке. Самое страшное огнестрельное ручное оружие. Из него можно убить слона. Если выстрелить в человека с расстояния в пять метров, пуля пробивает дыру размером с тарелку и отбрасывает тело на десять метров. Откуда, черт возьми, он у тебя?

Она в замешательстве пожала плечами.

— Это пистолет Оке. Он всегда был у него.

— В постели?

Она покачала головой и тихо сказала:

— Нет, с чего ты взял. Это я... сейчас...

Колльберг положил патроны в карман, направил ствол в пол и нажал на спусковой крючок. По комнате прокатилось эхо от щелчка.

— И боек у него подпилен, — добавил он. — Для того, чтобы спуск был мягче и быстрее. Смертельно опасное оружие. Даже опаснее гранаты с выдернутой чекой. Достаточно было, чтобы ты перевернулась во время сна... — Он замолчал.

²⁷ Миротворец (англ.)

– В последнее время я мало спала, – сказала она.

«Хм, – подумал Колльберг, – наверное, Оке взял «Кольт» незаметно во время какой-то конфискации оружия. Попросту стибрил».

Он подбросил большой револьвер в руке, потом перевел взгляд на девушку, худенькую, как подросток.

– Я понимаю его, – пробормотал Колльберг. – Если кому-то так нравится оружие... – Он повысил голос: – А мне оно не нравится! – воскликнул он. – Это отвратительная вещь; оружие вообще не должно существовать. То, что его производят, то, что каждый может держать его в шкафу, и ящике стола, носить с собой, свидетельствует только о том, что вся система прогнила насквозь и все обезумели. Ты понимаешь? Какие-то акулы зарабатывают на том, что производят оружие, точно так же, как другие сколачивают состояние на наркотиках и опасных для жизни таблетках.

Оса смотрела на него с изменившимся выражением в глазах, в них появились чуткость и понимание.

– Садись, – сказал Колльберг. – Давай поговорим. Серьезно.

Оса Турелль не ответила ему, однако вернулась в гостиную и села.

Колльберг положил «Кольт» на полку в прихожей. Снял пиджак и галстук. Расстегнул воротник и подвернул рукава. Раскопал в горе посуды на кухне кастрюльку, вымыл ее и сварил кофе. Разлил его в две чашки и отнес в комнату. Выбросил окурки. Открыл окно. И только после всего этого сел.

– Итак, – произнес он. – Прежде всего мне хотелось бы знать, что ты имеешь в виду под словами «в последнее

время». Когда ты сказала, что в последнее время он предпочитал ходить с оружием.

– Помолчи немного, – сказала Оса и через несколько секунд добавила: – Подожди.

Она подтянула ноги на кресло, обхватила колени руками и замерла. Колльберг ждал. Ему пришлось ждать минут пятнадцать, и за все это время она ни разу не посмотрела на него. Наконец она подняла глаза.

– Ну, я тебя слушаю.

– Как ты себя чувствуешь?

– Не лучше, но немножечко по-другому. Можешь спрашивать. Я отвечу на любые вопросы. Я только одно хочу знать.

– Что именно?

– Ты обо всем мне рассказал?

– Нет, – ответил Колльберг, – но сейчас я это сделаю. Я вообще пришел сюда потому, что не верю в официальную версию, будто бы Стенстрём случайно оказался одной из жертв убийцы-психопата. И независимо от твоих заверений, что он не изменял тебе, или как там это называется, и причин этой твоей уверенности, я не думаю, что он оказался в автобусе просто так, для собственного удовольствия.

– А ты как считаешь?

– Что ты с самого начала была права. Когда говорила, что он работал. Что он чем-то занимался, по службе, как полицейский; что он по каким-то причинам не говорил об этом ни тебе, ни нам. Возможно, например, что он давно за кем-то следил, и этот человек в отчаянии убил его. Лично я, естественно, считаю эту версию маловероятной. – После

короткой паузы Колльберг добавил: – Оке очень хорошо умел следить. Ему это нравилось.

– Я знаю, – сказала она.

– Следить можно двумя разными способами, – продолжал Колльберг. – Можно ходить за кем-нибудь так, чтобы тот этого не замечал и чтобы можно было разгадать его намерения. Либо делать это совершенно открыто, чтобы привести в отчаяние человека, за которым ведется слежка, вывести его из себя, чтобы он сам себя выдал. И тем, и другим способами Стенстрём владел лучше кого-либо из нас.

– А кроме тебя, кто-нибудь еще придерживается такого же мнения? – спросила Оса.

– Да. По крайней мере, Мартин Бек и Меландер. – Колльберг потер шею и добавил: – Но в этих моих рассуждениях много слабых мест. Не стоит больше тратить на них время.

– Ну, так что же ты хочешь знать?

– Я и сам толком не знаю. Нам нужно кое-что уточнить. Мы не все понимаем. Что ты, например, имела в виду, когда говорила, что в последнее время он предпочитал ходить с пистолетом, что ему это нравилось? В последнее время?

– Когда я познакомилась с Оке четыре года назад, он был совершеннейшим ребенком, – спокойно сказала она.

– Что ты имеешь в виду?

– Он был робким и инфантильным. А три недели назад, когда кто-то убил его, он уже был взрослым. И это развитие произошло, главным образом, не на службе, у вас, а здесь, дома. Когда мы в первый раз были вместе в той комнате, в постели, пистолет был последней вещью, которую он снял с себя.

Колльберг в недоумении приподнял брови.

— Потому что он остался в рубашке, — сказала она, — а пистолет положил на ночной столик. Я просто остолбенела. Честно говоря, тогда я вообще не знала, что он полицейский, пыталась сообразить, что за психа я пустила к себе в постель. — Она внимательно посмотрела на Колльберга. — Тогда мы еще не были влюблены друг в друга. Но уже почти влюбились. Потом я все поняла. Ему было двадцать пять лет, а мне только-только исполнилось двадцать. Но если и можно было кого-то из нас считать взрослым, зрелым человеком, так это только меня. Он ходил с пистолетом, считая это таким дерзким. Как я уже сказала, он был еще ребенком и ему казался невероятно смешным вид голы женщины, которая с глупым выражением лица уставилась на мужчину в рубашке и с пистолетом. Потом он вырос из этого, но к пистолету успел привыкнуть. Кроме того, его интересовало огнестрельное оружие... — Она замолчала и внезапно спросила: — А ты храбрый? Я имею в виду физиологию.

— Не очень.

— Оке был физиологическим трусом, хотя делал все, чтобы побороть себя. Пистолет придавал ему чувство уверенности.

— Ты говорила, что он повзрослел. Он был полицейским, а с точки зрения профессионализма вряд ли свидетельствует о зрелости то, что ты позволяешь застрелить себя сзади тому, за кем следил. Поэтому я заметил, что мне трудно в это поверить.

— Вот именно, — сказала Оса Турелль. — И я в это решительно не верю. Тут что-то не так.

Колльберг немного подумал и сказал:

– Остаются факты. Он чем-то занимался. А чем именно, ни я, ни ты не знаем. Я прав?

– Да.

– Может, он как-то изменился? Незадолго до того, как это произошло?

Она подняла руку и пригладила свои короткие темные волосы.

– Да, – наконец ответила она.

– Как именно?

– Это нелегко описать.

– А эти фотографии имеют какое-то отношение к перемене, которая с ним произошла?

– Да, – ответила она. – Самое прямое. – Она взглянула на фотографии. – Об этом можно говорить только с тем человеком, которому полностью доверяешь. Не знаю, чувствую ли я к тебе такое доверие. Но я все же попытаюсь.

У Колльберга вспотели руки, он вытер их об брюки. Они поменялись ролями. Теперь она была спокойной, а он нервничал.

– Я любила Оке. С самого начала. Но сексуально мы не очень подходили друг другу. У нас были разные темпераменты и требования. – Она испытующе посмотрела на Колльберга. – Можно, однако, быть счастливым. Можно научиться. Тебе известно об этом?

– Нет.

– Мы с Оке являемся доказательством этого. Мы научились. Полагаю, ты понимаешь, что я имею в виду?

Колльберг кивнул.

– Бек не понял бы меня, – сказала она. – Я уж не говорю

о Рёнке или о ком-либо другом. – Она пожала плечами. – В общем, мы научились. Мы подстроились друг к другу, и нам было хорошо.

Кольберг на несколько секунд перестал слушать. Вот альтернатива, над существованием которой он никогда не задумывался.

– Это нелегко, – продолжала она. – Я должна тебе все объяснить, потому что если не сделаю этого, то не сумею объяснить, как именно переменялся Оке. Но даже если я расскажу тебе массу подробностей из нашей частной жизни, неизвестно, поймешь ли ты. Однако я надеюсь, что ты поймешь. – Она закашлялась. – Я слишком много курила в последние недели.

Кольберг почувствовал, что происходят какие-то перемены. Он улыбнулся. Оса Турелль тоже улыбнулась, немного грустной улыбкой, но все же.

– Ладно, – сказала она. – Закончим с этим – чем раньше, тем лучше. Я, к сожалению, робкая. Странно.

– В этом нет ничего странного. Я тоже ужасно робкий. Робость вообще связана с повышенной чувствительностью.

– До знакомства с Оке я считала себя почти нимфоманкой или ненормальной, – быстро сказала Оса. – Потом мы влюбились и подстроились друг к другу. Я очень старалась. Оке тоже. И нам это удалось. Нам было хорошо, лучше, чем я могла когда-либо мечтать. Я забыла, что я более чувственна, чем он; вначале мы пару раз говорили об этом, а потом уже никогда. Попросту не было необходимости. Мы занимались любовью, когда ему хотелось, другими словами, один-два, максимум три раза в неделю. Это приносило нам удовольствие, и ничего другого мы не

желали. Поэтому мы не и изменяли друг другу, как ты предполагал. И тут...

– ...вдруг прошлым летом, – продолжил Колльберг.

Она с уважением посмотрела на него.

– Вот именно. Прошлым летом мы поехали на Мальорку. Вы тогда вы как раз занимались трудным и очень неприятным делом.

– Да. Убийством в парке.

– Когда мы вернулись, это убийство уже раскрыли. Оке был очень раздосадован. – Она помолчала и через несколько секунд продолжила говорить, так же быстро и плавно. – Возможно, это не производит хорошего впечатления, но многое из того, о чем я уже рассказала и еще расскажу, не производит хорошего впечатления. Он был раздосадован, что не смог принять участие в расследовании. Оке был самолюбивый, почти жадный на похвалу. Он всегда мечтал о том, что раскроет что-то важное, то, что никто не смог раскрыть. Кроме того, он был намного моложе всех вас и считал, по крайней мере давно, что на службе им помыкают. Насколько мне известно, он считал, что ты третировал его больше всех.

– К сожалению, он был прав.

– Он недолюбливал тебя. Гораздо лучше он относился к Беку или Меландеру. Не так, как я сейчас, но это не относится к делу. В конце июля или в начале августа он вдруг изменился, как я уже говорила, причем эта перемена перевернула всю нашу жизнь вверх тормашками. Тогда-то он и сделал эти фотографии. В общем-то он сделал их намного больше, отснял множество кассет. Я уже говорила, что наша эротическая жизнь была счастливой и регулярной. И

внезапно все это было разрушено, причем не мною, а им. Мы были... были вместе...

– Занимались любовью, – подсказал Колльберг.

– Ладно, занимались любовью в течение одного дня столько раз, сколько раньше, как правило, за целый месяц. Иногда он даже не разрешал мне несколько дней ходить на работу. Вряд ли стоит отрицать, что для меня это была приятная неожиданность. Кроме того, я была изумлена. Мы жили вместе уже более четырех лет и...

– Что же дальше? – спросил Колльберг, когда она замолчала.

– Понятно, что мне это очень нравилось. Мне нравилось, что он выкидывает со мной самые разные штучки, будит меня ночью, не дает уснуть, не разрешает одеться и идти на работу. Что он не оставляет меня в покое даже в кухне; он овладел мною на мойке, в ванне, спереди и сзади, во всех позах, которые только можно себе представить, в каждом кресле по очереди. Однако сам он при этом вовсе не изменился, и спустя какое-то время я убедилась в том, что являюсь для него предметом для определенного рода эксперимента. Я расспрашивала его, однако он только смеялся.

– Смеялся?

– Да. Он вообще все это время был в прекрасном настроении. Вплоть... вплоть до того дня, когда его убили.

– Почему?

– Этого я не знаю. Я поняла только одно, сразу после того, как миновал шок.

– Что именно?

– Что была для него объектом исследования. Он все обо

мне знал. Знал, как я невероятно возбуждаюсь, стоит ему только немножко постараться. А я все знала о нем. Например, что на самом деле это интересовало его лишь иногда.

– И как долго это продолжалось?

– До середины сентября. У него тогда появилось много работы и он почти не бывал дома.

– Что оказалось неправдой, – сказал Колльберг. Он внимательно посмотрел на Осу и добавил: – Спасибо. Ты хорошая девушка. Ты мне нравишься.

Она выглядела растерянной и смотрела на него с подозрительным видом.

– И он никогда не говорил, чем занимается?

Она покачала головой.

– Даже не намекнул?

– Нет.

– И ты не заметила ничего необычного?

– Он много времени проводил на улице, то есть не в помещении. Это я заметила. Он возвращался замерзший и промокший.

Колльберг слушал.

– Несколько раз я проснулась, очень поздно, потому что он ложился холодным, как сосулька. Последнее дело, о котором он со мной говорил, было то, которым он занимался, начиная с середины сентября. О мужчине, убившем жену. Кажется, его фамилия была Биргерсон.

– Я тоже припоминаю, – сказал Колльберг. – Семейная трагедия. Рядовое дело. Даже не знаю, зачем мы к нему подключились. Все как по учебнику. Неудачный брак, нервы, ссоры, стесненные материальные условия. В конце

концов муж убил жену, скорее всего, случайно. Потом он хотел покончить с собой, но ему не хватило смелости и он отправился в полицию. Однако Стенстрём действительно занимался этим делом, он проводил допросы.

– Погоди, во время этих допросов что-то произошло.

– Что именно?

– Не знаю. Но однажды вечером Оке пришел очень возбужденный.

– Там не было ничего, что могло бы возбудить. Грустная история. Типичное убийство на бытовой почве. Фактически одинокий человек, жена которого, отравленная жаждой жить все лучше и лучше, непрерывно упрекала его, что он зарабатывает слишком мало денег и что они не могут купить себе моторную лодку, летний домик, а их автомобиль не такой роскошный, как у соседей.

– Но во время допроса тот мужчина что-то рассказал Оке.

– Что?

– Не знаю. Оке, во всяком случае, это казалось очень важным. Я, конечно, спросила у него об этом, так же как ты у меня сейчас, но он только рассмеялся и сказал, что скоро я все узнаю.

– Он сказал именно так?

– Ты скоро все узнаешь, малышка. Это его точные слова. Он выглядел очень довольным.

– Странно.

Минуту они сидели молча, потом Колльберг встряхнулся, взял со стола открытую книгу и спросил:

– Ты понимаешь эти комментарии?

Оса Турелль встала, обошла вокруг стола и, нахло-

нившись над книгой, чтобы заглянуть туда, положила руку на плечо Колльбергу.

– Вендел и Свенсон пишут, что эротический убийца часто является импотентом и совершает насилие для того, чтобы получить желанное удовлетворение. А Оке написал на полях «и наоборот». – Колльберг пожал плечами и сказал: – Ага, он, вероятно, имел в виду, что эротический убийца может также быть легко возбуждим сексуально.

Оса мгновенно убрала руку, и Колльберг, к своему удивлению, заметил, что она снова покраснела.

– Нет, он не это имел в виду, – сказала она.

– Что же, в таком случае?

– Совершенно противоположную ситуацию: женщина, другими словами, жертва, может заплатить своей жизнью за то, что она чрезмерно возбуждима.

– Откуда тебе это известно?

– Мы с ним однажды разговаривали на эту тему. В связи с тем, что вы расследовали тогда убийство молодой американки на Гёта-канале.

– Ее звали Розанна, – сказал Колльберг. – Однако тогда у него еще не было этой книги. Помню, я обнаружил ее, когда наводил порядок в ящиках моего письменного стола. Когда мы переезжали из Кристинеберга. Это было намного позднее.

– Но другие его пометки, – сказала Оса, – совершенно логичны.

– Да. Тебе не попадался случайно какой-нибудь блокнот или календарь, куда он записывал свои дела?

– А при себе у него не оказалось блокнота?

– Да. Мы просмотрели его. Там не было ничего интересного.

– Я обыскала всю квартиру.

– Что-нибудь нашла?

– Абсолютно ничего. Он ничего не прятал. И был очень аккуратным. У него, естественно, имелся еще один блокнот. Вон он лежит на письменном столе.

Колльберг взял блокнот. Такой же, какой нашли в кармане Стенстрёма.

– В этом блокноте почти ничего нет, – сказала Оса. Она стащила носок с одной ноги и почесала пятку.

Стопа у нее была узкая, с крутым подъемом и длинными прямыми пальцами. Колльберг поглядел на ногу, а затем перелистал блокнот. Она была права. Там почти ничего не было. На первой странице анкетные данные того бедолаги по фамилии Биргерсон, который убил свою жену.

На второй странице вверху было только одно слово: «Моррис».

Оса Турелль заглянула в блокнотик и пожала плечами.

– Это название автомобиля, – сказала она.

– Или, скорее, фамилия агента в Нью-Йорке.

Оса, стоя у стола, смотрела на фотографии. Внезапно она ударила кулаком по столу и очень громко сказала:

– Ах, если бы у меня был ребенок! – Понизив голос, она добавила: – Он всегда говорил, что у нас еще есть время. Что мы должны подождать, когда он получит повышение.

Колльберг медленно направился в сторону прихожей.

– Есть время, – пробормотала она, а потом спросила: – Что со мной будет?

Он повернулся к ней и сказал:

– Так нельзя. Оса. Пойдем.

Она быстро повернулась к нему, с блеском ненависти и глазах.

– Пойдем? Куда? Ну, конечно же, в постель.

Колльберг смотрел на нее.

Девяносто девять мужчин из ста видели бы худенькую бледную девушку, едва держащуюся на ногах; они видели бы заморенное тело, тонкие, потемневшие от никотина пальцы и осунувшееся лицо. Они видели бы непричесанную девушку в мешковатой одежде, на одной ноге у которой был шерстяной носок, номера на два больше, чем нужно.

Леннарт Колльберг видел физически и психически закомплексованную женщину с горящим взглядом и многообещающими ямочками под мышками, интересную, привлекательную, женщину, с которой стоит познакомиться поближе.

Увидел ли все это Стенстрём или он тоже оказался одним из девяноста девяти, и ему просто-напросто невероятно повезло?

– Я не это имел в виду, – сказал Колльберг. – Пойдем к нам домой. Места у нас хватит. Ты уже достаточно долго была одна.

В автомобиле Оса расплакалась.

XXII

Дул пронизывающий ветер, когда Нордин вышел со станции метро на углу Свеавеген и Родмансгатан. Подгоняемый ветром в спину, он быстро пересек Свеавеген и, свернув на Тегнергатан, где не так сильно дуло, и замедлил шаг. В двадцати метрах от угла находилось кафе. Нордин остановился перед витриной и заглянул внутрь.

Стоящая за стойкой рыжеволосая женщина в фисташково-зеленом жакете разговаривала по телефону. Кроме нее, в заведении никого не было.

Нордин пошел дальше, пересек Лунтмакаргатан и остановился, чтобы посмотреть на картину, написанную масляными красками, которая висела над застекленной дверью антикварного магазина. Когда он размышлял над тем, что хотел изобразить на картине ее творец – двух лосей или лося и северного оленя, – у него за спиной раздался голос:

– Aber Mensch, bist du doch ganz verrückt²⁸?

Нордин обернулся и увидел двух мужчин, переходящих через проезжую часть. Еще до того, как они оказались на противоположном тротуаре, он углядел нужную ему кондитерскую. Когда он туда вошел, двое мужчин спускались по винтовой лестнице, находящейся за баром. Он пошел за ними.

Заведение заполняли молодежь, оглушительная музыка и шум голосов. Нордин огляделся в поисках свободного столика, но мест, очевидно, не было. Он немного поразмышлял, стоит ли снять плащ и шляпу, но решил не рисковать. В Стокгольме никому нельзя доверять, в этом он был свято убежден.

Он занялся осмотром гостей женского пола. Блондинок в зале было много, но ни у одной из них внешность не соответствовала описанию Белокурой Малин.

Здесь преобладал немецкий язык. Свободный стул был рядом с худощавой брюнеткой, похожей по внешнему виду

²⁸ Послушай, дружище, ты что, совсем рехнулся? (нем.)

на шведку. Нордин расстегнул плащ, сел, положил шляпу на колени и подумал, что благодаря охотничьей шляпе с пером и шерстяному плащу он не отличается от большинства немцев.

Ему пришлось ждать пятнадцать минут, прежде чем подошла официантка. Подруга брюнетки, сидящая напротив, время от времени с любопытством поглядывала на него.

Помешивая кофе, которое ему наконец принесли, Нордин посмотрел на сидящую рядом девушку. Стараясь говорить со стокгольмским произношением в надежде, что его примут за постоянного посетителя, он спросил:

– А куда это сегодня подевалась Белокурая Малин?

Брюнетка широко раскрыла рот. Потом улыбнулась и, наклонившись над столом, сказала подруге:

– Этот норландец интересуется Белокурой Малин. Эва, ты не знаешь, где она?

Подруга посмотрела на Нордина и крикнула кому-то за соседним столиком:

– Тут какой-то сыщик интересуется Белокурой Малин. Кто-нибудь знает, где она?

– Не-е-а, – прозвучало в унисон.

Прихлебывая кофе, Нордин с досадой размышлял, по каким признакам можно догадаться, что он полицейский. Трудно понять, что за город этот Стокгольм.

Когда он выходил, наверху его остановила официантка, которая подавала ему кофе.

– Я слыхала, что вы разыскиваете Белокурую Малин. Вы действительно полицейский?

После короткого колебания Нордин хмуро кивнул.

– Если вы собираетесь арестовать за что-то эту кривляку, никто не обрадуется сильнее меня. Мне кажется, я могу сказать вам, где она. Раз здесь ее нет, она наверняка сидит в кафе на Энгельбрехтплан.

Нордин поблагодарил и вышел на холод.

В кафе на Энгельбрехтплан, где, по-видимому, собирались только постоянные посетители, Белокурой Малин тоже не оказалось. Нордин, однако, решил не сдаваться и подошел к сидящей в одиночестве женщине, которая просматривала потрепанный еженедельник. Она не знала, кто такая Белокурая Малин, но посоветовала ему заглянуть в винный погребок на Кунгсгатан.

Нордин брел по ненавистным улицам Стокгольма и страстно желал оказаться дома, в Сундсвалле.

На этот раз ему повезло.

Отправив кивком гардеробщика, который подошел, чтобы взять у него плащ, Нордин остановился в дверях и окинул взглядом заведение. Он узнал ее почти сразу.

Рослая, однако не тучная. Отливающие серебром светлые волосы собраны в искусную высокую прическу.

У него не было сомнений, что это Белокурая Малин.

Она сидела на диванчике в углу, перед ней стоял бокал вина. Рядом с ней находилась довольно пожилая женщина с длинными, спадающими на плечи черными кудрями, которые вовсе не молодили ее. Наверное, тоже такая же бесплатная, подумал Нордин.

Он немного понаблюдал за обеими женщинами. Они не разговаривали друг с другом. Белокурая Малин разглядывала бокал, вертя его кончиками пальцев. Черноволосая осматривалась по сторонам, время от времени кокетливо

отбрасывая длинные волосы. Нордин обратился к гардеробщику:

– Прошу прощения, вы не знаете, как зовут ту даму со светлыми волосами, которая сидит на диванчике?

Гардеробщик посмотрел в ту сторону.

– Дама, – иронично произнес он. – Как ее зовут я не знаю, но все называют ее Толстуха Малин или как-то в таком духе.

Нордин отдал ему плащ и шляпу.

Когда он подходил к столику, черноволосая с надеждой посмотрела на него.

– Прошу прощения за назойливость, – сказал Нордин, – но мне хотелось бы, если можно, поговорить с фрёкен Малин.

– А в чем дело? – спросила она.

– Речь идет об одном из ваших друзей, – ответил Нордин. – Вы не возражаете, если мы пересядем за другой столик, где сможем спокойно побеседовать, так, чтобы нам никто не мешал? – Увидев, что Малин посмотрела на подругу, он поспешно добавил: – Если, конечно, ваша подруга не имеет ничего против.

Черноволосая наполнила свой бокал и встала.

– Я вовсе не мешаю, – обидчиво сказала она и, поскольку Белокурая Малин никак не отреагировала на ее слова, добавила: – Я пересяду к Торе. До свидания. – Она взяла свой бокал и ушла в глубь заведения.

Нордин сел. Белокурая Малин выжидательно глядела на него.

– Ульф Нордин, первый ассистент криминальной полиции, – представился он. – Надеюсь, вы сможете помочь мне в одном деле.

– Ясно, – сказала Белокурая Малин. – И что же это за дело? Вы там что-то говорили о моем друге.

– Да. Мне нужна кое-какая информация о человеке, которого вы знали.

Белокурая Малин окинула его презрительным взглядом.

– Я не доносчица, – сказала она.

Нордин вынул из кармана пачку сигарет, предложил Малин и поднес ей огонь.

– Это не доносительство. Несколько недель назад вы приехали на белом «вольво-амазони» вместе с двумя мужчинами в гараж в Хегерстене. Гараж находится на Клуббакен и принадлежит одному швейцарцу по имени Хорст. За рулем сидел испанец. Припоминаете?

– Конечно, я прекрасно это помню, – ответила Белокурая Малин. – Ну и что? Ниссе и я поехали с тем Пако, чтобы показать ему дорогу в гараж. Он уже вернулся домой, в Испанию.

– Пако?

– Да.

Она осушила бокал и вылила туда остатки вина из графинчика.

– Вы позволите угостить вас? Может быть, еще вина?

Девушка изъявила согласие, и Нордин, подозвав официантку, заказал полграфина вина и кружку пива.

– А кто такой Ниссе? – спросил он.

– Ну, так это ведь тот, что был в автомобиле, вы же сами минуту назад сказали.

– Да, но какая фамилия у того Ниссе, чем он занимался?..

– Его фамилия Ёранссон. Нильс Эрик Ёранссон. А чем он занимается, я не знаю. Я уже пару недель не видела его.

– Почему? – спросил Нордин.

– Что «почему»?

– Почему вы уже несколько недель не видели его? Раньше ведь вы, вероятно, виделись довольно часто.

– Мы вовсе не из одной компании. Просто иногда ходили вместе. Наверняка он встречался с какой-то девушкой. Откуда мне знать. Во всяком случае, он уже давно не показывается.

– А вы знаете, где он живет?

– Ниссе? Нет, у него, очевидно, не было квартиры. Какое-то время он жил у меня, потом у одного приятеля в Сёдермальме, но, по-моему, он там больше не живет. А где он живет теперь, я и в самом деле не знаю. А даже если бы и знала, все равно не сказала бы полицейскому. Я ни на кого не доношу.

Нордин сделал глоток пива и дружелюбно посмотрел на могучую блондинку.

– Вам не нужно этого делать, фрёкен... извините, я не знаю вашей фамилии, фрёкен Малин.

– Мое имя вовсе не Малин, а Магдалена. Магдалена Розен. А прозвали меня Белокурой Малин, потому что у меня светлые волосы. – Она потрогала рукой прическу. – А что вам нужно от Ниссе? Что он сделал? Я не хочу отвечать на вопросы, а их наверняка будет много, до тех пор, пока не узнаю, в чем дело.

– Да, понимаю, – сказал Нордин. – Сейчас я объясню, каким образом вы можете нам помочь, фрёкен Розен. – Он снова сделал глоток пива и вытер губы. – Однако предва-

рительно я хотел бы задать один вопрос. Как одевался Ниссе?

Она нахмурила брови и задумалась.

– В основном он ходил в костюме. Таком светлом, бежевом с обтянутыми тканью путницами. На нем была рубашка, ботинки, наверное, трусы, как на каждом мужчине.

– А плащ он не носил?

– Нет, настоящий плащ он не носил. Он ходил в таком тоненьком, нейлоновом. Ну, знаете?

Она вопросительно посмотрела на Нордина.

– Фрёкен Розен, он, вероятно, мертв.

– Мертв? Ниссе? Но... почему... почему, вы говорите «вероятно»? И откуда вам известно, что он мертв?

Ульф Нордин вынул носовой платок и вытер шею. В заведении было жарко и он чувствовал, как одежда прилипает к телу.

– Дело в том, что у нас в морге есть мужчина, которого мы не можем идентифицировать. Однако имеются основания полагать, что это Нильс Эрик Ёранссон.

– А с чего вы взяли, что он должен был умереть? – с подозрением глядя на Нордина, спросила Белокурая Малин.

– Он был одним из пассажиров того автобуса, о котором вы наверняка читали в газетах. Он получил огнестрельное ранение в голову и мгновенно умер. Поскольку вы единственный известный нам человек, который мог бы опознать Ёранссона, мы будем очень признательны вам, если вы не откажетесь прийти завтра в морг и посмотреть, он это или не он.

Она испуганно уставилась на Нордина.

– Я? В морг? Ни за что!

В среду, в девять часов утра Нордин и Белокурая Малин вышли из такси возле Института судебной медицины на Томтебодавеген. Мартин Бек ждал их уже пятнадцать минут. Все вместе они вошли в морг.

Белокурая Малин была бледной под небрежно наложенным гримом. Ее светлые волосы тоже не были так старательно причесаны, как накануне вечером.

Нордин ждал в прихожей ее квартиры, пока она закончит утренний туалет. Когда наконец она была готова и они вышли на улицу, он констатировал, что она выглядела гораздо привлекательнее в приглушенном свете винного погребка, чем в туманную утреннюю погоду.

В морге их уже ждали и провели в морозильник.

Размозженное лицо покойника прикрыли, но волосы было видно. Белокурая Малин схватила Нордина за руку и прошептала:

– О Боже!

Нордин обнял ее широкие плечи и подвел поближе.

– Прошу вас хорошенько посмотреть, – тихо произнес он. – Посмотреть и сказать, узнаете ли вы его.

Прикрыв рот рукой, она смотрела на обнаженное тело.

– А что с его лицом? – спросила она. – Я могу увидеть лицо?

– Лучше будет, если вы сможете обойтись без этого, – ответил Мартин Бек. – Вы и без этого должны его узнать.

Белокурая Малин опустила руку и кивнула.

– Да, это Ниссе. Вон тот шрам и... да, это он.

– Благодарю вам, фрёкен Розен, – сказал Мартин Бек. – Мы приглашаем вас на кофе в управление полиции.

Сидя в такси рядом с Нордином, Белокурая Малин время от времени бормотала:

– О Боже, это что-то ужасное.

Мартин Бек и Нордин организовали кофе и пирожные. Через минуту к ним присоединились Колльберг, Меландер и Рённ.

Малин вскоре пришла в себя, и можно было заметить, что она оживилась не только от кофе, но и от того уважения, которое ей выказывали. Она охотно отвечала на вопросы, а перед уходом пожала им руки и заявила:

– Я никогда бы не подумала что мусор... полицейские могут быть такими мировыми парнями.

После того, как дверь за ней закрылась, они с минуту переваривали комплимент, потом Колльберг сказал:

– Ну, мировые парни! Подведем итоги?

Они подвели итоги.

Нильс Эрик Ёранссон. Возраст: 38-39 лет. С 1965 года без постоянного места работы. С марта по август 1967 года жил у Магдалены Розен (Белокурой Малин) на Арбетаргата, 3, на Кунгсхольмене. Позже, примерно до октября, – у Суне Бьёрка в Сёдермальме. Место жительства в последние недели перед смертью не установлено. Наркоман. Курил, глотал и впрыскивал себе любой наркотик, какой удавалось раздобыть. Возможно, также торговал наркотиками. Был болен триппером.

Магдалена Розен видела его в последний раз третьего или четвертого ноября возле ресторана «Дамберга». Тогда на нем были те же самые костюм и плащ, что и тринадцатого.

Денег у него всегда хватало.

Таким образом, из всей бригады, занимающейся убийством в автобусе, Нордину первому удалось раскопать нечто такое, что при достаточном желании можно было назвать положительным результатом. Однако, даже относительно этого мнения разделились.

– Ну ладно, – сказал Гюнвальд Ларссон, – теперь вы уже знаете фамилию этого подозрительного субъекта. Ну и что же дальше?

– Так-так, – задумчиво пробормотал Меландер.

– Что это ты там бормочешь?

– Ёранссон никогда ни на чем не попадался, но мне, кажется, знакома эта фамилия.

– Вот как?

– По-моему, она фигурировала в каком-то расследовании. Я с ним не разговаривал и наверняка не видел его. Но мне где-то попадались эти имя и фамилия – Нильс Эрик Ёранссон.

Меландер, попыхивая трубкой, рассеянно смотрел прямо перед собой.

Гюнвальд Ларссон с раздражением разгонял дым рукой. Он не выносил никотина.

– Меня больше интересует этот свинтус Асарсон, – сказал он.

– Я вспомню, – пробормотал Меландер.

– Конечно. Если раньше не умрешь от рака легких. – Гюнвальд Ларссон встал и подошел к Мартину Беку.

– Где этот Асарсон брал деньги?

– Не знаю.

– А чем занимается его фирма?

– Импортирует разные товары. Все, что приносит прибыль. От подъемных кранов до искусственных пластмассовых елок.

– Искусственных елок?

– Да, этот товар сейчас пользуется большим спросом.

– Я навел справки о сумме налогов, которые уплатили эти господа и их фирма за последние несколько лет.

– Ну?

– Она составляет примерно треть от того, что должны платить ты или я. И когда я вспоминаю, как выглядит квартира вдовы...

– То что?

– У меня появляется чертовское желание произвести обыск у них в офисе.

– На каком основании?

– Не знаю.

Мартин Бек пожал плечами. Гюнвальд Ларссон направился к двери. На пороге он сказал:

– Хитрая лиса этот Асарсон. А его братец наверняка не лучше.

В дверях появился Колльберг. Он выглядел уставшим и невыспавшимся, глаза у него были красные.

– Чем ты занимаешься? – спросил Мартин Бек.

– Слушаю магнитофонную запись допроса, который проводил Стенстрём. Он допрашивал Биргерсона, того, который убил жену. У меня это заняло всю ночь.

– Ну?

– Ничего. Абсолютно ничего. Если я чего-то не упустил.

– Это всегда возможно.

– Очень ценное указание, – заметил Колльберг, закрывая за собой дверь.

Мартин Бек облокотился на стол и подпер голову руками.

Была пятница, восемнадцатое декабря. Прошло уже двадцать пять дней, а расследование, по существу, топталось на месте. Более того, появились определенные признаки, что все разваливается. Каждый цеплялся за любую мелочь, как утопающий хватается за соломинку.

Меландер размышлял над тем, где и когда он слышал имя и фамилию Нильс Эрик Ёранссон.

Гюнвальд Ларссон ломал себе голову над источниками доходов братьев Асарсон.

Колльберг пытался догадаться, каким образом не совсем нормальный психически убийца жены по фамилии Биргерсон мог натолкнуть на что-то Стенстрёма.

Нордин старался установить связь между Ёранссоном, групповым убийством и гаражом в Хегерстене.

Эк настолько углубился в изучение устройства красного двухэтажного автобуса, что теперь с ним можно было разговаривать только об электрической схеме и расположении дворников на лобовом стекле.

Монссон систематически допрашивал всю арабскую колонию в Стокгольме, потому что проникся убеждением Гюнвальда Ларссона, что Мохаммед Бусси должен играть ключевую роль в этом деле, так как он алжирец.

Сам Мартин Бек думал о Стенстрёме, о том, что, возможно, он за кем-то следил и тот человек застрелил его. Эти рассуждения вовсе не выглядели убедительными.

Разве позволил бы такой опытный полицейский, чтобы его застрелил человек, за которым он следил? И к тому же в автобусе?

Рённо не мог перестать думать о том, что сказал Шверин в больнице за несколько секунд до того, как умереть.

Именно в эту пятницу, днем, у него состоялся разговор со звукооператором шведского радио. Звукооператор попытался проанализировать записанные звуки. Это заняло у него много времени, но теперь он наконец справился с заданием.

– Маловато материала, не над чем было работать. Мне все же удалось получить определенные результаты. Хотите послушать?

– Да, – сказал Рённо.

Он взял трубку в левую руку и потянулся за блокнотом.

– Вы норландец, я прав?

– Да.

– Ну, нас интересуют не вопросы, а только ответы. Прежде всего я постарался убрать с ленты все посторонние звуки, шум, скрежет и так далее.

Рённо ждал с авторучкой наготове.

– Если говорить о первом ответе, на вопрос, кто стрелял, можно четко выделить четыре согласных: Д, Н, Р и К.

– Да, – согласился Рённо.

– Однако при более глубоком анализе слышны и некоторые гласные и дифтонги между этими согласными. Например, звук «е» или «и» между «д» и «н».

– Динрк, – сказал Рённо.

– Да, это звучит приблизительно так для неопытного уха. Кроме того, мне кажется, что он произнес очень слабое «ай» после согласной «к».

– Динркай, – сказал Рённо.

– Что-то в этом роде, хотя и не с таким сильным «ай».

После паузы эксперт предположил:

– Наверное, этот человек был в очень плохом состоянии.

– Да.

– Возможно, он испытывал сильные боли.

– Вероятнее всего.

– В таком случае, – с облегчением сказал эксперт, – можно объяснить, почему он произнес «ай».

Рённо записывал. Почесывал кончиком авторучки основание носа. Слушал.

– Теперь я окончательно уверен, что эти звуки образуют целую фразу, состоящую из многих слов.

– И как же звучит эта фраза? – спросил Рённо, приготовившись записывать.

– Очень трудно сказать. Очень трудно. Например, там могло быть: дрянъ, ай.

– Дрянъ, – удивленно повторил Рённо.

– Это всего лишь для примера, естественно. Если же говорить о втором ответе...

– Акальсон?

– Ага, так значит, вам кажется, что это звучало именно так? Любопытно. Я теперь так не считаю. Я пришел к выводу, что он произнес два слова. Вначале «яак», а потом «альсон».

– Что бы это могло значить?

– Ну, можно предположить, что это фамилия. Альсон или, вероятнее всего, Ольсон.

– Яак Альсон? Яак Ольсон?

– Вот именно! Это звучит именно так. Вы точно так же произносите «ль». Возможно, он говорил на таком же диалекте. – После нескольких секунд молчания эксперт сказал: – Впрочем, маловероятно, чтобы существовал кто-то, кого зовут Яак Альсон или Яак Ольсон, так?

– Маловероятно, – согласился Рённ.

– У меня пока все. Я, естественно, пришлю письменное заключение вместе с текстом. Просто я решил, что стоит сразу же позвонить, так как дело может быть срочным.

– Спасибо, – сказал Рённ.

Он положил трубку и после некоторых раздумий решил не докладывать об этих выводах эксперта руководителю расследования. По крайней мере, не сейчас.

Несмотря на то, что часы показывали всего лишь четверть четвертого, было уже совершенно темно, когда Колльберг приехал на Лонгхольмен. Он замерз, устал, а атмосфера тюрьмы не настраивала на радостный лад. Холодная комната свиданий была обшарпанной и негостеприимной, и в ожидании прихода того, с кем он должен был встретиться, Колльберг хмуро мерил расстояние между стенами. Биргерсон, человек который убил жену, был подвергнут основательному психиатрическому обследованию в клинике судебной медицины. Вскоре его, наверное, освободят от отбытия наказания и направят в какое-нибудь лечебное заведение.

Примерно через пятнадцать минут дверь открылась и надзиратель в синей униформе впустил низенького лысаватого мужчину лет шестидесяти. Мужчина перешагнул через порог, остановился и поклонился с вежливой улыб-

кой. Колльберг подошел к нему. Они обменялись рукопожатием и представились друг другу.

Биргерсон оказался приятным собеседником.

— Ассистент Стенстрём? Конечно, припоминаю. Очень симпатичный. Я попрошу вас передать ему привет от меня.

— Он мертв.

— Мертв? Не понимаю. Такой молодой человек... Как это случилось?

— Вот об этом-то я и хотел бы поговорить с вами.

Колльберг вкратце объяснил, что ему нужно.

— Я прослушал все, что было записано на пленку, — сказал он в конце. — Однако догадываюсь, что он не всегда включал магнитофон, например, во время еды или когда вы пили кофе.

— Верно.

— Но ведь вы и тогда разговаривали друг с другом.

— Конечно. Так часто бывало.

— О чем вы разговаривали?

— Так, обо всем.

— А может быть, какая-то тема особенно заинтересовала Стенстрёма?

Биргерсон задумался и покачал головой.

— Мы в основном просто болтали. О том, о сем. Какая-то особенная тема? Что бы это могло быть?

— Именно это я и хотел бы знать.

Колльберг вынул из кармана блокнот, который обнаружил в квартире Осы, и показал его Биргерсону.

— Вам это о чем-нибудь говорит? Почему он написал «Моррис»?

Лицо собеседника просветлело.

– Мы, по-видимому, разговаривали об автомобилях. У меня был «моррис» восьмой модели, такой большой, ну, вы, наверное, знаете. Очевидно, как-то при случае я упомянул об этом.

– Ага, вот как. Если вы что-нибудь вспомните, позвоните мне. В любое время.

– Мой «моррис» был старенький и выглядел не очень представительно, зато как ездил. Моя... жена стыдилась его. Говорила, что это развалина, а у других новые автомобили...

Он заморгал и умолк.

Кольберг быстро закончил разговор. Когда надзиратель вывел убийцу, в комнату вошел молодой врач в белом халате.

– Ну, и какого вы мнения о Биргертсоне? – спросил он.

– Он производит приятное впечатление.

– Да, – сказал врач. – Он в полном порядке. Единственное, что ему нужно было сделать, так это избавиться от стервы, на которой он женился.

Кольберг внимательно посмотрел на врача, спрятал свои записи и вышел.

В субботу вечером – было уже половина двенадцатого – Гюнвальд Ларссон едва не замерз, хотя на нем было самое теплое пальто, меховая шапка, лыжные брюки и зимние ботинки. Он стоял в подъезде дома номер 53 на Тегнергата так тихо и неподвижно, как умеет стоять только полицейский. Стоял он здесь не случайно, и его нелегко было бы заметить в темноте. Торчал он здесь вот уже четыре часа, причем это был не первый вечер, а десятый или одиннадцатый.

Он намеревался поехать домой, когда погаснет свет в окнах, за которыми он наблюдал. Без четверти двенадцать у подъезда дома на противоположной стороне улицы остановился серый «мерседес» с иностранными номерами. Из него вышел какой-то мужчина, он открыл багажник и вынул оттуда чемодан. Потом пересек тротуар и открыл входную дверь. Через две минуты за опущенными шторами в двух окнах первого этажа зажегся свет.

Гюнвальд Ларссон широким быстрым шагом перешел улицу. Нужный ключ он подобрал еще две недели назад. Войдя в дом, он снял пальто и, старательно сложив его, повесил на поручень мраморной лестницы, а меховую шапку положил на пальто сверху. Потом он расстегнул пиджак и положил руку на пистолет, висящий на поясе.

Он давно знал, что дверь открывается внутрь. Секунд пять он глядел на дверь и думал: «Если я выломаю дверь и войду без всякого законного основания, это будет служебное преступление и меня, вероятно, понизят или даже уволят».

Потом он одним ударом ноги выломал дверь. Туре Асарсон и мужчина, который приехал в автомобиле с заграничными номерами, стояли с двух сторон письменного стола. Как ни банально это выражение, но стояли они, словно пораженные громом. Открытый чемодан лежал между ними.

Гюнвальд Ларссон, держа их под дулом пистолета, одновременно закончил мысль, начатую на лестничной площадке: «Ну и пусть, я всегда смогу снова уйти на флот». Он поднял трубку и набрал номер 90000. Сделал он это левой рукой, не опуская оружия. Он ничего не говорил. Те двое тоже молчали. Говорить здесь было нечего.

В чемодане находилось двести пятьдесят тысяч таблеток с надписью «Риталин». На черном рынке наркотиков содержимое чемодана стоило около одного миллиона шведских крон.

Гюнвальд Ларссон вернулся в свою квартиру в Булморе около трех часов утра в воскресенье. Он был холост и жил один. Двадцать минут он, как обычно, провел в ванной перед тем, как надеть пижаму и отправиться в постель. Он открыл книгу, которую читал уже в течение ряда дней, но через несколько минут прервал чтение и протянул руку к телефону.

У Гюнвальда Ларссона было правило не думать о работе, когда он находился дома; он не мог вспомнить также, чтобы когда-нибудь звонил по служебным делам после того, как лег в постель.

После второго сигнала он услышал голос Мартина Бека.

— Привет. Ты уже знаешь об Асарсоне?

— Да.

— Мне тут только что кое-что пришло в голову.

— Что?

— Что, возможно, наши рассуждения были ошибочными. Стенстрём, конечно, же следил за Гёстой Асарсоном. А тот, кто стрелял, убил сразу двух зайцев. Асарсона и того, кто за ним следил.

— Да, — сказал Мартин Бек. — В том, что ты говоришь, возможно, что-то есть.

Гюнвальд Ларссон ошибался. Однако он направил расследование по верному пути.

Вот уже три вечера подряд Ульф Нордин бродил по Стокгольму в своей охотничьей шляпе и шерстяном плаще и пытался завязать контакты с преступным миром. Он посещал кафе, кондитерские, рестораны и дансинги, где, как показала Белокурая Малин, бывал Ёранссон.

Иногда он ездил в автомобиле. В пятницу вечером он сидел в автомобиле и разглядывал Мариаторгет, причем не наблюдал ничего интересного за исключением двух мужчин, которые тоже сидели в автомобиле и что-то высматривали. Он не знал их, но догадывался, что это патруль, переодетый в штатское, или кто-то из отдела по борьбе с наркотиками.

Эти походы не прибавили ему знаний о человеке, которого звали Нильс Эрик Ёранссон. В дневное время ему все же удалось дополнить информацию Белокурой Малин. Он проверил данные по церковным книгам, в бюро трудоустройства моряков и у бывшей жены Ёранссона, которая жила в Буросе и утверждала, что почти не помнит своего бывшего мужа. Она не видела его вот уже двадцать лет.

В субботу утром Нордин доложил Мартину Беку о своих ничтожных результатах. Потом он начал писать длинное грустное письмо своей жене в Сундсвалл. При этом он время от времени виновато поглядывал на Рённа и Колльберга, которые громко стучали на пишущих машинках. Он еще не закончил письмо, когда в кабинет вошел Мартин Бек.

— Какой идиот отправил тебя в город? — спросил он.

Нордин торопливо прикрыл письмо копией рапорта, так как только что написал: «У Мартина Бека с каждым днем появляются новые странные причуды, а вид становится все более и более кислым».

Колльберг выдернул лист бумаги из каретки и сказал:

– Ты сам.

– Что? Я?

– Ну да. В среду, когда здесь была Белокурая Малин.

Мартин Бек недоверчиво посмотрел на Колльберга.

– Странно, – сказал он, – Я этого не помню. Однако в любом случае бессмысленно отправлять с таким заданием норландца, который с трудом находит Стуреплан.

Нордин сидел с обиженной миной, но в глубине души был согласен с Мартином Беком.

– Рённ, – сказал Мартин Бек, – выясни, где бывал Ёранссон, с кем дружил, чем занимался. И попытайся найти того Бьёрка, у которого он жил.

– Хорошо, – сказал Рённ.

Он был занят составлением списка всех возможных значений последних слов Шверина. Начал он с «день... рукой». А последняя версия выглядела: «один.. рак... ай».

Каждый был занят своим участком работы.

В понедельник Мартин Бек встал в половине седьмого после почти бессонной ночи. Он плохо себя чувствовал, а от шоколада, который он выпил на кухне за компанию с дочкой, лучше ему не стало. Остальные члены семьи еще не появились. У жены к утру был особенно крепкий сон, а сын, вероятно, унаследовал эту черту от нее, потому что ему всегда было трудно просыпаться по утрам. Только Ингрид вставала в половине седьмого, и без четверти во-

семь дверь за ней уже закрывалась. Всегда. Инга считала, что по ней можно проверять часы.

Инга явно испытывала слабость к штампам. Можно было составить список фраз и оборотов, которыми она обычно пользовалась, и продать его как пособие для истощенных от потуг журналистов. Что-то вроде шпаргалки. Книга должна называться: «Умеешь говорить – умеешь писать».

Вот о чем размышлял Мартин Бек.

– О чем ты думаешь, папа? – спросила Ингрид.

– Ни о чем, – машинально ответил он.

– Я с весны не видела, чтобы ты смеялся.

Мартин Бек оторвал взгляд от клеенки, на которой были изображены танцующие гномы, и попытался с улыбкой посмотреть на дочь. Ингрид прекрасная девушка, но это тоже не повод для смеха. Ингрид встала и пошла за учебниками. Когда отец надел пальто и шляпу, она уже ждала его, держась за дверную ручку. Он взял у нее портфель. Это был старый, потертый кожаный портфель, облепленный цветными эмблемами ООН.

Это тоже была привычка. Он нес портфель Ингрид точно так же, как десять лет назад, когда она в первый раз пошла в школу. Разница лишь в том, что тогда он держал ее за руку. Маленькую, горячую и вспотевшую ручку, дрожащую от возбуждения и страха. Когда он перестал водить ее за руку? Он не помнил.

– На Рождество ты точно будешь смеяться, – сказала она.

– Неужели?

– Да. Когда увидишь мой рождественский подарок. –

Она нахмурила брови и добавила: – Я даже не представляю себе, чтобы можно было не смеяться.

– Кстати, а ты что хотела бы получить?

– Лошадь.

– А где ты ее поставишь?

– Не знаю. Но мне хочется иметь лошадь.

– Знаешь, сколько она стоит?

– К сожалению, знаю.

Они расстались.

На Кунгсхольмсгатан его ждали Гюнвальд Ларссон и расследование, которое при всем своем желании нельзя было назвать профессиональным. Хаммар был настолько тактичен, что подчеркнул это не далее как вчера.

– А как там с алиби у Туре Асарсона? – поинтересовался Гюнвальд Ларссон.

– Алиби Туре Асарсона является одним из самых надежных в истории криминалистики, – сказал Мартин Бек. – В критический момент он произносил речь в присутствии двадцати пяти человек. И находился в городской гостинице в Сёдертелье.

– Ага, – печально принял к сведению Гюнвальд Ларссон.

– Кроме того, с твоего позволения, выглядит не очень логичным предположение, будто бы Гёста Асарсон не заметил собственного брата, садящегося в автобус с автоматом под плащом.

– Кстати, насчет плаща, – сказал Гюнвальд Ларссон. – Он должен был быть очень просторным, если под ним удалось спрятать тридцать седьмую модель. Скорее всего автомат лежал в чемоданчике.

– Тут ты прав.

– Да, иногда и я бываю прав.

– Нам просто повезло, – сказал Мартин Бек, – что вчера вечером ты оказался прав. В противном случае хорошо бы мы сейчас выглядели. – Он ткнул в сторону собеседника сигаретой и добавил: – Но в один прекрасный день ты влипнешь в нехорошее дело, Гюнвальд.

– Не думаю, – ответил Гюнвальд Ларссон и, тяжело ступая, вышел из кабинета. В дверях он столкнулся с Колльбергом, который торопливо уступил ему дорогу и, покосившись на широкие плечи Ларссона, спросил:

– Ну, как там наш живой таран? Раздосадован?

Мартин Бек кивнул. Колльберг подошел к окну.

– Черт бы побрал все это, – вздохнул он.

– Она по-прежнему живет у вас?

– Да, – ответил Колльберг. – Но только не говори: «Так, значит, ты устроил себе гарем», потому что герр Ларссон уже выразился именно так.

Мартин Бек чихнул.

– Будь здоров, – сказал Колльберг. – Я еле сдержался, чтобы не выбросить его в окно.

Мартин Бек подумал, что Колльберг один из немногих, кто, пожалуй, способен на что-то в таком духе.

– Спасибо, – сказал он.

– За что?

– Ты ведь сказал: «Будь здоров».

– Верно. Мало кто знает, что нужно поблагодарить. У меня как-то был такой случай. Один фоторепортер избил свою жену и вышвырнул ее голую на снег, потому что она не поблагодарила его, когда он сказал ей: «Будь здорова».

Это было в канун Нового года. Естественно, он был пьян. — Колльберг немного помолчал, потом медленно сказал: — Из нее больше ничего нельзя вытянуть, я имею в виду Осу.

— Мы уже знаем, чем занимался Стенстрём, — сказал Мартин Бек.

Колльберг с изумлением уставился на него.

— Знаете?

— Да. Он занимался убийством Терезы. Это совершенно ясно.

— Терезы?

— Да. Тебе не пришло это в голову?

— Нет, — сказал Колльберг. — Не пришло, хотя я просмотрел все дела за последние десять лет. Почему ты ничего мне не говорил?

Мартин Бек задумчиво смотрел на него и одновременно грыз кончик авторучки. Они думали об одном. Колльберг выразил их мысли словами:

— Видно, не все можно передать с помощью телепатии.

— Вот именно, — сказал Мартин Бек. — Кроме того, тот случай с Терезой шестнадцатилетней давности. И ты никогда не участвовал в том расследовании. По-моему, единственный, кто остался с тех времен, так это Эк.

— А ты уже просмотрел дело?

— Да нет. Только перелистал. Там две тысячи страниц протоколов. Все документы находятся в Вестберге. Поедем туда?

— Да. Нужно освежить это дело в памяти.

В автомобиле Мартин Бек сказал:

— Ты все же, вероятно, достаточно помнишь это дело, чтобы понять, почему Стенстрём занялся именно Терезой?

Колльберг кивнул.

– Да. Потому что оно было самым трудным из всех, которыми он мог заняться.

– Да Оно было самым трудным и необъяснимым. Он хотел показать всем, на что он способен.

– И позволил застрелить себя, – сказал Колльберг. – О черт! Какая же между этими делами связь?

Мартин Бек не ответил, и больше они уже не разговаривали. Только после того, как они приехали в Вестбергу, остановились перед зданием управления полиции и вышли под снег с дождем, Колльберг сказал:

– А дело Терезы можно было бы раскрыть? Теперь?

– Мне трудно представить себе это, – ответил Мартин Бек.

XXV

Колльберг, тяжело вздыхая, вяло и без всякой системы просматривал скоросшиватели с рапортами.

– Наверное, понадобится неделя, чтобы все это перерывать, – сказал он.

– Как минимум. Главные обстоятельства тебе известны?

– Нет, даже в общем.

– Здесь где-то имеется резюме. Впрочем, я сам вкратце расскажу тебе об этом деле.

Колльберг выразил согласие. Мартин Бек, роясь в бумагах, сказал:

– Данные ясные и однозначные. Очень простые. В этом-то и состоит трудность.

– Начинай, – поторопил его Колльберг.

– Утром десятого июня одна тысяча девятьсот пятьдесят первого года, другими словами, более шестнадцати лет назад, один человек, который искал потерявшегося кота, обнаружил в зарослях около стадиона «Штадсхаген» на Кунгсхольмене труп женщины. Она была голая, лежала на животе с вытянутыми вдоль туловища руками. Вскрытие показало, что ее задушили и что она умерла приблизительно пять дней назад. Труп хорошо сохранился; вероятно, он лежал в холодильнике. Характер преступления несомненно свидетельствовал об убийстве на сексуальной почве, однако из-за того, что прошло много времени, при вскрытии не удалось установить со всей определенностью, была ли она изнасилована.

– Что, как правило предшествует убийству на сексуальной почве.

– Да. С другой стороны, результаты осмотра места преступления указывали на то, что труп мог лежать там максимум двенадцать часов. Потом это подтвердил свидетель, который накануне вечером проходил мимо этих кустов и не мог не заметить труп, если бы он там лежал. Затем нашли нитки и обрывки материи, указывающие на то, что труп перевозили завернутым в серое одеяло. Стало ясно, что место, где нашли труп, не идентично месту, где было совершено убийство, и что в кусты положили именно труп. Причем не потрудившись прикрыть тело мхом или ветками. Да, кажется, это все... хотя нет, еще две особенности. Перед смертью она в течение многих часов ничего не ела. Никаких следов убийцы, как-то: отпечатки пальцев и тому подобное – не обнаружено. – Мартин Бек перевернул страницу и просмотрел машинописный текст. – Уби-

тую женщину опознали еще в тот же день. Это была Тереза Камарао, двадцати шести лет, родившаяся в Португалии. Она приехала в Швецию в одна тысяча девятьсот сорок пятом году и в том же году вышла замуж за своего земляка Энрике Камарао. Он был на два года старше нее и служил радистом в торговом флоте; сойдя на берег, он стал радиотехником. Тереза Камарао родилась в Лиссабоне и, по данным португальской полиции, была родом из хорошего дома, из семьи, пользующейся всеобщим уважением. Верхний слой среднего класса. Она приехала сюда на учебу, которую немного отложили из-за войны. Однако учиться она не стала, а вместо этого вышла замуж за Энрике Камарао, с которым здесь познакомилась. Детей у них не было. Материально обеспечены неплохо. Жили на Торсгатан.

– Кто ее опознал?

– Полиция. Вернее, полиция нравов. Она была известна им уже два года. В сорок девятом году, пятнадцатого мая – обстоятельства были таковы, что дату можно установить точно, – в жизни Терезы произошла резкая перемена. Она убежала из дому – так здесь написано – и с тех пор вращалась в преступном мире. Короче говоря, она стала шлюхой. Превратилась в нимфоманку и на протяжении двух лет жила с сотнями мужчин.

– Да, я припоминаю, – сказал Колльберг.

– Теперь мы приближаемся к сути дела. В течение трех дней полиции удалось найти трех свидетелей, которые девятого июня в половине двенадцатого вечера видели автомобиль, стоящий на Кунгсхольмсгатан в начале той тропинки, где обнаружили труп. Два свидетеля проезжали

там на автомобиле, один проходил мимо. Те, что проезжали, видели мужчину, стоящего возле автомобиля. Рядом с ним на земле лежал какой-то предмет размером с человека, завернутый во что-то, похожее на серое одеяло. Третий свидетель проходил через несколько минут и видел только автомобиль. Описание мужчины было невразумительным. Шел дождь, было темно, и о нем можно было с уверенностью сказать лишь то, что он довольно высокий. При дальнейшем выяснении того, что следует понимать под словами «довольно высокий», показания колебались от метра семидесяти пяти до метра восьмидесяти трех, а рост девяноста процентов мужского населения страны находится именно в этих пределах. Однако...

— Однако?

— Однако, что касается автомобиля, показания всех свидетелей совпали. Каждый из них утверждал, что это был автомобиль французского производства марки «рено» модели CV-4, которую начали выпускать в тысяча девятьсот сорок седьмом году, а потом в нее ежегодно вносили незначительные изменения.

— «Рено CV-4», — сказал Колльберг. — Порше нарисовал эту модель, когда французы держали его в тюрьме как военного преступника. Закрыли его в заводской проходной. Он сидел и рисовал. Потом его, естественно, выпустили, а французы заработали миллионы на этом автомобиле.

— У тебя просто поразительные знания в самых различных областях, — сухо сказал Мартин Бек. — Возможно, теперь тебе удастся объяснить мне, какая существует связь между делом Терезы и убийством Стенстрёма в автобусе четыре недели назад?

– Погоди, – сказал Колльберг. – А что было дальше?

– Дальше было следующее. Стокгольмская полиция проводила расследование с невиданным для нашей страны размахом. Протоколы выросли до гигантских размеров. Сам можешь посмотреть. Допросили сотни людей, которые знали Терезу Камарао и поддерживали с ней контакты, однако не удалось установить, кто видел ее последним. Ее следы обрывались ровно за неделю до того, как нашли труп. Она провела ночь с одним мужчиной в отеле на Ньюброгатан и рассталась с ним в полдень у винного погребка на Местер-Самуэльсгатан. Точка. Потом разыскивали все автомобили марки «рено CV-4». Сначала в Стокгольме, так как свидетели утверждали, что на номерном знаке была буква «А». Потом проверили все такие автомобили во всей стране, потому что номерные знаки могли быть фальшивыми. Это заняло почти целый год. В результате было установлено, что ни один из этих автомобилей не мог стоять возле стадиона «Штадсхаген» в половине двенадцатого вечера девятого июня одна тысяча девятьсот пятьдесят первого года.

– Ну, и что же потом?

– Стало ясно, что расследование зашло в тупик. Было установлено все, что только можно было установить, за исключением одного: кто убил Терезу Камарао. Последние попытки расследовать дело Терезы датируются пятьдесят вторым годом, когда датская, норвежская и финская полиция сообщили, что тот злосчастный автомобиль не зарегистрирован в странах Скандинавии. Одновременно шведская таможенная служба проинформировала, что он также не мог приехать из других стран. Если ты помнишь, в

те времена было не так много автомобилей и пересечение границы требовало соблюдения массы формальностей.

– Помню. А что известно о свидетелях?

– Свидетели, которые проезжали в автомобиле, работали вместе. Один из них был мастером в автомастерской, другой – автомехаником. Третий свидетель тоже хорошо разбирался в автомобилях, потому что был... Ну-ка, угадай, кем он был.

– Директором завода «Рено»?

– Нет. Патрульным полиции. Специалистом по дорожному движению. Его фамилия была Карлберг. Он уже умер. Однако и здесь ничего не упустили. Тогда уже немножечко начали интересоваться психологией свидетелей. И всех троих сразу же подвергли целому набору тестов. Каждый из них должен был опознать силуэты автомобилей различных марок, которые показывали с помощью эпидиаскопа. Все трое различили все современные автомобили, а мастеру удалось справиться даже с такими древними моделями, как «испано-суиза» и «пегасо». Его невозможно было обмануть, показывая рисунок несуществующего автомобиля. Он сразу говорил, что передок – это «фиат-500», а багажник – «дайна-паккард».

– Хорошо, – сказал Колльберг. – А каково было частное мнение об этом у тех, кто проводил расследование?

– Их личное мнение было следующим. Убийца значится в протоколах. Это один из тех, которые спали с Терезой Камарао. Он задушил ее в приступе бешенства, которое иногда охватывает эротоманов. Расследование зашло в тупик, потому что кто-то плохо сработал во время проверки автомобилей «рено». Нужно проверить еще раз.

Потом они справедливо решили, что прошло уже слишком много времени и след совершенно остыл. Они и дальше считали, что их подвели те, кто проверял автомобили, а исправлять это теперь уже слишком поздно. Я уверен, что, например, Эк, который принимал участие в расследовании, считает так до сих пор. Да я и сам полагаю, что так вполне могло быть. Другого объяснения я не вижу.

Колльберг с минуту молчал, потом спросил:

– А что произошло с Терезой в тот день, о котором ты упоминал? В мае сорок девятого года?

Мартин Бек перелистал несколько страниц и сказал:

– Она испытала потрясение, которое, по мнению психологов, привело к тому, что она перешла в другое психическое и физиологическое состояние, относительно редкое, но вовсе не исключительное. Тереза Камарао воспитывалась в хорошей семье. Ее родители, так же как и она, были католиками. Она сохранила невинность до двадцати четырех лет, и до мужа у нее никого не было. Четыре года она прожила с мужем так, как живут типичные шведы, хотя оба они были иностранцами. Они были типичными представителями хорошо обеспеченного среднего класса. Она была достаточно рассудительна, со спокойным характером. Муж считал их брак счастливым. Она была, как сказал какой-то врач, продуктом воспитания этих двух сред – ортодоксальной католической и шведского мещанства со всеми табу, которые никогда не нарушают в каждой из них.

Пятнадцатого мая сорок девятого года ее муж уехал в Норланд по служебным делам. А она пошла на лекцию, вместе с подругой. Там они встретили мужчину, которого ее подруга давно знала. Он проводил их до квартиры су-

пругов Камарао на Торсгатан, где подруга должна была заночевать, потому что она тоже была соломенной вдовой. Они пили чай, вино, обсуждали лекцию. Тот мужчина пошел туда потому, что поссорился со своей девушкой, на которой он потом в конце концов и женился. Он не знал, чем заняться. Тереза показалась ему симпатичной, она на самом деле была симпатичной, и он начал заигрывать с ней. Подруга, зная, что трудно представить себе женщину с более высокой моралью, чем у Терезы, постелила себе на диване в холле и легла спать. Мужчина несколько раз уговаривал Терезу, чтобы она тоже пошла спать, но та отказывалась. Тогда он взял ее на руки, отнес в спальню, раздел и лег с ней.

Насколько известно, Тереза Камарао, будучи взрослой, не показывалась никому голой, даже женщинам. Кроме того, она никогда не испытывала оргазм. В ту ночь она испытала его двадцать раз или что-то около этого. Утром мужчина ушел. Всю ближайшую неделю она звонила ему по десять раз в день, а потом он уже никогда больше не слышал о ней. Он помирился со своей девушкой, они поженились и были счастливы. В этой горе папок имеется десять протоколов его допросов. Он попал под подозрение, однако оказалось, что автомобиля у него нет. К тому же это был порядочный человек, хороший муж, счастливый в супружестве и никогда не изменяющий жене.

– А Тереза начала беситься?

– Да, в буквальном смысле слова. Она убежала из дому. Муж отказался от нее; те, кто раньше общались с ней, исключили ее из своего круга. На протяжении двух лет она в разные периоды времени жила с двумя сотнями мужчин;

количество тех, с кем она вступала в половую связь, было в десять раз больше. Она превратилась в нимфоманку, ей хотелось испытать все, начинала она бесплатно, однако впоследствии иногда принимала деньги. Она ни разу не встретила того, кто мог бы долго выдержать с ней. Подруг среди женщин у нее не было. В первые же полгода у нее появилось множество знакомых в преступном мире. Она начала пить. Полиция нравов знала ее, однако по-серьезному она еще не попадалась. Они собирались посадить ее за бродяжничество, но не успели, она умерла. – Мартин Бек показал на кипу документов. – Здесь есть множество протоколов допросов мужчин, которые знали ее. Они говорили, что она была назойливой и успокоить ее было невозможно. Большинство из них уже при первой встрече охватывал страх, особенно если они были женаты и это приключение было для них случайным. Она знала множество темных типов, полугангстеров, воришек, угонщиков автомобилей, валютчиков и так далее. Да ты ведь и сам помнишь, какие субъекты встречались в те времена.

– А что стало с ее мужем?

– Он справедливо считал, что она скомпрометировала его, сменил фамилию, принял шведское гражданство. По-знакомился с хорошо воспитанной девушкой из Стоксунда и женился на ней. У них двое детей, и они счастливо живут в собственном доме на острове Лидингё. Алиби у него убедительное. Как флотилия капитана Касселя.

– Как что?

– Ну, насчет флотилии ты не знаешь, – заметил Мартин Бек. – Загляни в эту папку и поймешь, откуда Стенстрём почерпнул кое-какие из своих идей.

Колльберг заглянул в папку.

– Ух ты, вот это девушка, – сказал он. – Я еще такой не видел. Кто делал эти фотографии?

– Один увлекающийся фотографией субъект, у которого оказалось прекрасное алиби и не было автомобиля марки «рено». Однако, в отличие от Стенстрёма, он свои фотографии продавал и неплохо на них зарабатывал. Не забывай, что порнография у нас тогда еще не была поставлена на такой поток, как сейчас.

Они немного помолчали. Наконец Колльберг сказал:

– И какая же существует связь между всем этим и тем, что Стенстрёма и еще восемь человек застрелили в автобусе спустя шестнадцать лет?

– Никакой, – ответил Мартин Бек. – Нам снова придется вернуться к версии об убийце-психопате, жаждущем сенсации.

– А почему он не сказал... – начал Колльберг и осекся.

– Это можно легко объяснить, – сказал Мартин Бек. – Стенстрём просмотрел нераскрытые дела. И поскольку он хотел прославиться, был самолюбивым и немножечко наивным, то выбрал самый безнадежный случай. Если он раскроет убийство Терезы, это будет поступок, не имеющий себе равных. Нам он ничего не сообщил, так как подозревал, что некоторые станут насмехаться над ним. Когда он сказал Хаммару, что не хочет заниматься слишком старыми делами, то уже, наверное, выбрал этот случай. Когда убили Терезу Камарао, Стенстрёму было двенадцать лет и газет он наверняка не читал. Поэтому он решил, что сможет разобраться в этом деле без всякого предубеждения. Он изучил все эти документы.

– И что же он обнаружил?

– Ничего. Потому что ничего нельзя было обнаружить. Здесь нет ни единой зацепки.

– Откуда ты знаешь?

– Я сам делал то же самое одиннадцать лет назад. И ничего не нашел. Разница лишь в том, что у меня не было Осы Турелль для того, чтобы провести психологические эксперименты. Когда ты рассказал мне о том, что он проделывал с ней, я сразу понял, каким делом он занялся. Я забыл лишь, что ты не знаешь о Терезе Камарао столько, сколько знаю я. Мне в общем-то следовало догадаться об этом еще тогда, когда мы нашли те фотографии в ящике его письменного стола.

– Так значит, это были своего рода психологические опыты?

– Да. Единственное, что оставалось сделать. Найти женщину, чем-то похожую на Терезу, и наблюдать за ее реакцией. В этом имеется определенный смысл, особенно если женщина, обладающая нужными качествами, живет в твоём собственном доме. В противном случае оставалось лишь обратиться к ясновидцу. Одна светлая голова однажды уже додумалась до подобного. Здесь написано об этом.

– Однако все это не объясняет того, что Стенстрём делал в автобусе.

– Нет. Совершенно не объясняет.

– Я все же проверю кое-что, – сказал Колльберг.

– Проверь, – сказал Мартин Бек.

Колльберг разыскал Энрике Камарао, которого теперь звали Хенрик Каам. Это был тучный мужчина среднего

возраста. Вздыхая и бросая взгляды в сторону своей жены из высшего общества и тринадцатилетнего сына в бархатном пиджаке и с прической а ля Битлз, он сказал:

– Неужели меня никогда не оставят в покое? Летом здесь был молодой детектив...

Колльберг проверил алиби директора Каама на вечер тринадцатого ноября. Оно было безупречным.

Он также разыскал мужчину, который восемнадцать лет назад делал фотографии Терезы. Это был спившийся беззубый старый вор, который сидел в камере для рецидивистов на Лонгхольмене. Старик надулся от важности и сказал:

– Тереза? Помню ли я ее? Соски грудей у нее были, как металлические колпачки на бутылках с водкой. Да сюда два месяца назад уже приходил какой-то полицейский...

Колльберг внимательно перечитал все протоколы, не пропустив ни единого слова. На это ему понадобилась ровно неделя. Восемнадцатого декабря, в четверг, вечером он дочитал последнюю страницу. Потом посмотрел на свою жену, которая заснула два часа назад. Она лежала на животе, уткнувшись головой в подушку и подтянув под себя правую ногу; одеяло сбилося до самой талии. Он услышал скрип дивана в гостиной; это встала Оса Турелль, она на цыпочках пошла на кухню и выпила воды. Она все еще плохо спала.

Здесь нет никакого просвета, подумал Колльберг. Никакой зацепки. Однако завтра я все же составлю список тех, кого допрашивали и кто, как было установлено следствием, вступал в сношения с Терезой Камарао. Потом проверим, кто из них еще жив и чем занимается.

Прошел месяц с того момента, как прозвучали шестьдесят семь выстрелов в автобусе на Норра-Сташенсгатан, а убийца девяти человек по-прежнему находился на свободе.

Нетерпение выказывали не только главное управление полиции, пресса и присылающая письма общественность. Еще одной категории очень хотелось, чтобы полиция как можно быстрее схватила виновного. Категорию эту составляли люди, относящиеся к преступному миру.

Большая часть преступников в последние месяцы была вынуждена бездействовать. До тех пор, пока полиция не отменит состояние полной готовности, следовало соблюдать осторожность. Поэтому в Стокгольме не было ни одного вора, мошенника, грабителя, скупщика краденого, торговца из-под полы и сутенера, который не хотел бы, чтобы убийцу наконец схватили и чтобы полиция снова занялась демонстрациями против войны во Вьетнаме и штрафами за неправильную парковку, а они могли бы приступить к своей обычной деятельности.

Это был тот редчайший случай, когда преступники солидаризировались с полицией и большинство из них оказали бы посильную помощь и розыске убийцы.

Рённ пытался найти решение головоломки под названием Нильс Эрик Ёранссон, и эта услужливость значительно облегчала ему работу. Он, естественно, понимал, чем вызвана необычная словоохотливость людей, с которыми он беседовал, что, впрочем, не мешало ему быть благодарным за это.

Все последние ночи напролет он искал контактов с

людьми, которые знали Ёранссона. Он находил этих людей в домах, предназначенных на снос; в разных забегаловках, пивных, бильярдных залах и гостиницах для одиноких. Не все проявляли желание сообщить что-либо, однако многие давали информацию.

Накануне дня святой Люции на барже, стоящей у набережной, Рённ познакомился с девушкой, которая обещала на следующий вечер свести его с Суне Бьёрком, в квартире которого несколько недель жил Ёранссон.

На следующий день был четверг. Рённ, который в последние несколько дней смог урвать для сна только пару часов в сутки, спал до полудня. Он встал около часу дня и помог жене уложить багаж. Рённ уговорил ее поехать вместе с сыном на праздники к его родителям в Арьеплуг, так как подозревал, что в этом году у него будет мало времени для того, чтобы как следует отпраздновать Рождество.

Когда поезд, увозящий жену, уехал, он вернулся домой, уселся за кухонный стол, положил перед собой рапорт Нордина и свой собственный блокнот, надел очки и принялся писать.

«Нильс Эрик Ёранссон.

Родился в Стокгольме в шведско-финской семье 4.10.1929.

Родители: отец – Алгот Эрик Ёранссон, электрик, мать – Бенита Рантанен.

Родители развелись в 1935 году, мать переехала в Хельсинки, ребенок остался с отцом.

До 1945 года Ёранссон жил с отцом в Сундбюберге.

Закончил среднюю школу, потом два года учился малярному делу.

В 1947 году переехал в Гётеборг, где работал подмастерьем маляра.

1.12.1948 в Гётеборге женился на Гудрун Свенсон.

Развелся с ней 13.5.1949.

С июня 1949 года по март 1950 года был юнгой на судах линии «Свеа». До октября 1950 года работал в малярной конторе Амандуса Гюставссона, откуда его уволили за то, что он пил во время работы. После этого не имел постоянного занятия, лишь время от времени работал ночным сторожем, курьером, грузчиком на складах и тому подобное; предположительно, промышлял мелкими кражами и совершал другие незначительные правонарушения. Однако никогда не задерживался по подозрению в преступлении, не считая пьяных скандалов. Иногда пользовался фамилией матери, Рантанен. Отец умер в 1958 году. После смерти отца сын до 1964 года жил в его квартире в Сундбюберге. В 1964 году был выселен, так как три месяца не платил за квартиру. В том же году, вероятно, начал употреблять наркотики. После 1964 года и вплоть до своей смерти не имел постоянного места жительства. В январе 1965 года поселился у Гурли Лёфгрэн на Шеппар-Карлсгрэнд, 3, и жил у нее до весны 1966 года. Ни у него, ни у нее в то время постоянной работы не было. Лёфгрэн зарегистрирована в картотеке полиции нравов, однако из-за своего возраста и внешнего вида не могла много заработать проституцией. Лёфгрэн также употребляла наркотики.

Гурли Лёфгрэн умерла в 1966 году в возрасте 47 лет.

В начале марта 1967 года Ёранссон познакомился с Магдаленой Розен (Белокурая Малин) и жил у нее на Арбетаргатан, 3 до 29.08.1967. С начала сентября до середины октября того же года жил в квартире Суне Бьёрка.

В октябре – ноябре дважды проходил курс лечения в больнице святого Гёрана в связи с внутренней болезнью (триппером).

Мать, которая повторно вышла замуж, с 1947 года живет в Хельсинки. О смерти сына ей сообщили по почте, в письме.

Розен утверждает, что у Ёранссона всегда были деньги, однако не знает, где он их брал. По ее мнению, наркотиками он не торговал, и вообще никакой подобной деятельностью не занимался».

Рённо перечитал свое сочинение. Он писал таким бисерным почерком, что все поместилось на четвертушке листа бумаги. Рённо сложил листок, спрятал его в папку, Положил блокнот в карман и отправился на встречу с Суне Бьёрком.

Девушка с баржи ждала его на Мариаторгет возле газетного киоска.

– Я туда не пойду, – предупредила она. – Но я поговорила с Суне. Он знает, что ты придешь. Надеюсь, я не совершила глупость. Я не люблю зря трепать языком.

Она дала ему адрес на Тавастгатан и ушла в направлении Шлюссена.

Суне Бьёрк оказался моложе, чем ожидал Рённо. Ему могло быть лет двадцать пять. Выглядел он довольно приятно, носил светлую бородку. Ничто не выдавало в нем

наркомана. Рённо задумался над тем, что могло связывать его с гораздо более старшим и развращенным Ёранссоном.

Квартира состояла из комнаты и кухни и была плохо обставлена. Окно выходило в замусоренный двор. Рённо сел на единственный в комнате стул, Бьёрк – на кровать.

– Я слышал, что вы хотите узнать что-нибудь о Ниссе. Должен сказать, что мне о нем не так уж и много известно. Но я подумал, что вы, вероятно, смогли бы по крайней мере забрать его вещи. – Бьёрк наклонился и вытащил из-под кровати картонную коробку. – Он это оставил. Часть вещей он забрал, когда переезжал отсюда; здесь осталась в основном одежда. Так, тряпки, которые ничего не стоят.

Рённо взял коробку и поставил ее рядом со стулом.

– Вы не могли бы сказать мне, как долго вы знали Ёранссона, где и когда познакомились и как получилось, что вы разрешили ему жить в своей квартире.

Бьёрк уселся поудобнее и скрестил ноги.

– Конечно, мог бы, – сказал он. – А сигаретой вы меня угостите?

Рённо достал пачку. Бьёрк оторвал фильтр и закурил.

– Все было очень просто. Я пил пиво в погребке «У францисканцев», а рядом со мной сидел Ниссе. Раньше я никогда не видел его, но у нас завязался разговор и Ниссе угостил меня вином. Я понял, что он свой парень, поэтому, когда заведение закрылось и он сказал, что ему негде ночевать, я взял его с собой. Уже в тот вечер мы подружались, а на следующий день он вытащил меня в ресторан и мы неплохо посидели там. Кажется, это было третьего или четвертого сентября.

– Вы заметили, что он наркоман? – спросил Рённо.

Бьёрк покачал головой.

– Не сразу. Но через несколько дней утром он достал шприц и я понял, что он наркоман. Да он и меня спрашивал, не хочется ли мне тоже, но я наркотики не употребляю.

Бьёрк подвернул рукава рубашки выше локтей. Рённо окинул опытным взглядом его руки и убедился, что он, по-видимому, говорит правду.

– У вас тут не так уж много места. Почему же вы решили ему жить здесь так долго? Он платил за квартиру?

– Я считал, что он парень что надо. Прямо за ночлег он не платил, но денег у него хватало и он всегда покупал еду и напитки и вообще все, что нужно.

– А где он брал деньги?

– Этого я не знаю. Да меня это и не касалось. Во всяком случае он не работал.

Рённо снова посмотрел на руки Бьёрка, черные от въевшейся в них грязи.

– А вы где работаете?

– Я ремонтирую автомобили, – сказал Бьёрк. – Может, вы чуточку поторопитесь, а то у меня скоро свидание с подругой. Что вы еще хотите знать?

– О чем он говорил? Он рассказывал что-нибудь о себе?

– Говорил, что плавал на море, но это было давно. Еще говорил о женщинах. Особенно об одной, с которой он жил недавно, но у них что-то там не сложилось. Говорил, что она была лучше матери. – Он помолчал. – С матерью трудно кого-нибудь сравнивать, – грустно добавил он. – А так, вообще, он не слишком любил рассказывать о себе.

– А когда он отсюда переехал?

– Восемнадцатого октября. Помнится, как раз было

воскресенье, день его именин. Он забрал почти все свои вещи, оставил только это. Все его барахло могло бы поместиться в багажнике. Сказал, что нашел себе квартиру, но через несколько дней заскочит ко мне. – Бьёрк погасил сигарету в стоящей на полу чашке. – А потом я уже не видел его. Сиван сказала, что он умер. Он действительно был одним из тех, в автобусе?

Рённо кивнул.

– И вы не знаете, в какой среде он потом вращался?

– Понятия не имею. У меня он больше не появлялся и я не знаю, куда он подевался. Он здесь у меня познакомился со многими друзьями, а я так и не видел никого из его друзей. И вообще мне мало что о нем известно.

Бьёрк встал, подошел к висящему на стене зеркальцу и причесался.

– Вы уже знаете, кто это был? Я имею в виду того, из автобуса.

– Нет, пока еще не знаем.

Бьёрк начал переодеваться.

– Мне надо привести себя в порядок, – сказал он. – Подружка ждет.

Рённо взял коробку и направился к двери.

– Значит, вы не имеете ни малейшего понятия, куда он подевался после восемнадцатого октября?

– Я ведь уже сказал, нет. – Он вынул из комода чистую рубашку и разорвал наклейку прачечной. – Я знаю только одно, – добавил он.

– Что?

– Что в последние недели перед тем, как переехать, он ужасно нервничал. Он был какой-то затравленный.

- А вы не знаете почему?
- Не знаю.

Вернувшись в свою пустую квартиру, Рённо отправился в кухню и высыпал содержимое коробки на стол. Потом он осторожно поднимал один предмет за другим, осматривал, и возвращал в коробку.

Старая фуражка с потрескавшимся козырьком, пара подштанников, которые когда-то были белыми; скрученный жгутом галстук в красную и зеленую полоску, плетеный ремень с латунной пряжкой, трубка с обгрызенным чубуком, кожаная перчатка на теплой подкладке, пара толстых желтых носков, два грязных носовых платка и измятая голубая поплиновая рубашка.

Рённо уже собирался бросить рубашку в коробку, как вдруг заметил, что из кармана торчит листок бумаги. Он развернул листок. Это был счет на 78 крон и 25 эре из ресторана «Стрела». Датирован он был семнадцатым октября; судя по кассовым отпечатками, заказывали одну порцию холодной закуски, шесть рюмок водки и три бутылки минеральной воды.

Рённо перевернул счет. На обратной стороне слева кто-то написал:

18-X бф 3000
морф 500
долг га 100
долг мб 50
д-р. П. 650
итого 1300
остаток 1700

Рённо видел образцы почерка Ёранссона у Белокурой Малин, и ему показалось, что он узнает этот почерк. Эта запись могла означать, что восемнадцатого октября, в тот день, когда Ёранссон переехал от Бьёрка, он получил три тысячи крон, возможно, от человека с инициалами Б. Ф. Из этих денег на пятьсот крон он купил морфия, сто пятьдесят крон вернул тем, у кого брал в долг, а шестьсот пятьдесят отдал какому-то доктору П., тоже, возможно, за наркотики. У него осталась одна тысяча семьсот крон. А спустя месяц, когда его обнаружили мертвым в автобусе, у него было при себе больше тысячи восьмисот, а это означает, что после восемнадцатого октября он получил какие-то деньги. Рённо принялся размышлять над тем, были эти деньги из того же источника или нет. От какого-то Б. Ф. Впрочем, это не обязательно должен быть человек. Буквы «бф» могли обозначать что-то другое.

Банковский счет? Непохоже на Ёранссона. Вероятнее всего, это все-таки человек. Рённо заглянул в свой блокнот, однако ни у кого из тех, с кем он беседовал или кто упоминался в связи с Ёранссоном, не было таких инициалов.

Рённо отнес картонную коробу и счет в прихожую. Счет он спрятал в папку. Потом он лег и принялся размышлять над тем, где Ёранссон брал деньги.

XXVII

В четверг утром, двадцать первого декабря, те, кто служил в полиции, испытывали не очень приятные ощущения. Накануне вечером целая армия полицейских в униформе и штатском в центре города, в самый разгар

рождественской истерии вступила в скандальную безобразную схватку с толпой рабочих и служащих, которые высыпали на улицу из Народного дома, где состоялось собрание. Мнения относительно того, что, собственно, произошло, разделились, как и следовало ожидать, однако трудно было увидеть улыбающегося полицейского в то хмурое, морозное утро.

Единственным человеком, которому этот инцидент доставил хоть немного удовольствия, был Монссон. Он неосторожно сказал, что ему нечем заняться, и его немедленно отправили поддерживать порядок. Начал он с того, что укрылся и тени кирки Адольфа Фредрика на Свеавеген в надежде, что возможные беспорядки не докатятся сюда. Однако полиция напирала со всех сторон, совершенно без всякой системы, и демонстранты, которым нужно было все же куда-то деваться, начали отходить в сторону Монссона. Он с максимально возможной скоростью отступил в северном направлении, добрался до какого-то ресторана на Свеавеген и заскочил туда, чтобы согреться и что-нибудь разнюхать. Выходя, он взял со стола зубочистку. Она была завернута в папиросную бумагу и пахла ментолом.

Возможно, он был единственным полицейским, который радовался в то несчастное утро. Потому что он уже позвонил в ресторан и узнал адрес поставщика.

Рённ, напротив, никакого удовольствия не испытывал. Сильно дуло, а он стоял на Рингвеген и смотрел на дыру в земле, брезентовое полотнище и несколько расставленных вокруг барьерчиков. В дыре явно никого не было, чего нельзя было сказать о ремонтном фургоне стоявшем на

удалении пятидесяти метров. Рённ знал четырех человек, которые сидят в автомобиле и потихоньку манипулируют термосами. Поэтому он кратко сказал:

– Привет.

– Привет и закрой побыстрее дверь. Но если это ты ударил моего парня дубинкой по голове вчера вечером на Барнхусгатан, то я вообще не хочу с тобой разговаривать.

– Нет, – сказал Рённ. – Это не мог быть я. Я сидел дома и смотрел телевизор. Жена уехала в Норланд.

– Тогда садись. Кофе хочешь?

– Да. С удовольствием выпью.

Через минуту раздался вопрос:

– А что тебя, собственно, интересует?

– Шверин. Он ведь родился в Америке. Можно ли было догадаться об этом по его произношению?

– Еще бы! Он запинался, как Анита Экберг. А когда напивался, говорил по-английски.

– Когда напивался?

– Да. И еще, когда злился. И вообще, когда выходил из себя и забывал слова.

Рённ автобусом № 54 вернулся на Кунгсхольмен. Это был красный двухэтажный автобус типа «Лейланд-Атлантиан», с верхним этажом, покрашенным в кремовый цвет, и с лакированной серой крышей. Вопреки утверждению Эка, что двухэтажные автобусы берут столько пассажиров, сколько в них мест для сидения, автобус был переполнен людьми, нагруженными пакетами и сетками.

На протяжении всего пути до управления Рённ размышлял. Войдя в кабинет, он уселся за свой письменный стол, потом вышел в соседнюю комнату и спросил:

– Ребята, как будет по-английски: «Я не узнал его»?

– Didn't recognize him, – ответил Колльберг, не отрываясь от своих бумаг.

– Я знал, что прав, – сказал Рённ и вышел.

– Этот уже тоже свихнулся, – констатировал Гюнвальд Ларссон.

– Погоди-ка, – сказал Мартин Бек. – По-моему, он что-то раскопал.

Он пошел к Рённу. Кабинет оказался пустым. Плащ и шляпа исчезли.

Спустя полчаса Рённ снова открыл дверцу ремонтного фургона на Рингвеген. Мужчины, которые были коллегами Шверина, сидели на тех же местах, что и раньше. К дыре на проезжей части, судя по всему, еще не притронулась рука человека.

– Вот черт, ты напугал меня, – сказал один из рабочих. – Я подумал, что это Ольсон.

– Ольсон?

– Да. Или Альсон. Альф так произносил его фамилию.

Рённ доложил о своих результатах только назавтра, за два дня до Рождества.

Мартин Бек выключил магнитофон и сказал:

– Значит, тебе кажется, что это звучало следующим образом. Ты спрашиваешь: «Кто стрелял?», а он отвечает по-английски: «Didn't recognize him».

– Да.

– А потом ты говоришь: «Как он выглядел?», а Шверин отвечает: «Как Ольсон».

– Да. А потом он умер.

– Хорошо, Эйнар, – сказал Мартин Бек.

– А кто же такой этот Ольсон, черт бы его побрал? – спросил Гюнвальд Ларссон.

– Контролер. Он проверяет, как работают дорожные ремонтники.

– Ну и как же он выглядит? – поинтересовался Гюнвальд Ларссон.

– Он стоит в моем кабинете – робко сказал Рённ.

Мартин Бек и Гюнвальд Ларссон пошли взглянуть на Ольсона.

Гюнвальд Ларссон смотрел только десять секунд, потом сказал: «Ага!» и вышел.

Ольсон изумленно посмотрел ему вслед.

Мартин Бек задержался еще на полминуты и сказал:

– Полагаю, необходимые данные у тебя уже имеются?

– Конечно, – ответил Рённ.

– Благодарю вас, герр Ольсон.

Мартин Бек вышел, а Ольсон выглядел еще более изумленным, чем раньше.

Когда Мартин Бек вернулся с обеда, во время которого ему удалось заставить себя съесть два кусочка сыра и выпить стакан молока и чашечку кофе, Рённ положил ему на стол лист бумаги, на котором сверху было краткое название: «Ольсон».

«Ольсон – 46 лет, инспектор дорожных работ.

Рост 183 см, вес 77 кг, без одежды, в голом, виде.

Волосы светлые, глаза серые.

Лицо худощавое, вытянутое, с крупными чертами; нос длинный, немного искривленный; рот большой, губы тонкие, зубы здоровые.

Номер обуви: 43.

Кожа смуглая, что, по его словам, связано с профессией, которая вынуждает часто находиться на свежем воздухе.

Одевается аккуратно: серый костюм, белая рубашка, галстук, черные ботинки. Во время работы, когда находится вне помещения, носит непромокаемый плащ до колен, очень просторный, серого цвета. У него есть два таких плаща. Зимой постоянно ходит в одном из них. На голове носит черную кожаную шляпу с узкими полями. Ботинки из толстой кожи, черные, на рифленой резиновой подошве. Когда идет дождь или снег, носит резиновые сапоги до колен.

На вечер 13 ноября у Ольсона имеется алиби. Между 22 и 24 часами находился в клубе игроков в бридж, членом которого он является. Участвовал в розыгрыше первенства по бриджу, его присутствие там подтверждается тремя остальными игроками в бридж и протоколом соревнований.

Ольсон говорит, что Альфонс (Альф) Шверин был разговорчив, но ленив и любил выпить».

— Как ты думаешь, Рёnn раздевал его догола, когда взвешивал? — спросил Гюнвальд Ларссон. Мартин Бек ничего не ответил.

— Необычайно тонкие и логичные выводы, — продолжил Гюнвальд Ларссон. — На голове у него была шляпа, а на нотах ботинки. Нос длинный, а плащ он носит один, а не два сразу. И что там у него немного искривленное? Нос или рот? Что ты собираешься делать со всем этим?

- Не знаю. Это своего рода опознавательные знаки.
 - Конечно. Присущие только Ольсону.
 - А как там дела с Асарсоном?
 - Я только что разговаривал с Якобсоном, – сказал Гюнвальд Ларссон. – Важная птица.
 - Кто? Якобсон?
 - Ага, и он тоже. Ходит с кислым видом из-за того, что не они раскрыли это дело и мы должны выполнять их работу.
 - Не мы, а ты
 - Даже Якобсон признает, что Асарсон самый крупный оптовик в этой области из тех, кого им когда-либо удавалось схватить. Эти братья, должно быть, загребали колоссальные деньги.
 - А кто тот, другой? Иностранец?
 - Всего лишь связной. Грек. Загвоздка в том, что у него дипломатический паспорт. Он тоже наркоман.
- Асарсон считает, что это связной его выдал. Говорит, что нет большей опасности, чем довериться шпику. Он в бешенстве. Наверное, потому, что в свое время не избавился от этого связного самым простым способом. – Он помолчал. – Тот Ёранссон в автобусе тоже был наркоманом. Возможно... – Гюнвальд Ларссон не закончил фразу, однако Мартин Бек понял его.

Колльберг корпел над списком, но старался не подавать виду, что ему трудно. Он начинал все лучше и лучше понимать, как чувствовал себя Стенстрём, когда занялся этим старым делом. Мартин Бек совершенно справедливо утверждал, что тех, кто расследовал дело Терезы, упрек-

нуть не в чем. Какой-то неисправимый формалист написал даже резюме: «С технической стороны дело следует считать законченным. Расследование является образцом прекрасной работы полиции».

Работа над списком людей, которые знали Терезу, была нелегкой. Просто удивительно, сколько людей могут умереть, эмигрировать или сменить фамилию за шестнадцать лет. Другие оказывались смертельно больными и ожидали своего конца в какой-нибудь лечебнице. Либо сидели в тюрьме, стали алкоголиками, были высланы из страны. Многие попросту исчезали, плавали на море или давно перебрались в отдаленные уголки страны, где создали совершенно новую жизнь себе и своим близким, и большую часть из них нельзя было немедленно проверить. В результате в списке Колльберга оказалось двадцать восемь фамилий. Это были люди, которые находились на свободе и жили в Стокгольме или близлежащих городах. Пока что у него имелись лишь краткие сведения о них. Их возраст, профессия, адрес, гражданское состояние. Список фамилий под номерами от одного до двадцати восьми, расположенных в алфавитном порядке, выглядел следующим образом²⁹:

1. Свен Альгрэн, 41, продавец, Стокгольм, разведен.
2. Карл Андерсон, 63,?, Стокгольм (Хёгалидский интернат), холост.
3. Ингвар Бенгтсон, 43, журналист, Стокгольм, разведен.

²⁹ Фамилии расположены в соответствии со шведским алфавитом.

4. Руне Бенгтсон, 56, дирижер, Стоксунд, женат.
5. Ян Карлсон, 46, торговец антиквариатом, Упландс-Весбю, холост.
6. Руне Карлсон, 32, техник, Нака 5, женат.
7. Стиг Экберг, 83, бывший рабочий, Стокгольм (Розенлундский дом престарелых), вдовец.
8. Уве Эриксон, 47, автомеханик, Бандхаген, женат.
9. Вальтер Эриксон, 69, бывший портовый грузчик, Стокгольм (Хёгалидский интернат), вдовец.
10. Стиг Ферм, 31, маляр, Солентуна, женат.
11. Бьерн Форсберг, 48, бизнесмен, Стоксунд, женат.
12. Бенгт Фредриксон, 56, художник, Стокгольм, разведен.
13. Бу Фростенсон, 66, актер, Стокгольм, разведен.
14. Юхан Гран, 52, бывший официант, Сольна, холост.
15. Кеннет Карлсон, 33, шофер, Шелбю, женат.
16. Леннарт Линдгрэн, 81, бывший директор банка, Лидингё, 1, женат.
17. Свен Лундстрём, 37, кладовщик, Стокгольм, разведен.
18. Таге Нильсон, 61, курьер, Стокгольм, холост.
19. Карл-Густав Нильсон, 51, бывший механик, Юханнесхоф, разведен.
20. Хайнц Оллендорф, 46, художник, Стокгольм, холост.
21. Курт Ольсон, 59, руководитель офиса, Сальтшёбаден, женат.
22. Бернхард Петерс, 39, чертежник, Бромма, женат (негр).
23. Вильгельм Росберг, 71,?, Стокгольм, вдовец.

24. Бернт Турессон, 42, механик, Густавберг, разведен.

25. Рагнар Виклунд, 60, майор, Ваксхольм, женат.

26. Бенгт Вальберг, 38, торговец?, Стокгольм, холост.

27. Ханс Венстрём, 76, бывший продавец рыбного магазина, Сольна, холост.

28. Леннарт Оберг, 35, инженер, Энскеде, женат.

Колльберг со вздохом посмотрел на свой список. Тереза Камарао в своей деятельности охватывала все социальные и возрастные группы мужского населения. Когда она умерла, самому молодому из списка было пятнадцать лет, самому пожилому – шестьдесят семь. В этом списке находились самые разные люди, от дирижера из Стоксунда до старого спившегося вора из Хёгалидского интерната.

– И что же ты собираешься делать с этим списком? – спросил Мартин Бек.

– Не знаю, – хмуро, но честно ответил Колльберг и положил список на письменный стол Меландера.

– Ты все помнишь. Когда у тебя будет время, взгляни. Может, вспомнишь что-нибудь интересное о ком-нибудь из этих людей.

Меландер равнодушно посмотрел на список и кивнул.

Двадцать третьего декабря, в канун Рождества Монссон и Нордин, ко всеобщему удовольствию, отправились домой. Они должны были вернуться к Новому году.

Была отвратительная холодная погода.

Общество потребления трещало по всем швам. В тот день можно было продать все, причем за любую цену. Чаще всего покупали в кредит или расплачивались чеками, которые ничем не были обеспечены.

Возвращаясь вечером домой, Мартин Бек размышлял о

том, что в Швеции уже имеется первое групповое убийство и первое убийство полицейского, которое не удастся раскрыть.

Расследование зашло в тупик. А с технической точки зрения – в отличие от дела Терезы – оно выглядело как куча мусора.

XXVIII

Рождество.

Мартин Бек получил рождественский подарок, который, вопреки ожиданиям, не вызвал у него улыбки.

Леннарт Колльберг получил подарок, который довел его жену до слез.

Оба обещали себе не думать ни о Стенстрёме, ни о Терезе Камарао, и обоим это не удалось.

Мартин Бек проснулся рано, но остался лежать в постели и читал книгу до тех пор, пока его семья не начала подавать признаки жизни. Тогда он встал, оделся, в которой вчера пришел домой, повесил в шкаф и надел джинсы и шерстяной джемпер. Жена, которая считала, что на Рождество нужно быть элегантно одетым, приподняла брови при виде его наряда, однако пока что ничего не сказала.

Когда жена по традиции поехала на могилу родителей в Стогкюрогорден, Мартин Бек вместе с Рольфом и Ингрид нарядил елку. Дети были возбуждены, очень шумели, и он старался изо всех сил, чтобы не испортить им праздничное настроение. Исполнив свой долг по отношению к умершим, жена вернулась, и Мартин Бек мужественно участвовал в поедании хлеба, вымоченного в рассоле, хотя с трудом переносил этот старый обычай.

Вскоре после этого дала знать о себе боль в животе. Мартин Бек настолько привык к этой надоедливой ноющей боли, что не обращал на нее внимания, однако ему казалось, что в последнее время боль участилась и стала более сильной. Теперь он никогда уже не говорил Инге о своем плохом самочувствии. Раньше он это делал и она едва не прикончила его своими травяными отварами и навязчивой опекой. Болезнь для нее была событием первостепенной важности.

Рождественский ужин был невероятно обильным, особенно если учесть, что предназначался он для четырех человек, из которых одному с трудом удавалось проглотить нормальную порцию еды, другой худел, а еще один слишком устал при приготовлении всего этого и вообще не мог есть. Оставался Рольф, который, надо признать, ел за четверых. Сыну было двенадцать лет, и Мартин Бек никогда не переставал удивляться тому, каким образом в этом худом теле умещается ежедневно столько еды, сколько сам он с огромными усилиями впихивал в себя за целую неделю.

Посуду мыли все вместе, что тоже случалось только на Рождество.

Потом Мартин Бек зажег свечи на елке, думая при этом о братьях Асарсон, которые импортировали пластмассовые елки, а в ящиках с елками – наркотики.

Они пили подогретое вино с сушеными фруктами, и Ингрид сказала:

– Наверное, уже пора вводить лошадь.

Как всегда, все обещали, что каждый получит только один подарок, и, как обычно, каждый купил их несколько.

У Мартина Бека не было лошади для Ингрид, зато взамен она получила бриджи для верховой езды и деньги для оплаты занятий в конном манеже на ближайшие полгода.

Сам он среди других подарков получил двухметровый вязаный шарф. Ингрид выжидательно глядела на отца. Оказалось, что в шарф завернут пакет, в котором находится пластинка. На глянцевом конверте красовалась фотография толстого мужчины в знакомом шлеме и униформе лондонского бобби. У него были пышные усы, а руки в вязаных перчатках он засунул за пояс. Он стоял перед старомодным микрофоном и, судя по выражению лица, хохотал во все горло. Помещенный на конверте текст гласил, что бобби зовут Чарльз Пенроуз, а пластинка называется «The Adventures of The Laughing Policeman³⁰».

Ингрид принесла проигрыватель и поставила его на пол возле стула Мартина Бека.

– погоди, ты сейчас просто лопнешь от смеха. – Она вынула пластинку из конверта и посмотрела на этикетку. – Первая песенка называется «Смеющийся полицейский». Ну как, нравится?

Мартин Бек плохо разбирался в музыке, но сразу же узнал эту песенку. Она была написана в двадцатых или тридцатых годах, а может, и того раньше. Он слышал ее в детстве и внезапно вспомнил один куплет:

Если тебе доведется встретить
смеющегося полицейского

³⁰ Приключения смеющегося полицейского (англ.)

и он понравится тебе,
дай ему в награду монетку.

Насколько он помнил, эту песенку пел кто-то на диалекте провинции Сконе. После каждого куплета следовал взрыв хохота, по-видимому, заразительного, потому что Инга, Рольф и Ингрид буквально покатывались со смеху.

Мартин Бек не сумел напустить на свое лицо соответствующее выражение. Он не смог даже улыбнуться. Чтобы не разочаровать дочь, он встал, и, повернувшись спиной, сделал вид, будто поправляет свечи на елке.

Когда пластинка перестала крутиться, он вернулся на свое место. Ингрид смотрела на него, вытирая слезы с глаз.

– Папочка, ты ведь совсем не смеялся, – укоризненно сказала она.

– Да нет, я считаю, что это очень смешно, – заверил он ее совершенно неубедительным тоном.

– А сейчас послушай эту песенку, – сказала Ингрид, переворачивая пластинку. – «Jolly Coppers on Parade».

– Веселые копы маршируют, – перевел Рольф.

Ингрид, очевидно, уже не один раз слушала пластинку, потому что тут же начала петь дуэтом вместе со смеющимся полисменом:

There's a tramp, tramp, tramp
At the end of the street
It's the jolly coppers walking on parade
And their uniforms are blue
And the brass is shining too

A finer lot of men were never made³¹ ...

Елка приятно пахла хвоей, свечи горели, дети пели, а Инга в новом халате то дремала, то грызла марципанового поросенка. Мартин Бек наклонился, поставил локти на колени, уперся подбородком в ладони и, глядя на конверт со смеющимся полисменом, принялся думать о Стенстрёме.

Зазвонил телефон.

В глубине души Колльберг вовсе не был доволен собой. Однако, поскольку трудно было установить, что именно он упустил, то не стоило огорчаться и портить себе рождественское настроение.

Он старательно перемешал компоненты грога, несколько раз попробовал и наконец остался доволен. Сидя за столом, он глядел на окружающую его обстановку, которая производила обманчивое впечатление идиллии. Будиль лежала под елкой и гулила. Оса Турелль сидела на полу по-турецки и играла с ребенком. Гюн бродила по квартире с беззаботным видом, босиком, одетая в нечто среднее между пижамой и спортивным костюмом.

Он положил себе порцию сушеной трески, вымоченной в молоке. С удовольствием подумал о заслуженной им сытной, обильной еде, которой сейчас начнет наслаждаться. Воткнул салфетку за воротник и расправил ее на груди. Налил себе полный бокал. Поднял его. Посмотрел на

³¹ По улице маршируют веселые полицейские в синих мундирах, Сияет медь духового оркестра. Невозможно представить себе более привлекательных парней (*англ.*).

прозрачную жидкость. И в этот момент зазвонил телефон.

Он на какое-то мгновение заколебался, потом одним глотком осушил бокал и пошел в спальню, чтобы взять трубку.

— Добрый день. Моя фамилия Фрёйд.

— Очень приятно, — сказал Колльберг в блаженной уверенности, что он не числится в списке резервных сотрудников и даже новое групповое убийство не сможет вытащить его на снег. Для таких дел выделяются соответствующие люди. Например, Гюнвальд Ларссон, которого внесли в список тех, кого следует поднимать по тревоге, и Мартин Бек, которому приходится расплачиваться за то, что он входит в состав высшего руководства.

— Я работаю в психиатрическом отделении Лонгхольменской тюрьмы, — сказал голос в трубке. — У нас здесь есть больной, которому обязательно нужно поговорить с вами. Его фамилия Биргерсон. Он утверждает, что обещал и что это очень важно...

Колльберг нахмурился.

— А сам он не может подойти к телефону?

— К сожалению, нет. Это противоречит нашим правилам. В настоящий момент он проходит...

Лицо Колльберга грустно вытянулось. Даже в рождественский вечер он не имеет права...

— Хорошо, — сказал он, — я выезжаю, — и положил трубку.

Жена, которая слышала последнюю фразу, сделала большие глаза.

— Мне нужно съездить в Лонгхольменскую тюрьму, — с унылым видом сказал он. — Ума не приложу, где можно

сейчас найти машину, которая повезла бы туда в такое время, на Рождество!

– Я отвезу тебя, – предложила Оса Турелль. – Я ничего не пила.

В дороге они не разговаривали. Надзиратель в караульной окинул Осу подозрительным взглядом.

– Это моя секретарша, – сказал Колльберг.

– Секретарша? Прошу прощения, фру, я еще раз взгляну на ваши документы.

Биргерсон не изменился. Разве что выглядел еще более робким и невзрачным, чем две недели назад.

– Ну, так что же вы хотите мне сказать? – сухо спросил Колльберг.

Биргерсон улыбнулся.

– Может, это покажется глупым, – сказал он, – но именно сегодня, сейчас, вечером, я вспомнил кое-что. Вы тогда спрашивали меня об автомобилях, о моем «моррисе». И...

– Да, и что же?

– Ну так вот, как-то раз, когда ассистент Стенстрём и я сделали перерыв во время допроса и ели, я рассказал ему одну историю. Помню, мы ели тогда яичницу с грудинкой и свеклой. Это мое любимое блюдо, поэтому, когда нам принесли рождественский ужин...

Колльберг с отвращением смотрел на Биргерсона.

– Одну историю? – повторил он.

– Вернее, случай из моей жизни. Он произошел еще тогда, когда мы жили на Рослагсгатан, я и моя...

– Да, понятно, – перебил его Колльберг. – Рассказывайте.

– Да, так вот, я и моя жена. У нас была только одна комната, и дома я всегда нервничал, не находил себе места и чувствовал себя затравленным. К тому же у меня была бессонница.

– Хм, – произнес Колльберг.

Ему было жарко, слегка кружилась голова. Кроме того, он испытывал жажду и сильный голод. Обстановка тоже действовала на него угнетающе, ему внезапно захотелось немедленно уехать домой. Биргерсон продолжал свой путаный, монотонный рассказ.

– ...поэтому я выходил по вечерам, просто так, для того, чтобы уйти из дому. Это было почти двадцать лет назад. Я часами ходил по улицам, иногда всю ночь. Никогда ни с кем не разговаривал, только бродил, чтобы обрести покой. Через некоторое время нервное напряжение спадало, обычно это происходило приблизительно через час. Однако когда я так бродил, мне все же приходилось занимать свою голову какими-нибудь мыслями, чтобы те, другие дела не мучили меня. Те, домашние, с женой и все такое прочее. Поэтому я придумывал разные вещи. Чтобы обмануть самого себя, отвлечь от собственных мыслей и огорчений.

Колльберг взглянул на часы.

– Да, понятно, – нетерпеливо сказал он. – Ну, так что же вы делали?

– Рассматривал автомобили.

– Автомобили?

– Да. Я переходил от одной стоянки к другой и рассматривал автомобили, которые там стояли. Внутри автомобилей я особенно не заглядывал, но при этом изучил все

существующие модели и марки. Спустя некоторое время я уже отлично разбирался в них. Это доставляло мне удовольствие. Я мог узнать любой автомобиль с расстояния тридцать-сорок метров, с любой стороны. Я мог делать это на спор, мог заключать пари на самую крупную ставку, даже в тысячу крон и всегда выигрывал бы. Спереди, сзади или сбоку, это не имело значения.

– Ну, а если сверху, тогда как? – спросила Оса Турелль.

Колльберг уставился на нее широко раскрытыми глазами. Биргерсон насупился.

– Нет, тут я не набил себе руку. Наверное, это получилось бы хуже.

Он задумался. Колльберг, уже смирившись, пожал плечами.

– Можно получить очень много удовольствия от такого простого занятия, – продолжил Биргерсон. – И эмоций. Иногда попадаются очень редкие автомобили, такие, как «лагонда», «ЗИМ» или «ЕМВ». Это доставляет радость.

– И все это вы рассказывали ассистенту Стенстрёму?

– Да, кроме него, я никогда никому об этом не рассказывал.

– И что же он сказал?

– Что, по его мнению, это очень интересно.

– Понятно. И вы вызвали меня сюда, чтобы сказать мне об этом? В половине двенадцатого вечера? На Рождество?

Биргерсон, казалось, обиделся.

– Вы ведь сами сказали, чтобы я сообщил, если вспомню что-нибудь...

– Да, вы правы, – устало сказал Колльберг. – Спасибо вам.

Он встал.

– Но я ведь еще не рассказал о самом главном, – пробормотал Биргерсон. – О том, что очень заинтересовало ассистента Стенстрёма. Это меня поразило, потому что вы говорили о «моррисе».

Колльберг снова сел.

– Ну, я вас слушаю.

– У меня в том моем хобби были определенные проблемы, если можно так выразиться. Очень трудно было отличить некоторые модели, особенно в темноте и с большого расстояния. Например, «москвич» и «опель-кадет» или «ДКВ» и «ИФА». – После короткой паузы он добавил: – Очень трудно. Потому что различия были весьма незначительными.

– А какое это имеет отношение к Стенстрёму и к вашему «моррису»?

– К моему «моррису» никакого. Но ассистент Стенстрём сильно заинтересовался, когда я сказал, что труднее всего различить спереди «моррис-майнор» и «рено CV-4». А вот сбоку или сзади это можно сделать запросто. Однако спереди или чуточку сбоку это действительно задача не легкая. Хотя со временем я этому тоже научился и редко ошибался. Впрочем, ошибки тоже случались.

– Секундочку, – сказал Колльберг. – Вы говорите, «моррис-майнор» и «рено CV-4»?

– Да. Я вспоминаю, что ассистент Стенстрём даже подпрыгнул на стуле, когда я сказал об этом. До этого он все время только кивал головой, и мне казалось, что он вообще не слушает меня. Но это, как я уже сказал, его страшно заинтересовало. Он даже пару раз переспрашивал меня.

– Так вы говорите, спереди?

– Да, именно об этом он меня пару раз переспрашивал. Спереди или чуточку наискосок очень трудно.

Когда они снова сидели в автомобиле, Оса Турелль спросила:

– Что это дает?

– Еще не знаю. Однако какое-то значение это имеет.

– Если говорить об убийце Оке?

– Этого я тоже не знаю. Во всяком случае теперь понятно, почему он написал в блокноте название этого автомобиля.

– Я тоже вспомнила кое-что, – сказала Оса. – То, что Оке говорил за пару недель до того, как его убили. Что как только у него будет два выходных, он поедет в Смоланд, чтобы выяснить кое-что. Кажется, он собирался в Экшё. Тебе это о чем-нибудь говорит?

– Абсолютно ни о чем.

Город почти вымер, единственными признаками жизни были две машины скорой помощи, полицейский автомобиль и несколько бесцельно слоняющихся гномов, которых объединила профессиональная усталость и которые не сумели противостоять слишком большому количеству гостеприимных домов и рюмочек. Через минуту Колльберг сказал:

– Я слышал от Гюн, что ты переезжаешь от нас после Нового года.

– Да. Я обменяла свою квартиру на квартиру поменьше на Кунгсхольмстранд. Продам все барахло, куплю новую мебель. Подыщу себе новую работу.

– Где?

– Еще не знаю. Но я подумываю о том... – Через несколько секунд она добавила: – А у вас в полиции есть вакансии?

– Наверное, – рассеянно ответил Колльберг, но тут же встряхнулся: – Ты что, серьезно подумываешь об этом?

Оса Турелль сосредоточилась на управлении автомобилем. Нахмутив брови, она вглядывалась в метель.

Когда они приехали на Паландергатан, Будиль уже спала, а Гюн, свернувшись в клубочек в кресле, читала книгу. На глазах у нее были слезы.

– Что с тобой? – спросил муж.

– Я столько сил потратила, чтобы приготовить праздничный ужин. Все уже никуда не годится.

– Ничего подобного. Только не с моим аппетитом! Поставьдохлогокота на стол, и я буду счастлив. Неси все, что есть.

– Звонил твой Мартин. Полчаса назад.

– Отлично, – беззаботным тоном сказал Колльберг. – Организуй рождественский стол, а я тем временем звякну ему.

Он снял пиджак и отправился звонить по телефону.

– Бек слушает.

– Кто это у тебя там так шумит? – подозрительно поинтересовался Колльберг.

– Смеющийся полицейский.

– Кто?

– Граммофонная пластинка.

– Да, действительно, теперь узнаю. Старый шлягер. Чарльз Пенроуз, да? По-моему, эта песенка написана еще до первой мировой войны.

Их диалог проходил на фоне взрывов хохота, и создавалось впечатление, будто они разговаривают втроем.

— Это неважно, — без тени радости сказал Мартин Бек. — Я звонил тебе, потому что Меландер позвонил мне.

— Ну и что же ему было нужно?

— Он сказал, что наконец-то вспомнил, где видел фамилию и имя: Нильс Эрик Ёранссон.

— Где?

— В деле Терезы Камарао.

Колльберг снял ботинки, немного подумал и сказал:

— В таком случае поздравь его от моего имени и передай ему, что на этот раз он ошибся. Я прочел все, что там было, все до самого последнего слова. И я не настолько туп, чтобы не заметить столь важной детали.

— Документы у тебя дома?

— Нет, они лежат в Вестберге. Но я в этом уверен так же, как и в том, что дважды два — четыре.

— Хорошо. Я верю тебе. Что ты делал в Лонгхольменской тюрьме?

— У меня имеется кое-какая информация. Она слишком путаная, чтобы ее можно было сразу оценить, однако если эта информация подтвердится...

— То что?

— А то, что ты сможешь все дело Терезы повесить на гвоздик в туалете и оставить его там навсегда. Желаю тебе весело провести праздники. — Колльберг положил трубку.

— Ты снова уходишь? — с подозрением спросила жена.

— Да, но теперь только в среду. Где у нас водка?

Меландер был не из тех людей, которые легко расстраиваются, однако утром двадцать седьмого декабря он был до такой степени разочарован и смущен, что Гюнвальд Ларссон посчитал необходимым поинтересоваться:

– Что с тобой? Не нашел миндаля в рождественской каше?

– С кашей и поисками миндаля мы покончили сразу же после свадьбы. Это было ровно двадцать два года назад. Дело совсем в другом. Я никогда не ошибался.

– Ну что ж, когда-нибудь нужно начинать, – утешил Меландера Рённ.

– Да, конечно. Но мне это непонятно.

В дверь постучал Мартин Бек, и прежде чем они ответили, он уже был в кабинете, высокий, жердеобразный, серьезный и кашляющий.

– Что тебе непонятно?

– Ну, это, с Ёранссоном. Как я мог ошибиться.

– Я только что вернулся из Вестберги, – сказал Мартин Бек. – Я узнал там нечто такое, что может улучшить твоё настроение.

– Что именно?

– В деле Терезы не хватает одной страницы. Если быть точным, страницы 1244.

В три часа дня Колльберг остановился возле автомастерской в Сёдертелье. С утра он уже успел сделать многое. И среди прочего убедился в том, что свидетели, которые шестнадцать с половиной лет назад заметили автомобиль, стоящий возле стадиона «Штадсхаген», смотрели на него

спереди или чуть-чуть наискосок. Кроме того, он дал определенное задание техникам, и теперь у него в кармане лежала затемненная и слегка подретушированная рекламная фотография автомобиля «моррис-майнор» модели пятидесятых годов. Два свидетеля из трех уже умерли, полицейский и механик. Однако настоящий знаток автомобилей, мастер из автомастерской был жив и вполне здоров. Он работал здесь, в Сёдертелье. Теперь он уже не был мастером, а занимался кое-чем получше, сидел в офисе со стеклянными стенами и разговаривал по телефону. Когда разговор закончился, Колльберг вошел без стука. Он не предъявил удостоверение и даже не представился. Только положил перед бывшим свидетелем фотографию и спросил:

– Какой это автомобиль?

– «Рено CV-4». Старый рыдван.

– Ты уверен?

– Уверен. Я никогда не ошибаюсь.

– Это абсолютно точно?

Он еще раз поглядел на фотографию.

– Да. Это «рено CV-4», старая модель.

– Спасибо, – сказал Колльберг и протянул руку за фотографией.

– погоди. Ты что, пытаешься обмануть меня? – Он снова посмотрел на фото и через пятнадцать секунд медленно сказал: – Нет. Это не «рено». Это «моррис». «Моррис-майнор», модель пятидесятого или пятьдесят первого года. К тому же с этой фотографией что-то не в порядке.

– Да, – признался Колльберг. – Она подретуширована так, словно сделана при плохом освещении в дождливую погоду, например, летней ночью.

Собеседник внимательно посмотрел на него.

– А кто вы, собственно, такой? – спросил он.

– Полицейский, – ответил Колльберг.

– Мне следовало догадаться. Здесь уже был один полицейский, осенью...

В тот же день около половины шестого Мартин Бек собрал всех сотрудников на совещание в штаб-квартире расследования. Нордин и Монссон уже вернулись, так что коллектив был почти в полном составе. Отсутствовал лишь Хаммар, который на праздники уехал из Стокгольма. Он знал, как мало событий произошло за сорок четыре дня интенсивного расследования и считал маловероятным, что оно внезапно оживится между Рождеством и Новым годом, когда и преследователи, и преследуемые по большей части сидят дома, икают от обжорства и ломают себе голову над тем, что сделать, чтобы денег хватило до января.

– Так значит, отсутствует страница, – довольно произнес Меландер. – И кто же ее взял?

Мартин Бек и Колльберг обменялись быстрыми взглядами.

– Кто-нибудь из вас может сказать о себе, что является специалистом по части домашних обысков? – спросил Мартин Бек.

– Я, – равнодушно ответил Монссон со своего места у окна. – Если нужно найти что-нибудь, я это разыщу.

– Хорошо, – сказал Мартин Бек. – В таком случае обыщи квартиру Оке Стенстрёма на Черховсгатан.

– Что я должен искать?

– Страницу из полицейского протокола, – объяснил

Колльберг. – Номер 1244. В тексте, по-видимому, упоминается Нильс Эрик Ёранссон.

– Завтра, – сказал Монссон. – При дневном освещении искать намного легче.

– Хорошо, – согласился Мартин Бек.

– Ключи получишь у меня завтра утром, – добавил Колльберг.

Ключи, собственно, лежали у него в кармане, но он собирался перед тем, как предоставить Монссону свободу действий, убрать из квартиры определенные следы фотографической деятельности Стенстрёма.

На следующий день в половине второго зазвонил телефон на письменном столе Мартина Бека.

– Привет, это Пер.

– Какой Пер?

– Монссон.

– А, это ты. Ну, как дела?

– Я в квартире Стенстрёма. Здесь нет той страницы.

– Ты уверен?

– Уверен ли я? – Судя по его голосу, Монссон был крайне обижен. – Конечно уверен. А откуда у вас уверенность, что это именно он взял ту страницу?

– Во всяком случае, мы так полагаем.

– Ну, если так, я еще где-нибудь поищу.

Мартин Бек помассировал лоб.

– Что ты имеешь в виду под словами «где-нибудь»? – спросил он, однако Монссон уже положил трубку.

– В архиве ведь должны быть копии, – заметил Гюнвард Ларссон. – Или в прокуратуре.

– Верно, – согласился Мартин Бек.

Он нажал кнопку и переключил телефон на внутреннюю линию.

В соседнем кабинете Колльберг разговаривал с Меландером.

— Я просмотрел твой список.

— Ну и как, тебе пришло что-нибудь в голову?

— Очень многое. Я только не знаю, пригодится ли тебе все это.

— Предоставь решать это мне.

— Там есть рецидивисты. Например, Карл Андерсон, Вильгельм Росберг и Бенгт Бальберг. Все трое старые вори. Неоднократно судимы. Теперь они уже слишком стары, чтобы работать по специальности.

— Дальше.

— Юхан Гран был сутенером и наверняка продолжает им оставаться. Профессия официанта — это только прикрытия. Еще год назад сидел. А знаешь, каким образом Вальтер Эрикссон стал вдовцом?

— Нет.

— Он в пьяном безумии убил жену табуреткой. Отсидел пять лет.

— Ну и тип, черт возьми.

— Таких субъектов хватает в твоём списке. Уве Эрикссон и Бенгт Фредрикссон были осуждены за нанесение побоев, причем Фредрикссон сидел не меньше шести раз. Судя по некоторым приговорам, там были даже попытки убийства. Торговец подержанными вещами Ян Карлссон подозрительная фигура. За решетку никогда не попадал, но много раз был близок к этому. Бьёрна Форсберга я тоже помню. Когда-то на его счету была не одна махинация и его хо-

рошо знали в преступном мире во второй половине сороковых годов. Однако потом он сменил род деятельности и сделал прекрасную карьеру. Женился на богатой и стал солидным финансистом. Он лишь однажды, в сорок шестом году, был признан виновным в мошенничестве. Зато у Ханса Венстрёма длинный список прегрешений: от растраты до взлома сейфа. Кстати, что-то я не пойму, чем он занимался.

– Бывший продавец рыбного магазина, – сказал Колльберг, заглянув в свой список.

– Действительно, двадцать пять лет назад он торговал рыбой на рынке в Сундбюберге. Теперь он уже очень стар. Ингвар Бенгтсон теперь выдает себя за журналиста. Он был одним из пионеров в области подделки чеков. И кроме того, альфонсом. Бу Фростенсон третьеразрядный актер и известный наркоман.

– Неужели эта женщина никогда не спала с порядочными мужчинами? – сочувственно спросил Колльберг.

– Ну почему же? Таких тоже много в списке. Например, Руне Бенгтсон, Леннарт Линдгрэн, Курт Ольсон и Рагнер Веклунд. Их репутация безупречна.

У Колльберга в памяти еще было свежо все это дело.

– И все четверо женаты, – сказал он. – Им, наверное, дьявольски трудно было оправдаться перед своими женами.

– Нет, в этом деле полиция проявила такт. А тех молодых ребят, которым было около двадцати или того меньше, тоже не в чем упрекнуть. Их в этом списке шестеро, и только один не очень хорошо вел себя. Кеннет Карлсон, сидел два раза. В исправительной колонии.

Впрочем, это было давно, да и правонарушения не очень серьезные. Тебе что, действительно необходимо, чтобы я покопался в прошлом этих людей?

– Буду весьма благодарен тебе. Стариков можешь исключить, всех, кому за шестьдесят. Самых молодых тоже, моложе тридцати восьми.

– К первой группе относится восемь человек, ко второй – семь. Остается тринадцать. Область поиска сужается.

– Какая еще область?

– У всех этих мужчин, естественно, имеется алиби, если говорить об убийстве Терезы, – сказал Меландер.

– Несомненно. По крайней мере, если речь идет о том времени, когда труп подбросили в кусты возле стадиона «Штадсхаген».

Поиски протоколов допросов по делу Терезы, начатые сразу после праздников, растянулись вплоть до следующего года.

Только пятого января кипа покрытых пылью документов оказалась на письменном столе Мартина Бека. Даже не детективу с первого взгляда было ясно, что эти документы извлечены из самых дальних уголков архива и что прошло много лет с тех пор, как к ним прикасалась рука человека.

Мартин Бек быстро нашел страницу 1244. Текст был плотным. Колльберг наклонился через плечо Мартина Бека, и они вместе читали:

«Допрос Нильса Эрика Ёранссона, продавца, состоявшийся 7.12.1951.

Ёранссон сообщает о себе, что родился в Стокгольме

4.10.1929. Отец – электрик Альгот Эрик Ёранссон, мать – Бенита Ёранссон, в девичестве Рантанен. Допрашиваемый в настоящее время работает продавцом в фирме «Импорт», Холлендергатан, 10, Стокгольм.

Ёранссон показывает, что знал Терезу Камарао, которая вращалась иногда в тех же кругах, что и он, однако не в месяцы, непосредственно предшествующие ее смерти. Далее он показывает, что дважды вступил в интимную связь (половое сношение) с Терезой Камарао. В первый раз в квартире на Свартмангатан, где присутствовало много других людей. Во второй раз связь имела место в заведении, известном как «пивной погребок», на Холлендергатан. При этом присутствовал Свенсон-Раск, который также вступил в связь (совершил половой акт) с Т. Камарао. Ёранссон утверждает, что точной даты не помнит, однако эти события имели место (второе произошло спустя несколько дней после первого) в конце ноября или в начале декабря прошлого, т.е. 1950 года. Ёранссон утверждает, что ему больше ничего не известно о Т. Камарао.

Со 2 по 13 июня текущего года Ёранссон находился в Экшё, куда отправился на автомобиле с регистрационным номером А 6310 и вернулся оттуда после того, как продал там партию одежды по поручению фирмы, в которой он работал. Ёранссон является владельцем автомобиля марки «моррис-майнор», модель 1949 года, регистрационный номер А 6310.

Протокол допроса прочел, записано верно.

Допрашиваемый

(Подпись)

Следует дополнить, что вышеупомянутый Карл Оке

Биргер Свенсон-Раск является тем человеком, который первым проинформировал полицию, что Ёранссон находился в интимных сношениях с Т. Камарао. Информация о пребывании Ёранссона в Экшё подтверждается персоналом городской гостиницы. Бармен вышеупомянутой гостиницы Сверкер Юхансон, специально допрошенный с целью проверки показаний Ёранссона, утверждает, что тот весь вечер 10 июня просидел в гостиничном ресторане вплоть до закрытия, т.е. до 23.30. Ёранссон был пьян. Показаниям Сверкера Юхансона можно верить, тем более, что они подтверждаются записями в гостиничном счете Ёранссона».

— Что ж, — сказал Колльберг. — Дело ясное. Пока.

— Что ты собираешься делать?

— То, что Стенстрём сделать не успел. Поехать в Экшё.

— Кубики начинают укладываться в единое целое, — сказал Мартин Бек.

— Да. А куда подевался Монссон?

— Наверное, торчит в Халстахаммаре и разыскивает ту страницу у матери Стенстрёма.

— Он легко не сдается. Жаль, что его нет. Я хотел взять его автомобиль. В моем какая-то неисправность.

Колльберг приехал в Экшё утром восемнадцатого января. Он ехал всю ночь — триста тридцать пять километров — сквозь метель, по гололедице, однако не чувствовал себя уставшим. Городская гостиница находилась возле рынка и располагалась в красивом старинном здании, которое великолепно вписывалось в этот идиллический городок,

словно вырезанный из цветной рождественской открытки. Бармена, которого звали Сверкер Юхансон, уже не было в живых, однако копия счета, оплаченного Нильсом Эриком Ёранссоном, сохранилась. Правда, понадобилось несколько часов, чтобы разыскать ее в покрытой пылью коробке на чердаке.

Счет подтверждал сведения о том, что Ёранссон проживал в гостинице одиннадцать дней. Питался он в гостиничном ресторане и ежедневно подписывал чеки за еду и напитки; эти суммы приплюсовывали к его счету. В счете имелись и другие записи, например, за телефонные переговоры, однако номер, по которому звонил Ёранссон, не был записан. Впрочем не это, а кое-что другое сразу же привлекло к себе внимание Колльберга.

Шестого июня тысяча девятьсот пятьдесят первого года гостиница внесла в счет гостя пятьдесят две кроны и двадцать пять эре, уплаченные ею одной автомастерской. Оплата за буксировку и ремонт.

— Эта автомастерская еще существует? — спросил Колльберг владельца гостиницы.

— Конечно, причем за двадцать пять лет владелец там не сменился. Вам нужно пойти в направлении Лонганес и...

Человек, который в течение двадцати пяти лет был владельцем мастерской, недоверчиво глядел на Колльберга.

— Шестнадцать с половиной лет назад? Черт возьми, как я могу такое помнить?

— А журналы учета вы ведете?

— В этом деле у меня все в полном порядке, можете не сомневаться.

Полчаса он искал старую тетрадь. Потом не захотел выпускать ее из рук. Сам осторожно перелистывал страницы, пока не добрался до нужного дня.

– Шестое нюня, – сказал он. – Вот, пожалуйста. Буксировка от гостиницы. У него сел аккумулятор. Все это развлечение обошлось ему в пятьдесят две кроны и двадцать пять эре, включая буксировку.

Колльберг ждал.

– Буксировка, – буркнул владелец автомастерской. – Какая глупость. Почему он не вынул аккумулятор и сам не привез его сюда?

– У вас имеются какие-нибудь данные об автомобиле?

– Да. Погодите... секундочку... ага, вот. Кто-то провел испачканным маслом пальцем по записанному здесь номеру. Но в любом случае это был автомобиль со стокгольмским номером.

– А вы не знаете, какой марки?

– Конечно. Это был «форд-ведетта».

– А не «моррис-майнор»?

– Если тут написано «форд-ведетта», могу дать голову на отсечение, что так оно и было, – сказал владелец мастерской. – «Моррис-майнор»? Да ведь между ними колоссальное различие.

Колльберг забрал с собой журнал. Это стоило ему полчаса угроз и уговоров. Когда он наконец выходил, одержав победу, владелец автомастерской сказал:

– Теперь во всяком случае понятно, почему он выбросил деньги на совершенно ненужную буксировку.

– Почему же?

– Стокгольмец.

Уже стемнело, когда Колльберг вернулся в гостиницу. Он продрог, устал и проголодался, поэтому вместо того, чтобы сесть за руль и уехать, снял номер в гостинице. Первым делом он принял душ и заказал ужин. Ожидая, пока приготовят еду, он дважды звонил по телефону. Первый разговор у него был с Меландером.

— Не мог бы ты проверить, кто из моего списка имел автомобили в июне пятьдесят первого года? И какой марки.

— Конечно. Завтра утром.

— И какого цвета был «моррис» Ёранссона.

— Хорошо.

Потом он позвонил Мартину Беку.

— Ёранссон приехал сюда не на своем «моррисе». У него был другой автомобиль.

— Значит, Стенстрём был прав.

— Ты не мог бы распорядиться, чтобы выяснили, кто был владельцем той фирмы на Холлендергатан, где работал Ёранссон, и чем она занималась?

— Хорошо.

— Завтра около полудня я буду в Стокгольме.

Он спустился вниз и принялся за еду. Внезапно он вспомнил, что однажды уже был в этой гостинице. Он проживал здесь ровно шестнадцать лет назад. В то время он уже служил в полиции и заминался убийством в такси. Его расследовали в течение трех или четырех дней. Если бы тогда он знал то, что ему известно сейчас, то наверняка смог бы раскрыть загадочное убийство Терезы в течение десяти минут.

Рённ думал об Ольсоне и счете, обнаруженном в кар-

мане рубашки Ёранссона. Во вторник днем ему кое-что пришло в голову, его начала мучить какая-то смутная мысль, и он пошел к Гюнвальду Ларссону. Несмотря на сдержанные отношения на службе, Рённ и Гюнвальд Ларссон были друзьями, о чем мало кто знал. Они вместе провели рождественский вечер и новогоднюю ночь. Известие об этом невероятно удивило бы большинство их коллег.

– Я думаю об этом листочке с буквами Б. Ф., – сказал Рённ. – В списке, составленном Меландером и Колльбергом, имеются три человека с такими инициалами. Бу Фростенсон, Бенгт Фредриксон и Бьёрн Форсберг.

– Ну?

– Можно было бы незаметно понаблюдать за ними, посмотреть, не похож ли кто-нибудь из них на Ольсона.

– А ты знаешь, где их нужно искать?

– Меландер, наверное, знает.

Меландер знал. Ему понадобилось двадцать минут, чтобы добыть информацию, что Форсберг находится дома, а после обеда придет в свой офис в центре. Обедать он должен был с одним из клиентов в двенадцать часов в «Амбассадоре». Фростенсон был на киностудии, он играл небольшую роль в фильме Арне Матссона.

– А Фредриксон пьет пиво в «Десятке». Его там всегда можно найти.

– Я поеду с вами, – довольно неожиданно заявил Мартин Бек. – Возьмем автомобиль Монссона. Ему я дал один из служебных автомобилей.

Бенгт Фредриксон, художник и забияка, действительно сидел в пивной в Старом городе. Он был очень толстый, с

буйной запущенной рыжей бородой и взъерошенными седыми волосами. Он уже был пьян.

Директор фильма провел их по длинным узким коридорам в угол большого киноателье в Сольне.

– Фростенсон будет сниматься через пять минут. Это его единственный эпизод во всем фильме.

Они встали на безопасном удалении, однако сюда тоже доставал резкий яркий свет прожекторов. Они видели декорации, позади которых на полу змеились перепутанные электрические кабели. Декорации изображали, судя по всему, магазин.

– Внимание! – крикнул режиссер. – Тишина. Камера. Мотор!

Человек в высоком колпаке пекаря и белом фартуке вошел в поток света и сказал:

– Слушаю вас. Чем могу служить?

– Стоп! – зарычал режиссер.

Фростенсону пришлось пять раз повторять одну и ту же фразу. Это был худой лысый мужчина, он заикался, уголки рта и веки у него нервно подергивались.

Спустя полчаса Гюнвальд Ларссон притормозил в двадцати пяти метрах от калитки виллы Бьёрна Форсберга в Стоксунде. Мартин Бек и Рённо скорчились на заднем сиденье. В открытую дверь гаража был виден большой черный «мерседес».

– Ему уже пора выезжать, если он не хочет опоздать на обед.

Они ждали минут пятнадцать. Наконец дверь виллы открылась и на крыльцо вышел мужчина в сопровождении привлекательной блондинки, пса и девочки лет семи.

Женщину он поцеловал в щеку, девочку обнял и приподнял. Потом широким быстрым шагом направился к гаражу, сел в машину и выехал из гаража. Девочка посылала ему воздушные поцелуи, что-то кричала и смеялась.

Бьёрн Форсберг был высокий и стройный. Его неописуемо красивое лицо с крупными чертами и открытым взглядом походило на те, которые изображают на иллюстрациях к романам, публикуемых еженедельниками. Он был загорелый, двигался ловко и пружинисто. Форсберг выглядел очень молодо, с непокрытой головой, волнистыми, зачесанными назад волосами, в светло-сером плаще. Ему никак нельзя было дать его сорок восемь лет.

— Как Ольсон, — сказал Ренн. — Особенно фигура и одежда, этот светлый плащ.

— С той разницей, — произнес Гюнвальд Ларссон, — что Ольсон на свое барахло потратил три сотни три года назад на дешевой распродаже, а этот уплатил за свой плащик эдак тысяч пять. Однако такие, как Шверин, разницы не замечают.

— Честно говоря, я тоже, — признался Ренн.

— А я замечаю, — заявил Гюнвальд Ларссон. — Есть еще на свете люди, которые знают толк в хорошей одежде. Если бы не это, можно было бы построить бордели на всей Савил-Роу³².

— Где? — изумленно спросил Ренн.

Колльберг совершенно выбился из расписания. Отчасти потому, что проспал, отчасти оттого, что погода была от-

³² Улица в Лондоне, где расположены ателье дорогих мужских портных.

вратительная как никогда. До половины второго он смог доехать до мотеля на окраине Линчёпинга. Он выпил кофе, съел пирожное и позвонил в Стокгольм.

— Ну как, ты выяснил?

— Только у девяти из них были автомобили летом пятьдесят первого года, — сказал Меландер. — У Ингвара Бенгтсона был новый «фольксваген», у Руне Бенгтсона — «паккард», модель сорок девятого года, у Кента Карлсона — «ДКВ» тридцать восьмого года выпуска, у Уве Эриксона — старый «опель-капитан» довоенной модели, у Бьёрна Форсберга — «форд-ведетта», модель сорок девятого года выпуска...

— Стоп. А еще у кого-нибудь из них был такой же автомобиль?

— «Форд-ведетта?» Нет.

— Ладно, пока что достаточно.

— «Моррис» Ёранссона первоначально был окрашен в серый цвет. Естественно, он легко мог перекрасить автомобиль.

— Хорошо. Пожалуйста, переключи телефон на Мартина.

— Еще одна деталь. Летом пятьдесят первого года Ёранссон сдал свой автомобиль в металлолом. Его автомобиль вычеркнут из реестра пятнадцатого августа, через неделю после допроса Ёранссона.

Кольберг бросил в телефон-автомат очередную монетку и, пока на линии раздавался треск, с нетерпением думал о двухстах сорока километрах, которые ему еще предстоит преодолеть. При такой погоде на это понадобится несколько часов. Он пожалел, что не отправил вчера по почте регистрационную книгу автомастерской.

– Комиссар Бек слушает.

– Привет. Так чем же занималась та фирма?

– По-моему, продавала краденые вещи. Впрочем, доказать это не удалось. У них было несколько продавцов, которые выезжали в провинцию и сбывали одежду и другие вещи.

– Кто был владельцем?

– Бьёрн Форсберг.

Колльберг немного подумал и сказал:

– Поручи Меландеру заняться только Форсбергом. И попроси Хелма, чтобы он или кто-нибудь из его сотрудников задержался в лаборатории до моего приезда. У меня есть предмет, который нужно отдать на экспертизу.

Около пяти Колльберга все еще не было. Меландер постучал в дверь кабинета Мартина Бека и вошел с трубкой в одной руке и несколькими листами бумаги в другой. Он сразу начал говорить:

– Бьёрн Форсберг женился семнадцатого июня пятьдесят первого года на некой Эльзе Беатрисе Хокансон, единственной дочери директора Магнуса Хокансона, владельца фирмы строительных материалов. Хокансона считали очень богатым человеком. Форсберг немедленно ликвидировал свою фирму на Холлендергатан и прекратил заниматься подозрительными делишками. Он начал упорно трудиться, изучил торговлю и экономику и стал ловким предпринимателем. Когда девять лет назад Хокансон умер, дочери достались в наследство его состояние и фирма, однако, уже начиная с середины пятидесятых годов, Форсберг исполнял обязанности директора. Виллу в Стоксунде

он купил в пятьдесят девятом году. Она обошлась ему примерно в пятьсот тысяч.

Мартин Бек высморкался.

– Сколько времени он был знаком с той девушкой до того, как женился на ней?

– Насколько известно, они познакомились в Оре в марте пятьдесят первого года. Форсберг увлекался горными лыжами. Впрочем, он и сейчас увлекается ими. Его жена тоже. Это была так называемая любовь с первого взгляда. Они начали встречаться. Он бывал в доме ее родителей. Тогда ему было тридцать два года, а Эльзе Хокансон – двадцать пять. – Меландер перетасовал свои бумажки. – Их брак считают счастливым. У них трое детей. Два мальчика, тринадцати и двенадцати лет, и семилетняя девочка. Автомобиль «форд-ведетта» он продал вскоре после свадьбы и купил «линкольн». Потом у него было множество других автомобилей.

Меландер закурил трубку.

– Это все, что тебе удалось установить?

– Нет, есть кое-что еще. Как мне кажется, очень важное. Бьёрн Форсберг участвовал как доброволец в зимней финской войне в тысяча девятьсот сороковом году. Тогда ему был двадцать один год, на фронт он уехал сразу после прохождения здесь военной службы. Он родом из хорошей семьи и вначале подавал большие надежды, однако после войны пошел по дурной дорожке.

– Да, наверное, это он.

– Похоже на то, – сказал Меландер.

– Кто у нас сейчас на месте?

– Гюнвальд, Рённо, Нордин и Эк. Проверить его алиби?

– Да.

Колльберг добрался до Стокгольма только после семи. Он поехал прямо в лабораторию и оставил там регистрационную книгу автомастерской.

— У нас есть определенные часы работы, — с кислым видом заметил Хелм. — Наш рабочий день заканчивается в пять часов.

— Очень любезно с твоей стороны, что ты...

— Ладно, ладно. Я скоро позвоню. Тебе нужно узнать только номер?

— Да. Я буду на Кунгсхольмсгатан.

Колльберг и Мартин Бек едва начали разговор, как зазвонил телефон.

— А, шесть, семь, ноль, восемь, — лаконично сказал Хелм.

— Прекрасно.

— Легкое задание. Ты и сам мог бы его прочесть.

Колльберг положил трубку. Мартин Бек вопросительно посмотрел на него.

— Да. Ёранссон приехал в Экшё на автомобиле Форсберга. Это установлено. Как выглядит алиби Форсберга?

— Плохо. В июне пятьдесят первого года у него была маленькая квартира на Холлендергатан в том же доме, где располагалась его подозрительная фирма. На допросе он сказал, что десятого вечером находился в Нортелье. У него была назначена там встреча с кем-то в семь часов. Потом, по его словам, он последним поездом вернулся домой. В Стокгольм приехал в половине двенадцатого. Свой автомобиль он одолжил одному из продавцов, который в своих показаниях подтвердил это.

– Однако Форсберг постарался не упоминать о том, что обменялся автомобилями с Ёранссоном.

– Да, – сказал Мартин Бек. – У него был «моррис», принадлежащий Ёранссону. А это придает делу совершенно иной оборот. На автомобиле он без труда мог вернуться в Стокгольм в течение одного часа. Автомобили обычно стояли во дворе на Холлендергатан; находятся они там или нет, проверить было трудно. Однако мы выяснили, что там был холодильник. В нем находились меха, которые официально отдавали на хранение на время летнего сезона, на самом же деле, вероятнее всего, краденые. Как ты думаешь, зачем они обменялись автомобилями?

– Объяснение кажется мне очень простым, – сказал Колльберг. – Ёранссон был продавцом, он брал с собой много одежды и другого товара. В «ведетте» Форсберга этого барахла могло поместиться раза в три больше, чем в его собственном «моррисе». – Он помолчал несколько секунд и добавил: – Ёранссон, наверное, только потом все понял. Вернувшись, он понял, что произошло и что автомобиль представляет для него опасность. Поэтому сразу же после допроса он сдал автомобиль в металлолом.

– А что Форсберг говорил о своих связях с Терезой? – спросил Мартин Бек.

– Говорил, что познакомился с ней в дансинге в пятидесятом году и много раз спал с ней, сколько, не помнит. Потом зимой познакомился со своей будущей женой и потерял интерес к нимфоманкам.

– Он сказал именно так?

– Да, дословно. Как ты думаешь, почему он убил ее? Для того, чтобы убрать ее, как Стенстрём написал на полях?

– Вероятно. Все говорили, что она была назойливой. Это не было эротическое убийство.

– Нет, но он хотел, чтобы так решили. А потом ему неожиданно повезло. Свидетели ошиблись в марке автомобиля. Наверняка ему стало известно об этом и он мог чувствовать себя в полной безопасности. Единственное, что его тревожило, так это Ёранссон.

– Ёранссон и Форсберг были в хороших отношениях, – сказал Мартин Бек.

– К тому же ничего не происходило до тех пор, пока Стенстрём не начал копаться в протоколах дела Терезы и не получил неожиданную информацию от Биргерсона. Стенстрём проверил, что из всех, кто проходил по этому делу, только у Ёранссона был «моррис-майнор», причем красного цвета. Стенстрём по собственной инициативе допросил множество людей и начал следить за Ёранссоном. Ёранссон все больше и больше нервничал... Кстати, известно, где он жил между восемнадцатым октября и тринадцатым ноября?

– Да. На пароходе, на озере Клара. Нордин установил это вчера утром.

Кольберг кивнул.

– Стенстрём рассчитывал на то, что рано или поздно Ёранссон приведет его к убийце, и поэтому следил за ним изо дня в день, причем делал это, вероятно, совершенно открыто. В общем-то он был прав. Хотя результат оказался для него трагическим. Если бы вместо этого он не откладывая съездил в Смоланд...

Кольберг замолчал, Мартин Бек, как обычно, когда он задумывался, тер большим и указательным пальцами основание носа.

– Да, все сходится, – сказал он, – психологически тоже. Остается девять лет до истечения срока давности убийства Терезы. Только такое серьезное преступление, как убийство, могло толкнуть нормального человека на подобную крайность, чтобы избежать разоблачения. К тому же Форсбергу пришлось бы слишком много потерять.

– Известно, что он делал вечером тринадцатого ноября?

– Да, он застрелил всех в автобусе, включая Стенстрёма и Ёранссона, потому что в той ситуации они угрожали его жизни. Однако единственное, что нам известно, так это то, что у него была возможность совершить убийство.

– Откуда это известно?

– Гюнвальду удалось увлечь служанку Форсбергов. Немку. Каждый понедельник вечером у нее выходной. Судя по календарiku, который был у нее в сумочке, ночь с тринадцатого на четырнадцатое она провела у своего парня. Из того же источника нам известно, что фру Форсберг в тот вечер находилась на дамском приеме. Это означает, что Форсберг должен был оставаться дома, потому что они никогда не оставляют детей одних.

– Где она сейчас? Та служанка?

– Здесь. Мы продержим ее до утра.

– А что ты думаешь о его психическом состоянии? – спросил Колльберг.

– Вероятнее всего, оно очень плохое. Он близок к полному отчаянию.

– Я имею в виду, достаточно ли у нас обвинительного материала, чтобы арестовать его?

– Только не за убийство в автобусе. Это был бы неверный шаг. Но мы можем задержать его по подозрению в

убийстве Терезы Камарао. У нас есть ключевой свидетель, что позволяет совершенно по-новому взглянуть на факты.

– Когда?

– Завтра утром.

– Где?

– У него в офисе. Как только он придет туда. Не стоит втягивать в это жену и детей. Особенно, если учесть, что он готов на все.

– Как?

– Как можно незаметнее. Без стрельбы и выламывания дверей.

Кольберг подумал, потом задал последний вопрос:

– Кто?

– Я и Меландер.

XXX

Блондинка, сидящая у коммутатора за мраморной стойкой, отложила в сторону пилочку для ногтей, когда Мартин Бек и Меландер вошли в приемную.

Офис Бьёрна Форсберга находился на шестом этаже на Кунгсгатан, недалеко от Стуреплан. Четвертый и пятый этажи тоже были заняты фирмой Форсберга. Часы показывали только пять минут десятого, а прибывшие знали, что директор обычно не появляется раньше половины десятого.

– Секретарша должна сейчас прийти, – сказала фрёкен. – Вы можете сесть и подождать.

В глубине комнаты вне поля зрения дежурной телефонистки вокруг столика со стеклянной столешницей стояло несколько кресел. Они повесили пальто и сели.

В приемную выходило шесть дверей без всяких табличек, одна из них была приоткрыта.

Мартин Бек встал, сначала заглянул в щель, потом исчез внутри. Меландер вынул из кармана трубку и кисет, набил трубку табаком, закурил. Мартин Бек вернулся. Они молча ждали. Иногда они слышали голос телефонистки и щелчки при переключении разговоров. Кроме этого, сюда доносился только слабый уличный шум. Мартин Бек листал прошлогодний номер журнала «Промышленность», Меландер сидел с полуприкрытыми глазами.

В десять минут десятого открылась входная дверь и вошла женщина в меховой шубе, высоких сапогах и с большой сумкой, висящей на плече.

Она кивнула телефонистке и быстрым шагом направилась к приоткрытой двери. Не замедляя шага, она бросила равнодушный взгляд на сидящих и захлопнула за собой дверь.

Еще через десять минут пришел Форсберг.

Одет он был так же как и вчера, двигался быстро и энергично. Он уже собирался повесить плащ, как вдруг заметил Бека и Меландера. На какую-то долю секунды он замер, но тут же овладел собой, повесил плащ и подошел к ним.

Мартин Бек и Меландер одновременно встали. Бьёрн Форсберг вопросительно приподнял брови, однако прежде чем он успел открыть рот, Мартин Бек протянул ему руку и представился:

— Комиссар Бек, а это ассистент Меландер. Мы хотели бы поговорить с вами.

Бьёрн Форсберг пожал им руки.

– Не вижу никаких препятствий, – сказал он. – Прошу вас, входите.

Он придержал дверь, когда они входили, и казался спокойным, даже веселым. Он кивнул секретарше и сказал:

– Добрый день, фрёкен Шёльд. Список дел на сегодня мы составим позже. Сейчас у меня должна состояться краткая беседа с этими господами.

Кабинет директора был большой, светлый, обставленный элегантной мебелью. Голубой ковер полностью закрывал пол, большой письменный стол сверкал пустой столешницей. На столике возле вращающегося кресла с обивкой из черной кожи находились два телефона, диктофон и специальный «директорский» телефон. На широком подоконнике стояли четыре фотографии в оловянных рамках. Жена и трое детей. Между окнами – портрет масляными красками, изображающий, очевидно, тестя. Бар, столик для совещаний с графином воды и подносом со стаканами, диванчик с креслами, застекленный шкафчик с книгами и фарфоровыми безделушками, в стену аккуратно вмонтирован сейф.

Все это Мартин Бек успел заметить еще до того, как за ними закрылась дверь и Бьёрн Форсберг направился к своему письменному столу.

Остановившись за столом, Форсберг оперся левой рукой на столешницу, наклонился и сунул правую руку в открытый ящик. Когда он снова выпрямился, его пальцы сжимали рукоятку пистолета.

По-прежнему опираясь одной рукой на стол, другой он засунул в рот ствол пистолета. Его губы сжали сверкающую сталь. Глядя на Мартина Бека, он нажал на спусковой крючок. Взгляд его по-прежнему оставался веселым.

Это произошло так быстро, что Мартин Бек и Меландер успели пройти только половину пути от двери до письменного стола, когда Бьёрн Форсберг рухнул на сверкающую столешницу.

Пистолет был снят с предохранителя, спусковой крючок нажат, и раздался щелчок, как при ударе бойка по капсюлю, однако пуля, которая должна была пробить нёбо и выбросить почти весь мозг Форсберга через тыльную часть черепа, не вылетела из ствола. Она осталась в гильзе. Патрон вместе с пятью остальными патронами, которые находились в обойме, лежал в кармане Мартина Бека.

Мартин Бек вынул один патрон из обоймы, повертел его в пальцах и прочел надпись на шейке гильзы: «Метал-веркен, 38». Патроны были шведские, однако пистолет американский, «смит-энд-вессон 38 спешл», произведенный в Спрингфилде, штат Массачусетс.

Бьёрн Форсберг лежал, прижавшись лицом к столешнице, его тело сотрясала крупная дрожь. Через несколько секунд он сполз на пол и начал кричать.

— Надо бы вызвать скорую помощь, — сказал Меландер.

Рённу со своим магнитофоном снова пришлось дежурить в палате Каролинской больницы. Однако на этот раз не в хирургическом отделении, а в психиатрической клинике, и компанию ему составлял не ненавистный Улльхольм, а Гюнвальд Ларссон.

Бьёрна Форсберга лечили разными методами, ему делали успокоительные уколы, и занимающийся им врач-психиатр несколько часов не покидал палату. Больной по-прежнему повторял одно и то же:

– Почему вы не дали мне умереть?

Он повторил это уже много раз и сейчас снова сказал:

– Почему вы не дали мне умереть?

– Да, действительно, почему, – пробормотал Гюнвальд Ларссон и встретился со строгим взглядом врача.

Честно говоря, они не стали бы приезжать сюда, если бы врачи не заявили, что Форсберг действительно может умереть. Врачи говорили, что больной пережил необычайно сильный шок, что у него слабое сердце и расшатанная нервная система, а для полноты диагноза отмечали, что общее состояние здоровья неплохое. Естественно, если не принимать во внимание инфаркт, который в любую минуту может оборвать ему жизнь.

Рённо размышлял над тем, что означает выражение «общее состояние».

– Почему вы не дали мне умереть? – сказал Форсберг.

– Почему вы не дали жить Терезе Камарао? – спросил Гюнвальд Ларссон.

– Потому что это невозможно было вынести. Я должен был избавиться от нее.

– Хорошо, – терпеливо сказал Рённо. – Но почему вы должны были избавиться от нее?

– У меня не было выбора. Она сломала бы всю мою жизнь...

– Ну, по-моему, она и так сломана, – заметил Гюнвальд Ларссон.

Врач снова бросил на него строгий взгляд.

– Вы ничего не понимаете, – сказал Форсберг. – Я просил, чтобы она больше никогда не приходила. Даже дал ей много денег, хотя сам испытывал затруднения. А она все равно...

– Что вы хотели сказать? – мягко спросил его Рённо.

– Преследовала меня. Когда я вернулся в тот вечер домой, она уже лежала в моей постели. Голая. Разнюхала, где лежит запасной ключ, и вошла. А моя жена... моя невеста должна была прийти через пятнадцать минут. У меня не было другого выхода...

– А потом?

– Я отнес ее в холодильник, где хранили меха.

– И вы не опасались, что ее там кто-нибудь обнаружит?

– У нас было только два ключа от того помещения. Один у Ниссе Ёранссона, другой у меня. А Ниссе только что уехал.

– Как долго вы ее держали там?

– Пять дней. Я ждал дождя.

– Да, вы любите дождливую погоду.

– Разве вы не понимаете? Она была сумасшедшая. Она могла в течение минуты сломать всю мою жизнь. Разрушить все мои планы.

Рённо кивнул. Пока что все шло гладко.

– Где вы взяли автомат? – внезапно спросил Гюнвальд Ларссон.

– Я забрал его с собой, когда возвращался с войны.

– Шведский?

– Финский. «Суоми-38».

– Где он сейчас?

– Там, где его никто не найдет.

– В море?

– Вы любили Нильса Ёранссона? – через несколько секунд спросил Рённо.

– Ниссе – порядочный парень. Я был для него как отец.

– И тем не менее вы убили его.

– Он угрожал моему существованию. Моей семье. Всему, ради чего я живу. У меня не было выхода. Но я убил его быстро и безболезненно, не мучил его так, как вы мучите меня.

– Ниссе знал, что это вы убили Терезу? – спросил Рённ. Он по-прежнему говорил очень спокойно, доброжелательным тоном.

– Он был неглупый и догадался. Но он был хорошим другом. Я дал ему десять тысяч и подарил новый автомобиль, когда женился. Потом мы расстались навсегда.

– Навсегда?

– Да, он никогда не подавал признаков жизни, вплоть до прошлой осени. Тогда он позвонил и сказал, что за ним кто-то следит днем и ночью. Он перепугался, денег у него не было. Деньги он получил. Я пытался уговорить его уехать за границу.

– И вам это не удалось?

– Нет. Он был на грани нервного срыва. Смертельно испуган. Боялся, что этим навлечет на себя подозрение.

– И поэтому вы убили его?

– Я вынужден был это сделать. У меня не было выбора. Он разрушил бы мою жизнь Будущее моих детей. Мою фирму. Все. Он не хотел этого, но он был слабый, беспомощный, пугливый. Я знал, что рано или поздно он придет ко мне за помощью. И тем самым погубит меня. Либо его схватит полиция и заставит говорить. Он был наркоманом, слабым и ненадежным человеком. Полиция пытала бы его до тех пор, пока он не рассказал бы все.

– Полиция не имеет привычки пытаться кого-либо, – сказал Рённ.

Форсберг впервые повернул голову в его сторону. Руки и ноги у него были связаны. Глядя на Рённа, он сказал:

– А как вы называете это?

Рённ опустил глаза.

– Где вы сели в автобус? – спросил Гюнвальд Ларссон.

– На Кларабергсгатан, возле универмага.

– А на чем вы туда добрались?

– На автомобиле. Я поставил его перед своим офисом.

У меня там зарезервировано место на автостоянке.

– Откуда вы знали, в каком автобусе будет ехать Ёранссон?

– Он звонил, мы условились.

– Другими словами, вы условились, как ему следует поступить, чтобы его убили.

– Неужели вы не понимаете, что у меня не было выбора. Кроме того, я сделал это гуманно, так, что он не догадывался об этом и ничего не почувствовал.

– Гуманно? А при чем здесь это!

– Неужели даже теперь вы не можете оставить меня в покое?

– Еще нет. Сначала объясните нам, как было дело с автобусом.

– Хорошо. Но потом вы уйдете?

Рённ посмотрел на Гюнвальда Ларссона и сказал:

– Да. Потом мы уйдем.

– В понедельник утром Ниссе позвонил мне в офис. Он был в отчаянии, говорил, что тот человек повсюду ходит за ним. Я понял, что он долго не выдержит. Мне было известно, что в тот вечер и моя жена, и служанка уйдут. Погода благоприятствовала мне. Дети ложатся спать рано...

– Что же дальше?

– Я сказал Ниссе, что хочу взглянуть на того, кто ходит за ним. Чтобы он выманил того человека в Юргорден, сел там в двухэтажный автобус, который отправляется в десять часов, и ехал до конечной остановки. Без четверти десять он должен был позвонить мне в офис. Я выехал из дому после девяти, поставил автомобиль, пошел в офис и сидел там не зажигая света, потом спустился вниз и подождал автобус.

– А место вы изучили заранее?

– Я поехал туда раньше, днем. Место было хорошее, я полагал, что поблизости никого не окажется, в особенности, если дождь не прекратился. Я рассчитывал на то, что до конечной остановки будут ехать лишь считанные пассажиры. Лучше всего было бы, если бы в автобусе остались только Ниссе, тот, кто следил за ним, водитель и, возможно, еще один-два человека.

– Один-два человека, – повторил Гюнвальд Ларссон. – Кто именно?

– Все равно кто. Чтобы сбить с толку полицию.

Рённ посмотрел на Гюнвальда Ларссона и кивнул. Потом обратился к лежащему в кровати:

– Что вы чувствовали?

– Решение принять всегда трудно. Но я такой, что если на что-то решился, то обязательно доведу это до конца, даже если... – Он осекся и через несколько секунд сказал: – Вы обещали уйти отсюда.

– Мы такие, что обещаем одно, а делаем совсем другое, – заявил Гюнвальд Ларссон.

Форсберг с горечью посмотрел на него.

– Вы только мучите и обманываете меня.

– В этой палате хватает тех, кто обманывает, – сказал Гюнвальд Ларссон. – Вы решили убить Ёранссона и ассистента Стенстрёма несколько недель назад. Я прав?

– Да.

– Откуда вы знали, что Стенстрём полицейский?

– Я наблюдал за ним. Так, чтобы Ниссе не заметил.

– Откуда вы знали, что он работает в одиночку?

– Его никогда никто не сменял. Я пришел к выводу, что он работает на свой собственный страх и риск, чтобы сделать карьеру.

Гюнвальд Ларссон помолчал с полминуты.

– Вы сказали Ёранссону, чтобы он не брал с собой никаких документов, – наконец произнес он.

– Да, я приказал ему это, когда он позвонил в первый раз.

– Каким образом вы научились открывать двери автобуса?

– Я наблюдал за работой водителя. Но все равно сделал это с трудом, потому что автобус был другой марки.

– Где именно вы сидели в автобусе? Внизу или наверху?

– Наверху. Вскоре я остался там один.

– А потом вы сняли автомат с предохранителя и спустились вниз.

– Да. Я спрятал его. Ниссе и тот, другой, который сидел сзади, не могли его видеть. И все же один из пассажиров вскочил с места. Нужно всегда быть готовым к таким вещам.

– А если бы автомат заело? Он ведь очень старый.

– Я знал, что он не откажет. Я знаю свое оружие и проверил его перед тем, как отвезти в офис.

– А когда вы отвезли его в офис?

– За неделю до этого.

– И вы не опасались, что там его кто-нибудь найдет?

– Никто не осмелился бы рыться в моих ящиках, к тому же они закрыты.

– А где вы держали его раньше?

– В запертом чемоданчике на чердаке. Вместе с другими военными трофеями.

– Куда вы направились после того, как застрелили всех тех людей?

– Я пошел по Норра-Сташенсгатан до авиавокзала, там взял такси, поехал в офис, забрал со стоянки свой автомобиль и вернулся домой.

– А автомат вы выбросили по дороге, – вставил Гюнвальд Ларссон. – Будьте спокойны, мы найдем его.

Форсберг не ответил.

– Что вы чувствовали, когда стреляли?

– Я защищал мою семью, мой дом, мою фирму. Вы стояли когда-нибудь с оружием в руках, зная, что через несколько секунд вам нужно будет прыгнуть в окоп, в котором полно врагов?

– Нет, – сказал Рённ. – Мне никогда не приходилось этого делать.

– Значит, вы ничего не понимаете! – крикнул Форсберг. – Вам лучше вообще помалкивать. Ну как такой идиот может понять меня!?

– Это дальше продолжаться не может, – вмешался врач. – Его необходимо увезти на процедуры.

Он нажал звонок. Вошли два санитара. Форсберга, который продолжал кричать, выкатили вместе с кроватью из палаты.

Рённо принялся укладывать магнитофон.

– Ненавижу этого негодяя, – внезапно заявил Гюнвальд Ларссон.

– Что?

– Я скажу тебе то, чего никому никогда не говорил, – объяснил Гюнвальд Ларссон. – Мне жаль почти всех, с кем я сталкиваюсь на этой службе. Они, как правило, затравлены. Жалеют, что вообще родились. Это не их вина, что они ничего не понимают и что все у них валится из рук. Такие, как этот, калечат их жизнь. Такие самолюбивые свиньи, которые думают только о своих деньгах, своих домах, своих семьях и своим так называемом положении в обществе. Они считают, что могут приказывать другим только потому, что занимают более высокое положение в обществе. Таких людей множество, однако большинство из них не совершает глупостей вроде удушения португальских шлюх. И поэтому мы никогда не сталкиваемся с ними. Мы видим только их жертвы. Здесь же мы имеем дело с исключительным случаем.

– Возможно, ты прав, – сказал Рённо.

Они вышли из палаты. В глубине коридора перед какой-то дверью стояли два высоких полицейских. Они стояли неподвижно, скрестив руки на груди.

– Кого я вижу, это вы, – пробурчал Гюнвальд Ларссон. – А ведь действительно, эта больница находится на территории Сольны.

– Значит, вы в конце концов поймали его, – сказал Квант.

– Вот именно, – добавил Кристианссон.

– Это не мы, а, главным образом, Стенстрём, это его заслуга, – возразил Гюнвальд Ларссон.

Приблизительно часом позже Мартин Бек и Колльберг пили кофе в кабинете на Кунгсхольмсгатан.

– Собственно, Стенстрём решил загадку убийства Терезы, – сказал Мартин Бек.

– Да, – согласился Колльберг. – Однако он поступил неразумно, решив работать в одиночку, и к тому же не оставив никаких документов по этому делу. Просто удивительно, но этот парень так и не стал до конца взрослым.

Зазвонил телефон. Мартин Бек поднял трубку.

– Привет. Это Монссон.

– Где ты?

– В Вестберге. Я нашел ту страницу.

– Где?

– В кабинете Стенстрёма. Под бумагой, которая покрывает столешницу письменного стола.

Мартин Бек молчал.

– А мне казалось, что вы все здесь обыскали, – укоризненно добавил Монссон. – По-моему, ты так говорил.

– Ну?

– Он сделал две пометки на этой странице. В правом верхнем углу написал: «Положить в папку «Дело Терезы»», а внизу написал имя и фамилию: Бьёрн Форсберг и поставил вопросительный знак. Вам это говорит о чем-нибудь?

Мартин Бек и на это ничего не ответил. Держа трубку в руке, он начал громко смеяться.

– Ничего себе, – сказал Колльберг. – Смеющийся полицейский. – Он порылся в кармане. – Вот тебе монетка.